Плейофф

Папугг

Плейофф by Папугг

Category: Ниндзяго: Мастера Кружитцу
Genre: AU, Алкоголь, Ангст, Драма, Изнасилование, Курение, Магический реализм, Мистика, Насилие, Нецензурная лексика, OOC, Омегаверс, Отклонения от канона, Приключения, Психология, Романтика, Смерть второстепенных персонажей, Смерть основных персонажей, Течка / Гон, Убийства, Упоминания убийств, Хуманизация, Экшн
Language: Russian
Characters: Джей Уолкер, Зейн Джульен, Кай Смит, Коул Баккет, Ллойд Монтгомери Гармадон, Мисако Монтгомери Гармадон, Морро, Надакан, Ния Смит, Пиксель Борг, Сенсей Гармадон, Скайлор Чен, Харуми
Relationships: Зейн Джульен/Пиксель Борг, Ллойд Монтгомери Гармадон/Харуми, Морро/Кай Смит, Ния Смит/Джей Уолкер/Надакан, Сенсей Гармадон/Мисако Монтгомери Гармадон, Скайлор Чен/Кай Смит
Status: Completed
Published: 2019-09-28 16:24
Updated: 2020-07-04 14:20
Packaged: 2026-03-23 23:40:41
Rating: NC-17
Chapters: 30
Words: 135,937
Publisher: ficbook.net
Summary:
Принимая реальность с огромным комом в горле, со способностями приходится расстаться, чтобы, не теряя формы и сухой жажды к приключениям, помочь полиции с запутанным делом о разгроме музея и многочисленных убийствах.
О том, как зло умеет выигрывать.

one

Сердце осторожно постукивало по груди, давая понять, насколько сладкое чувство адреналина отдалилось от Смита. Игра на троих вдруг показалась невыносимо скучной, кнопки под пальцами как будто липли, и парень готов поспорить, что скоро ладони приростут к джойстику.
Коул победно вскинул руки к Небесам и громко потянул «у-у-в», будто давая понять всему дому, кто из них чемпион и настоящий мастер.

Уолкер же, уперевшись спиной в плечо Кая, демонстративно уронил ноги на колени брюнета и с обидой прикрыл глаза.

— Это уже девятый раз, неудачники, — явно насмехаясь, Коул откинул джойстик и удовлетворённо потянулся куда-то в сторону. — Я польщён, что вы успутаете место победителя именно мне, но таких жертв это явно не стоит… или?

— С меня хватит, — подал голос красный ниндзя и, резко поднявшись, случайно скинул с себя Джея, заставив того удариться спиной об пол. Сейчас, подобно маленьким детям, они совершенно не смахивают на героев, тем более сдувшиеся около девяти раз. — Мы должны быть в полицейском участке и помогать с… да со всем, чем угодно. Разве мы так бесполезны в этом деле?

— Чего ты заводишься? Мы делаем всё, что можем. Если полиция не хочет с нами сотрудничать, это их проблемы, — Джей спокойно лежит, так и не поднявшись с пола, и лишь иногда легонько пинает Баккета в грудь носком домашних тапочек. — Скажи мне, кто может отказаться от таких сильных красавцев? Кто? Правильно, настоящие глупцы.

Шатен скучающе опустил взгляд на окно, замечая прекрасную летнюю погоду, что, словно оживлённая, показывает на парней пальцем и от души хохочет. За какую-то неделю первого летнего месяца Кай перепробовал и сделал всё, что планировал ещё с начала года, и сейчас теряется в собственных мысленных путях. Он может слетать вместе с

командой на море, но побывал там раза три, успев лишь поплескаться поближе к берегу, не заходя дальше колен. Он может с утра до ночи сидеть на свежем воздухе и наслаждаться тёплым мягким климатом, лишь изредка ерзая от приятного лёгкого ветра, но проводит так почти каждые вечера. У лета есть столько всего, что уплетай без воды, не задумываясь, а златоглазый уже утратил ко всему этому интерес.

Конечно, было намного лучше, когда герои дрались не на жизнь, а на смерть. Пускай это было не так весело, как брызгаться в друзей холодной водой, но адреналин заставлял кипеть кровь так, как огромный чайник с тремя литрами будущего ароматного чая Сенсея. Наверное, он просто привык к этому больше, чем к обычным будням горожан.

— Может, Ллойд с Зейном найдут чего интересного? — отозвался кареглазый альфа, отрывая катышки с домашних штанов мастера молнии. — Конечно, мэр не тот, кто всегда готов работать с угрозой, поделиться ею, но заняться чем-то надо.

— Полиция сейчас не лучше. На данный момент их работа только возиться с бумагами и отгонять алкашей от прохожих, — сделав самое страдальческое лицо, Смит опустился на подлокотник диванчика и принялся расстреливать часы напротив взглядом, чьи стрелки не говорили ни о чём новом.

— Надежда умирает последней, друг.

Если честно, Кай уже не разбирает, чьей именно была фраза, списывая всё на свою зависимость. Его давно не колышет, что по сравнению с другими членами команды он ведёт себя, как сбежавший озабоченный сумасшедший, перед уходом убивший своего психотерапевта. Почему-то раньше развлечения давались ему с огромным удовольствием, он не то, что был против, а только больше настаивал. Давно игнорировал слова Ву по поводу их физической формы, о том, какие огромные животы они себе приобретут, если продолжат такой скудный образ жизни.

Всё длилось до того момента, как отец, выловив Кая в их мастерской за кружкой чая, сказал самую важную и значимую фразу: «Злу всегда наплевать, где и когда именно появляться». И вроде бы они спокойно говорили о погоде, совершенно непонятным образом затрагивали политику, но мужчина, обрушив прошлое мнение сына об ответственности и будущем, сумел самым ловким образом ввести в тупик.
Примерно с того дня, ни разу не расслабляясь полностью, Смит был, как на иголках. Сердце слепо твердило ему, что опасность рядом. В шкафу, вон, прячется Лорд Гармадон, постукивая по дверце, за окном парит недавно исчезнувший Надакхан и шипит, как шелест листьев, а под кроватью, царапая дерево ногтями, с широченной улыбкой лежит Морро и поджидает, когда получится схватить кого-нибудь за ногу.

С такими мыслями даже сидя на толчке кажется, что сейчас трубу разорвёт какой-нибудь там Кракс и удушит, в очередной раз подтверждая слова Смита-старшего.

Мысли взрываются ядерной бомбой, когда звонит домашний телефон, что Мисако для всех назвала «рабочим». Даже не перекинувшись с друзьями взглядами, альфа первым подлетел к тумбе и поднял трубку, сильно прижимая к уху. Сердце ушло в отставку и начало свою карьеру барабанщика, заставляя биться в мелкой дрожи от нетерпения самого его хозяина.

— Кай Смит у провода, можем чем-то помочь? У Вас проблемы? — с явным энтузиазмом спросил Смит. Джей поднялся и на пару с Коулом с интересом стал наблюдать, как лицо мастера огня превращается во что-то слишком счастливое и довольное. Видно, как губы Кая подрагивают, потому что сознание строго запрещает издать хоть звук.

В конце концов, нужно сохранять репутацию серьёзного и собранного героя.

— Я Вас понял. Мы будем с минуты на минуту, — отложив предмет связи и убедившись, что по ту сторону его больше не слышат, Кай победно завопил и даже немного присел, резко подаваясь бедрами

вперёд и имитируя неописуемую радость.

— Я так понимаю, десятой игры не будет, — недовольно пробурчал мастер молнии и лениво поднялся, когда Кай, напротив, с самым оживлённым и энергичным видом вылетел из гостиной.
Джей и вовсе забыл, когда Кай был так счастлив. Вечно настороже, вечно усталый, напряжённый. Когда от других веяло энергией, от шатена недосыпом, волнением и усталостью несло за километр. Если сейчас, вновь переступая на сторону риска, парень вновь сможет видеть друга таким же довольным и живым, Уолкер готов бороться со злом примерно вечность.

Наверное, остальные самым честным образом с ним согласятся.

— Подожди, чувак, куда мы хоть идём? Кай! — Коул погнался следом за огненным ниндзя, по пути стаскивая домашнюю футболку, чтобы скорее напялить чёрное кимоно. Джей уверенно ступил следом, даже улыбнулся, хотя примерно понимал, нет, точно знал, что ничего хорошего из этого не выйдет.

× × ×

Со слабым желанием Гармадон сидит напротив помощника мэра и слушает его не слишком интересные политические истории. Если Зейн ныряет в эту тему с головой, даже дополняя альфу в каких-то местах, то блондин совсем не соображает, только кивает и улыбается, словно всё прекрасно понимает и совсем не строит умный вид.

Альфа разделил команду на две части, чтобы поиски чего-то стоящего прошли как можно быстрее и удачнее. Ния пошла в центр, Кай, Джей и Коул остались дожидаться звонка, а сам лидер с мастером льда, показывая самый светлый вид, выслушивают вторую главу города, когда из уст старшего слова «помощь» и «опасность» не проскользнули и частями. Парень залипает на часы над головой помощника мэра, внимательно наблюдает за стрелками и уже сам,

сливаясь со временем, мысленно и точно-верно считает секунды.
За несколько часов, что они здесь находятся, Ллойд прокручивает всю свою жизнь, каждого друга, знакомого, каждого фаната с блокнотами в дрожащих от волнения руках и даже отца, что сейчас, находясь в офисе напротив, решает какие-то важные вопросы.

Гармадон-старший больше не сенсей, ведь ещё давно отдал это звание сначала Ву, потом и собственному сыну. Альфа успешен в своём деле: он посещает курсы, чтобы хоть немного прибавить ушедшего ума после своей не слишком доброй карьеры, встречается с весьма интересными людьми, то просит советы, то прекрасно даёт их сам и поддерживает любую тему, что хотя бы мельком прозвучит рядом с ним. Он подобрал с собой и Мисако, женщина теперь имеет магазин одежды в центре и свою фирму, что тоже уже издалека пахнет точным успехом.

Ллойд хотел бы так же. Потому что сейчас не понимает в целом ничего.

— Ладно, думаю, закончим и на этом, — мужчина по-доброму улыбнулся и поднялся с кресла, словно одним взглядом поднимая и гостей.

— Правда? Так быстро, — саркастично-задумчиво проговорил лидер, легко улыбнувшись. Помощник осторожно указал ладонью в сторону двери, а после, желая провести героев самостоятельно, направился вместе с ними. Ступни прилипли к полу, по крайней мере, так показалось мастеру энергии, когда старший альфа слишком резко остановился.

— Не знаю, насколько сильно вас обижает отсутствие проблем, но стоит отдать себе должное, — казалось, чувство гордости мужчины заполняет собой весь кабинет, а то и целый офис полностью. — В Ниндзяго Сити царит мир, прекрасный город вновь такой же свободный и чистый, каким был раньше, ещё до вторжения нечистых сил.

Что правда, то правда. Убрать все желания парней, их руки, что бесконечно чешутся, вечные слова (порой даже крики) о том, что они должны работать, даже если ничего не осталось, так всех прекрасно устраивает, что город цел и в абсолютной безопасности. Да, руки горят, но только от непривычки. Парни только и делали, что бежали за целью спасти любимый город, а сейчас, наблюдая, как ему не грозит от слова ничего, просто сказать себе «хватит» не получается.

Не верится, что всё прошло, что можно жить так, как следовало бы раньше.

Под добрые пожелания и похвалу от второго главы Ниндзяго Сити парни спускаются вниз, далеко на первый этаж, а потом долго не прерывают задумчивую тишину, пока не ловят звонок. По радостному голосу Смита по ту сторону Ллойд, наверное, даже без слов понимает, что дело нашлось, и не может не радоваться. Внутри вскипает котёл эмоций, и лидирует во взрывной смеси, конечно, нетерпение.
Они забегают за угол и не без лёгких усилий ориентируется в местности, по-привычке забираясь на крышу соседнего здания. Дом под ногами словно сжимается, крыша твердеет, а любая влага высыхает почти со скоростью света с одной только целью — помочь. Руки обоих снова горят, даже у ниндроида, когда парень, по сути, вообще не должен чувствовать подобного. Тепло греет душу — даже если это ложный вызов, таких эмоций они давно уже не испытывали, и с распростёртыми объятьями встречают их, как старых добрых друзей.

× × ×

Музей стал огромной развалиной, все важные вещи, что прославили помещение среди горожан, сейчас были либо разбиты, либо испорчены так, что вовсе не узнать, либо совсем отсутствовали, оставляя после себя только золотую табличку с ярким названием. Потолки осыпались, по стенам пошли трещины. Самый популярный музей вдруг превратился в древние развалины, словно само помещение, переместившись во времени, перенесло все удары города на себе.

Тишина же не то, чтобы напрягала. Она убивала. Новый владелец музея — уже пожилой омега, с сединой и в выходном стиле одежды, — рассказывал всё быстро, словно куда-то спешил, и некоторые слова удавалось понять с огромным трудом. Возможно, дело во внезапном волнении, в шоке и ужасе, ведь в произошедшее сложно поверить даже парням.

— Как давно это случилось? — спросил мастер земли, осматривая убытки и сглатывая не пойми откуда взявшийся ком в горле. Альфа и не заметил, как спокойствие словно сняло рукой, и в груди должно возится лишь волнение. Душа и сердце кричат о чём-то нечистом, о том, что здесь прошло и правда что-то ужасное и жестокое.

По крайней мере, просто так на это бы никто не пошёл.

— Я толком не знаю… сегодня решил взять выходной, отдохнуть с супругом, поэтому оставил музей на знакомую. Как вернулся, увидел это и решил позвонить сначала полиции, — мужчина не скрывал дрожи в голосе, поэтому так же быстро продолжил, когда все трое почти одновременно кивнули. — Полиция так и не приехала.

— Вы не смогли дозвониться, или они ответили, но просто не стали приезжать? — Смит всё не мог скрыть удовольствия, что его прошлые переживания были не просто так. Пускай сейчас не самое лучшее время для того, чтобы тыкать друзей носом в свою правоту, но иногда, сталкиваясь с Джеем или Коулом взглядом, парень смотрел так, что оба с мелким ощущением проигрыша в их маленькой игре томно вздыхали и закатывали глаза. — Если верно хотя бы одно из них, нельзя упускать это из виду. Быть может, что-то случилось и в полицейском участке.

— На звонок ответили, но я слышал только тишину, — омега сглотнул и повёл героев в сторону лестницы на второй этаж, хотя сам туда, честно сказать, ещё не совался. — Я стал рассказывать, но никто ничего не ответил. Положили трубку через минуты две, когда я ещё не закончил…

— Здесь подозрительно тихо, вам не кажется? То есть, наверное, после нападения и разгрома всегда тихо? Где тогда охрана, где ваша знакомая, на которую вы положили свою обязанность следить за музеем? — начал Джей и первым ступил на лестницу.
Вверху что-то странно ломалось, издавая не слишком приятный шум. На ступени и самого мастера молнии сыпалась засохшая краска с потолка, помимо белоснежной «пыльцы» ещё и что-то капало, но, не решаясь придавать этому ещё большего значения, бета только уверенней ступал всё дальше и дальше.

Пахло неприятно. Ни один из присутствующих толком не помнил, когда в своей жизни испытывал похожее, одно единственное на всех чувство тревоги. Запах чего-то тухлого, совсем непонятного и противного залетал в ноздри, как ветер, и словно преграждал то, что нужно было больше всего, — воздух.
Повисла тишина, уже более давящая и заставляющая вообще не думать. Как бы Смит не пытался соединить все свои мысли и догадки о том, что же это может быть, всё нарочно разлеталось обратно по сторонам, и собрать всё воедино казалось уже нереальным. Под подозрением стояли все: начиная от террористов и бандитов, заканчивая землетрясением или ложным огнём.

Очередная капля приземляется на щёку шатена. Собрав её на палец, не хватает даже и секунды, чтобы оцепенеть, потому что кусок потолка и люстра падают прямо перед Уолкером, после удачного приземления словно рукой скидывая с себя труп пожилого альфы в форме охраны. Бета кричит, что есть силы, и падает назад, куда-то в руки мастера земли, с невидимым треском в груди выпуская внутрь неудержимую панику.

Свежий труп — приятный и любезный мужчина, хороший друг отца Уолкера и тот, с кем, сидя в один из вечеров прошлых дней, почти вся семья обсуждала новое место работы альфы — лучший музей города Ниндзяго Сити.

Примечания:

у меня тоже чешутся руки писать дальнейшие действия
чувачки мои, я недавно влюбилась, блин.
теперь, может, описывать чувства будет намного проще, опираясь на свой опыт

two

Тело стреляет, как шариками из игрушечного пистолета, и Смит ёжится от каждого такого выстрела.

На второй этаж подняться так и не удалось. До момента прихода Ллойда, Зейна и Нии, пришлось приводить в чувства бету, что, не переставая, смотрел прямо на лестницу с трупом. Коул остался успокаивать друга, говорил о чём угодно и что есть силы пытался вернуть предыдущее состояние мастера молнии. Конечно, на минут двадцать его мозг отключился, потому что поверить в смерть удавалось с трудом. Органы власти так и не явились, словно совершенно наплевав на то, что творится в городе, и Ллойд незамедлительно отправил в участок Нию с Зейном, на случай чего-то нехорошего.

Медленно направляясь наверх, одновременно остерегаясь, чтобы ещё какой-нибудь труп не свалился на голову, мастер огня словно не дышал. Всё давалось тяжело: от уже неуверенных шагов, до осознания того, какие же чудовища могли сделать такое. Сомнений почти не было — наверху люди тоже мертвы. Кровь словно сочится сквозь полы и потолки, окрашивает весь музей и тянется к парням, к Каю, который жмурится при каждой мысли о смерти. Если бы было желание, Смит бы помчал обратно, больше к той двери, из которой они пришли, чем к тем, что так же ужасно помяты, и за собой не держат ничего хорошего.

В один момент Кай сначала морщится, а потом, замечая наверху, почти под самым потолком, стрелу, с трудом моргает и переваривает увиденное. Потеряв связь с реальным миром, с голосом лидера, который уже громче начал звать альфу, парень более уверенно метнулся вперёд. Мастером огня не двигало ничего: ни страх, и волнение, ни интерес или внезапное желание. Буквально ничего. Он увидел стрелу, и узнал бы её из тысячи, если бы не придерживал себя у грани собственного рассудка.
Такие же стрелы забрали не мало спокойствия, тишины и свободы города, перевернули всё верх дном и заставили живой мир

соприкоснуться с мёртвым.

Если бы воспоминания не были такими яркими, такими точными и больными, всё это не имело бы значения.

На втором этаже трупов больше. Во всём помещении стоит ужасный запах, повсюду пролита чужая кровь, и Смит чувствует, как от одного вида его мутит. Помимо охраны убиты самые обычные люди — посетители. Перешагивая через обломки и неживые тела, альфа насчитал ровно одиннадцать погибших: два охранника, четыре мужчины, девушка с ребёнком, две пожилые женщины и, как подсказывала интуиция, та самая знакомая заведующего музея.
Зрачки сузились. Мир настолько озверел, пустил корни в испорченную почву, что в живых не остался даже ребёнок. Малышу с виду всего год, этот маленький комочек счастья не смог увидеть и меньшей части своей жизни… По вине кого, Кай не знал, но агрессия росла как на дрожжах.

Как только на этаж забежал Гармадон, ему удалось издать лишь полунемой «ох», прежде чем с силой прижать ладонь к губам. Тяжело до хруста костей, до нереального сжатия сердца, вплоть до нулевого масштаба. Кай понимает чувства друга; взгляд смеётся над ним, тыкает пальцем, совсем не собирается переходить на что-то другое, кроме картины напротив.

— Они убили… убили даже ребёнка, — пропищал зелёный ниндзя и, сбавляя темп сердцебиения, уже начал отходить назад.
Смит застыл, как вкопанный, и страх пробрался под кожу. Сколько он пересматривал эти ужастики, драмы, но никогда не обращал внимания на такие грустные моменты за экраном, как смерть человека. Новости не кричали о таких пугающих смертях и убийствах, ведь их город, такой неприметный и живой, хранил только свободу и спокойствие. Кай отвык. Кай не представлял, как можно вообще так сильно переживать за потерю кого-то чужого, но сейчас, пустив корни в пол, не может и двинуться.

Пока Ллойд, ещё не придя в себя, с шоком разглядывал трупов, словно

статуэтки, шатен поспешил к несчастному человечку и быстро его поднял, но так осторожно, как только мог, тут же прижимая к груди. Малыш холоднел, таял в руках, и Кая словно прошибло насквозь, заставляя почувствовать сотню мурашек на коже. Концы пальцев начали леденеть, словно покрываясь сеткой маленьких снежинок, а их острые концы с нажимом кололи, да так сильно, чтобы хорошо чувствовалось.

Младший альфа резко мотнул головой, вздохнул, прижал ладонь к груди и собирался подойти, как услышал очередной неприятный треск и остановился.

— Кай, нам стоит пока спуститься вниз, здесь… здесь до сих пор опасно. Мы вернёмся позже, здесь нельзя оставаться…

Мастер огня тяжело выдохнул, как через невидимый барьер или с дулом пистолета у виска. Не сдержавшись, он вдруг осел на пол, так и не отпуская маленького человека из рук.

— Надо… надо проверить у них всех пульс, — Ллойд услышал, как в голосе друга появилась ощутимая дрожь, словно натянутая струна, которую осторожно дёргают пальцем. — Здесь точно есть его мать. Может, есть и отец… они могут быть живы, если уйдём, то их уже будет не спасти. Ллойд, ты не видишь? Вдруг они все живы? Он не останется без родителей, Ллойд, так нельзя…

— Я понимаю, друг, но нужно бежать, — повысил голос лидер и махнул ему рукой, с опаской осматривая непрочные стены и потолки. Ллойд зажмурился; видеть мёртвого малыша в руках шатена было почти невыносимо. Током стреляло от одних мыслей, от осознания, и единственным выходом было как можно быстрее покинуть помещение. — Ты же понимаешь, видишь, в каком они состоянии. Сейчас мы сами попадём под обломки!

Одна из небольших колонн, что придерживала светильник, начала падать вниз, покрывая пол очередным слоем пыли и засохшей краски. Зелёный ниндзя затаил дыхание и рванул в сторону друга, пока альфа,

прекрасно замечая, куда летит колонна, повалился на бок и крепко прижал маленькое тело к себе. У парня выступили слёзы. В один миг он даже решил, что без малыша отсюда никуда не сунется, и, если придётся, умрёт вместе с ним. Под этой же чёртовой колонной.
Он вовремя ушёл от столкновения, но левая нога осталась под тяжёлым грузом, хотя альфа, казалось, на это и не пикнул. В руках сначала холодно, потом очень тепло, и красный ниндзя с шоком и радостью одновременно почувствовал, как в его объятьях зародились крохотные движения.

Светловолосый забыл, как дышать. Мир буквально перевернулся с ног на голову, стоило Смиту пропасть из виду. В воздух поднялась пыль, как густой туман, и видеть что-либо вокруг удавалось с большим трудом. Ллойд знал. Знал больше всех, насколько Кай упёртый и резкий, насколько уверенный в себе, но сейчас все эти качества вызвали только ненависть от глубокого волнения и страха за лучшего друга. Границы иссякли, и сейчас, не веря в ужасное, Гармадон через силу начал успокаивать себя, часто-часто вздыхая.

— Ллойд, вы в порядке? — на этаж забежали Коул с заведующим, а после, чуть поодаль, показался Джей, чуть более оживлённый, но такой же до усрачки напуганный. Только троица появилась в поле зрения, и в жизни лидера вновь зародилась динамика, сжимая растянутые до этого моменты.

— Большой разгром… — послышалось от мастера молнии, и тот, только выдохнув при виде здорового друга, понял, что с количеством парней на этаже произошла системная ошибка. — Где Кай?

Ошибка верна.

Быстро опомнившись, Ллойд побежал к обломкам и принялся разглядывать пол и искать среди трупов ещё живого друга. Сердце передумало хоронить хозяина буквально за шаг до остановки, когда Смит всё-таки нашёлся, всё ещё живой и всё ещё с ребёнком. Осторожно перепрыгнув колонну, лидер приземлился рядом и начал второпях поднимать мастера огня, чувствуя, как желание свалить

отсюда возросло до миллиона.

— Нога, — болезненно шикнул парень и ударился головой об пол, быстро меняясь в лице.

— Я понял, понял, тихо… Сейчас, — альфа даже дёрнулся, взглядом поймал бегущих к нему друзей и жестом руки приказал быть осторожнее.

— Ллойд, он живой… живой, — на выдохе проговорил Смит и улыбнулся, медленно расцепляя сильную хватку, чтобы показать крохотные копошения ребёнка на его груди. — Возьми, пожалуйста… быстрее.

В глазах лидера возродилась только умершая надежда, а с плеч слетел весь душевный груз. Ведь в смерти всех присутствующих, можно сказать, виноваты и они, раз не смогли вовремя помешать кому-то так зверски уничтожить здание вечной памяти вместе с невинными людьми.

Подняв малыша на руки, лидер даже отшатнулся, пока Коул на пару с Джеем принялся вытягивать друга. Кай был прав, парни не уверены на все сто процентов, что люди вокруг действительно мертвы. Если ребёнок чудом остался в живых, благо, друг сделал правильный выбор, разгром мог оставить в живых хотя бы пару присутствующих здесь, ведь добили их после взрыва, как команда заметила, уже стрелами.
Стоять в зоне действующей опасности стало невыносимо, и зелёный ниндзя поспешил к лестнице, плотно прислоняясь к стене и осматривая дитя в руках. У малыша темно-зелёные глаза и тёмные короткие волосы, едва видимые и перепачканные пылью и чьей-то кровью.

Руку мастера огня перебросили через плечо, и мастер земли, осторожно оборачиваясь на Джея, потащил друга в сторону ступеней. Смит, конечно, отмахивался, что и сам прекрасно способен идти, но при одной попытке наступить на ногу лицо скривилось в болезненной гримасе.

— Кай был прав, стоит вытащить людей отсюда, чтобы хотя бы убедиться, в каком они положении сейчас, — вздохнул Ллойд и медленно направился вниз. — Если хоть кто-то из них в порядке, им точно нужна помощь. Ещё надо связаться с Зейном и Нией, узнать, что с полицейским участком.

— Здесь начинается какой-то пиздец, — откровенно сознался мастер молнии, и парни, даже не задумываясь, единогласно с ним согласились.

× × ×

— Первый этаж разгромлен? Совсем? — лидер, только вернувшийся домой, вовсю слушал новости от Нии, что сейчас, по её словам, находилась вместе с ниндроидом в участке, этажом выше того, что подвергся серьёзным повреждениям. — Что с персоналом?

— Рабочие, вроде бы, в порядке, но некоторые всё же получили пару царапин, — ответила мастер воды и тяжело вздохнула. — Секретаря только не нашли. Возможно, он сбежал сразу, как только это началось, а возможно… я даже не знаю, что ещё возможно. По беспорядку находить преступника придётся до пенсии, здесь нет ничего такого, что бросалось бы в глаза.

Гармадон прошёл на кухню и второпях налил воды из графина, слегка дрожащими руками обхватив стакан и присев на край стола. Горло осыпалось, наполнялось песком от жажды, хотя на данный момент не хотелось даже воды. Несмотря на успешно найденное занятие, парней посещало волнение, с каждой новостью всё чаще и сильнее.

— В музее мы нашли пару стрел. Во всей истории Ниндзяго я помню только одного стрелка, с которым нам пришлось столкнуться, — ответил альфа, разглядывая воду в стакане, но так и не решаясь её пить. Будто уже и не хочется.

Обоих собеседников накрывает молчание, смешанное с недопониманием и горячей опаской.

— Невозможно, — слегка нервозно усмехнулась Ния, слыша по ту сторону задумчиво-недоверчивое хмыканье от лидера. — Они мертвы давно, Ллойд, не заполняй голову такими глупостями. Ты же знаешь, что этого не может быть. Я бы не смогла дать объяснение.

— Я не говорю, что уверен, просто предполагаю. Стрела очень схожа с той, которая уже около года стои… стояла в музее, — быстро поправил себя блондин. — Даже если это не так, нужно проверить всё. У нас нет права на ошибку.

Ния, долго промолчав, кинула короткое «поняла», но трубку не бросила, словно ожидая чего-то ещё. Нельзя скрывать, даже у неё, бесстрашной Нии Смит, которая так долго доказывала всем свою силу, сейчас идут мурашки. Можно легко списать всё на террористов, на сумасшедших мафиози, которых, честно сказать, в городе не было ещё с его основания, и вообще есть примерно миллион отговорок, но от правды не убежишь, как не старайся. Гармадон говорит дело, им нельзя ошибаться, потому что на одной чаше весов стоит спокойствие и мир, а на другом — невинные, ни в чём не провинившиеся люди.

Девушку уже трясёт от фотографий найденных трупов в музее, что говорить о будущем, о том, что их осечка может понести за собой дальше? Только утраты, утраты, утраты, и к такому, чересчур жестокому злу, они ещё не готовы.

Больше душевно, чем физически.

— Проверьте всё ещё раз и возвращайтесь, сегодня будем решать, что с этим делать, — сказал альфа и, услышав согласие, кивнул больше самому себе и отключился, бросив более тихое «до связи».
Стоило приостановить эту бешеную динамику, прекратить бесконечное желание крови того, с кем команда, возможно, никогда не имела дело. Нужно переговорить с мэром, с полицией, усилить охрану

в городе и пересмотреть видеозаписи с камер наблюдения, находящиеся возле мест погрома. Уже через несколько часов врачи отправят отчёт по тем, кто в момент нападения находился в музее, ведь проверять дрожащими руками пульс было волнительно и неудобно.

Насколько сам Ллойд помнил, у некоторых всё-таки билось сердце, пусть тихо, медленно, почти беззвучно.

Пока Джей поехал к родителям с новостями о лучшем друге отца, чтобы пожилая пара не ожидала пометок в газетах или новостях, ведь там, не по наслышке зная, могут чего-то не договорить, а могут и приврать, Гармадон оставил с Каем в больнице и ребёнком Коула. У лидера нет особого желания куда-то выезжать, снова забивать и так забитую голову, но съездить к отцу и Ву ему было надо-принада, хотя бы для того, чтобы ослабить хватку и дождаться совета хотя бы от одного из Гармадонов. Чем дольше парни собираются с этим тянуть, тем больше будет жертв и меньше шансов на то, чтобы всё уладить.

На этот раз попался настоящий зверь.

Так и не притронувшись к воде в уже нагретом собственной ладонью стакане, альфа сунул телефон в задний карман и поплёлся к двери.

Всю дорогу, словно по пятам, за лидером следовало негодование и предчувствие чего-то плохого. Воздух вокруг поменялся, стал больше грязным, словно уменьшился в количестве, поэтому иногда пришлось глотать кислород ртом. Что в доме, что на улице, — вокруг словно гулял густой-густой туман, а деревья, которых в большом современном городе было не так много, вовсе прекратили очищать атмосферу. Глаза слезились, как от кислоты, от резкого и неприятного газа, а нос щипало, совсем неприятно и непривычно, и Ллойд, иногда прикрывая лицо ладонями, ускорил шаг. Будет огромным успехом, если он дойдёт до офиса отца до того, как его лёгкие сожмутся и засохнут, превратившись в пыль.

× × ×

Магазин «Dreamland», ночная смена.

Пристально провожая взглядом камеру, находящуюся сбоку, альфа мысленно хохочет, и одним кивком даёт своему подчинённому, в какой-то мере почти товарищу, команду. Лучник даже не целится, не осматривает магазин, тем самым предупреждая о дальнейших своих действиях. Стоит только поднять лук и зависнуть с ним под нужным углом, как стрела летит сама и пробивает экран камеры, разбивая стекло устройства, да что там, всё устройство целиком вдребезги.

Консультанты в панике столпились у одного из длинных зеркал в пол, не то чтобы не веря своим глазам. Перед глазами даже поплыло. Осознание крышесносности данной ситуации росло по миллисекундам, и страх, разминая руки, начал заползать каждому по самую глотку. Некоторые посетители, пытаясь выбежать через другие двери магазина, упали замертво у самого порога, со стрелой в затылке, так и не открыв путь к спасению.

— Я не понимаю, почему люди так веселятся, — грустно отозвался брюнет и направился в сторону одного из консультантов, одной рукой упираясь в стену и нависая сверху несчастной омеги. — Какой-то праздник? О чёрт, нет, я не верю, это же невозможно… — нарочно понизил тон парень и коротко усмехнулся, словно самому себе. — День Ушедших?

Консультант сильно вжался в стену, казалось, единственную опору, что позволяла удержаться на ногах. Не хватало сил даже кивнуть, пикнуть что-то неразборчивое, потому что страх перекрывал путь к любому выходу. Сердце грозилось выпрыгнуть из груди и, даже не оборачиваясь, унести ноги как можно скорее, только лишь от взгляда зелёных глаз, что, как самый тяжёлый груз, лёг на его хозяина. Омега коротко покосился на девушку за кассой, что, словно связавшись с коллегой силой мысли, быстро всё поняла и нажала на (благо) беззвучную кнопку под столом. Кнопка незамедлительно вызвала

владелицу магазина и полицию.

Издевательское выражение лица короля умерших поменялось, альфа помрачнел и, задержав взгляд на консультанте, оттолкнулся от стены и провел языком по внутренней стороне щеки, так же меняя взгляд на более мутный, туманный. Покосившись на большие цифровые часы в центре магазина, выше одного из зеркал, парень сунул одну руку в карман потрёпанных штанов и медленно направился к рядам с одеждой. Одним появлением в магазине парень заставил его перевернуться с ног на голову, буквально самостоятельно завизжать от страха, а людей внутри вдруг найти цену всему, что тот встретил в жизни до этого момента. Магазин заполнил сначала запах свежей крови, а потом, как резкая пощёчина по лицу, внимание других обострила внезапная мята и нотки свежести, словно в сторону лица дунул дикий, западный ветер. Конечно, запах перекрывал все другие, лишь от мужчины с уложенными в хвост волосами, круглой серёжкой, виднеющейся у правого уха и строгого, больше чёрного взгляда доносились нотки коньяка.

— Пока ваши драгоценные герои ещё не испортили наше общее празднование, я, может быть, могу оставить вас целыми, если мне и моим товарищам преподнесут подходящую одежду, — брюнет коротко зевнул и даже двинул бровями, проводя ладонью по одной из железных прутий. Он поднял одну из вешалок с белой мужской рубашкой с тёмно-красными пуговицами. — У нас очень много дел, не хотелось бы, чтобы вы совершили глупость на свою голову. Будем ли мы работать в пользу обоих сторон или разойдёмся обиженными?

По лестнице вниз послышались быстрые шаги, и на этаж спустилась взволнованная Мисако, что, только заметив гостей, затаила дыхание. Консультанты вздрогнули и только больше вжались в друг друга, когда альфа поломал вешалку в руках на две части. Вместе с неисправными плечиками на пол упала рубашка, что, может быть, до этого пришлась Сторму по вкусу.

Стоило только парню глянуть на своего товарища, как Лучник даже не прицелился — стрела попала точно в грудь кассирши, и некоторые из

коллег коротко взвизгнули.
Мисако шокировано уставилась на девушку, что замертво упала на пол. Только собравшись подбежать к любимой работнице, женщина услышала шаги, кричащие об опасности, и перевела взгляд на альфу только тогда, когда тот стоял к ней почти вплотную.

— Не нужно иметь много извилин, чтобы догадаться о скором визите полиции, — прошипел Морро, точно выходя из себя. В один момент он был на грани повышения голоса, но вдруг усмехнулся, словно до этого ничего и не было, и принял лицо угрожающего спокойствия. — Ты сама вырыла своим работникам могилу, госпожа Гармадон. Я сказал бы, что жду извинений, возможно отмены вызова или предложения, но ничего из этого вас уже не спасёт. Да и потом, разве не весело будет полиции и твоему сыну со своей смелой командой оттирать от пола трупы? Мне кажется, предложение весьма заманчивое.

— Убирайся вон… вон из города, — проговорила омега, переведя злобный взгляд на брюнета и неосознанно столкнувшись с его глазами.

— Будет интересно посмотреть, как ты меня заставишь, — хмыкнул на ухо женщине Сторм и резко отшатнулся назад, будто Мисако сейчас брызнула бы в него ядом. Он коротко указал большим пальцем на толпу консультантов сзади себя и дал подчинённым команду, что, судя по улыбкам, их вполне устраивало.

Примечания:

хотите верьте, хотите нет, я уже обожаю эту работу
теперь на всех последующих моментах с Морро можно просто включать SUGA — August D, и представлять этого самца на все 360

three

Примечания:

готовьтесь к пиздецу, дорогие

Больше всего на свете Кай не мог терпеть холодного взгляда. Даже когда парень злился, был разъярён и минут как пять уже швырял по своей комнате свои собственные вещи, взгляд у него был горящим. Золотые глаза горели, становились порталом в настоящее пекло, где приветливо машут дьяволы, а Сатана весело подмигивает, показывает, что уже ждёт. Как бы он не был зол, холод в его взгляде никогда не отражался.

Парень сразу ёжился, стоило кому-то из друзей посмотреть на него таким взглядом. По его же просьбе парни и девушка пытались держать в себе это, даже близко не подпускать свой внутренний холод к Каю, но часто просто не сдерживались. Под таким взглядом Смит дышал рвано, вот-вот готовый вжаться в какую-то поверхность, мотал головой, пытаясь привести человека напротив в чувства. По спине бежали, как умалишённые, мурашки, мир крутился, и случалось, наверное, самое жуткое, что мастер огня способен почувствовать — тот самый *холод*. Кожа покрывалась слоем льда, хотя оставалось такой же тёплой, целой, открытой. Таким же слоем, казалось, покрывалось сердце альфы, все нервные клетки до единой и вообще все органы, которые только можно вспомнить.
Признается Ния, признаются их родители — Смит не терпит холода в свой адрес. Мальчик внутри почти взрослого парня мечется с места на место, закрывает глаза, как с панической атакой, опускается на пол, заползает в угол, молит прекратить.

Огонь не терпит холод.

Ведь чаще всего холод *сильнее* тепла.

Смит бы не объяснил, почему так, если бы спросили. Ответит любой

из его друзей, потому что знают, потому что понимают. Раненого человека легче спасти холодом, чем теплом. Потрёпанный жизнью не станет слушать тёплые слова поддержки, хотя нуждается в них сильнее еды и питья, не будет вестись на «разожги огонь заново, не сдавайся», скорее примет холод, потому что с ним легче проходить всё это. Злодей не станет верить, что что-либо в его жизни можно изменить, тем самым заново воспалив огонь в душе. Он примет мороз, примет холод, как старого друга, а тот его поддержит, поведёт дальше, и плевали оба на «если». Люди цепляют ледяные маски, каменные, стеклянные глаза, не подпускают тепло, потому что больше в него *не верят*.

Смит — герой, он может постоять за себя, может убедить кого угодно, поэтому на своей проблеме не зацикливается. Если он увидит, что костёр в душе кого-либо потух, он придёт, ведь в кармане всегда зажигалка. И спасёт, превратит лёд в воду и выльет, хотя её и не терпит.

Сделает всё возможное, но в случае тех, кто принял ледяную маску давно, твёрдо решил, что она ему нужна, пришил к собственному лицу, его огонь не поможет. Скорее, он сам покроется льдом, и умрёт от переохлаждения.

Всем нужно тепло, всем нужен огонь. Даже Каю он нужен.

× × ×

Парню наложили бинты и запретили напрягать ногу минимум пару недель. Выйдя из больницы не слишком счастливым, он всё равно был рад, что его старания были не напрасными. То милое дитя, словно ангел, посланный на землю Богами, осталось живым, целым, и это пока единственная мысль, что вызывает у Смита улыбку.

Оказывается, мать этого ребёнка, молодая омега, осталась жива, но с серьёзными ранениями и минимумом шансов на то, чтобы проснуться. Девушку отправили под капельницу, подключили аппарат и заявили,

что мать прекрасного ребёнка в коме. В живых остался ещё один человек, мужчина лет тридцати, который сейчас точно также находится в тяжёлом состоянии. На этот раз случай настолько серьёзный, что альфа висит буквально на волоске от собственной смерти и, по словам специалистов, в любой момент может «того самого». От любой похожей мысли медленно сжимается сердце, скукоживается, превращается в сухой фрукт. Кай винит во всём этом себя, винит своё слепое желание найти приключения, найти зло, когда он даже не задумывался, чего это может стоить ему и другим. В особенности, конечно, другим, потому что на себя шатен давно наплевал.

Нога, наверное, это подтверждает.

Так, впервые за этот день Смит замечает, что что-то не так. Уже покинув здание больницы, парень собрался было вызвать дракона, как с неприятным чувством в груди понял, что не выходит. Даже вызвать малейший огонёк, как от зажигалки или спички, не получалось. Альфа долго стоял, всё пытался, напрягал мышцы, концентрировался, но после сдался, решив для себя, что сосредоточиться на вызове стихии мешает его недавняя травма. Пришлось передвигаться обычным способом, опираясь об пластиковую трость, что ему выдали при выходе, ловить такси, так, как обычно это делают самые обычные люди.
Смит поймал такси, почти всю дорогу выслушивал сначала похвалу в сторону команды, потом возмущения из-за недавнего разгрома музея, а под конец и сожаления, что герою всё-таки пришлось пострадать. Как бы водитель не боготворил мастера огня, деньги за проезд потребовал, пожелал удачи и даже сунул в руки парня свой номер, на случай, если младшему вдруг понадобится его услуги водителя.

До большого двухэтажного дома, что стал для команды родным домом, альфа дошёл сам и собирался постучать, как заметил, что дверь открыта. Стало слегка не по себе, он тихо пробрался в коридор, затаил дыхание, выползая в гостиную, и только на её пороге смог вдохнуть с облегчением.

Коул в розовом фартуке покрывал поверхность торта шоколадом, весь испачканный, как настоящая свинья. Помимо торта, на небольшом столике валялись принадлежности для выпечки, использованные миски, кусочки тёмного и светлого шоколада, полупустая пачка молока и несколько ложек, наполовину наполненные сахаром.
Рядом, держа ребёнка на коленях и катая его из стороны в сторону, сидела Скайлор, дожёвывала кусочек белого шоколада и показывала различные гримасы, кажется, пытаясь развеселить дитя на руках.

От картины стало тепло на душе. Если Кай и задумывался о будущем со Скайлор, как со своей истинной омегой, то представлял её в роли матери именно такой. Смешной, заботливой, доброй омегой, уже с фамилией мастера огня, с его меткой, его вниманием. Малыш был бы похож на маму больше, даже, наверное, любил бы её больше, чем отца, вечно плакался, просился к Скайлор, одаривал Кая злым, но безобидным взглядом.
Кай бы не обижался. Кай был бы счастлив, настолько, насколько не представит ни один отец и муж в мире.

— А жопа не слипнется? — усмехнулся шатен, привлекая к себе внимание присутствующих, и вызвал у каждого улыбку. Медленно подойдя к спинке дивана, он легонько поцеловал Чен в щёку и с интересом стал наблюдать за действиями Баккета.

— Не беспокойся, у меня точно с ней всё в порядке будет, — ответил мастер земли и, подняв своё законченное творение, добавил последний штрих в виде пары кусочков шоколада обоих цветов на верхушке торта и направился вместе с ним на кухню, чтобы спрятать в холодильник до самого вечера. — На вечер ждём гостей.

— Не понял, — Кай приподнял брови, но заметив, как ребёнок вдруг усиленно к нему потянулся, поднял его на руки и улыбнулся, прижимая к себе. — Какие гости? Не помню, чтобы мне об этом кто-то говорил.

— Ния притащит свою подругу, хочет познакомить её с Ллойдом, — альфа хохотнул. — Говорит, они подходят по гороскопу. Конечно, от

таких сомнительных фактов ничего хорошего ожидать не стоит. Хотя кто вообще пойдёт против Нии, если она уже что-то решила? Я тоже думаю, что никто.

— Она же сама понимает, что сейчас время не для знакомств, — альфа чмокнул ребёнка на руках в макушку и осторожно обошёл диван, присев вместе с рыжеволосой. — Вообще, кто там в её голове ей приказы отдаёт? Она же знает Ллойда, он в такой стрессняк впадает, когда появляются проблемы с врагами, что знакомить с кем-то будет бесполезно.

Парень и не представлял друга с кем-то. Ллойд — всегда свободный, больше заполненный делами, чем отношениями, альфа, и к такому Гармадону привыкли все в команде. Он много влюблялся, но своей дальнейшей жизни с кем-то только желал лучшего. Последней омегой, которую он заметил, к которой прильнул и даже собирался предложить официальные отношения, была давняя подруга Коула, что недавно устроилась недалеко в кафе и гоняла со Скайлор чаи, но её интерес к зелёному ниндзя быстро пропал. Девушка показывала симпатию к блондину, уверенно поддерживала с ним любые темы, а потом как будто… устала?
Как бы друзья не подбадривали лидера, тот понуро опускал голову, уходил в собственный транс и сам же для себя решил, что за отношениями гнаться не будет.

Как бы ни хотелось.

— Обидно за него. Почти у каждого из вас есть пара, а у него нет… ты не считаешься, Коул, — быстро сказала девушка, прежде чем мастер земли успел хоть как-то возмутиться. — Думаю, я согласна с Нией, пусть хотя бы попробует.

— Да и тем более, город сейчас охраняют власти, не смыкая глаз. Если этот урод снова появится, его будет очень трудно не заметить. Считай, мы на шаг впереди него, бояться нечего. Завтра уже можем забирать его из полицейского участка, — усмехнулся брюнет. — Не стоит паниковать, мы и не через такое проходили, — альфа уселся на кресло

рядом с диваном, уже было потянул к малышу руки, как тот нахмурился и уткнулся носом в плечо мастера огня, объявляя жестокий протест.

— Ещё ни разу не погибло столько людей, так что это уже серьёзнее всего того, что было раньше. Даже при нападении Они люди только каменели, но в конце концов оставались живыми. Если страдают люди, то это зверь. Зверя в клетке не удержишь.

— Увидишь, — Коул устало прикрыл глаза. — Завтра же будем говорить с ним через прутья камеры, под хорошим осмотром охраны.

— Давайте не будем об этом при ребёнке, ладно? — нахмурилась Чен и, быстро выхватив у парня ребёнка, поднялась с места. — Отдыхай, Кай. Мы погуляем по дому.

Когда омега скрылась за углом, улыбаясь загрустившему ребёнку, мастер огня решил поддаться красоте янтарных глаз и в этот раз и осторожно перекинул сначала одну ногу на вторую часть дивана, потом другую, с помощью рук. Нога ныла, с этим было сложно спорить. И даже если бы Смит согласился пойти вместе с остальными, пусть с большим трудом, нога бы с самым отвратительно-упрямым видом не позволила ему и сдвинуться с места. Может, Баккет прав со своими уверенными догадками, может, всё действительно закончится сегодня же и волноваться не обязательно, но на «крышесносную тусовку» всё равно не пойти, даже если альфа так их любит. Как молодая мать, парень останется с ребёнком и будет с ним почти ночь напролёт, так что травма, наверное, ему на руку.
Странно, но внутри сердце больно сжимается при одной мысли, что дитя, к которому он начинает привязываться (и это взаимно) можно оставить с кем-то другим. Даже сейчас, когда малыш в руках его девушки, доброй, ответственной, заботливой омеги, в голове мелькают переживания, взявшиеся из неоткуда.

На него могла повлиять и та ситуация в музее, тот резкий, но короткий стресс, когда чья-то жизнь зависела от его решения, от действия. От одной мысли, что, решив красный ниндзя согласиться с лидером и

уйти, ещё живого ребёнка и его ещё живую мать придавила бы колонна, не оставив и шанса на спасение, волосы на руках встают дыбом, а кровь вскипает, заставляет чувствовать жар, чувствовать себя в середине пекла, в котле из Ада, под присмотром одного из дьяволов, что и корит его за это решение. Толкает его голову ногой, смеётся, ухахатывается так, что чуть не валится вниз и обещает, что за это будет вариться, как пельмень, целую вечность.

Может, какой-то инстинкт будущего отца его наводит, заставляет оберегать этого ребёнка, как один единственный на планете бриллиант. Странно только, почему альфа внутри молчит. Молчит долго, уже как с самого рождения, не рычит, не царапает стены, в которых зажат. Его там будто и нет, он давным давно исчез, и решай теперь сам, живи так, словно имени «альфы», «омеги» или «беты» у тебя не было и подавно. Мысли давят на пятки, убеждают, что дальше идти не стоит, надо бы разобраться в себе, в своих странностях, паразитах в голове, не пускают к реальности, ко всем остальным. Кай молча слушает, но не слушается, идёт дальше, даже увеличивает длину шагов, а потом и переходит на бег, пробегает марафон и говорит, обещает себе никогда не оборачиваться.

Просто ему не интересно, в чём его проблема. Он привык к этому, для него это так же нормально, так же естественно и понятно, как два плюс два.

Баккет задумчиво пожал плечами и поднялся с места, оповестив, что собирается найти «прикид» для выхода. Всё-таки, парень так же холост, как Гармадон-младший, на нём ни единых мазков краски, кроме старого, почти засохшего, оставленного когда-то Нией. Он не стирает, но не хочет останавливаться на этом, так же перешагивает и уже представляет, каких омег невиданных красот он встретит, находясь в клубе, после их посиделок за тортом.

Каю он не сочувствует. Кай и не просит.

× × ×

— Да? — шатен поднял трубку и улыбнулся ребёнку, сидящему на коленях у женщины напротив.

— Ты один? — голос лидера тревожный, нервозный, он словно ходит по краю обрыва и вот-вот грозится упасть. — Скажи, что ты один, пожалуйста. Ты и ребёнок. Давай, молю тебя…

— Я с ребёнком и твоей мамой. В чём дело, что-то произошло? — альфа насторожился, зарезал на месте.

— Тебе надо уходить, Кай, ради Бога. Бери маму и сваливай оттуда, пока не поздно.

Парень смотрит в глаза напротив, в тёмно-зелёные, спокойные, такие, словно ничего и нет. Взгляд успокаивает, манит, мастер огня вообще не понимает причину такого волнения, особенно когда здесь и сейчас всё хорошо, всё на своих местах. Страшно от тона Гармадона, от его сбивчивого дыхания. Страшно до мурашек, страшно так, что толком не верится.

—… Они вернулись. Они все, *все до единого*.

four

***

Клуб заполнен людьми, от присутствия которых голова скачет, словно в такт той самой громкой музыки. Биты неприятно ударяют по слуху, вызывают головную боль и минимум удовольствия от ситуации. Запах альф, омег и бет смешивается в одну огромную тучу, что заполняет зал. Если бы парень принюхался, сосредоточился и убрал вообще все свои мысли прочь, результат остался бы тем же — вонь невероятная, и даже непонятно, приятно это, или отвратительно.

Ллойд не любит такие вечеринки, не любил раньше и, наверное, никогда не полюбит, потому что почти на самом пороге клуба его подташнивает от того, насколько же здесь всего много. Много света, настолько, что фиолетовый, красный, жёлтый, зелёный и синий смешиваются, и на похожее становится тяжко смотреть. Также много действий, настолько, что у одного человека мерещится три или четыре руки, две головы и около шести ног. Почти у входа героев замечают: альфы окидывают оценивающим взглядом, а омеги строят глазки, выпячивают во время танца бедра, грудь, задницу, смотрят пожирающим взглядом, и у Гармадона появляется срочное желание вернуться на улицу.

Помедлив немного, Коул несдержанно топчется на месте и уволакивает друга куда-то в толпу, словно топит там, как котёнка в бочке. Он всё рассказывает, как же здесь ему нравится, как он довольствуется такой атмосферой, впитывает эти взгляды и действия, как губка. Наверное, больше откровенно доёбывается, пытается убедить Ллойда в том, о чём тот долгое время даже не знал. Дойдя вместе с лидером до стойки, мастер земли движением руки подозвал ближе к себе бармена, высокого альфу, заказывая несколько коктейлей.
Парень по ту сторону стойки, что усиленно разглядывал Гармадона, только и кривил губы в ухмылке, уходя далеко в свои, видимо, не слишком приличные мысли. Ллойд симпатичный, никто бы не

поспорил. Более того, с виду, да и в общении он сладкий настолько, что многие путают его с омегой.

Парень много раз поправлял, несколько раз твёрдо доказывал, что является альфой, в остальных случаях применял силу, потому что по-другому убедить не получалось.

Коул просекает парня и почти разглядывает насквозь, а потом, не скрывая злости, притягивает бармена за шиворот и грубо проговаривает «даже не думай, друг, он не омега».

Ллойд ездит взглядом по помещению, и замечает сначала Нию в компании Джея, что медленно пробирались к толпе на танцполе, потом Скайлор, что чуть ли не на выходе отшивала какого-то альфу и, наконец, ту, из-за которой и намерен всё это терпеть. Маленькая ростом девушка со светлыми волосами, достающими до лопаток, хаотичными плавными движениями буквально вытягивала лидера к себе, хотя он, вроде, и не умеет танцевать. Идти куда-то не хочется также, как и сидеть на месте, впитывая в себя эту атмосферу. Выбора и так не осталось, да и пути назад, кажется, смыло волной первого коктейля, что мастер энергии влил в себя почти со скоростью света.

— Разомнусь, — отстранённо оповестил брюнета Гармадон, поднявшись с круглого высокого табурета и направившись прямо к девушке.

— А Ния, кажется, была права насчёт этой Бэгги, — задумчиво протянул мастер земли. Почувствовав чужое присутствие, он обернулся, и приветливо улыбнулся Зейну. — Какими судьбами в нашем неприличном заведении, джентльмен?

— Всё же остаться с Каем была плохая идея. Как бы он там ни ушибся, ребёнка не отпускает ни на шаг, — ответил ниндроид и на предложение о каком-либо напитке отмахнулся. — Сказал, что справится один, и отправил сюда «расслабиться».

— Странная, конечно, его тяга к этому ребёнку. Я раньше не замечал,

чтобы он так возился с детьми, — альфа вдруг хохотнул. — Показывает Скай пример хорошей матери, я уверен. У него там всё идеально быть должно, нам-то не знать.

— Я думаю, он просто волнуется. У него всегда с детьми были хорошие отношения, просто при нас он не так много с ними контактировал. Оказавшись я в такой ситуации, тогда, в музее, почувствовал бы такое же напряжение… И потом, лучше оставить малыша в надёжных руках того, кого мы много лет знаем, чем гоняться по этим детским домам. Семьи-то у него, кроме мамы, и не было, — от последних слов на душу легло что-то тяжёлое, что, видимо, заставило замолчать. Даже саму тему об этой трагедии упоминать тяжело, перечитав все эти статьи в газетах, а уж тем более увидев всё собственными глазами. Парень замялся, почувствовал, что странная неловкость перешла и Баккету, после осторожно поднялся. — Могу подключить к колонкам твою любимую песню, помнишь?

— Как я её в машине пьяный напевал? — громко засмеялся брюнет и поднялся следом. Сделав ещё один глоток чего-то мятного, давно забытого названием, напоследок, альфа хлопнул ниндроида по плечу и пошёл в сторону танцующей толпы людей.

× × ×

— Если ты вдруг захочешь в туалет… — говорил словно самому себе мастер огня, перебирая памперсы с одной стопки в другую. — Если ты вдруг захочешь кушать… — в упоминание для себя указал на холодильник, наполовину полный детского питания. — Если захочешь играть… — он здоровой ногой осторожно пнул одну из десятка игрушек на полу, ещё раз для себя решил, что правильно сделал, раз не стал заказывать лего. — Если захочешь… что ты ещё можешь захотеть?..

Мальчик коротко глянул на неунимающегося мастера огня с таким видом, словно ему это всё и подавно не нужно было. Он лишь

скользнул взглядом по игрушкам, но развлекаться совершенно не хотелось. Ребёнок осторожно полз всё ближе к Смиту, прижимался головой к боку, словно сейчас вот-вот кто-то ворвётся и заберёт альфу.
Шатен, легонько постукивая малыша по голове одной рукой, второй шарил в куче игрушек на полу, пытаясь найти пульт от телевизора. Рядом с ним человек, нуждающийся в скором просмотре какого-либо мультфильма, а их антена ловит около сотни каналов.

На самом деле, главной задачей Кая на этот момент было уложить Дилана (так его, оказывается, звали) спать, и остальное время своего гордого одиночества провести на этом же диване, в полной тишине и покое. Хотелось снова услышать свои мысли, вдохнуть запах маленькой свободы и подумать обо всём происходящем. Рядом с ребёнком он не разрешает себе и подумать и том, что было в музее, хотя его присутствие постоянно об этом и напоминало. Хотелось вдохнуть грудью, чтобы хоть на минуту перестать себя виновником того, чего даже, вроде как, не сделал. Даже когда он спас ребёнка, фактически подарил ему жизнь, которую вот-вот бы забрали, но при одной мысли мурашки бегут так, словно устроили восстание. Страх и волнение сыпятся на голову похлеще зимнего снега в минус двадцать, ещё немного, и парень станет ледяной статуей, не сумев отогреть себя даже собственным огнём.

Наконец, альфа нащупал пульт и потянул его к себе, поправив ворот чёрной футболки. Дома, несмотря на моральное прохладное состояние мастера огня, довольно жарко, и примерно по такой причине на Смите шорты. Парень не любит носить шорты, потому что чувствует себя неудобно и открыто, но сейчас, в этом красивом скромном одиночестве, наедине только лишь с ребёнком, можно позволить себе крохотную слабость.
Альфа молча включил первый попавшийся канал с исключительно детским контентом. Пришлось долго переключать, всё искать что-то подходящее и смотреть на малыша, как на царя, что только озлобленно мотал головой.

— Почему тебе не нравится? — растерянно спросил Кай, будто у самого себя, потому что от мальчишки рядом ждать ответа точно не

стоило.

Оббежав, словно на марафоне, около двадцати каналов, идея усыпить Дилана каким-то ничтожным мультфильмом пала в глазах красного ниндзя окончательно. Парень готов был и сам посмотреть любой из них, лишь бы маленькое рядом сидящее Величество ободобрило его выбор и вернуло надежду на скоровременный сон. А мальчишка фыркал, словно это уже не он, а взрослый тридцатилетний мужчина, и мультики остались где-то в прошлом, всё смотрел на своего няня с вызовом и только больше удивлял альфу.

Кай почти поник, если бы в один момент, случайно не переключив на канал с каким-то драматическим сериалом, ребёнок не замолк. Игнорируя удивлённый взгляд Кая, мальчик, до этого ковыряющий надпись на кубике, вдруг поднял глаза на экран и принялся молча смотреть, когда до этого на любой канал кривился и плевался. Надежда вроде бы вышла за порог, но выскочила из второго, чёрного входа, словно по щелчку подняв шатену настроение.
Парень вдохнул полной грудью и перекинул ноги на ручку дивана, после удобно усадив Дилана себе на колени. Мальчик только получше устроился, поёрзал и откинул голову назад, уложив её мастеру огня на грудь.

И в дверь позвонили.

Альфа вздохнул полные лёгкие воздуха и обречённо откинул голову назад. Вроде бы какие-то пару часов назад он погнал мастера льда в клуб, чтобы побыть, можно сказать, наедине с собой, а сейчас кто-то вновь старательно врывается в личное пространство Смита. Внутри зарождаются частицы злости и обиды одновременно, желание взвыть, как в полнолуние, возвращается обратно и даже не здоровается.

Альфа со стуком нащупал телефон и поднёс к себе, нервно разыскивая недавно установленное приложение. По словам Зейна, вроде бы, с его помощью можно управлять кое-какими функциями дома, связываться с домофоном, открывать-закрывать некоторые двери и даже включать кофеварку. До этого пользоваться такими уникальными услугами

мастеру огня не приходилось, но именно сейчас, когда лень уселась на нём вместе с ребёнком, не позволяя даже двинуться, он готов к новым открытиям в жизни.
Парень быстро щёлкнул на кнопку подключения к домофону и, заметив за дверьми знакомого человека, с помощью другой кнопки открыл входную дверь.

— Что привело Вас в наш скромный обитель? — более мягким тоном и в слегка приподнятом настроении спросил шатен, даже не оборачиваясь на вошедшую Мисако. — Разве у Вас не ночная смена сегодня?

— Действительно… я поставила на замену проверенного работника, проблем возникнуть не должно, — ответила женщина, только что разувшаяся у дверей. Уже посередине гостиной Гармадон стала рассматривать дом, хотя за всё время их проживания здесь видела его раз двадцать точно. Кай медленно оторвался от экрана; заинтересованный взгляд омеги бросался в глаза, как ядовитый оранжевый цвет, а сама женщина, натянув странную ухмылку, быстро сунула одну руку в карман.

— Всё… нормально? — спросил парень, почему-то слегка сильнее прижав к себе Дилана. — Выглядите неважно. Тяжёлый день?

— Могу сказать то же и о тебе, — ответила женщина и кивнула, указывая на забинтованную ногу альфы. Смит, вроде как, узнал в омеге их дорогую Мисако и коротко засмеялся, хлопнув по второй части дивана в знак приглашения. В остальном, продолжить просмотр не такого уж интересного сериала уже в компании старой знакомой.

× × ×

Всё раскрутилось до предела.

Мало того, что Гармадон начал медленно привыкать к музыке, к

танцам, к огромной тесной толпе, так начал яростно спорить со своей гордостью. В танце Бэгги всегда близко, какой бы не был характер музыки. Она спереди; наощупь цепляет талию альфы сзади себя. Она уже позади; слабо сжимает его плечи, всё жмётся как можно ближе, тянется, потому что парень слишком высокий. Омежка тут же сбоку; всё двигает бёдрами в такт музыке, ныряет в разные стороны, лишь бы ненароком не потерять мастера энергии и не оказаться в объятьях другого, а потом разворачивает блондина к себе лицом, устанавливая точку опоры своего взгляда только на зелёных глазах напротив.
Она улыбается искренне, но не совсем так, как обычно предпочитает Ллойд.

Пускай он больше не пьёт, чтобы случайно не унесло в отрыв, но чувствует мимолётное опьянение от одного запаха в зале. Это виноградное безумие не даёт ему лишний раз присесть, а больше скорее уйти. Летает вокруг, будто издевается и явно ехидничает, но здорово заряжает парня. От этого движения всё резче, всё горячее, настолько, что позавидует даже мастер огня, хотя с ним тягаться сложно. Гармадон это почти не контролирует.
Он думает, что это всё Бэгги, потому что до этого, дома за тортом с чаем, особо не принюхивался к ней, думает и остаётся на месте, ведь этот аромат уже где-то мелькал в его жизни.

А он его крышу без лишнего замаха сносит.

Парень обернулся; краем глаза заметил Коула с каким-то омегой. В один момент сзади оказался мужчина, уж больно знакомый лицом, но больше расплывчатый в плане личности, и мастер земли медленно начал уходить из виду. Наверное, знакомый? Альфа ищет дальше, огибает всю толпу взглядом, но замечает только Зейна. Всё вокруг странно плывёт, до этого он, кажется, никогда подобного не испытывал. Мышцы быстро, но не слишком сильно напрягаются, когда светловолосая оказывается слишком близко.

Стоя напротив, то и дело откидывая мешающиеся пряди назад, девушка моментально заставляла сердце зелёного ниндзя замирать, словно только в первый раз. Она быстро мажет по своим губам

языком, избавляясь от сухости и кривясь от привкуса собственной помады, и поддаётся вперёд, сразу обхватывая шею альфы руками.
Вокруг будто замирают люди. Ровно за миллиметр от чужих губ в голову ударяет мысль, что приятный запах не её. У Бэгги летняя сирень, такая сладкая, что начинает мутить, и Ллойд не понимает, почему замечает это именно сейчас. Её губы мягкие, она целует осторожно, но со страстью, словно медленно выпивает Гармадона в виде желанного напитка посреди жаркой пустыни. Ей так приятно, что улыбается даже сквозь поцелуй, в то время как парня накрывает волной тяжести и неизвестного жара. В голове мелькает чей-то голос.

Всё должно быть не так.

Ллойд жмурится до кругов, до разноцветных точек и всё пытается понять, где точно промазал с выбором. Пусть постепенно он привыкает к новым чувствам, даже тянет руки к чужой талии, но в голове шумит, как радио. Он понимает — дело в диссонансе, что создаёт Бэгги. Сбрасывает всё на то, что был не готов, что просто испугался, как ребёнок, и переступает через себя с надеждой избавиться от крупного, почти ощутимого отрицания со стороны сердца.

Всё доходит до того, что омега, до этого вовсю поедающая альфу, как хищник, закричала тому в губы. До этого мелькающий аромат винограда усилился до предела, когда беловолосая девушка сильно ударила толстым каблуком по колену младшей. Биты перебивали жалобные вскрики девушки, что уже лежала на полу, под ногами остальных. На длинных ресницах блеснули слёзы, а лицо сменилось гримассой боли и шока.
Гармадон удивлённо уставился на омегу, после, едва только собираясь поднять пострадавшую, перевёл глаза на виновника.

Внутри рёбра сжали сердце.

— Бэгги! — крикнула из конца зала Смит и рванула через толпу будто загипнотизированных людей, ненароком оставив Джея одного. Омега только оказалась рядом, чуть ли не расшвыряв всех на пути, как

сначала лишь на секунду оказалась на чужом плече, спине, а потом и полу, с ноющей болью в спине.
А виновен один. Точнее, одна.

— Её проблемы, раз к чужому тянется, — фыркнула Харуми и улыбнулась лежащей под её же ногами Ние, приветствуя, как давнюю подругу. Бэгги рядом болезненно взвыла, а беловолосая, быстро сменив лицо на гримасу отвращения, откатила её ногой чуть дальше, после вновь вернулась к мастеру воды. — Что за лицо, милая? Моё появление тебя не устраивает, или от скулежа своей подруги кривишься?

Ния нахмурилась, сразу после удивления чувствуя вскипающую внутри ярость, уставилась на лидера, и только тогда заметила, как альфа застолбился. Как отравленный этим ароматом, этими глазами, он не сводил глаз с Руми и всё стоял, словно кроме них двоих в помещении больше никого нет. Внутри враждовали разные чувства: радость от возвращения его почти угасшей любви, злоба за травмы Нии и Бэгги и, наконец, удивление, удушающее и где-то даже больное.
Бета быстро увидела взгляд альфы. Вновь глянув на светловолосую, то и дело хватающуюся за собственную ногу и пытающуюся подняться с помощью подошедшей охраны, она выдохнула через рот и прошла мимо мастера энергии, случайно (или нет) задев его плечом.

Один из охранников крикнул «стоять!», и только в этот момент люди всё-таки начали оборачивается. Зелёный ниндзя быстро оттаял под взглядами остальных и, не посмотрев на подруг, что были явно не в лучшем состоянии, рванул следом за бетой, от которой осталась только белая макушка у выхода из клуба. Сейчас было так много вопросов, что они нагло вытеснили другие мысли, все беспокойства о Ние и Бэгги, все громкие «я так и думал» и многое, многое другое. Всё сдуло ветром, осталась только Харуми с её запахом винограда, который альфа, дурак, не узнал сразу.

× × ×

Джей отплясывал вовсю. Держа Нию поблизости, он не смел даже краем глаза глянуть на другую омегу или, в крайнем случае, альфу, и снова и снова повторял у себя в голове, что он занят. «Занят» приятно щекочет кожу на руках и ногах, оставляет какой-то тёплый след в душе, а сам парень думает, что так всё и должно быть. Должны быть их мягкие прикосновения, должны быть их почти прямо пропорциональные взгляды и мысли, их одно дыхание на двоих, когда воздуха хватает даже под водой.

Иронично, его девушка ведь — мастер воды.

Бета наслаждается моментом, когда раскручивает омегу, а после крепко прижимает к груди, на секунду утопая в объятьях. Он думал, что бетам мало дарить тепло, они сами его ждут, но сейчас ему всего хватает. Хватает того, как в его руках Смит чувствует себя защищённой и сильной, хватает того, что она улыбается, только потому, что рядом именно он. Уолкер, тот, что шёл за своей любовью всё это время.

Темноволосая отлипает и улыбается Джею, заставляя его немного растаять. Она хватает его ладони, ведёт за собой в ту сторону, в какую захочет, а на остальных альф даже не смотрит. Конечно, ей не надо. Вокруг полно парней и девушек с красивой фигурой, с сильными руками, с широкими плечами, а девушка смотрит только в карие глаза напротив. Ния пахнет океанской свежестью; стоит прикрыть глаза, как представляешь, что уже не в душном клубе, а где-то на краю обрыва, среди прохладной синевы. У Джея голубика, и бете всё больше кажется, что они идеально подходят друг другу.

— Знаешь, Джей, — начала громко говорить Ния, чтобы хоть немного перекричать музыку. — Я хотела сказать… ну, в общем… я же могу доверять тебе?

Её голос вдруг стал серьёзным, как и лицо. Было видно, как девушка нервничает, словно за одно лишнее слово её пристрелят где-то из-за угла. Она вроде пытается улыбнуться, как-то разрядить внезапную

обстановку, но ничего не выходит. Ния оглядывается, нет ли рядом лишних ушей, прижимается к Уолкеру и шепчет уже на ухо.

— Это… по поводу Кая, — продолжила та, словно только что сдвинула с места Эверест. Девушке и правда было тяжело, с каждой произнесённой буквой она словно поднимала штангу. Конечно, Джей не совсем понимал причину, только улыбался и расслабленно двигался, но не так резко, чтобы удерживать Смит рядом. Мастер воды всегда рассказывает что-то про старшего брата, когда самого его поблизости нет, но в основном одному кудрявоволосому. По её словам, её может понять только он (после Кая), и другим она просто боится ляпнуть что-то сокровенное. Ведь даже сейчас, наблюдая за таким бесячим, но ожидаемым спокойствием со стороны беты, она косит взгляд в сторону, то передумывая, то решаясь снова.

А вообще, для откровений не слишком подходящее место.

Мастер молнии отвёл взгляд, и в глаза бросился довольно знакомый мужчина, что куда-то тащил его друга. Брюнет был зол, шокирован и растерян, а сильная хватка незнакомца пугала ещё и стоящих рядом людей.
Джей сразу нахмурился, словно солнце ушло за пасмурные тучи.

Темноволосая только открыла рот, как услышала, словно сквозь слой кирпичной стены, крик своей подруги. Мысли отошли, нет, скорее отбежали в сторону, словно по-иному бы только мешали. Девушка затаила дыхание и быстро обернулась, случайно сжав плечо Уолкера, после резко отпустив его. Заметив рядом с лидером одни белые волосы, она замерла, как перед красным на светофоре, явно не проверив своим глазам. Внутри неприятно скрутило от шока и испуга, то ли от нежданных гостей, то ли оттого, что лучшей подруги в толпе уже не было видно.

— Бэгги! — крикнула она и, оттолкнувшись от груди Джея, рванула в сторону мастера энергии.
Бета быстро потерял девушку из виду, но, недолго думая, положился на её стойкость и направился вслед за Баккетом, что только мелькнул у

коридора.

Сердце начало подбираться к горлу, когда уже у угла парень услышал сильно знакомый голос. Пристроившись у стены, он, игнорируя громкую музыку и довольные крики танцующих людей, стал прислушиваться к разговору.
Несколько слов, и он вовсе провалился куда-то сквозь пол. Стало тяжело дышать — в глотку ворвался сильно знакомый сильный запах алкоголя, то ли вина, то ли рома, такой, что заслезились глаза. Мужчина говорил неспеша, но так уверенно, так грозно, что даже ноги Джея медленно подкашивались.

Парень не верил. По крайней мере, очень не хотел верить в возвращение тех, о ком давно забыл. Он бы отдал все торты, сделанные Коулом, сжёг бы все книги, журналы дома, вышвырнул бы все игры, даже согласился бы променять свою внешность на менее привлекательную, лишь бы не проходить тот злодейский кошмар снова. После тех дней на корабле он ещё долго спокойно не спал ночами, в самых ярких кошмарах видел того того самого азартного, в большей мере жестокого пирата, достаточное время приходил в себя. От воспоминаний вновь кинуло в жар, Джей даже потянулся к воротнику белой рубашки, расстегнул пару пуговиц, практически этого не контролируя. И снова этот Смит оказался прав. «Да чёрт бы побрал его длинный язык за эти правдивые опасения и прогнозы!» — разозлился бета, окончательно решившийся ворваться в разговор по душам.

Сделав несколько первых шагов максимально тихими, мастер молнии приложил указательный палец к губам, когда Баккет поднял на него взгляд, и резко напрыгнул сзади врага.

— Помогай, Коул! — крикнул Уолкер и обвил шею бывшего джина руками, утягивая назад, так, чтобы тот прогнулся в спине. В его плане дальше следовал пункт «помощь от Коула», чтобы тот схватил мужчину с другой стороны или помог подхватить его сзади, но брюнет, словно в прострации, прислонился спиной к стене и подцепил взглядом какую-то точку.

— Что за ненависть, Джей? — засмеялся Надакхан и собирался стащить мастера молнии самостоятельно, как тот отпрыгнул в сторону. — Я что-то сделал тебе?

— Что с Коулом, урод? — прошипел бета, отложив все вопросы про его внезапное возвращение на потом. Его выбешивало, что альфа усмехается, что смотрит на Уолкера оценочно, так, будто сейчас действительно поставит отметку. От запаха, что только усилился, неприятно сводит челюсть, ноги продолжают мелко дрожать, хотя Джей уже не уверен, боится ли чего-то на данный момент.

Надакхан приподнял брови и вопросительно указал на мастера земли. Мужчина словно ощущал напряжение беты, вдыхал его вместе с запахом и впитывал в себя, больше показывая Джея беззащитным. В его глазах прыгали чертята, сжигали друг друга в кострах, а сам он, как зверь в засаде, ждал, когда парень провалится. Когда потеряет уверенность, эту боевую готовность, как это сделал Баккет.

— Парень понял, с кем имеет дело, — пожал плечами альфа и резко шагнул вперёд, сокращая сначала между собой и Джеем, потом между стеной и Джеем расстояние. Он почти впечатал парня в холодную поверхность взглядом, и взволнованный, злобный, но безнадёжный взгляд брюнета позади его только подпитывал. — А ты, вроде бы, нет?

Уолкер упустил момент, когда альфа, стоящий напротив, уже упёрся локтём в стену, где-то около головы беты, вовсю раскручивал в свободной руке пистолет и смотрел на парня сверху вниз, рассматривал, словно запоминал перед долгой разлукой. Мужчина всем видом показывал, насколько хорошо он владеет их общей ситуацией, как глазами может съесть и выплюнуть, а большими ладонями сплюснуть и раздавить. Алкоголь дополнял его образ, оказывая такое бешеное давление, что хочется упасть вниз, к его ногам, прижаться к полу. Хищный взгляд добивает, стреляет прямо в висок, чтобы уж наверняка, но Джей, как что-то маленькое, но железное, назло альфе не ломается.

Джей пугливый, но ломаться Джей не умеет.

Бета вызывающе улыбнулся и приподнял брови, словно отвлекая, после со всей силы ударил мужчину ногой в живот, заставляя его упасть на пол. Альфа не спешил вставать, более того, он словно это и планировал, хотя от внезапной боли явно разозлился. Уолкер перескочил через него и схватил друга за локоть, быстро уволакивая того и прячась в огромной толпе, до того момента, как Надакхан вскочил на ноги. Дальше схема была проста — парень быстро влился в роль простого отдыхающего, в очередной раз проклял себя за то, что так (почти что) позорно сбежал, и начал нервно искать Нию, что недавно с таким же огромным успехом потерял.

— Какого хрена, Коул? — разочарованно, даже злобно спросил мастер молнии, дёрнув лучшего друга за плечо. Парень нахмурился и уставился на альфу, всё ожидая ответа, но Баккет, вздохнув, только опустил взгляд в пол, после и вовсе немного отстал, будто пытаясь держаться дальше.

× × ×

На улице пасмурно и тускло, вот-вот должен начаться дождь. Тут и прогнозов не нужно; даже если глянуть на это небо, хорошо приглядеться, будет словно написано. Какая-то спокойная атмосфера, в отличии от клуба, стояла на всей улице, хотя музыка до сих пор отбивала свои ритмы в голове.
Только девушка вышла на свежий воздух, следом из клуба выбежал мастер энергии и, дабы остановить бету, прижал её к ближайшей стене, предотвратив дальнейшие попытки улизнуть двумя руками.

Харуми азартно улыбнулась, мазнула языком по губам, избегая сухости от холодного ветра.

— Только увиделись, а ты уже домогаешься.

— Это же твоих рук дело, — Гармадон нахмурился, и на попытку девушки убрать его руки сильно ударил одной из них по стене. — Музей, полицейский участок…

— Ну, не обольщай, в основном здесь Морро постарался, — хохотнула бета, заметив, как лицо лидера героев меняется на удивлённое и шокированное. — Нет, Ллойд, ты же не думал, что я здесь одна?

Парень замер, после медленно ослабил хватку, опуская взгляд вниз, под свои ноги. Значит ли это, что все, кто до этого был мёртв или изгнан, вернулись сюда, в этот город? Каждый провинившийся злодей, каждый, кто оставил на парнях свой след от грязной обуви, вернулся обратно в Ниндзяго?..
Парня знобит. Он словно чувствует, как от девушки передаётся эта сумасшедшая энергетика других злодеев. Она цепляется за горло лидера, вешается на шею, тянет куда-то вниз, режет воспоминаниями и совсем недавними смертями безобидных людей. Кажется, ещё немного, и ноги перестанут держать, позволят упасть ниже некуда от той внезапной безысходности, что нахлынула, как волна.

Пиздец пришёл оттуда, откуда не ждали больше всего.

Альфа отпустил Харуми, после же сам оттолкнулся от стены, всё пытаясь сложить пазл в голове. Когда были только опасения, он точно не так себя чувствовал, как сейчас. Он мог верить, что всё по-другому, мог убедить себя и сбросить этот груз, а сейчас, как прибитый к стене, держит всё на себе, как вешалка, и всё никак не может отпустить, выкинуть куда-нибудь подальше от себя.
Он уже не видит девушку позади себя, не осознает, что отпускает врага; стоит и надеется найти выход из чёртового тупика.

Беловолосая вдруг сняла улыбку с лица, впустила в свой взгляд ту доброту, которую имела в последний раз, тогда, на крыше здания, переименованного позже местом её гибели. Неизвестно, насколько долго она смогла бы держать этот свет в себе, насколько хорошо она бы держала своих демонов внутри, лишь бы не испортить этот взгляд, но в этот момент она решилась. Решилась быстро, почти не думая о

последствиях, которые могли бы быть.

— Не думай, что в этот раз вам всё сойдёт с рук. У Морро серьёзные намерения, — сказала она, поправив кожаную куртку на плечах. — Знаешь, не зацикливайся на той девчонке. Она тебе не подходит. Подумай лучше о своей семье. О команде.

Девушка спрятала белую прядь за ухо и, в последний раз коротко глянув на небо, словно его осветив, вернула маску привычного равнодушия и вошла обратно в клуб.
Ллойд опустился на землю. Только оторвавшись от своих размышлений и вернувшись в реальность, он быстро прокрутил слова беты и нервно зашуршал штанами, разыскивая мобильник.

Долго дозваниваться, благо, не пришлось.

— Да?

— Ты один? — парень едва держит телефон, нет, едва держится сам, чтобы не рвануть домой. — Скажи, что ты один, пожалуйста. Ты и ребёнок. Давай, молю тебя…

— Я с ребёнком и твоей мамой. В чём дело, что-то произошло?

— Тебе надо уходить, Кай, ради Бога. Бери маму и сваливай оттуда, пока не поздно. — он быстро убрал чёлку назад и поднял взгляд на двери клуба, тут же поднявшись. Не долго протянув паузу, он быстро продолжил, так, словно сейчас не успеет. Так, наверное, и будет. — Они вернулись. Они все, *все до единого*…

Примечания:

> восемь страниц ребят я ни на что не намекаю, но было бы пипец приятно после этого услышать от вас одно словечко в комментах
> саран-хэ

five

Примечания:

готовьтесь к небольшому огоньку, мои малыши (шучу, не малыши, взросленькие уже)
Blackpink — Kill This Love
Luhan — Lu

я очень надеюсь на ваши пару слов после прочтения

***

Альфа гоняется по дому, как сумасшедший, то к ноутбуку, то к телевизору, то к телефону. Если пару часов назад он привык к спокойствию, верил в то, что не долгая пытка в виде массовых убийств закончилась, сейчас он мило беседует с собственным палачом, любуется миром, свежим воздухом в последний раз. У него плывёт разум, стоит вспомнить вчерашний разговор, стоит переварить слова Харуми и их скорейшее возвращение с клуба.

И картина застала их врасплох.

Когда парни, встретившись друг с другом, отвезли подругу Нии с травмой в больницу и примчали буквально на всех парах домой, Мисако, за которой команда и гналась, дома не оказалось. Дилан плакал, находясь в окружении игрушек и сломанного пульта с телефоном, что состоянием не отличался, свет горел во всех комнатах, видимо, от поломки того самого телефона, чья поломка привела к неисправности, а некоторая мебель, менее значительная, была даже перевёрнута. Команда вот-вот бы подумала, что по дому прошёлся ураган, который, в общем, и забрал пожилую омегу с собой, если бы Ллойд не доложил доточно слова Руми возле клуба.

Парни и девушка поговорить, наверное, толком всё осмыслить не успели, как нашли мастера огня на кухне без сознания. В опасной близости лежали острые столовые приборы, кран был включён, вода уже добралась до пола. А там и розетки, и провода, и совсем неподалёку неисправная техника, парень и ребёнок.
Тогда паника и подошла к горлу, надавила на глазницы, что есть силы, а потом, наконец, открыла глаза.

Приведя альфу в порядок, ничего толкового узнать не получилось; более того, парень был полностью цел, от беспамятства даже остались крупицы какого-то спокойствия, радости. По словам Кая, до отключки ничего подозрительного не было, не считая необычного поведения женщины. Троица веселилась, как могла, они вместе смотрели телевизор, готовили, кстати, тоже вместе, ребёнка убаюкивали вместе и проводили время достаточно хорошо. Всё было так, словно ничего плохого не произошло. Словно Кай просто поскользнулся, пока шёл, навёл такой беспорядок и ударился, потеряв сознание.

Единственное, что заставило Смита помрачнеть, — это рассказ Гармадона о возвращении Сторма и всех остальных. В альфе что-то пугающе щёлкнуло, когда он осознал и перенял на себя волнения друзей. Возможно, тогда и правда пришёл Морро, вырубил его, чтобы не мешал, устроил беспорядок, небось, в поисках Мисако, и забрал омегу. От этого холод прошёлся по каждому. Только непонятно было, почему принц Параллельного Мира, будучи в серьёзном расположении духа и имея жестокие планы на город, не тронул ни Кая, которого, вроде бы, ненавидел, ни ребёнка, которого наверняка просто не добил в музее.

Тогда где их сейчас искать? Что думать? Надеяться ли на чудо, бояться ли тех, кто явно ради этого и вернулись?

И где искать ответы, когда вопросов уже за сотню?

Следующие пару дней были тоже не самыми спокойными. Некоторые из города, имея, будь то фальшивые или правдивые доказательства, начали утверждать, что виновником странных событий является как

раз миссис Гармадон. Родственники умерших подавали на женщину в суд, писали заявления в полицию и ломились к мэру с просьбой выслушать их. Город будто сошёл с ума. Быть может, большинство и продолжало мыслить адекватно, просто не веря, но агрессия на героев и их родственников распространялась среди народа, как вирус.

Ллойд, кажется, сходил с ума вместе с ними.
Всё связывался с полицией, проверял посты вместе с ними, созванивался с офицерами, дежурившими в определённое время в городе, искал буквально любую зацепку. Мисако будто исчезла, сразу вместе со врагами. Её по щелчку разделили на атомы, втоплали в землю, запечатали в зеркало, чтобы никто не нашёл. Как сильно уставшую, но для чего-то точно нужную злую птицу, её заперли в клетке, спрятали за толстыми железными прутьями и спинами самых запоминающийся врагов НиндзяГо.
Беззащитная, ни в чём не провинившаяся женщина вынуждена быть в заточении у настоящий монстров из чистого ада, в руках у демонов, у дьяволов и у самого Сатаны, названным прежде Стормом.

Одни такие мысли злят блондина ровно до желания взвыть и полезть на стену, царапать обои, полы, землю в надежде докопаться до родной матери. Он однажды лишился отца, но приобрёл снова. Сейчас он лишился матери, и всё остерегается, что второй раз ему не повезёт.

Если альфа чуть ли не парит в воздухе, выпускает бешеную энергетику через все щели, почти через кожу, то команда думает, как вернуть лидера обратно. Как помочь тому, кто сам ищет в себе силы помогать? Ллойд на полпути не свалится, не опустится, не упадёт так быстро, славшись обстоятельствам, но опасение, что парень так топит себя, не уходит ни от одного ниндзя ни на секунду. В глазах каждого огонь похлеще смитовского горит, а желание разобраться со всем, не напрягая блондина, рвёт грудь на части.

— Он не остановится, ребят. Нужно что-то делать, — вздыхает темноволосая, медленно покачиваясь на плече Баккета и поглядывая на странную игру пальцев своего парня на столе напротив. — Он так с катушек слетит…

— Пока её не нашли, мы ничего не можем сделать, — говорит Зейн и плюхается в мягкое кресло, смотрит в окно долго, с задержкой, будто пытаясь что-то найти, заметить. — Мы и так целый день обыскивали город, помогали полиции. Я бы сказал, что они как сквозь землю провалились, но это как минимум физически невозможно.

— Ты забыл, с кем мы имеем дело? — устало поднимает голову Джей. — У этих кретинов что угодно в голове может всплыть. Одни сквозь стены ходят, другие желания исполняют, третьи… Харуми. Откуда мы знаем, что они не в выигрышной ситуации со своими способностями?

— С их приходом лично наши способности пропали.

Команда поднимает глаза на Смита, только приготовившего кофе и поднявшего на руки ребёнка. С Диланом в руках вся серьёзность вдруг испарилась, команда легко улыбнулась, когда малыш схватил альфу за нос. Тепло пробралось внутрь, и холодная атмосфера если не ушла, то стала не так заметна. Парень устроился на полу, сложил ноги крестиком и посадил на них ребёнка, его ладонями тихо хлопая и отбивая свой ленивый такт.

— Если это связано с тем, что наш мир и мир умерших столкнулись, то почему способности не могут пропасть и у них? Джей говорил, что при встрече с Надакханом у того были ноги, — шатен смотрит на парней и замечает, как при упоминании явно неудачной встречи Джей странно ёжится. — Более того, от него исходил человеческий запах, так почему нельзя отрицать факт, что у них имеется сила?

— Тогда как объяснить, что мы не можем их найти? Что, в воздухе испарилась? Или, может быть, обратно в свой мир ушли, потому что город не понравился? — явно злится Уолкер, хмуря брови. Желая убрать ненужные отрицательные эмоции сейчас, бета протягивает руки к ребёнку, чтобы забрать, и переносит на свои колени. — Я просто… я не знаю.

Никто не спорит. Наверное потому, что никто также не знает, даже,

можно сказать, представить не может, в чём именно дело. Проблемы и переживания с грохотом валятся на голову, мысли о только вернувшихся врагах по одному патрону выстреливают в нервные клетки команды. Они топят их, топят каждого, медленно, чтобы помучались, опускают в ледяную воду, потом в кипяток. Дальше можно не продолжать, дальше просто в котёл в аду, чтобы не осталось шансов спастись. От собственной беспомощности темнеет в глазах, а клеймо героев стирается не только с лидера, но и со всей команды. Морро даже не успел появиться, а уже вырывает его, топчет ногами и выигрывает, без партии в шахматы, без законного шаха и мата.

Ему достаточно существовать, и планы команды рушатся, так, что не собрать.

Молчание рушится коротким грохотом где-то в другой комнате. Гармадон ударяет по стене, почти оставляет там вмятину, ладонью быстро сметает со стола на пол распечатанные листовки и направляется к команде. Он злится так, что собственноручно давит себе в грудь, словно хочет проткнуть её, дотянуться до сердца и вытеснить уже со спины. Терпения не остаётся, и альфа, оказавшись в кругу почти семьи, тяжело вздыхает и пальцами зарывается в волосы, сгребает назад и прикрывает глаза.

— Я достал ещё пару адресов, — проговаривает он и, только заметив в некоторых глазах крупицы надежды, чувствует её сам, а терять не собирается. Ему надежды не хватает, как глотка воды в пустыне. С надеждой, вроде как, можно справиться с любыми трудностями. — Надо съездить и проверить, всё ли там гладко. На парочке из них дежурит полиция, один поедет проверять отец. Нужно чтобы остальные несколько тоже не пустовали.

— Мы едем уже, — говорит мастер огня и поднимается, как резкий взмах руки лидера его останавливает.

— Вы с Нией остаётесь с ребёнком. Мы не можем рисковать ещё и им, — говорит альфа, зацепив взглядом Дилана. — Вы с ним пока в лучших отношениях, поэтому ответственность на вас. Места осталось

всего два, туда поедут Зейн, Джей и Коул. Я еду к отцу.

Мастер льда и мастер молнии встают сразу же, и второй, оказавшись рядом, толкает Баккета в плечо. До этого находящийся в прострации брюнет осматривает всех, кивает молча, даже сдержанно, смотрит запутанно и мрачно, и поднимается, хватая из рук лидера бумагу с адресом и направляясь к выходу. Бета, удивлённо переглянувшись с командой, вздохнул и поспешил догонять альфу, и уже у выхода придержал дверь Жульену.

— Я не знаю, может ли он вернуться… в общем, будьте на связи, ладно? Вы нам целыми нужны, — попытавшись улыбнуться, зеленоглазый хлопает поднявшуюся Нию по плечу и идёт следом за парнями, на ходу быстро натягивая кожанку. На улице задерживается только для того, чтобы в очередной раз глянуть на свет в окнах, а потом устало опускается на сидение своей машины и заводит её.

Для него только ожидание хуже всего остального. Он, если не надеется, то попросту боится проверять. Боится *не найти* там никого.

× × ×

Джей ныряет под дверной проём и не находит хозяев дома.
Их и не надо.

Пока внутри радость и чистая умиротворённость заполняет каждый уголок души и тела, парень замечает что угодно, но только не альфу рядом. Коул рядом, Коул дышит, Коул ходит и смотрит вместе с ним, но внутри стремительно умирает, надеясь, что это кто-то заметит. Хотя какой в этом толк? Давящую боль не заметят просто так, пока носом не ткнёшь или замертво не ляжешь. Альфа удивляется слепоте беты, всё верит, что тот очнётся и увидит его, медленно ломающегося пополам лучшего друга, но в ответ получает больное молчание.
Видно сразу, что Джей уходит от проблем, он перешагивает их, как преграды размером в пыль, возможно, даже плюёт напоследок, но не

приглядывается.

На Баккете нет лица; если оно и есть, то бледное, почти сравнившееся с прозрачной водой, такое болезненное и холодное, что от вида бы ноги подкосились. В глазах немой крик о помощи, душа, тонущая в болоте, машет руками и ждёт подмогу. Пускай подмога — немного слабый, привлекательный, весёлый бета. Пускай он очень прост, настолько, что чаще всего сложности проходят мимо. Он тянет руки, надеется на то, что получит ответ, но не получает. «Если бы ты знал…» — больно застревает в горле, как ком, брюнет по мелким дозам впитывает каждое слово вновь и вновь, давится им, захлёбывается в океане безысходности.

А на самом деле кажется просто уставшим.

— Коул? — осторожно зовёт друга мастер молнии, внимательно осматриваясь по сторонам. — Я не нашёл ничего стоящего, а ты?

Парень разрывается между «нет» и «пошёл нахуй, слепой кретин», но останавливается чуть подальше от обоих и молча мотает головой в знак отрицания, чувствуя, как нервы острыми лезвиями подрезают ноги. Он остаётся где-то за колонной, опускается на сухую землю и на миг позволяет прикрыть глаза ладонями. Бей, выдёргивай сердце и бери насильно, отрезвляй ледяной водой или болотом унижения, — Коул не в силах проснуться, заново себя собрать. Он развалился ещё при встрече с Надакханом, просыпался песком от его тона, от стреляющих слов, сотню раз отравился запахом алкоголя в воздухе. Он идёт в любую сторону, а мысли об их столкновении, об угрозе, слетевшей с губ сильного альфы, врезаются в спину намертво.

Он принимает их и дышит, переваривает всё, как недавно съеденное, но одно и тоже блюдо, потому что не может от этого уйти. Его поставили перед фактом, дали шанс на крохотное спасение, и от того, что поставили на весы с чем-то дорогим альфе, волосы встают дыбом. Он должен сделать то, что не представил бы себе никогда, должен пойти против себя, себе и другим нож в спину воткнуть, а иначе чему-то крохотному, на словах и действиях сильному, но до дрожи в ногах

беззащитному придётся очень несладко.

Это альфе гарантировал дьявол желаний, принц алкогольного запаха, вселяющего страх и бурю эмоций, самая ближняя опора для самого Сатаны — Сторма.

Мастер земли держит в руках маленькую крохотную жизнь, идёт аккуратно, а сделает что-то не то — эта жизнь мигом взлетит, попадёт в другие, сильные руки, а потом там и завянет, испортится.

В груди от этого разрывается сердце.

— Коул, всё нормально? — слышит альфа прямо перед собой, но стереть страх с лица не успевает. Он в парня впился смертельной хваткой. — Эй… эй, в чём дело?..

Голос беты приятный, свежий, отрезвляющий и в тоже время убаюкивающий. Парень как будто светит, хотя на улице темно и пасмурно, он вселяет в друга кусочек своей жизни и делится внутренней энергией, похоже, всё-таки замечая в альфе изменения. Он легко толкает старшего кулаком в плечо, натягивает улыбку, но в ответ получает только виноватый, полный горечи взгляд.

— Всё хорошо, если… если ты так за Мисако волнуешься, то… с ней всё будет в порядке, — спокойно говорит Джей, снова отрезвляет и легонько стучит по сильному плечу. — Мы и не через такое проходили, да? Ух, такое головокружительное прошлое, с ума сойти.

Баккет не находит сил врать бете, врать самому себе. В грудь снова давит, он чувствует неприятный напор и резко притягивает друга к себе, бьётся своей грудью об его и крепко обнимает, прижимая к себе. В душе меркнет печаль и бессилие, оставляя защиту, которую альфы и должны предоставлять другим. Пока Уолкер здесь, в его надёжных руках, альфе кажется, что их не разлучит уже ничего на этом свете. Парень даже улыбается от сверкнувшего луча где-то внутри, осторожно хлопает друга по спине, словно успокаивает после сотни слёз, а потом уже, к чёрту, бросает всё, гладит легко и заботливо, как

мать ребёнка.

Если ему скажут сейчас же отпустить младшего, он не послушает.

Ему так легче существовать.

Уолкер замолчал, просто уткнувшись в плечо альфы, и с нескрываемым волнением, но спокойствием в лице вдыхал карамель и кофе. Он впервые задумывается, что происходит в голове Баккета, впервые ищет какие-то намёки на правду и впервые осознаёт, что друзья медленно лишаются душевного спокойствия.
Враг их уничтожает изнутри, даже не подойдя чуть ближе, и медленно убивает, потому что нет физической пытки больнее, чем моральная.

Коул это понимает, и в силу прикрывающегося гроба с шипами, где сейчас примерно себя и представляет, он заполняет мысли только тем, что в объятьях бету точно никто не тронет.

Потому что цена, которую должен будет заплатить Коул за провал или непослушание, — *Джей Уолкер*.

× × ×

Притормозив у самых ворот огромного особняка, парень быстро повернул ключ и вышел из машины, отводя волосы назад. Что-то впереди него щипало за ноги, тянуло за волосы назад, словно бешеная энергия размером в тьму этого вечера. У Ллойда сжимается сердце при любых мыслях, он представляет всё, но только плохое. Хорошим, почему-то, и не пахнет.

Альфа не стал медлить, вбежал в здание сразу же и стал искать взглядом отца. Повсюду полицейские, как мухи разлетелись, вынюхивали всё что можно и что нельзя. Даже если не по своей воли, если по приказу, то искали всё равно тщательно, всматривались в каждую деталь и обо всём докладывали Гармадону-старшему.

Мужчину долго искать не пришлось.
Гармадон мрачный, как из тёмной тучи слепленный, такой угрюмый, что в лёгкую дрожь впадает даже Ллойд. От отца исходила бешеная энергетика, смешанная с уже родным волнением и беспокойством. Парень не отшатывается, потому что чувствует это и в себе. Каждое чувство взрывается, как фейерверки, и становится прямо пропорционально чувствам старшего. Внутри пламя сжирает все органы, всю энергию альфы, что сразу видно по усталости во взгляде. Он, как и сын, не спит уже за две ночи точно, слепо ступает вперёд, за руку надежды хватается.
И он, как ни странно, точно также боится эту надежду упустить.

— Ничего, — вздохнул блондин за отца, словно прочитав всю информацию на чужом лице. От этого «ничего» внутри органы так сжимаются, что заставляют кровь застыть в ужасе. Ллойд сам давно застыл, а этот ужас уже почти полностью принял, как лучшего друга.
— Мы идём ко дну, пап.

В ответ мужчина молчит, глотает ртом воздух и будто молится, хотя знает, что бесполезно. Его уже второй день как не слышат, сколько бы он и кого бы ни просил. Почему-то обычно, когда наступало молчание, оно напрягало всех до волос, вставших дыбом, но сейчас молчание скорее как спасение. За него цепляются сразу оба, вдыхают чисто и осторожно, на секунду сталкиваясь со своими мыслями. Если раньше в такие моменты тишина выносила мозг и сводила с ума, то сейчас, как человек, успокаивающе гладит и целует в лоб. Хочется купаться в тишине немного больше, забыть о проблемах, когда они уже впритык.

А больно-то как.

— Сколько она с нами прошла… Оказавшись в такой ситуации, она бы придумала выход, — бросил пару стандартных фраз старший, словно любимую женщину уже похоронил.

— Хватит говорить так, — будто прорычал парень, опустившись на пол и уперевшись спиной в холодную стену. Нихуя, если честно, не

отрезвляет. — Может, она и сейчас уже план побега обдумывает. Может, уже к нам идёт, может, кто-то из парней нашёл её.

— Ты же не просто поспорить пришёл, — вздохнул Гармадон и обернулся, пряча молчаливый мобильник в карман.

— Я хотел спросить по поводу того, как Морро и остальные могли вернуться к нам, если кристалл миров уничтожен, — блондин оттянул ворот футболки, давящий ему в шею, и откинул голову назад. — Ты был там, ты тоже вернулся. И ещё ни разу не рассказывал, как именно оказался здесь. Живым.

— Не думаешь, что сейчас не лучшее время для этого?

— Я хочу знать, пока ещё не поздно найти выход из этой ситуации, — ответил Ллойд и почти было собрал спокойствие, как волнение быстро разрезает нервные клетки только так. Одну за другой, и парень, кажется, точно это чувствует. — Если не хочешь говорить, то не надо, но потом мы ничего сделать не сможем. Тебя устраивает?

— Столкновение миров… сложная вещь. Хоть мы и сталкивались с этим, Ллойд, даже твоей пережившей многое голове будет тяжело нести это в себе… — мужчина взглянул на сына и присел на потрёпанную лавочку, сложив руки в замок. — Многие гении сходили с ума только от знаний обо всём живом, так что будет с мозгом, если полезть и к ушедшим?..

Младший альфа молча опустил глаза и задумался. Может, в словах и есть правда, есть та черта, которую мастеру энергии переходить не стоит, но от злобы саднит ужасно. Одно только присутствие бывших врагов поблизости срывает монстра Ллойда с цепи, тыкает в грудь и только желает, чтобы тот разгневался. Может, другой мир парню и не по зубам, но почему по зубам тем, которые в руинах памяти только и оставались? Почему двое миров связали те, кто до этого проиграл, кто ошибся и пал на колени перед героями? И никто из них, конечно, не ответит. Их бы сначала найти, достать из-под земли, не побояться расспросить.

Остального Гармадон уже не боится.

На остальное Гармадону плевать.

Только открыв рот, блондин поёжился от сверлящего уши звонка телефона, но быстро поднял, на случай, если это кто-то из ребят с хорошими новостями. На номер смотреть он не планировал, но посмотрел, вывел взглядом родные пары букв «м» и «а» и замер, чувствуя, что сердце ещё яростнее выпрыгивает, бьется об грудь. От страха и счастья одновременно кружится голова и темнеет в глазах, и, чтобы не прохерить такой подарок судьбы, альфа поднимает трубку сразу же.

— Мама? — говорить спокойно не получается, сын дрожит от нетерпения, и внезапно удивлённо-радостный вид старшего только ухудшает ситуацию. — Мам, слышишь меня? Скажи, где ты, мы сейчас же приедем!

Слышно до жути плохо, только отрывистое «подвал», «офис твоего отца» и «странно». Для парня большего и не нужно, большего не существует, этого даже больше, чем достаточно. В груди сердце рвётся уже на части, причём на мелкие, страх и радость одновременно заполняют всё тело целиком. Альфа только отложил телефон, когда мать отключилась, но остановился, почувствовав сильную руку отца на своём локте.

— В чём дело? — начал было злиться зелёный ниндзя, но с места не сдвинулся, переведя взгляд на напрягшегося мужчину.

— Это может быть ловушкой и опасностью для тебя и твоей команды, — подал тот голос, с неким сомнением поглядывая на лестницу. — Ты так не думаешь?

— Опасностью? Я этот город голыми руками из зубов темноты вырывал, — ответил альфа и нахмурился.
Почувствовав, что рука осталась почти свободной, он вырвал её и

быстро побежал к лестнице. Перед выходом из здания легко махнул рукой нескольким полицейским, показывая следовать за ним, добегая до машины и с грохотом хлопая дверью. Вспомнив, что почти вся команда разбросана по городу и сейчас ближе всего собственный дом, он вытащил мобильник и быстро клацнул по третьему по счёту контакту.

— Кай, вы ещё дома? Ты нужен мне, прямо сейчас, у офиса отца.

× × ×

В подвале сыро и темно. Такое ощущение, что потолок с каждым разом только больше сыпется, а по полу вдоль расставлены капканы, чтобы поймать кого-то чужого, кто пришёл не по назначению. В углах помещения, особо тёмных и опасных, словно прячется что-то страшное, что-то с клыками, слюнявой огромной пастью, готовое вот-вот наброситься. Тишина заполняет пространство, впервые показывает такое сумасшедшее давление, что ноги сами поджимаются, а колени готовы стукнуться об пол, потрескаться. Этот подвал — логово чего-то страшного, пропитанного чьей-то душевной тяжестью, чьим-то сильнейшим испугом.

Испуг Ллойд чувствует на последней ступени и, вдохнув его, уверенно шагает дальше.

Это место было единственным, которое не проверили. По словам охраны и полиции, в самый охраняемый и незнакомый только единицам офис не может заскочить и пылинка без серьёзного осмотра нескольких громил у прохода. Для власти в городе Гармадон-старший оказался слишком ценным камнем, чтобы оставлять без присмотра и бояться в любой момент его потерять. Мэр досконально объяснил всем, насколько альфа, до этого не один раз ломающий город с хрустом, как ветку в лесу, важен для них, для их сотрудничества с другими городами и для безопасности. Отец лидера известнейшей команды героев, тот, чьё имя до сих пор некоторые произносят с

дрожащими, стучащими друг об друга зубами, очень ценный работник фирмы и голова половины НиндзяГо, от которого одной властью и силой и тянет, не может быть просто потерян.
Он старинный артефакт, большой отпечаток прошлого и настоящего, и власти не глупцы, чтобы упустить шанс обладать этим человеком.

Да и у самого Гармадона глаза за затылке, мужчина бы сразу увидел, даже не всматриваясь, нарушителей, почувствовал бы аромат своей супруги. Из его внимания ничего бы не ускользнуло просто так, разве что бессонные ночи, прожитые в поисках единственной любви. Единственного тепла, застрявшего и в сердце, и под сердцем, сзади и спереди, пронесённого по всему телу.
Будь у Ллойда своя омега или бета, парень бы всю землю перевернул, по крупицам родного запаха нашёл бы того, кто дорог ему больше жизни героя.

Альфа быстро осекается, внезапно чувствуя врезающийся в нос незнакомый, но сильный запах, и тихое мычание. Он разгоняется до бешеной скорости, пока что не пускает полицию и обыскивает почти всё помещение, наконец, доходя до самого конца.

Запах матери греет всего парня, до этого почти полностью продрогшего от холода.

— Мама… — с облегчением выдыхает мастер энергии и подбегает к женщине, крепко обнимая со спины. Легко целуя её в волосы, он снова вдыхает запах зелёного чая, тонет в нём, почти задыхается. Мысли уходят прочь, их здесь и не нужно. Волнение смывает волной, нервы словно восстанавливаются, хотя и не умеют толком, кладбище мигом пропадает на том месте.

До момента, как с запахом омеги не смешивается запах страха и крови.

— Ллойд, — шепчет женщина, как в бреду, оборачивается к сыну и только сейчас открывает глаза, полные страха и непонимания. — это… это не я…

Светлые лучи внутри альфы тускнеют и резко пропадают, оставляя пугающую темноту. Запах крови заставляет волосы встать дыбом, хотя с ней парень встречался очень часто. Носил её на себе, как броню, видел на других, почти привык к её существованию в природе и смирился с ужасно пугающей частью человека. Он во время фильмов при виде неё вообще не пугается, даже когда практически ощущает рядом. Он повидал столько, что мог бы записаться на время историком в школе, не то, чтобы рассказал все эти страшные времена, пережитые им, а передал бы взглядом и голосом. Его не должна пугать кровь, он с ней уже на «ты» давно, как с другом здоровается. Чего бояться в почти что привычном?

Того, что кровь на ноже, а холодное оружие, передающее мороз бешеной энергией, с рук матери выпадает, глухо бьётся об пол. А мир Ллойда трескается, но не до конца, чтобы надежда на лучшее имела право быть.

— Что ты…

— Ллойд, приём, — слышится рядом знакомый голос мастера огня, но альфа на мгновение ослеп и оглох.
Быстро мотнув головой и осторожно отведя омегу в сторону, зелёный ниндзя двинулся к тёмной шторке и с силой отвёл в сторону, чуть не выдернув из кое-как прицепленных колец. Краем глаза заметив шок в лице матери, блондин уверенно вернулся к уже открытому углу. И застыл на мгновение, без права двинуться в сторону, как и взгляд отвести.

Запах мяты с силой врезается в тело, ударяя по лицу, как сильной пощёчиной. Верить хочется с трудом, также, как и осознавать, кто сейчас перед ним, кто смотрит так пожирающе и убийственно.

— Это…

— Ллойд, твою мать, да простит меня Мисако, какого черта ты… — мастер огня спускается с лестницы и сразу преодолевает расстояние, оказываясь рядом. У него мыслей куча, догадок куча,

матов на странную тишину от Гармадона ещё больше, но в голове всё замолкает, стоит голодному взгляду перейти на него. Огонь внутри взлетает вверх, долетает до глотки и обжигает альфу так сильно, что ноги прилипают к полу. Сейчас и Ллойд оборачивается, и Мисако, как-то меняют угол и направление своих взглядов, а взгляд другой, виднеющийся из-под зелёной пряди, лежит только на нём. Лежит и огибает полностью, словно хочет вылизать, съесть и проглотить без воды.
Мята медленно вырастает в дикого животного, заставляет каевский крыжовник, до этого едва ощутимый, заполнить всё помещение, как маленький взрыв.

Гармадон ощущает, что запах друга впервые такой сильный, такой, какой у альф очень редкий, если только во время гона. Напряжение между Стормом и Смитом чувствуется так хорошо, что Ллойд бы протянул руку, чтобы лично прощупать. Его пугает это столкновение, пугает взгляд Морро и явно ощутимая ухмылка, надёжно спрятанная за толстой линией скотча на лице.

Морро смотрит, вживляет запах мяты так, что мастер энергии легко дёргается, внезапно желая прикрыть шатена собой. Что-то цепляется за его плечи, заставляет насторожиться, но мысли прерывает влетевшая полиция и до ужаса напуганная Харуми.

А может и просто отлично играющая свою роль.

— Вот она, — шипит беловолосая, простреливая Мисако взглядом, и сотрудники полиции, кроме как направиться в сторону женщины, ничего не могут.

А Ллойд, наверное, устал удивляться, и почти не смотрит на омегу, заводя мать за свою спину.

— Ни шагу, — тихо рычит блондин и медленно силы у внутреннего зверя берёт, чтобы словно взглядом заставить людей перед ним остановиться. От ауры мастера энергии даже Руми меняется в лице, не решается ничего сказать, пока в подвал не спускается Гармадон-

старший, бледный, как труп.

— Отойди, Ллойд, — спокойно, но стойко требует мужчина, быстро кивает Смиту в сторону до сих пор привязанного к стулу Морро и вздыхает, щурясь от пыли и неприятной сырости. — Нам с твоей мамой следует много чего обсудить.

Мастер огня пока не слышит остального, возможно, даже и не видит, только смотрит на мирно раскачивающегося на стуле альфу и сразу видит за маской жертвы довольное лицо Сторма.
У парня порез вдоль плеча, немного задето горло и исцарапаны пальцы, что тот то сжимает, то разжигает на тёмном дереве. Мята вроде утихает, словно прячется за хозяина, как послушная собака, но вмиг заполняет все лёгкие Кая, даже частями там остаётся. Морро развален в позе полуспящего, ноги раздвинуты так, словно перед ним не давний враг, а шлюха, которую тот приглашает. Носки ботинок дёргаются в такт какой-то личной музыки альфы, его вид другой, новый, но взгляд — единственный, что остался неизменным.

Взгляд схож со зверем, который готовиться напрыгнуть и сожрать. Словно до этого специально позволял голоду себя терзать, а сейчас, увидев жертву, нет, сразу несколько, довольно скалится и готов к долгожданному перекусу.

Сторм резко сводит брови, слепляя жалкое выражение лица и низко хныча в скотч. Не отводит взгляда от парня, пока тот всё ещё в растерянности оседает перед ним на колени и принимается развязывать. У альфы к старому врагу ненависть же только вновь в его личную чашу накапливается, Кай не то чтобы не хочет снимать кусок скотча, он хочет налепить ещё за двадцать, чтобы навсегда заткнуть. Впервые от старшего исходит голод, ненависть, крупицы наступающей мести, а сам же шатен ощущает лёгкий страх, щипающий кожу. Ему невыносимо жарко, он хочет сбежать и залезть в морозилку с головой, сам не осознавая, что больше спрятаться, чем избавиться от жара.

Под напором взгляда полицейских альфа резко сдирает скотч с лица Сторма и чувствует, как сердце срывается на бешеный ритм. Из

ненависти то, или от нахлынувших воспоминаний, не очень, кстати, хороших, Смит не понимал. Но свой запах спелого крыжовника таким сильным чувствовать парень ещё не привык. Не представляет, как и почему именно.
Поймав взглядом выражение лица Сторма и его язык, скользящий по засохшим губам, альфа чувствует себя странно придавленным, щурится от неудобства в коленях и пересаживается на корточки.

В виски легко стреляет.

— А на коленях ты больше похож на проигравшего, — вдруг глухо шепчет брюнет, коротко смеётся, и Кай давится если не воздухом, то возмущением. Краснея от нахлынувшей ярости только больше, альфа злобно выпячивает нижнюю губу вперёд, шипит ядовитой змеёй, но своему поведению подходящего действия преподнести не может. Он обхватывает вокруг грудь Морро и почти упирается тому носом в плечо, разыскивая верёвки и грубо их развязывая. Такое несочетание Морро смешит до лёгкой ухмылки, тот, несмотря на злость, вновь чувствует от красного ниндзя ступор и нотки страха, когда собственные руки становятся свободны и возвышается над головой шатена. Не став медлить, тот отшатывается от альфы, резко выдыхает мяту и тут же видит, что в помещении только пара полицейский и врач.

Оборачиваться на поднявшегося альфу не хочется.

Оно и не так обходимо. Кай, словно под давлением зелёных глаз, сначала сливается с полицейскими, после и вовсе взлетает на лестницу, будто сбегая от давящей мяты.

От таких, как Морро, тот всегда готов держаться подальше, выращивая ненависть цветком на подоконнике.

six

Парень всегда мечтал стать таким альфой, как его отец.
Рей столько трудился, столько работал, действительно идеально владел огнём и входил в группу героев того времени. Кай засматривался на него во время работы, как тот терпит, когда обжигается, с какой силой бъет молотком по железу и как крепко обнимает жену. На то время мальчику не было дано идеала, с которого нужно было брать пример, поэтому единственным показателем мужчины, достойного любого доброго сердца альфы был именно его отец.

Когда Смит-младший впервые спросил, альфа он или омега, наступил его серьёзнейший период в жизни. Он много нервничал, гадал, даже прикидывал, по каким причинам может быть бетой, но о призвании чистого омеги и думать не мог. Он всегда стремился к альфе, он думал, как альфа, делал то, что и альфа, и других вариантов (возможно, кроме беты) он даже не представлял. Омеги для Кая — хрупкие, обаятельные и мягкие люди, с обязательной процедурой в виде течки и замечательного запаха. Такой была Ния, как только родилась, запах моря и лёгкого дымка перешёл к ней как раз от матери, что и оправдывало её сущность. Парень был вечно дерзким и агрессивным, но чертовски заботливым. Обаятельный? Да. Хрупкий или мягкий? Вряд ли. Он уже в юные для себя годы был настоящим альфой, и новость, что он действительно хозяин сильного мужского пола, всколыхнула его жизнь.

Он поставил цель, что будет таким же сильным, харизматичным и ответственным, как его отец. Найдёт себе свою истинную омегу и подарит ей такую заботу, которую не видал свет. Как делал он своей сестре, когда родители пропали, как делал маме, когда та оставалась в печальном расположении духа.

Его бы никто больше не переубедил.

— Нет, мам, давай я сам, — просит мальчик и выхватывает из рук матери огромный чемодан с инструментами, с лёгкими затруднениями

перенося его на рабочий стол отца. — Ничего сложного. Этим должны альфы заниматься.

— Весь в отца, — смеётся Майя и укладывает Нию на свои колени.

— Правда? Я похож на него?

В золотых глазах, как в куче монет, отражается самый яркий свет, самые светлые эмоции радости и надежды. Кай с самого рождения отличался от образа альфы только своими красивыми глазами, потому что в них, как никто другой из омег, мог утопить любого. Золото становилось светлыми одеяниями, обхватывали рельефное тело и придавали мальчишке той самой мягкости.
Было бы, из-за чего радоваться, чем гордиться, но женщина, заглядывая в красивые глаза, погружаясь в ту неправильную мягкость, которая была почти осязаема, теряла свою уверенную улыбку. Гладила альфу по волосам, и чувствовала, как пальцы тонут в мягких волосах. Неизвестно, замечала ли она одна с Реем эту особенность сына, чувствовали ли другие особенность маленького альфы, было неизвестно.

Взгляд Рея обжигал, а взгляд Кая *грел*.

× × ×

Мужчина быстро перебирает документы, будто и вовсе забывая, что напротив сидит собственный сын. На жену с дня её появления он так и не смотрел, словно провинившийся пёс, а с Ллойдом и вовсе боялся оставаться в одном помещении. Альфа всегда был тихим по натуре, добрым, понимающим, настоящим душкой в практически любой ситуации, а сейчас словно сорвался с цепи, дожидаясь, когда можно открыть пасть. Когда острые зубы появятся на свету, когда покажут свою остроту и ничего, кроме страха, вызывать не будут.
Внутри блондина ещё с рождения сидит волк, сонно царапающий пол

и шумящий железной цепью на собственной шее. Снаружи парень не придавил бы и муравья, а внутри взрывает здание за зданием, уничтожает каждого попавшегося в попытках найти родную справедливость.

Взгляд зелёных глаз медленно скользит по столу, осторожно, словно гладит, на самом деле же сгребает бумаги, рвёт документы и договоры, швыряя их в лицо мужчины. Гармадон сам плавится от того, как совесть поджигает тело заживо, а встретившись с взглядом младшего, и вовсе бы стал пеплом. Ничтожным, ничтожным пеплом, что ещё с прежней оболочкой не смог достойно бороться за то, что дорого. Он не злится, не осуждает Ллойда за этот взгляд; была его воля, он и сам приставил бы дуло к собственному виску, захлёбываясь собственными словами "из-за тебя".

Это ведь из-за него.

В один момент тормоза блондина с треском ломаются, почти взрываются от бурлящей обиды и ненависти, и парень первым нарушает тишину в кабинете, поднимая голову.

— Сколько они тебе заплатили? — спрашивает парень, видит, как отец давится воздухом, и пытается выглядеть как можно мягче.
Не получается.

— Мне никто не платил, Ллойд, — хмурится старший. — Я бы никогда не взял деньги, ты же понимаешь.

— Да? Не взял бы?! — парень слишком резко поднимается, ударяя руками по столу и заставляя отца ненароком откинуться на спинку кресла. — Почему тогда ты веришь им, а не нам? Я видел, как Морро смотрел на нас, смотрел на Кая. Как Надакхан пытался навредить Коулу и Дже...

— С последним я бы поспорил, Ллойд, по камерам видно, что первым напал Джей, — перебивает темноволосый.

— А не было, за что нападать? Почему тогда не слышно, о чём он говорил с Коулом до прихода Джея? А что по поводу слов Харуми? Может, хотя бы стрелы на каждом месте взрыва или массового убийства тебя хоть немного смущают?

— Ллойд, здесь всё слишком мутно, чтобы утверждать точно... — устало вздыхает мужчина. — Я тоже не верю в то, что это просто совпадения, но что сказать народу? Как объяснить полиции, что Мисако не причастна ко всему этому, когда все улики показывают на неё? Признаю, это бред полнейший. Она не стала бы делать этого, — на секунду он останавливается, замечая, как быстро лицо сына меняется. — Но Морро в больнице, у него ножевые ранения, такие, каких не должно быть у неживых существ. На ноже отпечатки твоей матери, а самое главное — камеры, которые успели запустить, поймали именно фигуру Мисако на месте разгрома торгового центра. Мы не можем говорить со стопроцентной точностью, тем более, она была у вас дома в последний раз, и, как мне известно, ребёнок под вашей опекой тогда чуть не пострадал...

— Папа, — парень больше молит, чем настаивает. — Морро вселяется в людей... Его ранения ещё ничего не значат, ты сам только что сказал, что нельзя быть точно уверенным!

Альфа не отвечает, и вовсе переставая смотреть на сына. Словно уже не чувствуя, как кипит обида, как ощущается злость и как горька несправедливость на вкус Ллойда, мужчина делает вид, что продолжает работать. Он ждёт не долго, когда младший, не долго остывая, начнёт садиться обратно на место, и, быстро роясь в полке под столом, осторожно кидает на край стола — ближе к мастеру энергии — синюю папку с документами. Больше всего ему не хочется пугать или ломать сына, закапывать, когда сам же категорически против этого, но обстоятельства давят в спину, толкая вперёд, и даже сильная любовь к жене и ребёнку не уводят его от действительности.

Он готов был отдать всё, лишь бы не сдаваться, но на этот раз их взяли силой, взяли с таким железным планом, что стихии не имеют никакого значения. От смертей бросает в жар, от тех жертв, которые нужно

отдавать под взором закона и народа, — в холод.

— Документы в суд, — кивает Гармадон и с треском внутри наблюдает, как младший, перелистывая несколько страниц, останавливается на знакомом имени и заметно бледнеет.

— Не понял, — с нервным смешком, словно только вдохнув, подаёт голос Ллойд, перечитывая заявление снова и снова. — Коул Баккет?..

От родного имени кожа трескается, сыпется песком на пол, словно на пляже, а сердце бьёт ещё сильнее, быстрее, врезается в рёбра, в грудь, вот-вот вырвется и сбежит к чертям собачьим. Больше шока парнем движет колючее, бессердечное предательство, что топчет недавно живущую веру ногами, втаптывает куда ниже, куда глубже, почти до дна, игнорируя звон в душе альфы.
Внутренности водят хоровод, играются с сердцем, бросают то туда, то сюда, грозясь и вовсе его выкинуть.

— Коул написал его сразу же, как только стало рассматриваться проведение суда. Там, около трёх дней спустя, он выступает пострадавшим, — мужчина резко останавливается. Он вдруг ощущает физически, как трескается до этого железная братская любовь внутри Ллойда, как по венам с кровью течёт больное разочарование, горькое неведение и сомнения. — И выступает *против* Мисако.

Он ждёт ещё половину минуты, вдыхая разочарование всей грудью, и вздыхает, так тяжело, словно скидывает с плеч тяжёлый мешок камней.

— На защиту Мисако ещё никто не встал. Меня к роли адвоката не допустят, как родственника, поэтому остаётся ждать другого, — он видит, что мастер энергии не слушает. Видит и продолжает. — В любом случае, я надеюсь, что всё наладится. И... ещё один момент, Ллойд.

Альфа отстранённо дёргает голову вверх, хотя находится вообще не здесь, яростно убивает всех на своём пути от горящей злости.

Мужчина сам выглядит спокойно, осматривает кабинет с некой тоской и холодом, словно он и не его вовсе. Теперь настораживает каждое слово, каждое движение и каждый звук. Ллойд теряется, боится, что снова предадут, снова наступят на больное, ударят в спину, игнорируя светлую надежду и веру во что-то хорошее.

— С понедельника я здесь не работаю, — не давая дыхнуть, не давая удивиться или схватиться хоть за что-то, он говорит быстро, не медля и не растягивая пытку сознания сына. — У Морро наследство. Его дядя недавно умер, и я, по сути, всё это время занимал его место. По закону, место в этом кресле передаётся Морро, так как тот жив и согласен управлять компанией. Властям... плевать на всю эту историю про нападение призраков, про его месть и злые мысли. На наше дело тоже. Тоже плевать.

Альфу разрывает на части, мажет по полу и стене, втыкая по ножу в секунду. Он дышит не кислородом, дышит углекислым газом, болью и неудачами, дышит своим проигрышем. Он не понимает, какого чёрта отец остаётся таким спокойным, не понимает, почему после этого всё вокруг не взрывается фейерверками, почему здания не рушатся и внезапная метель не сносит их с ног.
Сейчас он понимает, что имела ввиду Руми. Сторм настроен серьёзно. Ему не нужна армия, не нужна стихия зелёного или золотого ниндзя, не нужна всемирная мощь, чтобы победить. Он убивает их по очереди, бьёт наотмашь, желая выжать соки из каждого. Первым взял того, кого и в прошлый раз. Альфа меньше всего на свете хочет, чтобы давно умерший урод добрался и до остальных, разрушил жизнь каждого, когда они ему так дороги.

У Морро на это нюх.

У Морро *талант*.

× × ×

— Вы серьёзно его видели? — спрашивает Уолкер, наблюдая, как мастер огня немного нервно помогает Дилану строить башню из кубиков. — И что он? Что-то сделал вам? А выглядел как? Точно ехидничал, я не могу сомневаться...

— Он... — альфа на секунду замолкает. Запах парня до сих пор резкий и сильный, он заполняет всю кухню и превращает её в огромный куст с крыжовником. Дико освежает, врывается в самые лёгкие, разлетается по всему организму и даже успокаивает. На кончиках пальцев словно до сих пор держится резкая мята, не хочет отпускать Кая, не хочет, чтобы тот забыл о встрече. Он эти глаза теперь видит везде, куда посмотрит, и их если не стереть из памяти, то разодрать ногтями хочется. — точно подстроил всё это. По крайней мере, взгляд у него был явно не жертвы.

— Честно скажу, — бета нагнулся к другу. — Я после всего этого его даже на расстоянии не переношу. Он слишком опасный сейчас, такого даже в прошлый день Ушедших не было.

— А с ним ещё и все остальные, которые не менее опасные. Та же Харуми, Надакхан... — подаёт голос Ния и плюхается рядом с Джеем. — Коул, иди к нам!

Брюнет с кухни громко отзывается и ещё несколько минут копошится, после появляется перед кучкой друзей с кружкой чая. Только встречая тёплый взгляд мастера молнии, он, до этого, вроде бы, надёжно собранный, рассыпается.

Вот он делает что-то не так, отказывается предавать свою команду и Ллойда, и Джей довольно улыбается. Улыбается светло и мягко, горит до тех пор, пока сзади не хватают сильные руки Джина. Альфа душит парнишку коньяком, заставляет плавать в своей боли, в крови, вырезает на коже узоры и с улыбкой во все тридцать два зуба напоминает, как мастер земли облажался. Он сжимает парня медленно, заставляет впитать боль, выпрыгнувшую наружу криками, обратно, втаптывает в землю и ставит сверху крест. Коул представляет, как на

чистейшей коже порезы и ссадины, ушибы и плоды мести Надакхана. Как мужчина бьёт, не жалея сил, как впечатывает в стену или, ещё того хуже, берет у той же стены без согласия, раскладывает мальчишку и глотает стоны, чтобы потом в мельчайших подробностях пересказать всё это Баккету.
От таких представлений сердце внутри сжимается до микроскопических масштабов, бьётся так, что с трудом удаётся сосчитать удары.

Брюнет за слёзы лучшего друга, за боль и страдания готов убивать.

Желательно себя в первую очередь.

Руки дёргаются, и половина чая проливается альфе на ноги. Парень шипит и только тогда просыпается, мотает головой и с чувством неправильной неожиданности наблюдает, как бета быстро поднимается, чтобы сначала посмеяться над Коулом, а потом помочь.

— Всё хорошо? — спрашивает темноволосая омега, наблюдая, как Уолкер откладывает кружку старшего в сторону. — Ты растерянный в последнее время...

— Не могу не согласиться, — влезает Джей. — В чём дело? Ты очень странный, особенно сегодня. Не поделишься? Мы же можем помочь, команда, как никак...

— Всё... всё очень сложно... — альфа берёт тряпку и начинает быстро вытирать горячие капли с ног, желая в один момент спрятаться. На него смотрят все, кто в комнате, даже Дилан, который их толком и не понимает. Даже ребёнок интересуется, ощущает эту убивающую атмосферу и пытается разглядеть.

Больше нельзя это терпеть. Нельзя молчать, так будет только хуже.

— Понимаете, я...

Врывается тишина, стоит входной двери хлопнуть. Команда молча

смотрит на порог, молча наблюдает, с какой яркостью, с какой безысходностью и растерянностью входит лидер. Зелёный ниндзя ни с кем не здоровается, да и не собирается, сразу цепляет взглядом мастера земли и направляется к нему, игнорируя вопросы остальных.

— Ллойд, что узн...

— Какой же ты уёбок, — вдруг шипит блондин, словно змея, и бьёт Баккета в челюсть.
Всё вокруг словно сходит с ума. Вышедший из соседней комнаты Зейн быстро подхватывает Гармадона под руки и оттаскивает подальше от чёрного ниндзя. Остальные сразу вскакивают, как ошпаренные; Смит по существу прикрывает ребёнка рукой, подтаскивая себе за спину, Джей ловит едва повалившегося на пол Баккета, а Ния, быстро проведя по руке мастера земли, подходит к лидеру и помогает его держать, толкая в грудь.

— Ллойд, в чём дело?! — испуганно спрашивает девушка, ловя в воздухе ладони друга.

Гармадону словно плевать на других. Парень прожигает брюнета взглядом, стреляет из него, но в душе ощущает, что до сих пор не верит. Кажется, что это шутка, что это неправда и их дружба не могла так легко подорваться.
Хочется в это верить. Иначе вдвойне тяжелее.

— Появился хороший шанс, правда, Коул? Лучше ударить тогда, когда и так плохо, чтобы добить! Это в твоём стиле, да?! — мастер энергии вдруг перестаёт вырываться, но взгляда не отводит, он словно убивает им, словно мстит. Думает, что так нельзя, но Коул заслуживает. По его мнению, на все сто процентов. Парень замечает, что от него до сих пор ждут ответа на такую внезапную ярость, и почему-то даже не чувствует тяжести. — Что тебе сделала Мисако, чтобы идти в суде против неё и защищать этих мёртвых ублюдков?!

Альфа умирает медленно. Чувствует, как медленно валится куда-то вниз, утопает в собственной безысходности, глотая слова лидера

залпом. Всё внутри рушится, те замки, те города, построенные им за столько лет в команде, взрываются, становятся кучей ненужного хлама, кучей пыли, обломков. Что он сделал? Разве он виноват в этом? Он больше всего на свете хочет быть только на свету, хочет добра людям вокруг, и Мисако, действительно, совершенно ничего плохого ему не сделала. Но есть ли выход из этой ситуации? Почему при любом раскладе событий страдать будет и он, и кто-то из его близких?..

Он улетел бы отсюда птицей, попался под выстрел охотника и лёг на землю замертво. Больно? Конечно. Только точно не так, как сейчас, когда он готов ударить себя самостоятельно, когда хочет кричать, срывать горло до откашливания кровью. Он больше никуда, кроме глаз Уолкера, не смотрит, хватается за его плечи и видит страх. Видит недопонимание.

Самому страшно.

Парень не ждёт, когда на него уставятся все сразу. Он точно умрёт от этого, не выдержит тяжести, и так больно. Легко отцепляя от себя Джея, он медленно отходит к дивану, медленно приседает и закрывает лицо ладонями, чувствуя, как рвётся на части.
Молит всех богов, чтобы не было так тяжко, больно скользит пальцами по лбу и глазам, желая их разодрать. Гармадон будто плеснул в лицо яд, и, скажи он "предатель" сейчас, и вовсе уничтожит мастера земли, разнеся в щепки.

— Ллойд, подожди, — Смит прерывает тишину, как спасательный круг в одиноком океане, осторожно отходит от напугавшегося ребёнка и приседает перед Баккетом, отводя его ладони от лица. — Коул?..

— Я не... — он сглатывает. — Это всё не специально...

— В чём тогда проблема? — Ллойд уже не вырывается, но от Зейна не отходит. — Почему из-за твоего молчания моя мать должна сидеть в тюрьме?!

— Потому что Морро так хочет! — внутри всё заново взрывается. Мастер земли резко поднимается, заставляя Кая отскочить и упасть в ноги Уолкера, разбито смотрит на блондина и сглатывает. Земля в горшках из-под цветов мастера льда на полках трескается. — Морро, Харуми и Надакхан уже владеют этим городом! Думаешь, они бы не воспользовались шансом прилюдно унизить нас и выставить лжецами? Нет героев в городе — нет преданности народа, а для них это самый выгодный вариант! Они нас уничтожают, Ллойд, ты не видишь? Мне надо посадить Мисако, потому что Надакхан сказал. Да чёрт бы с ним, но надо. Иначе... — он едва не давится воздухом, но продолжает. — один из нас будет страдать. И это не я.

Гармадон медленно меняется в лице, как чувствует, что в горле появляется огромный ком. Он не может сказать и слова, не может просто подумать о чём-то, не чувствуя, как по голове бьют кувалдой. "Они нас уничтожают" — самая чистая правда, самая больная, неприятная и нежеланная. Сторм добивается всего за долю секунды, бьёт без промаха и попадает точно в голову, точно в висок, чтобы убить сразу. Ллойд не понимает, как раньше не чувствовал этой власти альфы, как был слеп и неосторожен с врагами, надеясь на лучшее. А ведь Морро всегда был опасен. Более того, опасны были все до исключения, даже собственный отец, и у каждого была своя причина уничтожить их команду.

Он ведь знал, знал, что нельзя расслабляться, что брюнет берёт голыми руками, почему расслабился? Почему упустил из рук шанс предотвратить внутреннюю катастрофу?

— Один... один из нас? — отлипает от одной точки темноволосая, медленно переводя взгляд на Баккета. Смотрит слепо, совсем не желая находить в тёмных глазах ответ на свой вопрос.

— Джей, — отвечает, но не Коул. Отвечает Жульен, отпуская лидера и смотря на мастера молнии. Тот весь теряется, поджимает плечи и опускает взгляд куда-то на тёмные окна, на пол, обдумывая услышанное. Конечно, у ниндроида умные мозги, кому, если не ему догадаться обо всём, но легче от ответа не становится.

Вообще не становится.

Начинается треск. Каждый медленно прокручивает всё то, что чувствовал Коул, всё, что будет чувствовать Джей, если не послушаться Джина. У Ллойда от тяжести буквально лопаются капилляры, кружится мир от всей той информации, от всех этих проблем, так просто свалившихся на голову. Почему они вообще ждали приключений, вместо того, чтобы наслаждаться спокойствием? Сейчас ведь действительно хуёво, сейчас каждый готов кожу сдирать в отчаянии, кричать до тряски стен и полов. Морро молодец, больше ничего не скажешь. Сжимает горло каждого, даже не напрягаясь, бьёт по сердцу медленно, но так точно, что на все сто баллов. Ненавидеть альфу сейчас, или восхищаться тому, насколько здорово он умеет портить чужие жизни?

— Знаете... что я думаю? — вдруг подаёт голос Уолкер и даже немного хрипит, взрывает тишину петардами, чтобы не осталось ни следа. Гостиная едва успевает потонуть во тьме, а парень врывается с громким "хей", как делает всегда, и светит, чтобы никого случайно не оставить в тени. Он собирает взгляды друзей, чувствует ещё большую уверенность. — Нас пугают.

Ллойд щурится, просыпаясь от гипноза сознания, и больше вслушивается в слова мастера молнии, медленно вникая. Ловит надежду, пока та ещё не улетела с концами.

— Морро для этого и пришёл, чтобы отомстить. Он вселяет в нас страх, чтобы мы быстрее сдались и дали ему господствовать в этом городе. На городе всё не закончится, поверьте, дальше — хуже, — он хмыкает. — А разве мы не можем дать этому какой-то отпор? Почему нельзя открыть людям глаза, обмануть Надакхана, обойти Морро, выступая в суде *за* Мисако?

— Ты спятил? — не выдерживает Ния, смотря на бету. Она едва хочет напомнить, что, между прочим, именно он в опасности, но Джей быстро перебивает, даже не желая слушать это вновь.

— Почему вы так уверены, что Джин выполнит обещание? Я не ребёнок и не простой человек, чтобы Надакхан что-то сделал мне, — выпаливает шатен. — Я здесь не один, хоть сил сейчас и нет, я всё ещё могу постоять за себя. Со мной Коул, Кай, Зейн и Ллойд — известнейшие и точно сильнейшие альфы-герои этого города. Да что там, со мной Ния! А я? Я не герой, по вашему? Или то, что я бета, что-то меняет?

Команда молча переглядывается в поисках общего мнения. Уолкер настолько же прав, насколько сошёл с ума, совершенно о себе не волнуясь, но первое преуспевает с приходом воспоминаний того, через что они прошли. Они ведь всё ещё вместе, они прилипли друг к другу и, можно сказать, одно целое. И за эти года столько дерьма навалилось, что даже нынешняя ситуация после слов мастера молнии кажется не таким страшным. У них ничего, кроме навыков, нет, но они по-прежнему вместе, и это то самое, что всегда помогало им проходить через что-то. Сторм может обратиться хоть в двухметрового монстра, может точить зубы, угрожающе скребя по полу, но команда всегда держится за руки, что бы ни случилось.

Они бы давно утонули в этом болоте, потеряли бы голову, но опять вместе, опять здесь, в кругу, чтобы пройти дальше. И при опасности, при любой угрозе жизни Джея они должны встать стеной хоть раз двадцать. По крайней мере, они верят в это.

— Хотите, или нет, в защиту Мисако я встаю самостоятельно, — заканчивает кудрявоволосый. — это не обсуждается.

— Тогда идём до конца, — тяжело вздыхает Кай, позволяя лёгкую улыбку губам, и жмёт руку Джею, хлопая того по спине.
Бета принимает взгляды, как собственную победу, и ждёт одного — Коула, пока тот, поднявшись, молча не обнимет лучшего друга. Мастер молнии смеётся, ударяет альфу и лохматит тому волосы, принимая общее согласие как старт.

Так и до финиша недалеко.

× × ×

Мята не долго борется с запахом спирта, заполняет палату полностью и превращает её в собственность альфы. Он медленно затягивается, выдыхая в окно пар, и с едва заметной улыбкой смотрит в окно. Смотрит, как светят фонари, как смеётся ребёнок, когда отец зажигает спичку, а после быстро тушит её взмахом. Пламя растворяется, исчезает в воздухе, и брюнет едва держится, чтобы не сделать точно так же.
Он бы смотрел на пламя днями напролёт, наслаждался ночами, а в конце, когда надоест, тушил бы в чашке чая, потом меняя спичку на другую. Дым бы его успокаивал.

— Документы в суд у Гармадона? — спрашивает он и улыбается, когда Джин кивает. — Наш мальчик не подвёл. Что по делу той выжившей мамочки?

— Тяжёлое состояние, друг. Жизни может угрожать любое неправильное обращение или действие приборов. С ней проблем не будет. Ребёнок живой, — Хан загадочно рассматривает потолок на соседней койке, перекатывая во рту жвачку. — Ты знаешь, что он у Гармадона дома?

— Видел, — хмыкает Сторм. — Угадай, кто в роли матери.

— По твоей улыбке и не угадаешь, — мужчина потягивается и поднимается, упираясь спиной в стену и складывая ноги. Тон холодный и изведательский, но самый, на этот момент, искренний у Надакхана. — Чем зацепил пацан-то? У нас же Ллойд на прицеле, что нам даст мастер огня?

Морро спокойно выдыхает дым, наблюдая, как серые кольца вылетают в открытое нараспашку окно. Смотрит загадочно, взглядом катается по

полной луне и представляет, как та взрывается, как исчезает, сбивая звезды и оставляя на небе чистоту. Альфа бы весь этот город очистил. Сначала народ, потом правительство и уже поднадоевшую команду героев. Он не верит, что так интересуется, что питает монстра внутри желанием втоптать в грязь каждого из врагов, а потом очистить. Простирнуть лучшим порошком, чтобы были ярче лампы, и повесить рядом, как пройденное.

Но одного, почему-то, не стал бы очищать. Опустил бы в грязь, заставил смыть всё белое с кожи и лично бы проводил в чёрное болото.

Пачкал бы долго, упивался, а потом вышвырнул, потушил, как горящую спичку.

— То же, что и тебе Уолкер. Утолит жажду, — отвечает брюнет. — Знаешь, их труднее сломать. Тебя это ничем не подцепляет? Я не почувствую удовольствия от победы, пока эти двое не лягут под ноги. Кудрявый мне не очень нужен, можешь заняться им лично, если наш очаровательный Баккет не оправдает ожидания. А Смит — моя мазоль.

— Merci, — Хан чокается со Стормом воображаемым стаканом с вином и вновь располагается на койке, прикрывая глаза.

Примечания:

Мерси, Мерси, как говорится ханом, я очень жду от вас пару словечек

вот верьте или нет, от т а к о г о морро у меня самой мурашки. для меня этот образ невероятен

я болею сейчас, поэтому главы не так быстро выходят, как я бы хотела. было бы до безумия приятно услышать от вас что-нибудь по поводу этой главы, ведь с каждым разом писать мне даётся тяжелее. но мне это нравится
целую в пупок;]

seven

***

Со следующего же дня Джей буквально не выходил из собственной комнаты, перечитывая судебные дела, пересматривая все шоу, все эфиры с проведением суда. На отклики и приходы друзей он только кивал, словно заранее запрограммированный робот, а когда сильно отвлекали, и вовсе выгонял за дверь, впервые, похоже, в своей жизни объясняя, что работает.

Ллойд заглядывал не так много, как хотел бы, если только из-за чрезмерной нагрузки на бету. Он приносил перекусить, иногда выводил того на кухню, чтобы парень не сбивал режим. Само собой, ведь благодаря Уолкеру команда вновь встала на ноги, и больше всего из них, конечно, лидер. Не упав до конца, альфа не разбился, потому что вовремя схватился за руку друга и повис так, удержался, и держится до сих пор, чтобы вернуть свои прежние крылья. На самом деле, блондин ещё со вчерашних слов Джея решил, что больше не будет прогибаться под весом трудностей. Он ведёт эту команду, он её вершина и опора, и, не будь его, не будет и команды. К парню снова вернулась эта огромная обязанность, он чувствует, как решается, как готов встать горой и не сдвинуться с места даже в конец света.

Он очень благодарен Уолкеру за то, что бета вовремя поддержал их, и сейчас уважает друга только больше.

К концу недели парень выглядел неважно, устало, с большой информацией в голове и синяками под глазами, чуть ли не свисающих до щёк. В свою комнату он впускал только Нию и Кая, чтобы те помогали поддержкой и огромной силой духа (парню казалось, что она такая только у этих двоих), иногда Зейна, когда совсем не разбирался в прочитанном. Конечно, сначала его и вовсе не выпускал, спрашивал, что к чему, а после начал немного разбираться, и ниндроида мучить не пришлось. Подросток ликовал, когда суд перенесли на следующую

неделю, отметил новую дату и уже в пятницу пошёл отмечаться перед Гармадоном-старшим, что отбывал последние дни на рабочем месте, свою кандидатуру в качестве адвоката, оформив полномочия на ведение дела. Конечно, не обошлось и без помощи мэра и самого Гармадона, ведь кроме полученных знаний у парня опыта работы не находилось.
К началу следующей недели документы были готовы и надёжно спрятаны, чтобы отдельные лица не могли узнать об вмешательстве беты.

Коул свои документы не забрал, не вызывая подозрений у Морро и его людей. Ллойд посоветовал Баккету всё же присутствовать на суде, как пострадавший, но в последний момент выступить за защиту женщины, чтобы совсем свести планы Сторма на нет. У них в кармане был самый грязный ход — Джей, осталось закрепить материал, подобрать подходящий вид, чтобы лишних вопросов у судьи не было, и дожидаться назначенной даты.

К последнему дню Уолкеру подошла очередь заслуженного отдыха, и тот, хорошо поужинав и поцеловав Нию в уголок губ, направился спать уже в пижаме. Сон был спасательный кругом, Уолкер даже не был уверен, кто хочет спать больше — он сам или его организм. Маленькая учёба здорово потрепала парня, превратив на вид в ходячего мертвеца, но бета, как не хотел, никому не жаловался и лишь иногда устало постанывал в собственных четырёх стенах, засыпая на ходу. К тому же, он сам на этом настоял, и команда сейчас как ни в ком другом нуждается в нём. Ния тоже. Ния особенно сильно, наверное, даже сильнее Ллойда.
Уолкер так и засыпает, разлёгшись на краю кровати, в одних шортах и футболке, словно не спал целую вечность.

Мастер огня, обычно отходя спать позже остальных из-за возни с Диланом, только оставил коляску в покое, с тёплой победой в глазах наблюдая за уснувшим ребёнком. Прикрыв дверь, он обошёл дом в не слишком занимательном поиске разбросанных игрушек, наполнил ими ящик и, напоследок заглянув к сестре, шёл было к себе, ко сну, но

остановился у дверей беты.
Альфа тихо проскользнул в комнату и, заметив, что Уолкер почти на соплях держится на кровати (к удивлению, всё ещё не грохнувшись на пол), осторожно перекатил бету ближе к стене и накрыл одеялом. Парень вышел, перемещаясь почти на цыпочках, едва ступил в свою комнату, как от одного скрипа двери Дилан зашевелился. Смит не стал рисковать, предвещая себе при входе бессонную половину ночи, отошёл дальше и вновь остановился у комнаты Джея. Не долго думая, он вновь заскочил туда и опустился рядом с бетой, даже не трогая одеяло и прикрывая глаза.

Мастер молнии почти не шевельнулся, видимо, слишком сильно опленённый сном, только поджал губы и, перевернувшись, закинул ногу на альфу.

Остаток ночи друзья провели в объятьях, словно защищая друг друга от плохих снов.

А может и не от снов вовсе.

× × ×

Жульен никогда не имел понятия "любовь", что противоречила его системе целиком и полностью.

"*Бездушный робот*" — и ведь было бы правдой, так думает альфа, ковыряясь в заказанной еде.
Только зачем она ему? Ниндроидам не нужна пища, не нужна вода, чтобы выжить. Парень иногда теряется в себе, когда задумывается над тем, кто он на самом деле. Умнейшее изобретение старика-гения, робот для удовлетворения и упрощения жизни людей или собранные в одну кучу килограммы железа? Откуда тогда чувства, откуда это щемящее ощущение в груди, прямо как у людей, когда у Зейна и сердца-то нет?

На самом деле, альфа чувствует достаточно много, чтобы походить на человека. В последнее время он не ищет ответы в личной системе и интернете, не изучает человека, как что-то отдалённое от себя, а пытается жить. Жить без интернета, без сети, жить в неведении, но так по-новому и так интересно, чтобы захватывало дух. Зейн в который раз контролирует внутреннюю систему, отключая доступ к поиску информации, прикрывает глаза и вдыхает аромат свежего салата под носом. Он дышит, он чувствует, он знает, он запоминает. Он живёт, и для него это, на данный момент, — самое главное.

Что по поводу любви, так альфа уверен на все сто процентов, что она у него есть. Игнорируя провода и электросхемы, пустое, безжизненное железо и бездушное тело, она заселились глубоко-глубоко внутри, даже не спрашивая разрешения, не оплачивая столь долгое проживание. Мастер льда прогоняет её холодом, топит в бесконечной информации, в сумасшедших знаниях и цифровыми кодами.
А ей плевать.
Так было давно, так есть и сейчас, и к присутствию любви внутри себя парень привык примерно также, как к диагнозу или хроническому заболеванию. Понять любовь ниндроида дано далеко не всем людям, как и представить, как тяжело бороться с пустотой и бездушием каждый раз, слыша очередной системный сбой. Ни один сайт не может точно объяснить, как он способен любить, не может доказать или опровергнуть факт, что чувства у машин есть, а Зейну этого и не надо.

Альфа весь холодный, ледяной, как глыба или айсберг, а от любви, от нежной симпатии и неземного притяжения становится тепло, и, как бы парень ни винил в этом Смита, его огонь вовсе не причём.

— Мне прошлось задержаться, извини за это, — к столику подошла Пиксель и уселась напротив ниндроида, заглядывая тому в глаза. — Как долго тебе пришлось меня ждать?

— Достаточно, чтобы соскучиться, — альфа с нежностью улыбается, дотрагивается до руки беты и в очередной раз думает, точно ли ниндроиды не способны любить. П.И.В.В.Ж. всегда рядом, словно

пришита спиной к нему, совсем не выдуманная, хоть и сказочная, вполне себе реальная, способная вызвать счастье у куска железа.

Ведь почти каждый из команды нашёл себе свою половину, нашёл свой дальнейший путь, будь он альфой, омегой или бетой. Зейн раз за разом наблюдал, как тепло и нежно смотрят в глаза друг друга Ния с Джеем, как, несмотря на разные характеры, ценят друг друга сильнее золота. Как Скайлор, заканчивая свою рабочую смену в ресторане, не могла не встретить у входа Кая, что простоял явно больше часа, ожидая омегу, но не сдвинулся с места. Он ведь прекрасно понимает, что это любовь, что это то самое неимоверное чувство привязанности и боли от расставания. Более того, он чувствует это сам, гордится и счастлив за друзей, что нашли свой смысл жизни.

И ведь Джей с Каем одни из тех, кто до этого к чувствам относились не так серьёзно. Смит отдавал всё внимание себе, своим желаниям и целям, а Уолкер просто не был готов к отношениям, не искал того, что заполнил бы его до этого лёгкую голову мыслями. А как эта любовь меняет... Альфа и бета готовы уничтожить всех на своём пути, обойти всю землю, лишь бы защитить своих друзей, свою семью и своих омег. Жульен бы соврал, если бы сказал, что не восхищается парнями, да и его система бы не позволила.
Он учится у них и, стоит увидеть беловолосую, понимает, почему те вдруг поменялись, почему стали лучше, стали заботливее и ответственнее.

— Это радует меня, — девушка ловит пальцы парня и сплетает их со своими. — Действительно радует. Это даже взаимно, за это время я соскучилась не меньше. Как проходят дела с Морро?

— На самом деле, до этого момента дела были ужасны. Понимаешь... — альфа опустил взгляд в стол, прокручивая недавние события. — Морро стал намного сильнее. В это не с большим желанием хочется верить, но он решил добивать с первого же удара, и... кто знает, что стало бы с командой. Джей наладил обстановку, и сейчас, — он останавливается, наклоняется ближе к лицу Пиксель, говоря шёпотом. — у нас есть план действий. Мы ударим в ответ.

— Это же прекрасно, — омега вмиг расцветает и улыбается, восхищённым взглядом смотря на старшего. — То есть... серьёзно, это очень хорошая новость.

Альфа замечает в, казалось бы, безжизненных глазах столько света, столько радости и надежды, что замирает. П.И.В.В.Ж. сама светится, как солнце, а стереотипы об ничего не чувствующих ниндроидах выбрасывает к чёртовой матери, так далеко, чтобы и видно не было. Такая живая, такая настоящая, всё прекрасно понимающая и чувствующая, и Зейн понимает, в кого влюбился. Не в оболочку девушки, не в её систему и замечательный ум, а в тот маленький огонёк внутри, в него, который позволяет омеге чувствовать, радоваться и быть счастливой, как сейчас.
Внутри он словно загорается, совсем не замечает, как сидит так уже минут пять, неприлично и странно рассматривая глаза девушки, а руку, словно прицепленную к его собственной, даже не собирается отпускать.

— Всё в порядке? — она взволнованно наклоняет голову, уже думает, не заклинило ли любимого ниндроида от салата, к которому тот даже не прикоснулся, и щёлкает второй рукой перед его глазами.

— Люблю тебя.

— А?

Парень просыпается из недолгой спячки, быстро отцепляет руки, понимая, что выглядит смешно, и резко встаёт.

— Прогуляемся, — выпаливает он и практически вылетает из кафе. Пиксель не долго думает, умилённо улыбается и, поднявшись и подозвав официанта, чтобы забрал тарелку парня, направляется следом за несчастным влюблённым.

Если все они действительно несчастны, тогда она, видимо, тоже.

Даже если на самом деле счастлива.

× × ×

Зал суда медленно наполняется людьми, судья готовит стол и перепроверяет документы. Мисако всё ещё в камере, что в соседнем кабинете, сидит с мужем под присмотром охраны и устало прикрывает глаза. Женщина вообще устала за эти дни, потому что действительно многого натерпелась. Неизвестно, держит ли она зла на кого-то, потому что в последнее время молчит и ни на что не обращает внимания. Словно под гипнозом, бета смотрит на собственные руки, которые осторожно сжимает Гармадон, и не видит ничего, кроме манящей пустоты. Она точно не здесь, точно не в этой глупой камере и не в этом жестоком мире, где даже героев готовы обвинить в чём угодно.

Даже родные готовы обвинить в чём угодно.

— Дорогая... всё будет хорошо, — говорит альфа и пытается поймать взгляд женщины. — Мы справимся с этим, вот увидишь.

Или не увидишь.

Мисако бы замечательно всем объяснила, что это вовсе не её вина. Что буквально две несчастные недели назад в её собственный магазин ворвался Морро и перед убийством рабочих, которые были не менее дороги женщине, в неё и вселился, сделав грязное дело её же руками. Пальцы до сих пор дрожат, на них всё ещё невидимая кровь несчастного персонала, который она сама же нанимала, с которым знакомились, к которому так привыкла. И как в последние секунды своей жизни несчастные омеги и беты ничего, кроме совсем не мисаковских глаз не видели... Они единственные знали, что это вовсе не женщина, что она бы никогда так не поступила, и эта ничтожная правда ушла вместе с ними. Сторм воспользовался телом беты, как

конспирацией и отличным оружием, заставил одних утонуть во лжи, а других в страданиях, и кинул её на произвол судьбы.

Сейчас нет и капли надежды на то, что кто-то спасёт, кто-то чётко пойдёт против наглого альфы и восстановит справедливость. Мисако хотела в это верить, но сейчас, когда разум ещё не полностью контролирует тело, ей плевать на всё. За то количество убитых ей грозит если не пожизненное, то сразу несколько, а то и смертная казнь. Может, внутри она ревёт от безысходности и страха, просит спасения, но снаружи только существует.

Бета даже не замечает, как в камеру забегает собственный сын и с победным выражением лица падает у колен матери.

— Сегодня же мы вытащим тебя, — говорит он, верит сильно и даже заряжает своей энергией поникшего отца. Смотря в пустые глаза женщины, гладит её колени и целует в руку. — Я обещаю тебе, мам, завтра же ты будешь дома. Потерпи эти пару часов, мы во всём разберёмся.

— Вы точно готовы? — спрашивает Гармадон, большими пальцами поглаживая ладонь жены.

— Ты можешь положиться на нас, — отвечает он и улыбается. — В этот раз мы не проиграем, клянусь.

"Клянусь" — Мисако в душе громко смеётся, потому что не верит ни единому слову. Она думает, знает, что всё не так просто. Бета тоже верила слепо раньше, шла вперёд даже тогда, когда тонула она или другие. Сейчас у неё нет места куда идти, нет желания и нет мотивации, чтобы подниматься. Утонула.
Наверное, она единственная, кто поняла, насколько же Морро опасен и непобедим сейчас.

Охрана оповещает о начале проведения суда, Гармадонов прилично выгоняют из камеры в зал, а на женщину одевают наручники, после отправляют следом.

× × ×

Надакхан с интересом рассматривает судью, после вошедшую Мисако, и чуть не давится собственной радостью. Он поправляет красный галстук, поправляет пиджак, действительно идеально на нём сидящий, и ловит на себе взгляды из толпы.

Собственный запах алкоголя лишает всех здравия, заползает в трезвые головы и душит их, словно так заставляя подчиниться. Он знает, что в этом суде всё равно выйдет победителем, вынесет нужный ему вердикт судья, или иной. Морро не раз хвалил его за план, который мужчина предложил ещё до похищения Мисако, и ничего не пришлось додумывать — всё было просто, на поверхности, потому что сразу два расклада событий для альф являются удовлетворительными. Конечно, не хотелось разочаровываться в Баккете, особенно Сторму, который до этого принял его чуть ли не как брата. Он мог выбрать и Ллойда, и Зейна, а ещё лучше — Нию, которая ради беты сделала бы всё что угодно. Но ведь Коул, по его мнению, подходил больше, хотя бы из-за своеобразной любви к команде. Альфы сделали так, чтобы одним выстрелом убить сразу несколько зайцев, тем самым заставить страдать не только Мисако с Уолкером, но и мастера земли, на которого свесили такой груз. Как можно было выбрать между командой и лучшим другом, который и защитить себя по большей степени не в праве? Только чудом.

А чудес в этой жизни не бывает, поэтому страдал бы всё равно каждый, кто попал под руку Сторма.

Альфа уверен в своих силах в любом случае, буквально ощущает свой убивающий взгляд и думает, что его уже ничто не остановит.
До момента, когда в зал вваливается бета.

— Я прошу прощения, — кивает Джей и проходит в сторону

присвоенного на эти часы себе стола, со стороны камеры Мисако, улыбаясь той и поправляя очки на носу.

И Кхану буквально сносит крышу.

Он не до конца понимает, дело в присутствии мастера молнии или в очередном лёгком запахе голубики, но внутри черти сжигают всё живое, всё целое, создавая хаос.
Джей просто невероятно красив, невероятно сексуален и настолько хрупок, сладок, что глаза словно лопаются. Парень в белоснежной, как первый чёртов снег, рубашке, больше его на размер-два точно, в таких же белоснежных брюках и чёрных мокасинах. Кудри точно мягкие, слегка пушистые, словно только от подушки оторвавшиеся, а на лбу прицепленные заколкой, чтобы не лезли в глаза. Яркие очки светло-голубые, идеально подходящие к носкам, заколке и глазам. И только эти глаза, только это голубое сумасшествие впервые заставляет мужчину задыхаться, обливать себя снова и снова, как ледяной водой. На миг альфа чувствует, что умирает от желания подойти и сжать слишком волшебную бету в руках, и это не минутное помутнение.

Его разрывает от одного вида, от движений и взглядов, а когда один из таких взглядов он всё-таки ловит, натягивает улыбку.
Джей думает, что она провальная, утишительный приз самому себе — проигравшему, а на самом деле звериная.

— Прошу всех встать, — говорит судья, заставляя зал подняться. Всё смотрят на неё, а Надакхан — на мастера молнии, и это невозможно не заметить. — Присаживайтесь.

Альфа ловит взглядом довольного Коула, спокойного, словно на берегу моря, после осматривает остальных из команды (за исключением Смита, в очередной раз оставшегося с ребёнком) и без слов понимает, что Коул не на его стороне. Брюнет только смотрит на друзей и Джея, довольно ему улыбается, а потом ловит взглядом Мисако и немыми выкриками поддерживает. Если счастливый, радостный и до сих пор любимый командой, значит ничего против женщины он говорить не будет.

Гармадон-младший следит за альфой, за его реакцией и поведением, в то же время внимательно слушая судью, и улыбается. А потом удивлённо вскидывает брови, когда улыбается Кхан, и не разбито или разочарованно, как могло бы быть. Просто понял, что связался с теми, кого не так просто сломать, думает Ллойд, устало прикрывает глаза и вслушивается в тишину до этого страдавшей души, представляя, как уже завтра будет сидеть с матерью дома и пить чай.

В этот раз выиграли они.

Примечания:

я прошу прощения, что глава быстрая и поверхностная.

следующая будет объемнее и действиями, и чувствами, и драмой, так что заранее предупреждаю: будьте осторожны)

люблю вас;]]

eight. shut up

Примечания:

я очень сильно надеюсь, что глава, которая реально далась мне трудно, вас впечатлит, и вы напишете пару словечек

люблю и жду вашего мнения;]] ах, да, осторожно, стекло!

Grandson — Blood In The Water — конец главы, нададжеи и морраи

***

Парень шагает на одном уровне с лидером и с широченной улыбкой тыкает в разные стороны, показывая ребёнку в руках город, словно в первый раз. Такая тяга к мальчику всё ещё казалась загадкой, чем-то абсолютно новым и необычным для альфы, который и на детей младше-то не обращал внимания. Всё чаще задумываясь над этим, мастер огня успокаивал себя тем, что испытывает жалость к бедняжке, и присматривать за ним, пока мать в тяжёлом состоянии в больнице, — его геройский долг.

Дилан и сам не выскакивал из рук. Кай где-то читал, что альфы, которых так притягивают дети, либо педофилы (что сразу отпадает), либо те самые единицы в мире, которые станут хорошими отцами.
Смита устраивал такой вердикт, более того, он, хоть и не стремился к этому, но хотел, и обрадовать Скайлор было бы не меньшим счастьем. Дети хрупкие существа, прямо как омеги, их очень легко надломить или раздавить, если посланное с небес существо в плохих руках. Кай был полностью уверен, что его своеобразная любовь к мальчишке породит в фанатах чувство обязанности, и "отличных отцов" станет намного больше, чем всего несколько.

Стоило взглянуть на мальчишку в руках хоть краем глаза, случайно то, или специально, и сердце странно разрывалось. Нет, на самом деле, это совсем не странно, это называется тёплыми чувствами, любовью и заботой, но что-то во всём этом всё ещё напрягало. Наверное, напрягает далеко не его одного, и он должен был давно задуматься, не ударило ли его что-то в музее и по голове, но самокопание откладывалось. Словно тот самый зверь внутри, тот альфа, какой живёт у всех, спокойно мотает головой и отгоняет все плохие догадки, желая побыть с Диланом подольше. И ведь со своим нутром спорить бесполезно.

На улице сегодня особенно тепло; словно погода специально подстроилась под вкусы альф, сжалилась над победителями и героями, подыграв им. Парни не помнят, кто именно предложил сегодня прогуляться, быть может сам Дилан, но и вспоминать не было никакого желания, да и смысла. Просто тихая, уютная прогулка по родному городу и ещё сухому, тёплому асфальту. Ллойд уже не припоминает, когда они с командой так прогуливались, когда не прохлаждались без дела, а отдыхали, хватались за шанс расслабиться перед очередной битвой. Только в такие моменты лидер чувствовал душевную свободу, тёплую, словно навсегда зашитую внутри ответственность за то место, где он живёт. Его вполне это устраивает, ведь подобные чувства и должен испытывать каждый герой и лидер, и парню кажется, что своё главное предназначение он уже выполнил — стал этим героем душевно.

Ветер осторожно врезается в тело, приятно обходит и летит дальше, и в волнах прохладного блаженства Гармадон не сразу замечает, как мастер огня снимает кроссовки и суёт блондину в рюкзак.

— Ты что делаешь? — парень хлопает глазами, наблюдая, как шатен довольно прикрывает глаза и ступает по тёплой земле. — В обуви уже неудобно?

— Земля тёплая, знаешь, это очень расслабляет, — вздыхает Кай и перетаскивает смеющегося Дилана себе на плечи. — Ходил когда-нибудь так?

— Нет, наверное... ещё не приходилось.

— Значит, сейчас самое время.

Друзья долго спорят и то перебирают, то сразу отбрасывают варианты того, что же может случиться с босой ногой от скопившейся пыли и грязи, но в конечном итоге побеждает Смит, и рядом, ровненьким шагом, идёт словно не в своей тарелке Ллойд. Кроссовки лидера отправляются в рюкзак, отрезая альфу от возможности снова их надеть, и мастер огня лишь смеётся. Действительно, парни давно не ходили и не развлекались так, игнорируя вообще всё на свете. Альфы были самыми лучшими друзьями друг для друга, хотя бы из-за привязанности Кая к Ллойду, как у старшего брата к младшему. В последнее время блондин заметно взрослел, всё копался в самом себе и искал ответы на те вопросы, на которые бы успел ответить и позже. Он явно забывал о том, что команда, прежде всего, состоит не из чужих людей, а его друзей, что каждый из них поразительно рядом и готов согласиться хотя бы на такую лёгкую, ничтожную прогулку по городу. Ллойд ругает себя за то, что понял ценность их дружбы только тогда, когда чуть каждого не потерял, и искренне благодарит, в первую очередь, Смита. Ведь парень даже сейчас рядом, такой сильный своим духом, мягкий и спокойный, как домашний плюшевый медведь.

Гармадон честно чувствует эту дружескую близость, это душевное спокойствие, когда рядом те, кто готовы лечь с тобой в один гроб. Ему нравится проводить время с командой, нравится чувствовать себя нужным в ней, совсем не лишним, как раньше, и вовсе не каким-то волшебником, как тогда, будучи впервые в роли зелёного ниндзя. Даже несмотря на его статус лидера, в команде один равен другому, и Ллойд впервые на все сто процентов с этим соглашается.
Он просто устал. Устал поднимать себя выше, когда в команде многие даже лучше его в чём-то, устал быть в центре общего внимания и забирать славу у остальных.

Он герой, но не звезда, а быть таким, как все вокруг него, его вполне устраивает.

У конца круга, который они обошли, друзья всё-таки натягивают на ноги кроссовки и направляются дальше, к сожалению, без тепла в ступнях. Ллойд грозится, что будет тащить с собой Смита каждый день, чтобы снова проходить так какое-то расстояние, под солнцем, на ветру и тёплой земле. Изысканное и светлое молчание, прекрасное время, так думает он, перебирая в ладони лямку от рюкзака и заглядывая в небо.
Альфа наслаждается лёгкой улыбкой друга ровно до того момента, как тот замедляется и меняет выражение лица на напряжённое.

Поворачивает голову. Впереди мужчина, как видно, статный и явно чем-то известный альфа, тащит за локоть юного омегу, всего трясущегося, сжавшегося, в сторону чёрной машины. Как видно, своей, но подробности уже слишком мало интересуют Смита, что словно подрываются, зажигает едва исчезнувший огонь.

— Кай, — резко зовёт друга блондин и хватает того за руку, прежде, чем мастер огня дёргается вперёд. — Не надо, это не наше дело.

— А тебе интересно просто стоять и наблюдать, как какой-то урод *так* обращается со своей омегой? — Кай переводит на лидера злобный взгляд. На самом деле, сейчас Гармадон прав, и они не должны лезть в отношения других людей, но Смит уже завёлся. Отцепляя его ладонь и не дожидаясь ответа, которого, наверное, и не стоило было ждать, парень осторожно снимает Дилана с плеч и отдаёт в руки Гармадона, после направляясь в сторону парочки.
Он чувствует, как внутри всё сжимается от одного лишь вида на несчастного омегу, как до этого роскошный и целый лес во внутреннем мире загорается от одной брошенной спички. Для него это уже край.

Только оказавшись рядом, он хватает сжавшегося юношу за руку и дёргает на себя, после, отцепив будто мёртвую хватку альфы, заводит беднягу себе за спину.

— Не понял, — протягивает мужчина. Заметив Кая, он вдруг скалится и глазами ищет свою омегу, который, видно, чем-то не угодил своему

сумасшедшему. — Какого хрена ты делаешь, парень? Совсем свой страх потерял?

— У Вас дерьмовое отношение к своей омеге, — почти рычит мастер огня. — Какое право у Вас есть, чтобы так над ним издеваться?

— Это *моя омега*, а значит право я имею самое полное, — мужчина явно с трудом держится, чтобы не наброситься на нахала, лишь сжимает кулаки и скрипит зубуми. Останавливая едва подошедшую охрану, он грубо отталкивает шатена в сторону. — Не лезь в то, во что не просят, щенок!

Ллойд не успевает вовремя вмешаться, лишь дёргается, боясь уронить или случайно подставить под удар Дилана, когда Смит, ни секунды не задумываясь, со всей силы бьёт альфу в челюсть, заставляя буквально упасть на асфальт. Он взмахивает рукой в сторону угла здания, и до этого дрожащий омега, почти прикованный к стеклу, шепчет одними губами благодарность и подрывается с места, скрываясь за тем же углом. Двое альф, до этого стоящих в охране возле машины, подрывается следом, но Кай не даёт сделать и шагу, вырастая перед громилами и сбивая одного с ног, ударяя под колени. Мужчина не долго встаёт, касается подбородка и щурится, чувствуя, что болит. Второй охранник всё ещё бежит за угол, но явно бессмысленно, учитывая, что Кай оттянул примерно нужное время для омеги, чтобы сбежать.

— Сука... Я всё равно найду тебя, мразь! — шипит альфа и сталкивается со взглядом мастера огня. Он отчётливо видит, словно уже чувствует на собственной шкуре, как за его последние слова Смит запросто ударил бы ещё раз. Неизвестно, по какой причине, но шатен полон, нет, он дышит этой справедливостью, дышит какой-то врождённой заботой и защитой слабого пола. На секунду мужчине кажется, что, сделай он со своим омегой ещё что-то на глазах парнишки, тот бы его и вовсе пристрелил.
Альфа подходит ближе, хватая мастера огня за грудки, и всматривается в глаза, словно желая их выколоть.

— А если не найду, его заменишь ты, — взгляд скользит вниз, на открытую шею парня, и мужчина скрипит зубами, словно предвкушая. "Неужели не знает, что перед ним альфа?.." — думает красный ниндзя и кривится, собирается ударить поддых. — Малыш как раз сегодня здорово накосячил, ночь уже обещала быть весёлой. Если зайчик ускачет, я буду только рад отыграться на таком, как ты.

— Убрал руки, — вдруг слышится рядом, и к парням подходит Ния, раскручивая в руках ключи от мотоцикла. — Иначе будешь вытаскивать их из своей задницы.

Смит громко выдохнул, расслабленно улыбаясь, и прикрыл глаза, чувствуя, как его медленно отпускают и отходят на шаг. Девушка выглядит необычно нервной и чуть более злой, чем обычно, словно сейчас Каю не просто угражают, а избивают или стреляют со всех сторон. Парень чувствовал и знал, как каждый раз за него волнуется сестра, и её чрезмерной заботе не уделял особого внимания, чтобы разбираться, действительно ли всё в порядке. Конечно, Кай мог бы разобраться со всем и сам, учитывая, что чуть не уложил мужчину только с первого удара, но появлению сестры он был рад, как Рождеству, и утаить это от остальных не смог.

Неизвестно, сработала ли так не предвещающая ничего хорошего аура мастера воды, или та была просто по натуре слишком убедительная, но альфа действительно отстранился. Словно не желая лишних проблем, он указал оставшемуся охраннику вести машину, а сам уселся на заднее сидение, вскоре заезжая за тот самый угол.

Парень победно улыбается, но странно дёргается и обнимает себя за плечи, словно мужчина выполнил бы свою угрозу прямо сейчас. Он не выглядел слишком угрожающе и не вызывал огромного опасения, как, например, Морро или Надакхан, но от недавнего взгляда парень чувствовал холод, чувствовал открытость, словно этим взглядом его и раздели. Смит ненавидит таких людей. Ненавидит за это других альф, таких холодных, в какой-то мере невоспитанных, бессердечных и избалованных жизнью. Нужно иметь огромную кучу грязи, душевного дерьма и ни капли совести, доброты или сострадания, чтобы так

относиться к слабому полу. Кай бы ткнул носом в правду каждого из таких. Вечно ломающие надежды, уничтожающие радость и гордость омег, подставляющие их под себя и сравнивающие со шлюхами, которых только иметь и держать, как скот, достойны худшего. Шатен даже представить не может, что переживает каждая омега, попавшая в руки таким выродкам, и хвалит небеса за то, что Ния со Скайлор нашли себе хорошую пару.

Сестра приобнимает старшего и легко хлопает по плечу, стоит тому только задуматься. Она подзывает до этого стоящего в стороне и пытающегося успокоить ребёнка на руках Ллойда к себе, отдаёт мальчишку шатену в руки и направляется к их дому. Наверное, он всё-таки поступил правильно, защищая омегу, и несчастный не попадётся в эти руки снова, перекрывая себе воздух. Да, именно воздух, потому что свобода для парня, а для омег, наверное, особенно, — самое главное.

× × ×

Пока за окнами вечереет, с пройденного суда проходит уже неделя. Первые пару дней парням, особенно Уолкеру, пришлось отсиживаться дома под взором Коула и Зейна, чтобы не попасться Кхану, как тот и обещал. К удивлению многих, с мужчиной они даже не сталкивались. Совершенно никто. Более того, от альфы не было ни единой угрозы, ни единого шага в сторону команды, что могло было означать его полный проигрыш. Было бы глупо верить, что он так просто принял поражение и решил от доброты душевной оставить Джея, но его молчание и полное отсутствие как таковых действий говорило как раз об этом. Зато мастер молнии только больше усомнился в "невероятной опасности" врагов и понял, что действительно был прав.

Их пугают, купают во лжи, думая, что поведутся.
Так вот, Джей не повёлся.

Пока Скайлор раскладывала упаковки лапши и другой привезённой еды из ресторана для празднования, Ния зажигала свечи, расставляла столовые приборы по длинному столу и даже успевала командовать парнями, что таскали чай. Сладкую победу нужно было отметить, признаться, они даже позвали Сенсея Ву, хотя мужчина сначала был против преждевременной радости. В частности этим вечером хвалили Джея, за его боевой дух и прекрасный совет, который вывел команду на свет. Сам парень отмахивался, хотя и не отрицал, что во многом именно его заслуга, только показывал на бутылки спиртного под столом и под укоризненным взглядом своей омеги подмигивал Баккету, ясно давая понять, что этой ночью он уснёт ещё быстрее. А может и не заснёт.

Чен отправила своего несчастного альфу в больницу проверить ногу, чтобы врач подтвердил, что та действительно в самом хорошем и здоровом виде. Перед этим она особенно сильно укутала шатена в тёплую куртку, объяснив, что на улице холодает, сказала быть осторожней и не прямым подтекстом намекнула, что парня ждёт сюрприз после ужина. Ния напомнила брату заодно глянуть в палату матери Дилана, посмотреть, насколько её состояние улучшилось (или ухудшилось, но об этом думать не хотелось) и прийти, желательно, только с хорошими новостями.

— Ты хотела мне что-то рассказать, — к девушке подходит мастер молнии, близко, чтобы их не услышали. Голос спокойный, такой осторожный и даже слегка дрожащий, что Ния чувствует тепло внутри. — Про Кая, ещё в клубе. Помнишь?

— Потом, — омега отмахивается, не решаясь портить настроение серьёзными разговорами, и с громким пинком отправляет бету куда подальше, когда тот целует её в висок, так и не дотянувшись до губ. Она обещает, что сейчас ей на глаза лучше не попадаться, грозится ударить посильнее и оставить парня без поцелуев минимум на неделю. От Уолкера и след простыл.

Ллойд пробегается до дома родителей и минут двадцать сидит у них, расспрашивая о самочувствии Мисако и проходящих делах. Женщина

всё ещё молчаливая, словно в тумане, откликается, делает свои дела, но не издаёт и звука, словно из игрушки вытащили микрофон с записью голоса. На самом деле, блондин прекрасно понимает её, и стресс, пережитый матерью, испытывал чуть ли не на собственной шкуре. И, честно, каждый раз боялся не меньше.
Парень помогает бете заварить чай, расспрашивает её, хотя знает, что не получит ответа, но ловит лишь несколько кивков и решает оставить её в покое. Дома уютно и хорошо, так приятно, что альфа едва держится, чтобы не свалится куда-то в гору подушек на диване и не утонуть в бесконечном уюте. Он чувствует смешанный запах родителей и наслаждается, тает в собственных воспоминаниях и радости, ощущая блаженство. Он действительно не ушёл бы, если бы его не ждали, остался бы здесь и попросту вздремнул, защищая семью и чувствуя их защиту в ответ.

Приятно, но приятно длится не долго, по крайней мере, не так, как хотелось бы, и парень, целуя альфу с бетой в щёки, выпрыгивает из дома и бежит в сторону своего.

Баккет хвалит небеса.
Впервые он, испытывая такой стресс, чувствует свободу, и об очередных приключениях, за которыми раньше гнался, не хочет и одним ухом слышать. Альфа, до этого таскавший ящик чая, который явно останется на год вперёд, рассматривает всех присутствующих и осознает, как счастлив, когда все на месте. Когда до этого находящийся в смертельной опасности Джей флиртует с Нией, получая тумаки, падает рядом с тем на диван и прикрывает глаза, как Скайлор с улыбкой рассказывает Пиксель, какие у неё планы с Каем на будущее, как в дом вбегает замерзший, но счастливый Гармадон, и рядом нет никаких злобных сил, поджидающих несчастных героев за каждым углом. Ему настолько хорошо и приятно, что он готов вечность защищать свою команду, своих друзей, идти вперёд даже с самой сильной тяжестью и никогда не сдаваться.
Он чувствует, как рядом именно то, ради чего надо бороться и держаться, поэтому обещает себе никогда не падать. Идти только вперёд, лететь так высоко, как никогда бы не взлетел.

Ния несколько минут бегает за Скайлор, пытающейся скрыться за спиной кого-то или за мебелью, но та оказывается в ловушке из сильных рук омеги и сдаётся, после садится рядом с остальными и смущается.

— Раскалывайся, что за сюрприз ты приготовила для Кая, — широченно улыбается Смит, рассматривая подругу. — От меня ничто, связанное с моим братом, не пройдёт. Колись, иначе я всё испорчу.

— Сучка, — шуточно бурчит рыжеволосая, а после, получая подушку в лицо, вздыхает и смеётся. — Ладно, уговорила. Здесь нет ничего особенного, просто... Кай много раз намекал на то, чтобы пометить меня и начать уже официальные отношения...

От каждого слова Ния только сильнее сжимается в нетерпении, чувствует, как от счастливой улыбки сводит челюсть.

— В общем, я думаю сказать ему, что не против метки.

— О мой Бог! — темноволосая не сдерживается, перепрыгивает через своего парня и кидается к подруге в объятья, повалив её на пол. — Это прекрасно! Боже, Кай будет в восторге от этого!

— Всё, друг, теперь у тебя конкурент по завоеванию внимания нашего Кая, — задумчиво протягивает Коул, держа на коленях Дилана и хлопая его ладошками. Ребёнок хмурит бровки, потому что явно ничего не понимает, и оглядывается на двух гиперактивных омег, что в счастливом сумасшествии катаются по полу. Джей смеётся и подкидывает девушкам подушки, чтобы смягчить долгие объятья, и действительно искренне радуется за друга. Ведь Смит мечтал об этом. Мечтал видеть свою отметину на шее омеги, мечтал наглядно показывать всем, что Скайлор его и только его, мечтал быть на шаг ближе к тому, чтобы сыграть свадьбу и стать желанным отцом. Не будь парень самим собой, он бы давно сорвался, пометил бы, даже не задумываясь, но, благо, этого не случилось. Мастеру огня больше всего важно, чтобы его половина была счастлива.

Бета отвлекается от шумихи, когда телефон вибрирует от пришедшего смс. Он снимает блокировку, быстро читает сообщение от Смита с просьбой друга приехать и помочь ему найти врача, который, по его словам, не пойми куда запропастился.

— Я подышать воздухом, — быстро оповещает он, бежит к выходным дверям и, напяливая кроссовки с курткой, уже в коридоре встречается с Ву, коротко здоровается и выбегает на улицу. Он ловит такси по дороге, не желая лишний раз задерживаться, и отправляет другу ответ, что скоро будет на месте.

И правда холодно.

× × ×

— Ваша нога в целости и сохранности, мистер Смит, — равномерным тоном проговаривает мужчина, осматривая снимки, и кивает самому себе. — Проблем с ней больше не будет, но я бы посоветовал быть более осторожным. В следующий такой раз могут быть осложнения. И...

— Да? — шатен поднимает голову.

— Поаккуратнее с желудком. С животом в целом, — оповещает он, и вводит парня в лёгкое недоумение. — Также советую Вам поменьше нервничать и беречь здоровье.

— Нога так повредила состояние моего организма? — альфа задумчиво хмурится и надевает кроссовок обратно, забирая свою медицинскую карту и застывая уже в дверях. Не дождавшись ответа, он понимающие кивает и выходит за порог. — Спасибо огромное, и... могу ли я заскочить к миссис Уилл? Я так, проверить её самочувствие.

— Только аккуратно.

— Несомненно, — парень улыбается и, прикрывая двери, только сейчас замечает непривычную темень в больнице. Некоторые лампочки выключены, некоторые и вовсе мигают, кое-как держутся, чтобы не лопнуть.

"В этом месте давно не проводили ремонт, или пронёсся ураган?" — спрашивает у себя мастер огня, хлопая себя по карманам. Тихо выругавшись, Кай начинает вспоминать, где мог прохерить ещё новый, недавно купленный телефон, и неуверенно тащится к палате женщины. Неужели судьба решила хохотнуть и так отплатить парню за какой-то ужасный поступок в жизни? А разве он сделал что-то плохое? Альфа едва не каждый день геройствует, защищая окружающих, у него даже нет времени совершить какую-то глупость или ошибку. Может, кара за прошлое?

Неприятное чувство в груди глушит все мысли, оставляя в голове такую же мёртвую тишину, как и в больнице в целом. Мир действительно замирает. Не слышно щёлкающих клавиатур в регистратуре и соседних кабинетах, не слышно пациентов, которые находятся за стенами, и врачей, даже того самого, который до этого принимал Смита. От убивающей тишины и темноты, от странного предчувствия шатену вдруг хочется сбежать куда подальше, желательно домой, желательно в круг своих друзей, в объятья Скайлор, и сильно зажмуриться, чтобы не видеть ничего. Он не знает, точно ли его эти желания, точно ли он сейчас боится, тот самый альфа Кай Смит, или ребёнок, который так и не исчез с малых лет парня.

— Здесь кто-то есть? — голос странно дрожит и уже не кажется таким уверенным, как до этого, а ноги от лёгких знакомых запахов чуть ли не подгибаются, словно желая уронить Смита на пол. — Чёрт, почему света так мало? Святые электрики этого мира, наша больница нуждается в вас!

Парень чуть не спотыкается, но вовремя хватается за ручку двери, быстро дёргая на себя и вваливаясь внутрь.

× × ×

Женщина уже минуты две задумчиво мешает сахар в чае, смотрит куда-то вперёд и не замечает всего вокруг. Она летает в собственном внутреннем мире, где до этого были сады и прекрасные леса уверенности и счастья. Она игнорирует мужа, что пытается хоть как-то её отвлечь, будь то телевизор, газета или очередной кроссворд. Она считает секунды на круглых часах, словно желая взглядом вбить их глубже в стену, но смотрит так пусто и туманно, словно спит с открытыми глазами.

— Слово из пяти букв. Предмет, приносящий счастье и... Это же Ллойд? — мужчина смеётся и не спешит меркнуть, когда видит тёплую улыбку в ответ. — Я думаю, что угадал. Он, конечно, не предмет, но приносит счастье.

Бета, наконец, сводит глаза с часов на журнал в руках мужа, и с неподдельным интересом наблюдает, как тот уверенно записывает имя сына. Гармадон начинает вспоминать о том, как хорошо они жили раньше, когда Ллойд был ещё маленьким, и мечтательно поднимает взгляд в потолок. Он вспоминает самое простое, но тёплое, их личное и сугубо семейное, отчего женщина вновь улыбается. Сейчас, когда самое страшное закончилось, для неё самое главное послушать истории от любимого мужчины, который, честное слово, никогда больше не ступит на дорогу зла и не оставит её одну. Она подпирает щёку и наблюдает за губами мужчины, умиротворённо прикрывает глаза и наслаждается спокойным временем. И часы больше не считает, нет, больше нет, ради чего.

— Ты помнишь его ещё таким вот малышом? — со смехом спрашивает Гармадон и оставляет ладонь в воздухе, показывая примерный рост сына в те года. — Он так нервничал, когда видел, что мы выше него. А как он сказал первое слово? Не напомнишь, какое именно?

Женщина открывает рот, но слышит пустоту, вспоминая про вечный ком в горле. После того, как Морро вселился в тело, некоторые его функции ещё западают, и приходить в порядок даётся с большим трудом. И ведь мужчина честно понимает её. Машет рукой, показывая, что это не так страшно, и продолжает:

— Мама, конечно. Он ведь тебя больше всего любил... и сейчас любит. А что насчёт нашего с ним похода к врачу? Ты помнишь, как он радовался, когда ему сказали, что он альфа? Такой смешной был.

Мисако кивает, она словно отчётливо видит каждый сказанный момент перед глазами, и один становится ярче другого. Альфа... Ллойд действительно сильно обрадовался, когда узнал об этом, ведь мечтал быть защитником. Мечтал быть таким, как отец. Блондин никогда не дразнил и не обижал омег, но и быть одним из них он никогда не хотел. По его мнению, он больше походил на защитника, на настоящего мужчину, будущего мужа и отца, который достоин уважения и любви слабого пола. И ведь Кай...

Женщина резко дёргается и вскакивает, заставляя Гармадона от удивления выронить журнал. Бета испуганными глазами бегает по кухне, пытаясь найти бумагу с карандашом, открывает и закрывает рот, вновь пытаясь что-то сказать. Она обходит взволнованного мужа, словно и не препятствие вовсе, нервно прикусывет губу и вновь боится. Боится опоздать, боится, что вновь будет больно. К счастью это, или к сожалению, но не им точно.

— Дорогая, — альфа пытается взять её за плечи, чтобы заглянуть в глаза и успокоить. — Малыш, в чём дело? Что случилось?

Женщина быстро мотает головой. Она сглатывает, с трудом проговаривает какие-то буквы, но понимает, что бесполезно. Резко подбегая к столу и поднимая ручку с журналом, бета открывает, благо, чисто белую обложку, и слегка дрожащими руками пишет пару слов. Суёт в руки мужчины, вновь сглатывает и уже ищет телефон, протягивая тому следом.

× × ×

— Джей ещё на улице? — спрашивает лидер, выставляя на середину стола бутылку и осматривая присутствующих. — Его надо бы позвать, скоро будем садиться.

— Ещё же Кай не пришёл, — подаёт голос Ния, укладывая голову на коленях Скайлор и переключая канал. Томно тыкает, желая найти что-нибудь стоящее, но на глаза попадались только мультфильмы и шоу для взрослых. — Может, позвонить?

— Джей выглядел торопливым, когда выходил из дома, — как бы между строк оповещает Сенсей и отпивает ещё чаю, прикрывая глаза. — Что-то случилось?

Лидер хмурится и мотает головой, вспоминая каждую деталь. Веселье, веселье... веселье? Уолкер вообще ни на минуту не загрустил, не повесил нос и не замолчал, дополняя общую атмосферу. Что могло случиться за это время? Блондин вздыхает и поднимается, собираясь выйти на улицу и проверить местность в поисках гуляющего мастера молнии, но чувствует вибрацию в кармане и на секунду останавливается. Имя отца, высвеченное на экране, уже напрягает альфу, и парень для себя же подмечает, как быстро у всех меняется настроение. С радостного на взволнованное.

Телефон чуть не высказывает из рук, и парень ловит его в последний момент коленями, случайно нажимает на громкую связь, но думает, что так только лучше, и отвечает.

— Да, пап, — он осторожно укладывает мобильник на стол, приседая и складывая руки на коленях. — Что-то случилось? Мама в порядке?

— Мисако слышала все разговоры Морро с Надакханом и Харуми,

когда была под контролем, — едва сдерживая тон, говорит Гармадон, и команда вмиг напрягается. — Вам нужно найти Кая и, желательно, в самый короткий срок. Джей с вами?

Парень сглатывает, чувствует, как внутри всё холодеет. Снова. Улыбка улетучивается абсолютно у всех, особенно у лидера, что сжимает края стола и сильно жмурится. Он вздыхает, успокаивается и выдаёт быстрое "нет", а отец на том проводе громко матерится. Ллойд видит, как в один момент словно бледнеют Коул с Нией, чувствует, что, видимо, бледнеет и сам, и сглатывает.

— В чём дело? — к телефону быстро подходит Скайлор, нагибаясь. — Кай в опасности? Он у Морро?..

— Надеюсь, что ещё нет, но при встрече узнает то, к чему вряд ли готов, — быстро отвечает мужчина, и Ния, видимо, единственная, до которой доходит, с ужасом замирает. — И я не могу обещать, что Морро сможет сдержать себя.

— А... а Джей?

— Надакхан не врал вам про то, что в качестве оплаты использует его. Сейчас у него полное право и возможность напасть на него, и я не скажу, что от всего этого вы будете в восторге, — он старается говорить спокойно, чтобы не наводить панику, но о том, что нужно спешить, даёт понять вполне ясно. — Я прямо сейчас выезжаю, и вам стоило бы тоже. Оставьте Нию, Пиксель и Скайлор с ребёнком, их нельзя сейчас отпускать.

Буквально несколько минут, и парни выскакивают пулей, оставляя с девушками ещё и Сенсея, после и вовсе скрываются на улице.
И праздник летит к чертям собачьим.

× × ×

Смит где-то слышал, что разговаривать с человеком, пока тот в коме, — одно из лучших лекарств.

Оказывается, несмотря на столь долгий сон, человек способен слышать всё, что происходит вокруг него: шум, все голоса, шорохи, шаги и даже дыхание, если оказаться слишком близко. Что-то вроде "между небом и землёй", по крайней мере, так всегда рассказывали Каю, и тот правда поверил. Бедные люди, так думал парень, слыша новости или наблюдая собственными глазами, как несчастные попадают в больницу с тяжёлым состоянием. Кома для него была не просто сном, не просто отключкой, а уничтожением почти девяносто девяти процентов надежды на то, что больной очнётся. Особенно когда состояние такое тяжёлое, как у этой женщины.
Шатен бы никому такого не пожелал, даже тому уроду с прогулки.

Альфа входит в палату медленно, словно к себе домой, и, не включая свет, ставит на тумбу пакет с апельсинами. На самом деле, зачем они вообще? Кто будет их есть, когда миссис Уилл и проснуться толком не в силах?
Кое-как напялив на себя белый халат, парень идёт к двери и быстро включает свет, чувствуя смешанные запахи. Мята, коньяк, много-много спирта и тухлятина. Гадость. Он ёжится, так и не осознав, чьи самые первые запахи, и едва поворачивается к женщине, как вскрикивает и отскакивает, не удержавшись на ногах. Сзади его сразу ловят под руки, не давая упасть, запах мяты снова вырастает чуть ли не самым пугающим монстром, проглатывает парня, заставляя его и до этого ощутимый крыжовник стать ещё сильнее.

На этот раз, запахи он различает прекрасно.

Мастер огня в ужасе отскакивает в сторону, не даваясь сильным рукам, со злостью и шоком одновременно разглядывая глаза Сторма и собственный телефон в руках улыбающегося Надакхана. Спереди враги, те, с которыми они, кажется, практически покончили, а сзади труп до этого едва живущей миссис Уилл. От крови в груди женщины парня мутит, но тот в неведении подбегает, словно теряется во всей

этой атмосфере, и резко прижимает дрожащие ладони к ране. Почему ему так страшно? Почему он дрожит, ищет спасения, когда является тем, кто дарит его другим?..

— Не пачкай руки, Кай, тебя в детстве совсем не учили держаться от грязи подальше? — спрашивает Сторм и медленно проходит в палату, движется прямо к парню, когда Кхан молча усаживается на стул, поглядывая на наручные часы. — Теперь ведь не отмоешь.

— Если так, тогда единственный здесь, от кого я должен держаться подальше, — это ты, — шипит, срывается мастер огня, надавливая на грудь резкими толчками и пытаясь спасти. Спасти кого? Мертвеца? Наверное, больше не спасти, а покормить внутреннего монстра Морро, который наслаждается страданиями парня. Словно зверь, давно не находящий пропитания, возвышается над жертвой и медленно её поедает, чтобы бедняжка ещё помучалась, ощутила боль.

— Жалко мамочку. Кто теперь будет присматривать за малышом, даже не подозревающим, что с его матерью? — Морро сразу наступает, давит на больное, переходит к главному, не ходя вокруг да около, и Надакхан, замечая это, усмехается. — Думаешь, ты?.. Тогда не сходится, Кай. *Ты же альфа*, разве нет?

Шатен хмурится и отводит перепачканные ладони от тела. Ненависть кипит внутри с такой скоростью, что Смит готов взорвать это здание к чертям, готов убить альфу позади себя ровно столько раз, сколько ему потребуется, чтобы тот вновь отправился в мир иной. Навсегда. Больно не потому, что жалко ребёнка и его будущее, больно потому, что парень совершенно не в силах что-либо сделать. Он не врач и не ангел, чтобы спасти уже умершего, и явно не повелитель времени, чтобы хоть что-то исправить.

От этого буквально хочется реветь, хоть Кай и держится, хочется бить по полу кулаками, хоть Кай всё ещё в силах устоять.
А когда перестанет?

Мастер огня загорается, чувствует, как вскипает кровь, будто в

чайнике, и резко разворачивается, целясь уже окровавленным кулаком в живот альфы. Морро быстро того перехватывает, даже не дёргается в сторону, словно предугадал всё заранее, сжимает руку почти до хруста и толкает Смита к стене, закатывая рукава светло-голубой рубашки.
С каждым выходом этого парня сломать его хочется только больше. Теперь уже с хрустом, чтобы больно.

— Кай, всё в порядке?

В палату едва успевает влететь Джей, оценив обстановку, едва успевает прокрутить всё в голове, как Надакхан дёргается к нему. Улыбаясь во все тридцать два, показывая самое, что не есть, чудовище, он напоминает именно тот конец, который Уолкер и представлял. Мужчина даже не напрягается, чтобы словить мальчишку, хватает под руки и крепко держит над землёй, чтобы касался плиточного пола только носками обуви.
Бета грубо дёргается, желая свободы, шипит и вырывается, словно дикий маленький котёнок, и с самой неподдельной уверенностью говорит себе, что ему ничего не грозит. Верит, а этого пока что достаточно.

— Как добрый и воспитанный дядя, я хотел обсудить с тобой это наедине, чтобы не было лишних ушей... Кхан не считается, — делает паузу Сторм, явно слегка вышедший из себя, и за горло впечатывает мастера огня в стену с такой силой, что тот жмурится чуть ли не до разноцветных кругов. Ничего, вытерпит, он же... он же альфа.

— Кай, не слушай! — бета отчаянно рвётся на помощь другу, пытается пнуть альфу, что его удерживает, но никакого успеха не добивается. — Он всё врёт! Он хочет, чтобы ты боялся, не поддавайся ему!

— *Ты омега*, малыш, — чуть тише говорит, нет, явно бьёт, стреляет Морро, замечая, как сразу двое парней застывают в шоке. — Мне жаль, что ты узнаёшь это так поздно, но это лучше, чем никогда.

Смит опускает глаза, и мир мгновенно меркнет, теряя краски, словно до этого их и не было. Почему верит? Потому что догадывался, потому

что всё, блять, точь-в-точь совпадает. Он родился омегой, но хотел быть альфой, явно имел какие-то проблемы, раз родители пошли на ложь. Сестра тоже пошла. Не будь Ния той единственной, кому Кай бы доверил целый мир, он бы и не удивился, не стал бы чувствовать эту боль, не считал бы настолько сильным предательством. Внутри те города, те волшебные миры и самые крепкие на свете стены, которые так упорно строил парень, даже не рушатся, не рассыпаются. Просто исчезают. Потому что их и не было: ни стен, ни городов, ни миров... Кай придумал это, потому что поверил в ложь.

Для лжи в этом мире никогда не найдётся места.

Уолкер открывает рот, словно бы действительно разыскав хоть пару слов, но молчит, потому что просто не может сказать. Это ли то, о чём хотела ему рассказать Ния? Действительно ли его девушка, его самая светлая, самая яркая в жизни любовь скрывала от собственного брата то, от чего тот сейчас разбивается?..
Джей быстро мотает головой, снова дёргается вперёд, на удивление, высвобождаясь из сильных рук, но больше не рвётся к выходу. Медленно, словно боясь наступить на мину, подходит к мастеру огня и ловит его ладонь, крепко сжимает в своей.

Морро словно не добился своего, словно не насытился — кидает на тумбу рядом потрёпанную белую книжечку с едва заметным именем "Кай Смит".

— Конечно, ты можешь не верить, но в мед. карте, которую твои родители тебе благополучно не показали — самые родные, самые преданные... Боже мой, — ты — омега. У тебя замедленное развитие, поэтому запах был слабым, а течки в назначенный всем срок не проходили. Знаешь, я действительно заинтересовался этим, — альфа вздыхает, зажигает сигарету и подносит к губам, наблюдая, как *омега* пустым взглядом проходит по книжке. — А ещё тем, как красиво будет ломаться твоя гордость и смелость, когда узнаешь правду. Ты ведь прекрасно понимаешь, как мир сейчас относится к омегам, особенно к парням.

О, да, прекрасно понимает. Омег втаптывают в грязь, показывая "их место", подкладывают под себя, трахают, словно куклу или шавку, и, если доброта души позволит, держат у себя, обеспечивают, словно домашнего питомца. Действительно любящих альф, имеющих отношения с парнем омегой, сейчас если не единицы, то пара десятков, и вряд ли валяющиеся на дороге, как товар. Омеги — *слабый пол*, их надо защищать, надо держать рядом и класть под себя, с таковым согласием на то, или без него. Их либо долго используют, либо коротко, с обязательным желанием сломать и уничтожить, втоптать в грязь, словно за это получив награду. Смит всегда уважал омег, любил каждую из них, словно младших сестёр или братьев, обещал себе защищать и дарить справедливость. Он верил, что изменит жизни многих, даст счастье хотя бы части из них, а сейчас... сейчас он один из них. Один из тех, которые обязательно должны отдаться, должны служить, не предавать, ждать защиту или просто на неё надеяться, а потом терпеть такое паршивое отношение. Он тот, кого будут иметь, с любовью или без неё. Тот, на кого будет плевать, кого будут обливать грязью и унижать раз за разом, просто потому, что он — представитель слабого пола.

Осознание этого убивает его, топит в самом глубоком болоте, разбивает все надежды, всю радость и счастье, что до этого хотя бы имели шанс существовать. Он впервые чувствует эту боль, она для него новая, поэтому самая тяжёлая. Он чувствует, что не перенесёт предательства родных, не перенесёт того будущего, что ждёт его, и медленно сползает на пол, роняя книжку куда-то под ноги.

— Кай... Кай, слышишь меня? Не слушай, не надо... — шепчет Уолкер и понимает, что, фактически, поступает также, как семья парня. Пытается увести омегу от правды, снова спрятать во лжи и неведении, чтобы, видите ли, сделать лучше. — Всё будет хорошо, пожалуйста, не...

— Кажется, ты хотел его забрать, — устало проговаривает Сторм, оборачиваясь к мужчине и вновь затягиваясь. Тушит сигарету об тело миссис Уилл, выкидывает на пол и молча, словно тут не при чём, наблюдает, как Кхан встаёт и поднимает мастера молнии с пола.

— Нет... нет, нет, пусти меня, урод! — кричит Джей, резко дёргается и успевает ударить альфу в нос, за что, к удивлению, ничего не получает. Или пока ещё. Сердце невероятно болит, просит вернуться и крепко обнять лучшего друга, поддержать и стать опорой. Кудрявоволосый тянется к Каю, словно хочет вытянуться и достать, не успевает ухватиться за дверь и теряет надежду вовсе. — Я не оставлю его одного, уёбок, отпусти меня сейчас же! Оставь!

Сторм коротко смеётся. Он молча наблюдает, как друг скрывается уже в коридоре, смотрит на мигающие лампочки и явно думает, что отведать сегодня на ужин. Его монстр внутри ликует, наслаждается подавленным омегой и упивается этой болью, хвалит всё на свете. Но хочет больше. И получит, думает Морро, поздно замечая, как Смит подрывается с места и выбегает следом, в тот же коридор.

— Блять, — рычит альфа и выбегает из палаты. Он бежит не долго, ловит Кая уже на улице и впечатывает в мокрый асфальт, кивая садящемуся в машину Кхану.
Уолкер с силой бьёт по стеклу, дёргает за ручку, надеясь выбить дверь и рвануть на помощь к лучшему другу, и до последнего не хочет признавать свою беспомощность. Почему-то бете плевать, что с ним сделают там, куда они собираются ехать, и грозит ли ему смерть. Он думает о Смите, придавленном правдой и Морро, думает о том, как тяжело и больно, и больше ничего на свете, кроме как оказаться рядом с ним, не хочет. Кай даже побежал за ним, надеялся догнать и вернуть, хотя явно болит. У Джея тоже болит, болит невыносимо, и эта боль заставляет сердце сходить с ума, врезаться в рёбра и рваться на части.

А шатен впервые открывает второе дыхание, плюёт на всё хотя бы в эту секунду, одну единственную, и больно кусает брюнета за руку, смыкает челюсть так, чтобы прокусить кожу до крови.
Морро сразу рычит, словно сорвавшийся с цепи зверь, и отпускает омегу лишь на секунду, после снова прижимая к земле, больно надавливая на голову.

— Не стоит забывать, кому ты принадлежишь, блять, — шипит альфа,

склоняясь над мастером огня. — Я вполне хороший и добродушный парень, раз не пристрелил вашу Мисако ещё при первой же встрече. Пока этот город ещё цел, пока твоя ебаная команда жива и здорова, ты, как настоящий и послушный омега, слушаешь меня ради счастья общего, и впредь, не желая кому-то смерти, не повторяешь похожих ошибок. Хороших снов.

Альфа бьёт младшего головой об асфальт и, поднимаясь и рассматривая кровоточащий укус, направляется к машине, перешагивая через омегу, лежащего без чувств. Напоследок кидает на перепачнанные руки Смита свой пиджак, видимо, чтобы не вызвать подозрений у прохожих, и скрывается вовсе.

nine

***

Отвратительно. Наверное, именно этим словом и заполняется вся жизнь Ллойда, все его мысли и настроение, словно водой. Страх разбегается по телу медленно, осторожно, но так чётко и так жгуче, что альфа давится воздухом. И, думает он, лучше бы им до смерти подавился.

Парень находит Смита у больницы, замечая напротив остановившуюся машину отца. Кай немного бледный, лежащий без сознания, потрёпанный и с кровью на лбу, и блондин матерится на половину улицы. Он честно пытается не думать, что здесь произошло, пытается взять себя в руки и уже поверить, что Джея тоже нашли, желательно целого и невредимого, а потом видит пиджак на друге, полностью пропитанный мятой, запахом самого ужасного и кровожадного альфы в жизни Гармадона, потом ловит в воздухе крупицы голубики и коньяка, и сомнений (как и надежд) не остаётся. Джея забрали и увезли с собой.

Отец помогает донести впервые будто хрупкого, почти разломанного на части мастера огня к своей машине, остерегаясь, что Ллойд на нервной почве не выдержит и что-то сделает со своим авто. Он просит ехать осторожнее, потому что совсем не знает, насколько их ситуация дерьмовая и знает ли Кай всю правду, как и должен был по планам Сторма. Блондин расспрашивает остальных в команде, нашли ли они что-то, оповещает о нахождении Смита и, не услышав такого нереального, но желанного "Джей с нами", отправляется домой. Сейчас искать Уолкера как минимум не выгодно и долго, а в какой-то мере бессмысленно, учитывая, что он у тех, кого они несколько дней по всему городу безуспешно искали. По пути лидер ещё раз двадцать покрывает всё на свете матами, особенно Морро с Надакханом, обещает достать их из-под земли и по этой же земле размазать. За двух, казалось бы, самых сильных его друзей.

Он может только догадываться, что такого рассказали Каю, и каждая мысль, что хуже предыдущей, взрывает мозг. Меньше всего альфа хочет, чтобы страдал мастер огня, тот, кого было почти невозможно сломать. Ведь Кай был стеной для всех, был тем, кого не проломить молотом Тора и не вытравить никаким ядом, защищал и охранял, как личный телохранитель. Парень боится, и эту боязнь теперь никуда не деть. Она повсюду.

Дома он оказывается, благо, в целости и сохранности, открывает дверь пришедшему с Каем на руках отцу и пытается не сталкиваться со взглядами команды. Он не понимает, за что ему стыдно, за что он чувствует себя настоящим дерьмом и самым ужасным человеком на земле, почему принимает всю вину на свой счёт. Но от осознания всего так плохо, душно и тяжело, что даже недавние слова поддержки беты ничем не помогают.

Он прикладывается к стене, запускает пятерню в волосы и прикрывает глаза, понимая, с какой сумасшедшей скоростью все их дела наполняются дерьмом.

В очередной раз.

× × ×

Смит просыпается сразу, как его оставляют в комнате и начинают переговоры. Он смотрит пусто и разбито, словно сквозь пелену слёз. Или... не словно? Тело болит, голову ломит, но вся боль исчезает, прячась за спиной душевной, моральной. Омега низко хрипит; как только голова приходит в норму и возвращаются воспоминания, он ощущает, как стремительно внутри умирает каждая его клетка. Лопается громко, ощутимо и болезненно, а сознание нервно смеётся, кричит парню недавно услышанное и падает на спину, сворачиваясь пополам. Он надеялся, нет, мечтал вместе с надеждой и гордостью

потерять ещё и память, чтобы не чувствовать эту тупую боль снова, но судьба не делает поблажек. Внутри всё лопается, сердце бьётся так сильно, что удары невольно разлетаются по всему помещению.

Смит хочет вырвать это сердце и прямым попаданием закинуть в мусорное ведро.

Всегда, когда было тяжело или больно, парень утешал себя какими-то подсознательными посиделками с собственным нутром внутри. Когда он думал, что является альфой, это нутро всплывало монстром, гордым и сильным волком внутри, который мог защитить любого. Даже своего хозяина. Сейчас же, когда всё встало на свои места, когда он прекрасно знает, что омега, никакого монстра нет. Больно даже не от одиночества или разочарования, а от того, что, вроде как, Смит всё это придумал, из-за чего всю жизнь прожил в собственном неведении и фантазиях. Кай жмурится до разноцветных кругов, впервые ступает туда, где и должно сидеть его нутро, запасается полученной правдой, и вместо вольного волка видит котёнка. Крохотного, потому что не вырос, потому что развитие затянулось и парень никак не развивал этот образ, эту омегу внутри, даже не зная о её существовании. Котёнок сонно потирает глаза лапами, из которых торчат когти, острые, прямо как характер Смита, потягивается и впервые поднимает взгляд на хозяина. Внутри омеги всё рушится заново, всё горит и взрывается, словно до этого что-то ещё было целым.

Впервые в своём подсознании Кай позволяет себе плакать. Он не контролирует слёзы, не контролирует тяжесть в груди и слабость в ногах, обессиленно оседая на пол. Котёнок делает неуверенные шаги, кое-как перебирает лапами и, едва оказавшись рядом с омегой, запрыгивает тому на колени и поджимает уши. Мастеру огня хочется взвыть. От одного осознания того, что сейчас он слабее раз в десять других омег, что, когда у всех наверняка свои звери, уже вполне взрослые и уверенные, у Кая маленький, хрупкий комочек, способный в любой момент просто рассыпаться, сжимает голову. Шатен не знал правды, не знал, Господи, совершенно ничего не знал, поэтому сейчас словно младенец, впервые слабый и впервые такой беззащитный, готовый сломаться пополам от одного прикосновения. Зверёк в руках

нежится, обмякает и вновь тихо похрапывает, слегка щурясь от падающих на шерсть слёз.

Его не уберегли, его угробили, заставили словно ожить заново, начиная всё с начала. Если бы он знал об этом зверьке, он бы позволял ему расти, позволял медленно набираться сил и, чёрт с ним, быть не альфой, зато сильным и стойким омегой, каких в этом мире так мало. Он бы смог подумать, смог бы отвыкнуть от статуса альфы и смириться с заторможенным омежьим развитием, становясь сильнее и устойчивее назло всем остальным. Смог бы, но никто не дал такого шанса. За него всё решили, а как поступать дальше — отдувайся сам, мы здесь, увы, ни при чём.

Смит даже не хочет представлять, что случилось бы, сделав ему Морро что-то тогда, когда имел отличный шанс. Наверное, он бы умер. Примерно также, как сейчас, только физически.

Золотые глаза сталкиваются с родным потолком, а внутри ничего, кроме осколков стекла, нету. Он проходит по нему раз за разом, качает в руках спящего котёнка, словно самого себя, и не находит места абсолютно нигде. Он чувствует, как до этого скрытые ему омежьи особенности проявляют себя: до этого незаметные сильные запахи друзей становятся сильнее, а слабость внутри становится более ощутимой, словно её можно потрогать ладошкой. Мастер огня впервые сдаётся самому себе, своей поломанной гордости, и перестаёт верить в себя, в свою силу и боевой дух. Просто смотрит вверх, ждёт, когда мозг проснётся и начнёт активничать, но так и не дожидается. Наверное, это и к лучшему, думает он, желая если заснуть, то уже навечно.
В воздухе ещё стоит мята, всё никак не хочет оставлять Смита в покое, и тот словно с хроническим насморком не замечает его, отползает в самый угол кровати, прижимается к стене и ищет намёк на сон. На долгий, долгий сон, больше похожий на кошмар, надеется ущипнуть себя и проснуться альфой, без лжи родных и боли внутри. Но намёка не находит. Это не сон, и ничего обратно уже не вернуть.

× × ×

Девушка смотрит в пол и пытается найти что-то, ухватиться или понять, где она не туда свернула. Наверное, точка начала этой голимой игры появилась ещё с разговора с врачём, когда тот дословно передал слова её родителей и поставил перед выбором: рассказать всё парню, пока не поздно, или отложить до начала развития, когда омега внутри начнёт просыпаться. Она явно допустила ошибку и поняла только слишком поздно, как питает себя этой мыслью Смит, как находит силы из неоткуда и как статус альфы спасает его. До сих пор он ни разу не упал, ни разу не сдался, и Ния не совсем уверена, был бы таким брат, если бы знал правду ещё с детства. Но причина, по которой родители решили так поступить, ей хорошо понятна и ясна, и, будь она на их месте, сделала бы точно также.

За окном так быстро светлеет, наступает день, а от парня наверху ничего не слышно. Из дома никто не уходит: ни Ву, ни Скайлор, ни Пиксель, только Гармадон возвращается к Мисако, не желая оставлять её одну снова, и обещает взяться за поиски Джея как можно скорее.

А команда чувствует, словно бета до сих пор рядом с ними и, пока пытаются собраться с мыслями, не нагружают себя сильнее.
Или пытаются.

— Значит Кай... омега? — переспрашивает Баккет и складывает руки на столе замком, одаривая мрачнеющую подругу взглядом. — Да, услышь такое, я бы и сам был не в восторге... а Кай-то...

— Такого вида омеги — редкое явление в нашем мире. Их на земле почти единицы, и я бы не сказал, что им живётся лучше, — говорит Зейн, перерывая интернет с ног до головы, и лишь иногда поглядывает на членов команды, осторожно помечая состояние и эмоции каждого. — Но они узнают об этом с самого первого осмотра, когда выявляется пол. Рост и развитие даются им намного легче.

Девушка закусывает губу и некоторое время молчит, думая... о чём?

Наверное, о своей жизни, о том, как будет смотреть брату в глаза и о Джее. Омега впервые понимает, как без беты тяжело и опасно. Словно под крылом птицы, Ния всегда чувствовала себя уверено, когда рядом был Уолкер и мог в любой момент вставить своё слово. Ведь парень защищал её, когда нужно было, оправдывал и хвалил больше всех, быть может, в своей голове и вовсе боготворил, поэтому внутри темноволосой не было одиночества. Она всегда видела опору, видела, что идёт по крыше многоэтажки не сама, а за руку с мастером молнии, и идти было действительно легче.

Да и Кай... разве он никогда её не поддерживал? Насколько бы упёртым он ни был, в нем горела справедливость и желание помочь, спасти, защитить. Этим бета с омегой были похожи: Джей помогал, потому что доброта и свет лезли из всех щелей, а Кай помогал, потому что не видел ничего другого, кроме правды и того же света. Мастер огня защищал Нию, потому что был старшим братом, а мастер молнии, потому что был её парнем. У девушки были настоящие стены с обеих сторон, два самых дорогих ей человека на земле, которые были готовы обойти землю. Наверное, именно поэтому, именно из-за того, что рядом были парни, девушка никогда не показывала своих сильных переживаний и своей неуверенности.

Сейчас Морро просто зазвездился, сразив всех наповал.
Джей, который всегда должен был защищать девушку, как свою половину, сейчас в руках бывшего джина и сильного альфы, а Кай, который был обязан присматривать за сестрой, оказался разбитым бывшим призраком и таким же сильным альфой. Буквально одним ударом у неё забрали всё самое ценное, и узнать, как идти дальше, выйдет с огромным трудом.

— Но вы же... вы же понимаете, что я не со зла? Я просто... — прикрывая глаза, омега роняет голову на свои ладони. — Я хотела помочь. Родители с самого начала всё узнали, они не могли ему сказать. Я сама поняла смысл этого молчания только когда подросла. Это тяжело...

— Так почему не рассказать всё с самого начала? Кай давно не

маленький мальчик, да и в детстве он был сильным, раз смог уследить за тобой и продолжить занятие ваших родителей, — влезает Баккет. — Я уверен, что он бы спокойно перенёс всё это. Ну... точно не так, как сейчас. Почему так нужно было молчать?..

— Мне тоже очень интересно, — вдруг слышится рядом, и команда с удивлением оборачивается на вошедшего мастера огня.
Парень немного хрипит, от него до сих пор несёт кусочками коньяка и мяты, глаза красные от слёз, а губы бледные, искусанные. Насколько сильно бы парень сейчас не держал себя в руках, по одним глазам видна и тяжесть, и боль, и желание лечь на пол, свершувшись комочком, и громко заплакать. Сейчас шатену действительно нужно было отдать должное: как бы он ни убивался в комнате, сколько бы нервов не убил в себе во время встречи с Морро, сейчас он стоит на ногах и даже возвращает к себе привычный тембр, привычный тон и поведение. Это радует, Ллойда же в первую очередь, но улыбнуться не позволяет вид не менее бледной Нии, которой придётся оправдываться за всё.

Учитывая, как Кай может надавить одним своим взглядом, это очень тяжело.
Пиздец как тяжело.

Парень, весь растрёпанный и словно не раз побитый жизнью, молча подходит и опускается на свободный стул за столом, поднимая взгляд на сестру. Взгляд требовательный, хоть и разбитый, и темноволосой хочется взвыть.

— Кай... — она сглатывает и, наконец, берёт себя в руки. — родители хотели сказать правду. На самом деле, у них и в мыслях не было врать, но врач говорил, что когда он впервые сказал им, что у тебя задержанные развитие и с этим могут появиться проблемы, они насторожились. Я про то, что... ты был всегда активным, сильным духом, постоянно всем помогал и защищал... Каково было бы сказать такому ребёнку о том, что в будущем он будет не только омегой, но и одним из слабых?

Смит с каждым словом мрачнеет, словно туча ближе к дождю, но слушает, словно так принимая удары, прикусывет щёку изнутри.

— Пойми, Кай, таким омегам всегда сложнее всего жить. У них течки больнее, хоть и реже, высокая чувствительность на альф и больший риск как забеременеть, так и... — девушка на миг осекается. — ну... выкидыш словить. Папа с мамой ведь знали всё прекрасно, знали, что у нас будет их сила и Ву придёт за нами. Героев-омег очень мало, не считая девушек, потому что в фанатах и ненавистниках примерно тысячи альф. А враги, Кай? Думаешь, дойди ты до сегодняшнего дня и получи свой естественный запах, а течку ещё хуже, враги бы не воспользовались?..

— Сейчас с нами ещё Морро и Надакхан... — продолжает Зейн, и мастер воды медленно кивает, опуская взгляд. — Риск попасть к ним действительно велик. Думаю, причина вполне логична, но ведь... сейчас он знает. Сейчас близится момент, когда омега просыпается и уже скоро будет первая течка, а Кай... морально не готов вообще ни к чему из этого. Это единственная ошибка в молчании.

— Пусть только сунутся к нему, — вдруг рычит Гармадон, замечая, как мастер огня рядом вздрагивает, и сжимает край стола. — Если всё так серьёзно, я обещаю, что, пока мы не найдём Джея и не избавимся от них, Кая не тронут. Слишком много он значит для нас.

— Точно также мы говорили и о защите Джея, думаю, результат на лицо, — оповещает ниндроид, кивая на них и явно намекая на отсутствие беты. — Сейчас, как бы мы ни верили в победу, сколько бы ни выигрывали, нельзя расслабляться. Мы расплачивается буквально за каждый шаг, Морро знает своё дело.

— Было бы здорово с этой ноты и продолжить идти дальше. Пока держать Кая рядом, ждать, пока пройдёт первая течка и он придёт в себя, а самим искать Джея. Кхан не дурак, он не станет убивать его, скорее всего, держит где-то у себя, этим мы за суд и расплачиваемся, — говорит Скай и замечает, как ёрзает на стуле Баккет. — Я помогу всем, чем смогу, могу по большей части приглядывать за Каем.

— Скай... — тихо шепчет мастер огня, дотягиваясь до её руки на столе и легко касаясь холодных пальцев. Девушка молчит, понимает всё без слов.
Все понимают.

Ведь им не быть вместе теперь. Они оба омеги, им обоим сто процентов нужен альфа, Каю даже больше, и как-то обойти эти обязательства не получится, хоть тресни. Никакой метки, о которой оба мечтали, никакой свадьбы и никаких детей. Никакой счастливой жизни вместе, тех прекрасных дней, проведённых вместе, той волшебной любви, ради которой они через столькое прошли. Сейчас они могут быть только самыми лучшими друзьями, как Скайлор с Нией или Пиксель, могут вместе обсуждать альф и бет, делиться общими проблемами, прикрывать во время течки и довольствоваться лишь объятьями, быть может, лёгкими поцелуями. Чен сильная, она сможет принять этот факт, хоть и тяжелый, но никогда не оставит своего мальчишку, а Каю хочется кричать от боли. Сколько городов они построили на будущее, собрали целый мир, а какая-то глупая ложь всё разрушила.

Разрушила их общий мир, их начало, и сделало концом, самым настоящим и точным.

Но почему Ния радовалась их отношениям, радовалась, что Каю можно ставить метку?.. Прекрасно играла свою роль, забыла или думала, что пока им всё можно?

Так или иначе, она разрушила любые надежды, хотела того, или нет.

Со стороны дивана слышится копошение, лёгкие, но громкие движения, и замирает вся команда. Смита и вовсе уносит куда-то далеко. Он встаёт под взглядами многих, медленно идёт к только проснувшемуся Дилану и поднимает с дивана. Шаги больше не получаются, ноги не держут, и парень опускается на пол, смотря на ребёнка в руках и чувствуя дикое жжение в глазах.
Впервые он понимает, что подвигло его спасти это чудо. Он подарил

мальчишке новую жизнь, получается, вторую, и стал для него второй матерью. Первая сейчас мертва, наверное, где-то в морге или у хирургов, и парень, смотря в яркие глаза, видит такое же тяжёлое будущее, как и у себя. Он ещё не умеет говорить, а ему разрушили буквально всю подаренную заново жизнь. Судьба не зря связала их, сейчас Кай чувствует их связь, понимает, почему был так привязан и не хотел отпускать мальчика от себя.

Омега внутри, тот маленький сонный котёнок, медленно просыпался, оттого и чувствовал всё. Чувствовал и держал ребёнка рядом.

Защищал.

Парень не выдерживает. Крепко прижимая к себе Дилана, поджимает ближе к себе ноги и утыкается малышу в спину, давая волю слезам. Думать долго не приходится. Скайлор подрывается первой, осторожно подходит к парню, боже, к самому любимому на свете парню, и обнимает. Подтягивается Коул, Зейн, Пиксель и Ллойд, а после и Ния, медленно, словно срывается в обрыва без шанса выбраться или позвать на помощь. Сенсей за столом томно вздыхает и мотает головой, думая, что для его возраста эти переживания уже давно вредны.

На самом деле, вредны для всех них, независимо от возраста.

× × ×

В офисе скучно и жутко светло, солнце, словно насмехаясь, попадает прямо в глаза, а облака настолько белые и светлые, что Морро уже тошнит. Некогда мёртвые существа из другого мира, теперь уже живые, но до сих пор проклятые, привыкли к тьме и хаосу, к чёрным тучам, сильному дождю и бесконечной ночи. Сторм — ветер, и вовсе не мягкий, не тёплый, как могли бы подумать другие. Это такой ветер, который обычно поднимается около моря, такой, который подпитывает

ураган, грозу или даже молнию. Жутко холодный, почти ледяной, а ещё сухой и до жути сильный, чтобы при столкновении задыхаться, обрекая лёгкие на уничтожение. К тому же, парень враг для округи, враг для этого мира и этой Вселенной. Она должна преклоняться перед ним, должна подносить только характерную ему погоду, климат и рельеф, если нужно будет, а не это сказочное утро принцессы, где только пения птиц и говорящих зверей не хватает.

По столу разложены бумаги, ожидающие подписи Сторма, на телефонной линии буквально человек сорок, желающих совета или хоть слова от Сторма, и этому же Сторму кажется, что в нём уже нуждается весь мир. Плевать он хотел на эти дела, его интересовал только полученный пост и его дальнейшие действия. Советы он должен давать максимально нужные, самые хорошие, чтобы вызвать у клиентов бурю положительных комментариев, а потом быть одним из тех, кому нужно довериться в первую очередь.

Морро обещает себе, что переделает этот город полностью, поставив каждого на колени.
Боже, какие у него планы на власти, какие сотрудничества и договорённости с другими компаниями и дальнейший пост доминанта среди тех многих. Он уже вяжет поддельные союзы с мэром, с полицией и другими бизнесменами, планирует на будущее получить доступ к хранилищу оружия, вызвать доверие у народа и главенствовать в этом месте, как человек, перед которым нужно преклоняться. Дядя альфы не идиот, хорошо знал, что Морро таки доберётся до этого кресла, и возложил на плечи родственника как и свои планы, так и сбережения. Сторм только сейчас читает его письма, так долго хранящиеся в банковских ячейках, растягивает улыбку от предвкушения их общего плана и смакует буквально в собственном рту те большие планы, которые написаны на потрёпанной бумаге. И, о чёрт, в свои семь мальчишка даже подумать не мог, что любимый, но вечно занятой дядя, который день за днём по вечерам катал его на своих плечах и показывал море, дышит желанием бросить к своим ногам Ниндзяго. У него впервые появляется гордость за свою кровь.

В чём же проблема такого напряжённого настроения?

Альфа с самого утра, имея в руках такое сокровище прямиком из банка, не может нормально сосредоточиться даже с запахом множества купюр перед собой. Морро не глупый, вполне догадывается, в чём дело, сразу подмечая, как часто чешется укус под бинтами на руке, но в голове ничего хорошего не укладывается, а думать о чём-то подобном просто дико.

Смит точно дома, точно с огромными усилиями собирает себя по кусочкам, плачет в подушку или в плечо кого-то из команды. Лохматит вкуснопахнущие волосы, проносит по дому свой пока ещё лёгкий запах, кутается в плед, когда под ним точно только футболка, скрывающая острые клю... он явно не о том думает. Даже не просто не о том, он в корне ошибается и с точностью в сто процентов бредит, видимо, от недосыпа. Кая бы просто сломать, а не думать о его теле, Кая бы унизить прилюдно и поставить на колени, но не для желания и минета, Кая бы победить, но так, чтобы перед всеми и с кровью, а не так, чтобы в постели. Этот парень с самого начала заинтересовал Морро, но только как достойный соперник и хороший враг. Почему сейчас, зная, что он омега, что у него хороший запах, хорошее тело и очень интересный характер, он пускает корни глубже и интересуется по-другому?
Кай безусловно красивый, безусловно стервозный и дико дерзкий по своей натуре, а вскоре будет таким слабеньким, беззащитным, хрупким и жутко сладким, что его хочется поиметь. Поиметь, в смысле *трахнуть* и, желательно, только одному Морро, первому и последнему.

От подобных мыслей альфа всё больше злится на себя и уже подозревает, что сходит с ума от перехода из одного мира в другой, но нутру перечить не столько боится, сколько не в силах. Морро больше тридцати лет был без запаха и желания, а без омеги — с рождения, и своему вкусу он отказывать не силится. Он очень надеется, что с Каем только временное помутнение, обещает себе заскочить в клуб и зацепить кого-нибудь, чтобы утолить долгий голод, а с мастером огня покончить по-другому. Силой. Морально. Как всегда и хотел.

Брюнет даже не замечает, как в кабинет входит Кхан и, щурясь, опускается на диван.

— Здоровья работягам, — хохочет тот и принюхивается, чувствуя знакомый запах. Гармадон. Запах везде, он настолько хорошо поселился в этих стенах, что альфу едва не тошнит. Морро же сидит себе, заполняет бумажки и даже носом не ведёт, когда вонь старика такая сильная, что до лопающих глазниц. — Фу, дерьмо. Как ты ещё не сбежал?

— Этот запах не даёт мне забывать, ради чего мы здесь, а не под землёй, — отвечает альфа, не отрываясь от документов. — Лучше не расслабляться, это никогда ни к чему хорошему не приводит. Но завтра же я начну именно с этого кабинета.

— Отлично, — вздыхает Надакхан и прикрывает глаза, откидываясь на спинку.

Забегает молодая бета и, поклонившись обоим, пропускает в кабинет свою лёгкую крапиву и оставляет на столе заказанный пару минут назад Стормом капучино. Альфа только вздыхает запах, вообще не пойми каким боком чувствует крупицы крыжовника, думая, что точно поехал крышей, и едва тянется к кружке, как та шатается от рук девушки и падает, обливая сразу несколько десятков бумаг.

Мир замирает примерно в эту секунду, и даже Кхан, до этого умиротворённый, распахивает глаза и напрягается.

— Боже мой, простите, пожалуйста, — быстро-быстро говорит бета и забирает кружку, хватается за салфетки и тянется к небольшой лужице.

Морро мрачнеет в секунду, почти чернеет, и останавливает неуклюжую рабоницу, хватая за руку. Его взгляд как физические свойства приобретает, сразу становится таким холодным, словно кусок льда, метель, а ветер становится морозным и жутко болезненным, врезается в кожу вместе со снежинками и оставляет порезы. Альфа только поднимает глаза, скользит зелёным сумасшествием в собственных зрачках по карим обрывам девушки и объясняет всё без

слов. От беты секунды через две и след простыл. Парень наполняет лёгкие воздухом и отшвыривает мокрые бумаги в мусорное ведро под столом, после более осторожно, но нервно берёт салфетки и убирает причину своей злости, доводя поверхность стола до стопроцентной сухости.

— Напомни мне, чтобы потом уволить её, — улыбается парень и выбрасывает последнюю салфетку, поднимая ручку и продолжая ставить подписи. — Хорошо, что не попало на письма дяди, иначе на одного человека в этом мире стало бы меньше.

— Тебе надо развеяться, — вздыхает мужчина. — Взять перерыв и пойти в клуб. Если хочешь, этой даме тоже достанется...

— Обязательно, как только будет подписан первый договор. Как малыш Джей поживает? — спрашивает альфа и улыбается, замечая, как растёт интерес в глазах джина.

— Думаю, пока никак. — пожимает плечами тот.

— Почему же?

— Я ещё не приезжал. Мне просто докладывают, что он делает, этого пока достаточно. В скором времени я всё равно заскачу, — отвечает Надакхан и косится на друга. Тот усмехается и кивает, ставит очередную подпись, но дёргает рукой, а потом яростно чешет бинты. — Наш котёнок переборщил с укусом?

— Я бы ему за это ещё тогда зубы вырвал, — рычит альфа. — Нет, чтобы поплакать где-то в углу и послушаться, как нормальные люди, сломаться достойно, а это ничтожество дикое ещё и за машиной погналось. Сука, если бы я знал. Даже Гармадона было легче усмирить, он там вообще почти не брыкался.

— Ты сказал, что он тебе принадлежит. — улыбается мужчина и перекидывать ногу на ногу.

Брюнет на какое-то время замолкает, обдумывая сказанное, и всерьёз задумывается. Конечно, факт того, что Кай будет думать именно так и хоть как-то бояться Морро, его хорошо кормит и радует, особенно его нутро, но правильно ли это? Парень должен просто выиграть, должен обойти команду и дать злу впервые победить, словами, действиями или кровью. Этого хочет сейчас он, хочет Кхан и Харуми, хотел его давно покойный дядя, и они идут к своей цели самой прямой дорогой, так какого же чёрта альфа так относится к мастеру огня? Победить можно в двух смыслах: либо опередить, обыграть и возвести себя выше, либо всё тоже самое, но врага подмять под себя. Морро с самого начала придерживался только первого варианта, но сейчас, когда имеет чутье альфы, запах альфы, желание и ближущийся гон, что не за горами, все планы летят в тартарары.

Сторму нравилось быть бессмертным, нравилось не иметь шанса стать альфой снова и нравилась эта независимость.

Сейчас внутри не пустота, внутри зверь, который дико изголодался и сверяется только с половиной желаний своего хозяина. Как бы не было прискорбно, в этой половине всё ещё завалялся Кай Смит, дерзкий и наглый мастер огня, самый тёплый из всех, самый гордый и самоуверенный в жизни брюнета, и плевал зверь на этот "первый вариант".
Желание он понимает по-своему.

— Принадлежит, — отвечает, наконец, Сторм и прикрывает глаза, тяжело вздыхая. — Надеюсь, что ненадолго и как враг, иначе я не буду себя сдерживать.

— Дружище, поверь, я прожил намного больше тебя альфой, и твои желания естественны. Если тебе нравится омега, то это точно лучшее, что могло с тобой случиться, потому что альфы без омег не выживают. У тебя зверь хочет плоти, хочет кого-то, и тебе ещё повезло, что ты нашёл себе объект сразу и не дождался гона, когда будешь рвать на себе волосы, — спокойно говорит альфа. — Конечно, я бы повремерил с выводами и занялся более важными делами, но... если альфа в тебе захочет Смита, то Смита он получит. Таков закон.

— Тебе бы в психологи податься. — хохочет Морро, на пару минут оставляя ручку, и идёт к другу, после, приседая рядом, продолжает разговор, но уже о своём, о злодейском. Бумаги покорно ждут внимания альфы и дальше, наверное, жалея, что так и не тронуты капучино, как другие.

Примечания:

парапарапам, я на больничном, а ещё в приподнятом настроении, поэтому глава с вами, дорогие. я надеюсь, что лечение позволит мне не временить с продолжением
жду вашего мнения;]

ten

Примечания:

отпуск должен был продлиться до нг, но я не сдержалась. всё для вас;]

морраи: Iggy Azalea & Alice Chater — Lola
морраи и нададжеи: DJ DimixeR feat. Murana — Romantic Dance

юбилейная глава и первый поцелуй, я не могла не сделать этого

***

Бета щурится от света, падающего на лицо и конечности, и только потом понимает, что точно не в своей постели. Тело слегка ломит, словно перед тем, как уложить спать, его хорошенько треснули об стену, а голова раскалывается, как от похмелья. Парень быстро оседает, но поздно понимает, что зря, и ноет от ещё большей боли. Та навалилась, словно снег на голову в зиму, а Уолкер не дворник, омеги, бегающие за дверью с подносами, таблетками и полотенцами, тоже. Нужно посидеть ещё около трёх минут в недрах внутреннего спокойствия, вновь отлепить падающие веки и вспомнить, как уже на пороге особняка, благо, вне видимости Кхана, его вырвало на кого-то из-за нервов и сильной тряски в автомобиле.

Джей осматривается по сторонам и сильно жмурится, потому что запах альфы практически повсюду: им пахнет сама комната, её мебель, одеяло, подушка, даже освежитель с нотками коньяка, будто там не химия с магазина, а вылитая бутылка спирта. Бета не любитель таких запахов, в последнее время они и вовсе стали в фаворитах на последнем месте. После случившегося в больнице шатен и вовсе готов полюбить даже запах дерьма, но точно не коньяк, точно не то, чем веет за километр от, на этот момент, самого ненавистного человека.

Противный, неправильный, такой свежий, что застывает в горле и заставляет задыхаться, биться в конвульсиях, а потом умирать.
Уолкер удивлён, потому что всё ещё живой.

А за Кая всё ещё больно, ещё болит, словно это не его поставили в тупик, а самого Джея, словно на него свалили всё это. Он даже понятия не имеет, где сейчас находится, пощадили ли его, или это "предсмертные ласки", но больше всего хочет быть с другом. С омегой. Тем, кого считал защитником, но кого готов защищать самостоятельно, охранять от любой нечести, потому что Смит слишком много для него сделал. А как засел в душе... Какой же светлый образ создал, пока был рядом, каким ангелом стал, как ярко светит даже самому Джею, словно забрал его способность себе.
Уолкер знает, что сейчас парень максимально бессилен, и только от этой мысли хочется сорваться и бежать со всех сил, лишь бы добраться и хотя бы обнять. Потом можно и оберегать, поддерживать, любить также, как раньше. Сейчас тоже можно.

Нужно. Желательно всегда.

Как спокойно сидеть, когда даже понятия не имеешь, добрался ли мастер огня живым и невредимым до дома? А что с Нией, что будет, если Кай разозлится и не простит?

— Войдите, — хрипло отзывается парень, прерывая свой поток мыслей и позволяя прислуге вбежать.
Омеги и беты начинают рассматривать парня, всё недоверчиво всматриваются в бледное лицо и тихо переговариваются. Один из них, самый низкий, валит бету обратно на подушку и, игнорируя протесты и громкие возмущения, кладёт на слегка горячий лоб мокрое полотенце, трогает нос, касается щёк и на их красноту хмуро качает головой. Двое других меняют тазик на другой, а тот уносят в коридор, достают из аптечки градусник в пластмассовой коробочке и суют больному в подмышку.

— Может, объясните мне, в чём дело? — злобно отзывается Уолкер и стаскивает со лба полотенце, пугая прислугу своей резкостью. — И

хватит это делать, я здоров.

— Сегодня возвращается мистер Кхан, — шепчет один из омег и быстро кивает в виде мелкого поклона. — Он попросил позаботиться о Вашем здоровье, чтобы ко встречи с ним Вас ничего не тревожило. Вам стоит поправиться как можно скорее и сбросить жар, иначе мистер будет недоволен...

Он снова кивает и собирается вновь вернуть багровое полотенце на место, на лоб, что схож с плитой после поджаривания яичницы, но вздрагивает и даже отходит на шаг, когда Джей, согнувшись пополам в кровати, начинает громко смеяться. Прислуге совсем не до смеха, они могут попрощаться с жизнью, если гостя не привести в порядок к приезду Надакхана, а этому самоубийце, видимо, вообще всё равно, раз ситуация так его смешит.
Бета даже утирает подступившие слёзы с ресниц, сквозь откровенный смех вплоть до потери воздуха в лёгких тянет "я сейчас умру" и даже забывает про то, что с недавних пор ему до сих пор плохо.

Возможно, он подхватил простуду, выбежав в такую холодную погоду в одной только расстёгнутой куртке, или так на него повлияло само похищение. У парня точно температура и ещё не до конца ушедшая тошнота, возможны рвотные позывы из-за болей в горле и неприятного привкуса, а ему хоть бы что. Словно он не в доме своего злейшего врага находится, а в кругу друзей, и ржёт не от нервов или подступающей истерики, а от смешного, понятного только ему анекдоту.

Омеги не знают, кого теперь бояться больше: их хозяина или этого слегка двинутого бету, поэтому вновь отходят на шаг, давая волю гостю снова надышаться кислорода.

— Надакхан просил вылечить меня до своего прихода? И он вообще надеется, что я этого жду? — наконец, спрашивает шатен, немного успокоившись. — Он помог Морро сломать моего друга, моих других друзей, почти всю мою семью в целом, увёз меня сюда и ещё хочет увидеться, считая, что я захочу на него смотреть? Пхах, досвидания, —

договаривает бета и, прыснув, кутается в одеяло с головой. На самом деле, смеяться ему хочется меньше всего, особенно с каждой мыслью того, что это не бредятина, которая каким-то образом могла ему присниться, а реальная жизнь.

Что не пару дней назад практически живьём морально похоронили Кая Смита — альфу, а оставили другого, Кая Смита — омегу. Что не его уничтожили на глазах друга, что не его поставили перед фактом и правдой с ноющей болью, что не ему словно реально перерезали артерию, предварительно втоптав его гордость в несмываемую грязь. Джею бы поплакать, не раз представить себя на месте Смита и долго, долго мечтать, как оказывается рядом и обнимает, гладит по голове и поддерживает. Джей сейчас — самый настоящий щит для Кая, тот, кто больше всех поймёт и сбережёт от всех бед, научит жить заново и поднимет на ноги. Он смеётся больше от безысходности и комичности, нет, тупости этой ситуации, хотя и понимает, что это начало, и его злоба только зарождается.

— Вы не можете так говорить, — возражает самый высокий парень и стягивает с беты одеяло почти до самого края кровати. — Если не будете следовать требованиям мистера добровольно, то Вас придётся заставить силой.

— У вас нет на это никакого права, я изучал судебное дело и читал Конституцию Ниндзяго "Права свободы и обязанности человека", — пыхтит мастер молнии. — Если он так хочет меня видеть, у него два варианта: либо прийти ко мне самому, либо сдохнуть где-то по пути или сломать себе что-то, потому что это чудовище я и на десять метров к себе не подпущу. Наверное, до вас дошло, что здесь только один вариант.

— Если мистер Надакхан привёз Вас к себе, значит он заинтересован Вами и у него на Вас свои планы. Он зол в гневе, и я не думаю, что Вам хотелось бы ходить со сломанной конечностью, — сразу констатирует факт тот самый маленький омега, замечая, как лицо Джея вытягивается в удивлении. — В этом особняке никаких прав не существует, по крайней мере, для мистера Кхана, потому что он сам

эти права и прописывает. Вам придётся подчиниться в любом случае, потому что Вы уже в этом особняке.

Кудрявоволосый только открывает рот, чтобы что-то сказать, как вскрикивает, стоит ему оказаться на руках одного из охранников. Прислуги много, охранников тоже, но парень не уступает тому, что силы не равны, и начинает махать руками-ногами, надеясь в кого-то попасть и убедить в том, что тоже опасен. Он хватается за ручку двери, не желая покидать выделенную ему комнату, но рука скользит, и попытки становятся ничтожными.

Дело начинает свою дорогу в просторной ванной комнате, когда бету опускают около уже наполненной ванной со стоящим над водой паром, и выходят все, кроме двух омег. Один начинает стаскивать с парня одежду, напоминая о том, что рукоприкладство у них в особняке не отменено и всегда в силе, а второй проверяет температуру воды, расставляет шампуни и готовит мягкое светло-голубое полотенце. Шатен отбивается, как может, до конца не верит в угрозы и затихает только тогда, когда оказывается догола раздетым и почти до подбородка опущенным в тёплую воду. Уже грязную одежду беты кидают в стиральную машинку, и юная бета, поклонившись, входит и вешает на ручку двери новую глаженую одежду.

Джей рассматривает новый наряд и начинает потихоньку опускаться в воду до носа, оставляет на виду только колени и свою кудрявую голову. Он привык принимать душ один, даже с Ние никогда не мылся и при ней не раздевался, а здесь сразу несколько людей, и он перед ними словно не только без одежды, но и без кожи.
Омеги вообще ничего не стесняются, не смеются, не смотрят и даже не упоминают о мастере молнии, словно он вообще в другой комнате. Занимаются своими делами, а потом, закончив, перешёптываются, решают, кто что будут делать. В итоге к бете подходит парень пониже, перед этим проигравший в "камень, ножницы, бумага", и, выдавливая в ладонь ароматного шампуня, начинает размазывать по кудрявым волосам. Хватает ковш с тумбочки, набирает воду и, заставив бету откинуть голову назад, льёт воду на волосы, создаёт на прядях пену и водит по голове, зарывается пальцами, тщательно вымывая.

Уолкеру бы возмутиться, но уже, кажется, бесполезно. Парень легко хмурится и, коснувшись рук омеги, говорит, что сделает всё сам и домывает голову уже сам. Смывая пену, он косится на прислуг и много думает о том, что именно от него хочет Надакхан. Ведь, судя по словам Коула, альфа должен как минимум применить насилие по-отношению к Джею, должен сделать что-то, что могло бы казаться отличным уроком для мастера земли за непослушание. Тогда почему его так готовят, словно собираются отправить на свадьбу? В последний раз, будучи в плену, бета только сражался и терпел роль посудомойки, вымывал корабль чуть ли не до блеска, и никто его не украшал, не готовил.

Может, альфа хочет видеть парня в лучшем виде просто ради интереса, может, для какой-то игры. "Я вообще не ебу" — взрывается внутри Джей, хмурясь, и просит прислуг выйти, чтобы он вымыл тело. Выходить никто не хочет, и бета сдерживается, чтобы не накричать снова, думает, что сами напросились, и пожимает плечами.

У Уолкера тело омеги. И не простого какого-нибудь, а самого сексуального, самого красивого в Ниндзяго, потому что такие фигуры даются не каждому. Парень, уже ничего и никого не стесняясь, приподнимает стройную ногу, блестящую от воды и пены, водит по ней мылом и просто игнорирует всё вокруг. Конечно, омеги косятся, в какой-то степени даже завидуют, потому что беты их мира таких рельефов явно не заслуживают, кусают щёки и просто наблюдают, иногда отводят взгляд. Кудрявоволосый победно улыбается, смывает пену и повторяет прошлые действия с другой ногой, пока не доходит до верхней части тела. Приподнимаясь и усаживаясь на ноги, бета освобождает от водной глади блестящие ключицы и плечи, вскидывает голову, намыливает шею и, заметив, как прислуга, наконец, плетётся к двери, улыбается.

— Где Кхан шля... — в ванную входит Флинтлок и, чуть не столкнувшись с прислугой, замечает Джея.
Бета сразу вымирает внутри, чувствует на ключицах пристальный взгляд, как будто физический, и до самого подбородка плюхается в

воду, даже колени сгибает, и радуется, что пены очень много.

— Блять, сказали бы, — шипит альфа и, отвернувшись, выходит за дверь. — Какого хрена ты тут делаешь, скажи?

— У своего друга спроси, — так же громко отвечает Уолкер уже с истеричными нотками и со злостью дует на пену перед носом. — И вообще, почему ты снова с ним? Ты же, вроде как, предал его и выступил за нас, — тупит взгляд парень.

— Это долгая история, и я не собираюсь откровенничать. Мне интереснее знать, когда вы с ним успели так сблизиться, чтобы ты в его ванной мылся. В его доме.

— Я. Не. Знаю. Что. У. Него. На. Уме, — по словам выговаривает бета. — И мы не сближались. Это похищение, и я здесь не по своей воле, но не убегаю, потому что мне угражают и не отпускают. Понимаешь?

— Мистер Надакхан просил подготовить гостя к их встрече вечером, — коротко кивает одна из омег. — иначе, по его словам, придётся искать новый состав прислуги.

— Бред, — фыркает альфа и прислоняется к двери. — Неужели сдержал свою угрозу? Ты ему и не очень-то нужен был. Было бы логичнее, забери он Нию, но тебя...

— О моей девушке даже заикаться не смей! Она была и будет в безопасности, и Кхан — никто, чтобы трогать её из-за какого-то прошлого.

— Значит, ты не будешь, — грустно усмехается Флинтлок. — В смысле, не будешь в безопасности. Если ему действительно плевать на Нию сейчас, то он просто хочет с тобой поквитаться. И не сложно догадаться, как именно, если ты бета, а он альфа.

Бета только открывает рот, но замолкает, связывая клочки одной единственной правильной мысли. Ужасной, но правильной, потому что

их роли в этой жизни говорят сами за себя. Альфе нужен омега, но с ним может быть и бета, даже если у второго нет ни течки, ни сильного запаха. Они могут служить для альф точно так же, как и омеги, и, как бы Джей не злился, это природа, а с ней нельзя спорить. Надакхан опасный и сильный, довольно взрослый, лишившийся своей омеги альфа, и сейчас ему ничего не стоит трахнуть бету, даже если из-за мести и обещания.

От одной только мысли парня трясёт и бьёт в разые стороны, он громко хнычет и прикрывает лицо руками, вновь опускаясь в воду. На самом деле, ему сейчас опустить голову, чтобы утонуть, и дело с концом, да и тех, кто помешал бы, здесь нет. Даже с таким букетом жестокости и безысходности ему всё ещё есть, ради кого жить, и только мысли о том, что его ждут, что думают, как спасти, заставляет не делать глупостей.
Уолкер знает, что его душа, его тело существует только для одной омеги на этой планете, более того, он понял это ещё с их первой встречи, и поэтому просто не позволит прикоснуться к себе кому-то другому, кроме неё.

Надо будет — начнёт кусаться и царапаться, чего набрался у Кая, будет истошно кричать и убивать взглядом, но чужое чужому не отдаст. Чужое — своё тело, свою невинность и свою душу. Чужому — Надакхану, альфе с жизнью без преград.

— Прикройся там на минуту, — говорит альфа и, открыв дверь, отгоняет прислугу подальше от двери и входит в ванную, прикрывая дверь. Он быстро опускается у ванны и наклоняется к бете, то и дело поглядывая на двери, как бы те не открылись. — Я не знаю, как именно, — начинает он уже шёпотом. — но я помогу тебе выйти отсюда. Я многое вам должен и всеми руками за вас, хоть и служу Кхану. Я не против его дел сейчас, не против союза с Морро, потому что мне дали второй шанс и не убили, как должны были, но если надо будет вытащить тебя отсюда подальше от Кхана, то я это устрою, просто потому что вы мне не враги. Я не хочу, чтобы он портил тебя и перекрывал ваши с Ние отношения. Старайся не сильно перечить Кхану, просто дожидайся момента, когда приду либо я, либо твои

друзья. Всё будет хорошо.

— Подожди, — так же шёпотом зовёт Джей, хватая альфу за рукав прежде, чем тот развернулся. — Ты это... можешь, пожалуйста, узнать для меня, как там Кай? Мне хотелось бы знать, что Морро ничего больше ему не сделал и не сделает.

Флинтлок молчит пару секунд, обдумывая, и, кивая, слышит счастливое "спасибо" и направляется к двери, чуть не ударяя только собиравшихся подслушать прислуг.

— Будьте с ним осторожнее, — шипит он и щурится. Словив сразу несколько быстрых кивков, альфа поправляет воротник домашней рубашки и следует прямо по коридору, скрываясь за углом.

× × ×

Понимая, что команда на задании и занести ему еду так, как раньше, никто не станет, Кай вновь поднимается с кровати. При всём своём желании казаться сильнее, выше всего этого и выносливее, омега не смог принять свою сущность до конца. Пришлось просто смириться. В какой-то момент шатен просто сам для себя понял, что на этой новости его жизнь не заканчивается и в корне не меняется, а идёт дальше, в каком бы состоянии парень ни был. Смит бегал от самого себя, даже после рассказа Нии пытался поверить в то, что это сон или выдумка, что он никакой не омега с запоздалый развитием, а по-прежнему сильный и храбрый альфа. Сейчас бегать нет никакого смысла.
Даже если он является омегой, если ему не уйти от этой правды и быть привязанным к ней пожизненно, то он будет, просто чтобы доказать себе, что всё ещё сильный духом и сердцем.

Омега поправляет шёлковую пижаму на себе, замечая, что в ней тоже удобно, переступает через множество смятых носовых платков и салфеток, напрочь впитавшихся его слёз, и открывает дверь, щурясь от света. В его комнате эти дни была сплошная тьма. Из-за заплаканных

глаз свет делал только больнее, от него раскалывалась голова, иногда кружилась и становилась тяжелее. Кай сам погряз в этой тьме, когда всё осознал. Молча нырнул в чёрное болото и прибил себя гвоздями ко дну, чтобы больше не вылезать на сушу, не вдыхать жизнь. Ему легче задыхаться и заливаться по новой, легче тонуть, но так, чтобы в полном одиночестве, потому что настолько слабым он никогда перед командой не был.

Парень выглядывает со второго этажа на первый, держась за перегородку, и, никого не замечая, спускается вниз.

В доме всегда было тепло, но сейчас особенно холодно, настолько, что лучше бы сгореть в собственном огне. Кай ненавидит холод, ненавидит воду, но у него ничего другого и не осталось. Морро вскинул на теперь точно хрупкие плечи правду, забрал и так пропавший огонь, что хоть немного грел омегу раньше, и разрешил одно единственное — плакать. Он, может, и не видит, может ничего вообще не разрешал, но Смит плачет, и за это время потратил годовой запас своих слёз.

Омега чувствует ком в горле, а потом тяжесть в ногах и думает, что снова упадёт на пол. Что за психологическую пытку ему приготовили, он понятия и не имеет, но от каждой такой готов умирать. Хватается за поручни, ступает босиком на холодный пол и вдыхает родной букет запахов друзей, улыбается уголками губ. Парень сразу понимает, точнее, наверное, вспоминает, что одного запаха точно не хватает, и задумывается. С ним целая команда, несколько альф и омег, на которых можно положиться, а Джей там один единственный наедине с чудовищем. Парень бы уже сорвался с места, оббежал бы весь город, только чтобы найти друга раньше, чем произойдёт что-то ужасное. Перевернул бы все шестнадцать миров, добрался бы до проклятого, умер бы несколько раз, но всё, что он может, — греть свою задницу и быть под защитой, прячась от Сторма, как от серого волка.

Шатен вновь зол, зол на всех вокруг, на себя и на судьбу. Пиная спинку дивана, омега едва не рвёт себя на части, но замолкает, замечая спящего Дилана.

Дойдя до кухни, Кай врезается ладонями в стол и смотрит вперёд, чувствуя, как льдина внутри тает от появившейся злости. Он сжимает руки и представляет мастера ветра, стреляет взглядом и представляет джина, ощущает внутри взрывы и обещает, что каждый из тех, кто хоть пальцем тронет мастера молнии, взорвётся точно также. Мысленное самоубийство и мысли об своей омежей сущности переступают на второй план, и всё, о чём мастер огня думает, это о друзьях.

Только что он может сделать сейчас, как один из самых слабых омег, который и на улицу толком выйти не может?

— Ненавижу, — шипит омега, впивается ногтями в ладони и опускает голову. — Ненавижу это всё. Ненавижу...

— Кай, всё нормально? — спрашивает вошедшая Пиксель. Осторожно глянув на друга, она подбегает ближе и, хватая его руки, сжимает в своих, прося расслабить.
Мастер огня стискивает зубы и, встретившись взглядом с ниндроидом, расжимает кулаки и смотрит на капли крови на ладонях. Девушка опускает омегу на стул и рыскает по шкафчикам в поисках аптечки. Старается не говорить много, не напрягать и не делать ситуацию хуже и, найдя белый чемоданчик, подходит к другу и достаёт бинты.

— Прости, я просто... я сам не понял, что делаю, — выдыхает шатен и протягивает подруге ладони, наблюдая, как та не толстым слоем обматывает следы ногтей уже с ваткой со спиртом. — В последнее время я совсем... ничего не понимаю...

— Твоя психика нарушена, и у тебя огромный стресс, — спокойно говорит беловолосая, делая из двух концов бинтов на каждой руке по одному прочному бантику. — Человеку трудно справляться с такими неожиданными новостями, особенно оме... прости.

— Всё нормально, — хмыкает Кай. — Уже ничего не изменить, продолжай.

— Просто знай, что у тебя сломана моральная опора. В таком

положении сложно контролировать свои действия и эмоции, но тебе надо попытаться, иначе, в первую очередь, навредишь самому себе.

Захлопнув аптечку, Пиксель осторожно отодвигает её в сторону и достаёт из рядом стоящего пакета маленькую белую баночку. Поглядывая на заинтересованного парня, она не сразу решается, словно размышляя о последствиях, но быстро выдыхает и готовит стакан воды из графина.

— Это, — говорит девушка, повернувшись к другу, и показывает на баночку. — таблетки для омег с такими же отклонениями. Они помогают омежей сущности быстрее раскрыться, меняют запах на твой личный и помогают отмотать срок начала течки, чтобы она не была болезненной. Без них будет намного труднее, поэтому тебе стоит не отказываться от их принятия, если не хочешь больше проблем.

Парень медлит, засматриваясь на баночку и прикусывая щёку изнутри. С одной стороны, он прекрасно понимает, насколько это серьёзно и необходимо, но с другой... Зачем ему всё это надо? Зачем пытаться изменить что-то, зачем вытягивать его из этого болота, когда сами же его туда и опустили? Ему бы просто укрыться от всего этого мира, забиться в угол и прибить себя к нему, чтобы никто не посмел тронуть. Вернуть Джея, вернуть те дни, когда всё было хорошо, когда отец не забил ему голову этой паранойей про то, что зло близко и парень не знал правды. Даже если бы узнал, то явно не от своего врага, не в полном одиночестве и не с дикой болью в груди.
Ему бы душевного спокойствия, тепла и уюта внутри и снаружи, а он только и делает, что берёт на свой счёт всё новые трудности.

Омега вздыхает и жмурится, но принимает в руки две капсулы и залпом проглатывает, запивая водой.
Беловолосая только открывает рот, как долго звонят в дверь, и шатен чуть не давится водой.

— Так быстро вернулись? — удивлённо спрашивает ниндроид и только делает шаг, но парень, нахмурившись, останавливает её и мотает головой.

— Я сам могу открыть эту долбанную дверь, Пикс, то, что я омега, ещё не делает меня недееспособным, — говорит парень и сразу смягчается, тепло улыбается и хлопает её по плечу.

Девушка вздыхает и молча кивает, убирая таблетки в отдельный шкафчик и доставая из пакета всё остальное: мясо, зелень, оливковое масло, помидоры и огурцы, заранее громко предупреждая, что собирается делать салат. Расставляет всё на столе, вымывает и достаёт целый пучок салфеток, провожая омегу к двери взглядом.
На почту приходит сообщение от Зейна, что они приедут только через полчаса, а беловолосая кивает самой себе и отправляет в ответ пару смайликов, но поздно понимает, что тогда за дверью кто-то другой.

— Кай!..

Омега широко распахивает входные двери и чуть не вываливается за порог, но застывает на месте, словно приклеенный, когда сталкивается глаза в глаза со Стормом.

— Какая встре-еча, малы-ыш, — тянет мастер ветра и не упускает момента, осматривая омегу напротив с ног до головы. Кай точно вымирает несколько раз, рассыпается под этим взглядом и забывает, как дышать, как пользоваться лёгкими, но двинуться с места не может. Как будто альфа его своим взглядом и держит. — А мы за ребёнком. То есть, теперь моим сыном, правильно же? — оборачивается он к пожилому мужчине с папкой в руках, и тот медленно кивает.

Альфа одет, как ангел и дьявол во плоти одновременно. В белом костюме, словно ядерная бомба в подарочной упаковке, и красных мокасинах, идеально очищенных, почти сверкающих и отражающих всё вокруг. Тёмные волосы красиво уложены назад и собраны в маленький пучок на затылке, и только зелёная прядь то и дело падает на лицо. В этом виде он словно в несколько раз больше Кая, что заставляет омегу желать ещё больше сжиматься и замирать в не пойми откуда взявшемся страхе. Парень просто смотрит в зелёные глаза напротив, просто дышит рядом, а внутри словно задыхается, путается

в бесконечных таких же зелёных зарослях и тонет в белых облаках. Таких, как этот чёртов костюм.

Морро же держится отлично, смотрит с самой великой победой, но не задерживается на золотых глазах, а скользит сразу на мешковатую пижаму. Вот дерьмо, так думает он, и не может не словить себя на мысли, что без этих тряпок парню было бы намного лучше. Смиту во всём намного лучше, только когда он такой же напуганный и беспомощный, когда полностью видна шея и ключицы, когда он потрёпанный, лохматый, немного красный и уютный, как игрушка или плюшевый медведь. Сторм знает желания тигра, и сейчас борется с двумя из них: либо схватить омегу в охабку и увезти отсюда подальше, либо разложить на этом же пороге, только бы зверь внутри был доволен. Только бы вернул альфе власть над собой и своими целями, чтобы не отвлекаться от планов.

Пиксель в сею секунду оказывается рядом и прячет парня за свою спину, злобно уставившись на альфу. Тот мило улыбается, разминает шею, руки, поправляет воротник торчащей из пиджака белой рубашки и проходит внутрь, осматриваясь. На самом деле он всё прекрасно видел ещё тогда, когда пришёл сюда в теле Мисако, но ради приличия и мужчины позади него решает построить дурачка, чтобы не навеивать лишних подозрений.

— Что за ангел? — спрашивает Морро и, словно получивший до этого премию "Отец года", подбегает к коляске и тянет руки к проснувшемуся Дилану. — Я мог только мечтать о таком сыне, я... я так счастлив и...

Альфа не договаривает, когда, игнорируя Пиксель и её попытки спрятать Кая вновь, тот подлетает и выхватывает ребёнка из коляски, крепко прижимая к груди и прожигая брюнета взглядом.

— Не смей прикасаться к нему, — рычит шатен. — Только попробуй, и я сожгу тебя заживо.

Ниндроид пугается и собирается подойти, но Морро взмахивает рукой,

и она замирает, не в силах ступить дальше. Она поглядывает на слишком спокойного мужчину, что молча рассматривает их владения, кусает губу и отправляет Жульену сообщение о том, что дома срочно нужна их помощь. Пиксель не понимает, за кого боится больше: за ребёнка или за Кая, но знает, что спасать надо обоих. Правда, как именно? Возможно ли вообще, когда рядом Сторм?

— Очень мило. Мастер огня так привязался к ребёнку, разве это не здорово? — поворачивается к мужчине альфа, но улыбку не натягивает, только легко усмехается, хотя начинает злиться. — Ты будешь отличным папой, огонёк, но ты задерживаешь Господина Ханя и меня в том числе. По документам у бедняги никого больше не осталось. Мать умерла прямо в больнице, представляешь?

Смит распахивает глаза, вспоминая недавнюю картину, и только больше впадает в ярость. Омега чувствует, что не выдержит и в любой момент набросится на Сторма, чтобы расцарапать глаза и лицо. Клоун, так думает, нет, так точно уверен парень, и внутри по новой взрывается только от взгляда альфы на ребёнке.

— Ты не смеешь так делать, не смеешь даже смотреть на него! Чёртов убийца, ты всю жизнь ему разрушил!

— Малыш, не нервничай лишний раз, — говорит брюнет, делая короткие шаги к омеге до того момента, как тот спиной сталкивается со стеной. — У тебя сейчас тяжёлые времена, много стресса. Ляг лучше, отдохни, не напрягайся...

Кай не знает, куда деться, как исчезнуть или пройти сквозь стену в другую комнату, потому что альфа *слишком* рядом, и, протянув руку, сможет достать. Котёнок внутри жмёт уши к голове и прячется, сворачиваясь в клубок, а тигр уже рядом, заставляет давиться несчастного мятой и нависает сверху, вот-вот готовый сожрать. Парень смотрит в разные стороны, пытаясь найти выход, с мольбой смотрит на подругу и мужчину вдалеке. Пиксель становится вся словно на иголках, когда Сторм упирается рукой в стену над головой шатена, смотрит, надавливая этим своим тяжёлым взглядом, и даже Дилан в

руках замирает.
Кай жмурится и, не найдя ничего получше, резко скатывается по стене вниз, принимая сидячее положение, и, пряча ребёнка за своими же коленями, утыкается носом мальчишке в плечо.

Девушка подрывается с места, когда видит в проходе остальную команду, тяжело выдыхает и сглатывает, а Морро так и замирает, не сводя глаз с сжавшегося омеги под ним. Что за идиотское чувство, почему душит горло и так давит в грудь, что и не выдохнуть? Старший смотрит на слегка подрагивающие руки, прижимающие ребёнка, смотрит на то и дело выглядывающие проверить, не ушёл ли он, золотые глаза, и сердце пропускает несколько ударов. И останавливается. Таким беспомощным и пугливым мастер огня не был ещё ни разу, по крайней мере, наедине с альфой, и вместо предыдущих мыслей в голове только одна, выросшая до высоты многоэтажки, — спрятать.

От кого прятать? От самого себя? Смешно, думает парень, но ничего не может поделать, всё смотрит на младшего и чувствует резкое желание коснуться щеки или волос. Смит сейчас крохотный, словно букашка, коснёшься — раздавишь и заставишь исчезнуть. А Морро такого не хочет. Хочет оказаться с парнем наедине, положить омегу на самое видное место и смотреть за страхом, за этим волнением, прятать от всего и ото всех, даже если от себя.

Внутри становится невыносимо тепло и легко, даже светло, туман рассеивается, и тигр, вместо того, чтобы кусать или царапать котёнка перед собой, опускает морду к полу и смотрит на него со стороны. Осторожно касается маленького влажного носа, принюхивается и наслаждается крыжовником, глазами умоляя зверька поднять на него свои глаза.

Неправильно.

Альфа злится и, мотнув головой, отталкивается от стены прежде, чем подбегает Ллойд. Больше не оборачивается на Кая, даже в его сторону не смотрит, приказывая себе зацикливаться только на других.

— Какого чёрта ты тут делаешь? — шипит лидер и хватает брюнета за грудки, всматривается в глаза, желая пристрелить взглядом. — Какого чёрта *рядом с ним*?

— Пока, как видишь, законом не запрещено, — пожимает плечами альфа. — Твой друг не отдаёт мне моего ребёнка, которого я сегодня усыновил. Матери у него больше нет, мальчик стал сиротой, а я, как хороший и примерный отец, забираю его себе. Что-то не так?

— Ты смеёшься?! — подрывается Ния, но останавливается, когда мужчина подходит и показывает каждому пару подписанных документов.

— А теперь послушай ты, — рычит Сторм и, оторвав от себя руки лидера, сильно сжимает его плечо. — Я не люблю ждать, больше не люблю, когда кто-то стоит у меня на пути. Я даю вам день, чтобы попрощаться с ребёнком, а потом прихожу и забираю его, как и должен по договору. Не испытывай моё терпение, Гармадон, я обычно не такой добрый.

Альфа не сильно отталкивает от себя блондина и, даже не глянув на Смита или Дилана, выходит из дома, оставляя команду наедине с собой. Мужчина тоже уходит, напоследок поклонившись героям, и прикрывает за собой дверь. Ллойд вздыхает и зарывается пальцами в волосы. Повернув голову в сторону друга, он подходит и приседает возле омеги, легонько бьёт по плечу, говоря, что всё прошло. Может, он и не видит того урагана и сильно натянутой нити одновременно, что между Стормом и Каем сейчас, но в очередной раз клянётся защищать друга, чего бы ему это не стоило.

× × ×

Бете намного лучше. От него вкусно пахнет после принятия ванны, он красиво, но скромно одет, но внутри умирает от негодования и

безысходности, разрывая себя мыслями.

Уже глубокий вечер, но шатен, словно зомби, даже не думает о сне или отдыхе на довольно мягкой кровати перед ним. Надакхан должен появиться уже с минуты на минуту, должен либо зайти сам, либо отправить за ним прислугу, но Уолкер молится всем богам, которых только знает, чтобы мужчина заблудился по пути и вообще о нём забыл. Не хочется вдыхать алкоголь, травить свои лёгкие им и задыхаться, не хочется сталкиваться со страшным взглядом и бояться всего, что может придумать альфа. Ещё немного, и у парня появиться аллергия на это место и на его хозяина. Он поглядывает на время, сжимает в ладонях ткань телесных штанов на коленях и считает секунды.

Впервые за этот день ему так страшно.

Двери скрипят и распахиваются, пропуская низкорослого омегу. Бета весь вздрагивает, даже подскакивает и хочет что-то сказать, но в долю секунды уже оказывается в коридоре. Омега медленно идёт к лестнице, оглядывается, как бы гость не сбежал куда-нибудь, и терпеливо показывает дорогу. Что будет, когда они увидятся? Что, если ни ниндзя, ни Флинтлок не успеют, и всё случится прямо сегодня? Парень больно жмурится, ступая на ступеньки наощупь, хватается за поручень и надеется, что всё в последний момент отменят и отправят обратно наверх, а лучше сразу домой.

Остаётся совсем немного, но он спотыкается и, распахнув глаза, летит на пол, пока у самого пола его под руки не ловит Кхан.

— Сногсшибателен? — усмехается альфа, подняв парня и поставив на ноги, а младший замирает, разглядывая мужчину перед ним.

Надакхан в чёрном костюме (словно сговорился с Морро), идеально на нем сидящем, в чёрных туфлях и уложенными назад волосами, собранными в не слишком длинный хвост. От него по-прежнему несёт коньяком, но теперь не отталкивает и не вызывает тошноту, а почему-то даже притягивает, и Уолкер нервно сглатывает. Минуту назад он

проклинал его и надеялся, что по дороге тот от чего-то умрёт, так и не добравшись до особняка, а сейчас, будучи спасённым от столкновения с полом, не может оторвать взгляд.

"Всё нормально, Джей, он просто хорошо выглядит, это обман" — думает бета и, скинув с плеч невидимую пыль, мотает головой и направляется в сторону длинного стола.

— Всё, как в прошлый раз, — громко говорит альфа и кивает стоящему в стороне Флинтлоку. — Ты же помнишь наш последний ужин?

— К чему это всё? — игнорируя вопрос, бурчит бета и сразу льёт в бокал вина, думая, что без выпивки теперь здесь не обойтись.

— Пока никто не доживал до второго ужина с принцем джинов, — спокойно говорит мужчина, присаживаясь за стол напротив парня, и младший давится вином. — Правда, одна дожила и далеко не только до второго, но в живых до этого дня всё равно не осталась. За одним столом со мной едят те, кто мне интересен, а на вопрос, умрут ли они после этого, ответит только судьба. Понимаешь, о чём я?

— Ты угрожаешь мне смертью? — щурится Уолкер, больше не притрагиваясь к еде.

— Нет, нет, что ты. Ты слишком интересный экземпляр, чтобы избавляться от тебя, — улыбается старший. — Можем сразу к главному. Твой друг не сдержал своего слова, а я просто сделал то, что обещал, и сейчас ты здесь. Я не знаю, какие точно у меня на тебя планы, но это также зависит и от твоего поведения здесь. Хочешь ты, или нет, ближайшее время ты будешь жить здесь. Тебе запрещено видеться с командой и другими знакомыми, ты выходишь за пределы особняка тогда, когда я сам этого захочу. Возможно, к концу нашего совместного проживания ты выйдешь отсюда целым и невредимым, а возможно и нет. Я не буду делать одолжение ни тебе, ни твоей очаровательной девушке, ни команде в целом, потому что сейчас ты принадлежишь мне, и я никому ничего не должен. У меня есть право и

на тебя, и на твою жизнь, и мне никто перечить не смеет.

— Так нельзя! — вскакивает Джей. — Ты сам поставил это тупое условие, а Коул согласился, потому что ты угрожал! Мне плевать, что ты себе надумал, но я не собираюсь находиться здесь только по твоей воле.

Кхан поднимается следом, и даже Флинтлок в стороне вздрагивает, взглядом просит бету сесть на место и замолкнуть, но, видимо, поздно. Альфа медленно направляется в сторону парня, а тот заметно сжимается, хоть и задирает подбородок, уже косится в сторону. Только собираясь рвануть в сторону, Уолкер останавливается, когда мужчина грубо хватает его за локоть и дёргает к себе.
Смотрит прямо в глаза, полной грудью вдыхает голубику и только сейчас подмечает лёгкий молочный аромат, видимо, второй запах беты, вдыхая его следом.

— Твой первый проёб, малыш. Знаешь, у меня хорошее настроение сегодня, и мне хватит простых извинений за то, что ты меня перебил, — басит Кхан, практически высасывая из парня его недавнюю смелость.

— Из... изв... — он словно давится этим словом, чувствует, как гордость внутри безжалостно рвёт на части, и просто не может, не знает, как можно так унижаться. Как сделал бы любой герой. Как сделал бы Кай, он сделает также. — Нет. Мне... мне не за что извиняться, так что советую пойти к чёрту со своим хорошим настроением.

Альфа скалиться, всё не может увести взгляда от глаз парня и пожирает его целиком. Он пугает прислугу, пугает Флинтлока и самого Джея, резко толкая бету к столу и прижимая его к нему. Заставляет нагнуться назад, упасть спиной на тарелки и закуски, взвизгнуть, а сам улыбается, чувствуя, как зверь внутри доволен. Как доволен он сам.
Придавливая плечи шатена к столу, он только поднимает глаза на едва подбежавшего к ним альфу, приказывает стоять на месте и, стискивая зубы почти до скрипа, впивается в губы Уолкера больным поцелуем.

Нужно молчать когда просят, так думает альфа, совсем не жалеет силы и до треснувшей губы кусает нижнюю, быстро слизывая кровь. Улыбается на такие же стиснутые зубы Джея, что тот изо всех сил старается не впустить чужой язык, на его удары по своей груди, чувствует, что всем своим нутром хочет сожрать бету вместо кучи еды под ним, и, нехотя отстранившись, облизывается и кивает двум альфам-охранникам, а сам отходит в сторону и поправляет костюм.

— Ненавижу тебя! — кричит Джей, зажатый между двумя альфами. — Гори в аду, чудовище!

— Оставьте в какой-нибудь кладовке до завтра, — зевает Надакхан и присаживается за стол, глазами разыскивая, что бы отведать. На самом деле, на столе этого нет. Оно сейчас кричит, по его же словам ненавидит и просит гореть в аду, но альфа слишком сдержанный, чтобы поддаваться желаниям так быстро. — Еду можете не приносить.

Бета удивлённо смотрит на мужчину, всё желает достать до него, чтобы чем-то прибить, вырывается из сильных рук, но понимает, что бесполезно. Его уводят в сторону лестницы, а он хмурится и плюётся в сторону альфы проклятиями.

— Да, я тоже люблю тебя, — пропевает Кхан и, подняв вилку с ножом, тянется к жареному цыплёнку.

eleven. matter in status

Примечания:

эта глава была для меня одной из самых тяжёлых, потому что много эмоций, много несостыковок в настоящем и будущем, но, я уверена, в праздники я отдохну и продумаю всё как следует. если глава вышла сухой, я прошу прощения, обещаю в дальнейшем больше живности

последняя глава в этом году, всех вас с наступающим

не могу понять, почему нададжеев мне выходит описывать легче, чем морраев

морро: IKON — KILLING ME
самый конец главы: Melanie Martinez — Detention, IVAN VALEEV — Самолёт (мне кажется, песня очень подходит Каю в фанфике в целом)

***

В кладовке очень пыльно и холодно, но парень думает, что это даже не проблема. На нём вполне тёплый синий свитер, и этого достаточно, чтобы не ощущать, как температура в этой комнате отличается от температуры всего остального особняка. Джей мысленно просит Смита немного огонька, улыбается внезапным воспоминаниям о команде и прислоняется головой к стене.
С ужина прошло около пяти часов, сейчас, наверное, время близится к полночи, но спать не хочется совсем.

Хочется долго гадать и искать в любых источниках мира, почему после поцелуя с альфой у него внутри сходит с ума до этого спокойное

сердце. Сердце, умеющее так реагировать только на одного человека — Нию, но Надакхан либо Бог, либо чёрт подземный, потому что так управлять чувствами бедной беты противоречит всему. Наверное, дело в напористости мужчины и властности, в конце концов, это альфа, а они способны и не на такое, чтобы довести омегу до ментальной смерти. И если мастер молнии не омега, а бета, то он не верит в своё везение, или, напротив, невезение, раз попал в руки к такому альфе.

Опустив все эмоции и адреналин в крови, парень всё ещё в ярости. Молотить дверь он перестал только из-за усталости и угрозы охраны от самого Кхана, что за посторонний шум откусит бете руки. Верилось в это с трудом, но Джей рисковать не стал, и, опустившись на пол, решил скрасить своё временное заточение мыслями.

Ждать помощи от кого-либо опасно.

Если во время ужина Флинтлок не мог как-то остановить мужчину, хотя явно пытался, нет смысла верить в то, что против этого дьявола кто-то вообще способен пойти. Уолкер не может рисковать Флинтлоком перед Надакханом, не может и точно не хочет, иначе, в случае провала, альфу заметят и вероятностью в сто и один процент казнят. Кхан не даёт вторых шансов, не прощает предательство и терпеть не может крыс в своей команде, поэтому возиться не будет. Не от доброты душевной точно. У него ни доброты нет, ни души.
Вариант с друзьями сразу отпадает, потому что их потерять бета точно не сможет. Не сможет смотреть им в глаза, когда на одного из них будет меньше, когда кто-то будет либо раздавлен в первый раз, либо в очередной раз, но уже окончательно. Он и так заставляет их нервничать своим отсутствием, опять вгоняет в тупик, а главное — никак не может помочь.

Уолкер сильный и сдержанный, когда дела такие, и он не собирается молчать в тряпку и покорно ждать своего спасения, отдаваясь настоящему чудовищу. Он точно не принцесса и не слабак, хотя бы душой, и если не станет что-то предпринимать, то потеряет эту силу, как сдувшийся шарик воздух. У него есть та, ради которой нужно сейчас стоять, а не падать, и стоит показать, как он готов к этому. Даже

если он не сможет найти выход, если сильнее разозлит Кхана и окончательно подорвёт все шансы на хороший исход, он будет знать, что пытался. Не попробуешь, не узнаешь, так думает он, а ещё не раз прокручивает в голове все речи Гармадона перед их сражениями, и снова улыбается. Сколько бы времени не прошло, он не забудет ни одну из них, потому что каждая яркая, свежая, вселяющая жизнь и уверенность размером и способностями с крылья за спиной.

— Всё равно ведь проиграешь, — говорит бета в пустоту, но смотрит так, словно прямо в глаза альфе. — Один раз уже проиграл. Всё плохое всегда уходит, всегда проигрывает. Ломай кого угодно, но меня не сможешь, я стальной и, обещаю тебе, скоро ты это поймёшь.

Глаза горят до ярких вспышек, и тепло расплывается по всему телу. Бета бы подумал, что Кай, похоже, действительно его услышал, но слишком занят просветлением, слишком хорошо ощущает надежду и желание идти до последнего. Тошнит сдаваться, тошнит подчиняться тем, кто даже взгляда этих парней не заслуживают. Джей вытерпел всё в прошлый раз, все издевательства, расстояние между ним и Ией, всю боль от собственной ошибки и беспомощности, но держался, и с этим добыл заслуженную победу. Надакхан уже повержен, просто не пойми откуда взял второй шанс, а Джей готов наглядно показать, что такой роскоши в их жизни не существует, что не бывает. Он правда слабый, он не может ударить так сильно, как должен герой, но он питает себя боевым духом, и ему это нравится. Хотя бы за откровенное желание прямо сейчас добраться до альфы и демонстративно без доли страха или стыда плюнуть ему в лицо, больно наступить на ногу, пальцем показать на лицо, на сухие глаза и ресницы, мол, "ты видишь? слёз тут нет и никогда не будет".

Парень уже представляет победу и светится, словно тусклого света от лампы недостаточно, и вздрагивает, когда дверь быстро открывается, и сильные руки закидывают внутрь котёнка. Тот сразу останавливается, пару раз моргает от закрывшейся обратно и хлопнувшей двери, а потом, усевшись на пол, с интересом разглядывает округу и внюхивается.

— Твои друзья чем-то не угодили Морро, и он сказал, чтобы Надакхан отыгрался на тебе. Прости, малыш, тебе придётся посидеть здесь ещё денёк-два, — говорит, прислонившись к двери, Флинтлок. Мужчина осторожно осматривается и, понимая, что никого нет, как и лишних ушей, прислоняется вплотную и шепчет куда-то в щель. — Кот, чтобы тебе не было скучно. Когда будут приносить завтрак с утра, лучше спрячь его куда-то, чтобы не привлёк внимание, а то от Кхана ещё сильнее достанется, и не только тебе.

Бета улыбается и притягивает к себе пушистый коричнево-чёрный комочек, сажая на согнутые колени и прижимая к себе. Он молча кивает двери, утыкается носом в шерсть, но не слышит удаляющиеся шаги, поэтому не спешит отвлекаться, вновь вслушиваясь.

— И, это... Джей, — прокашливается мужчина. — Не злись за ужин. Я правда ничего не мог сделать, но мне жаль, и я извиняюсь. Ещё лучше будет, если ты не будешь с ним так...

— Сначала скажи это моей гордости, — фыркает шатен и отворачивается от двери. — Спасибо, конечно, но я сам решу, как мне себя с ним вести. Я не могу позволить себе так унижаться перед этим животным.

— Как знаешь.

— Почему Морро разозлился?

— Я не расслышал полностью, вроде ребёнка какого-то у них забирал. Твой красный друг как всегда упёрся, а Морро вспылил, — мужчина вмиг чувствует, как воздух за дверью становится тяжёлым. — Не волнуйся только, с ним всё в порядке. Морро ушёл молча, но предупредил. Когда до вас уже дойдёт, что этих двоих альф лучше не злить? Короче, если что-то ещё будет, я скажу, пока всё чисто. Развлекайся.

"Конечно, у меня же так полно развлечений тут" — думает мастер молнии, вслушиваясь в отдаляющиеся шаги и, наконец, заглядывая в

глаза зверька на коленях. Карие. Бета прикрывает глаза и шумно сглатывает, представляя карие обрывы своей девушки, чуть ниже скатывается по стене и, приняв лежачее положение, прижимает котёнка к себе и отворачивается к стене, остаток времени до сна думая о том, что делать с Надакханом.

Он не верит в любовные романы, но засыпает с любимым образом в голове, как главный герой в одном из таких романов.

× × ×

У Морро с самого утра дел невпроворот, но эта занятость впервые оставляет в альфе приятный отпечаток. Например, большая усталость ближе к ночи, но уже в кровати приятно ломит тело, и это — одно из самых незабываемых для него чувств после возвращения к жизни.

Брюнет буквально на следующий день, после принятия на работу, подписав огромную кипу бумаг, успел получить одобрение от одной соседней компании и, созвонившись с её главой, заключил сотрудничество. До хранилища оружия у парня был почти бесконечный путь, учитывая, что Гармадон не оправдал многих ожиданий. По словам того самого главы соседней компании, мужчина сам по себе был мягким и слабеньким, вызывал доверие, уважение, дружбу, но не страх, которых так подпитывает отношение к кому-либо. Сторм сразу согласился с тем, что везде должна быть власть, и добрякам-спасителям с доспехами и белым конём за спиной в таких делах не место.
В конце концов, у Морро дух и зверь внутри намного целеустремлённее всех конкурентов вместе взятых, круглосуточное лёгкое головокружение от собственных целей и самое сладкое из всех — предстоящая месть.

Последующие дни альфа общался по телефону с мэром и обещал лично прийти на встречу в ближайшие дни, чтобы обсудить некоторые вопросы. В его планах было решение некоторых проблем граждан,

доточное обращение внимания на внутреннюю политику и мнение народа о ней. Он уже подставил подозрения о том, что недавние убийства и разгром нескольких зданий — его сюрпризы, под угрозу, и нынешнее место в этом кресле только прибавляет уверенности в том, что никто ничего так и не узнает.

Репутация ниндзя с каждым их столкновением становится только хуже, а своими ходами Морро буквально ломает всё их геройское прошлое. Мастер ветра рассказывает одному из офицеров грустную байку о том, что вернулся именно ради благого будущего этого города.

— Этот город умирает. На самом деле, вы думаете, что он только процветает и идёт в гору, но вы верите глазам, а я видел всё из-под земли. Ужасное зрелище, — альфа отвлекается на глоток кофе в стаканчике и ждёт, когда ему принесут остальную часть заказа. — Народ боготворит ниндзя и надеется только на них, а сами будто без ног и без рук. Народ, имеющий опору, никогда не заглянет вглубь и будет искать ответы только на поверхности. Для них все просто, для них мир на земле и любовь ко всему живому — одно из главных. Подумать только, не зная моих полных намерений, они готовы были меня разорвать, а сейчас я здесь и воюю за порядок в вашем месте. Людям вокруг пора надеяться на свои силы и знания, иметь свою точку зрения и не зависеть от чужого мнения, потому что иногда мы — сами себе враги. А герои не всегда играют хорошие роли. До встречи.

Какой бред, думает Сторм, и даже в какой-то мере надеется, что мужчина не поверит в это всё, но, увидев его озадаченное лицо, по-дружески хлопает по стойке, забирает заказ и направляется к выходу, мысленно срываясь на дикий плач от смеха. И ведь его слова в какой-то мере несут свою правду: здесь люди привыкли к хорошему, привыкли надеяться друг на друга, а своей головой лишний раз подумать просто боятся. Альфа даже разочаровывается, но вспоминает, что у него за враги, как в корне отличаются их мысли от населения города, не спешит разочаровываться. Значит, ему играть будет не скучно, значит, он доберётся до цели с удовольствием после боя и для наглядности даже облизнётся, а потом скажет, оправдает свои действия тем, что ниндзя защищают город без мозгов и разума — сплошной ком

страха и доброты.
Сначала Морро заставит город возненавидеть своих героев, напялив маску ангела, а потом, получив власть и силу, снимет и покажет, насколько легко ими управлять. Ненавистный заставит ненавидеть. Забавно.

Дядя всегда говорил, что ненависть имеет большую власть над человеком.

Утром следующего дня парень идёт в дом ниндзя. Заранее встречается и созванивается с пожилым бетой, чтобы прийти с документами и забрать ребёнка.
Сначала Морро не находил оправдания тому, что усыновляет, получается, совсем ненужного ему ребёнка, а потом как-то собрал всё в кучу и решился. У него была цель: не оставлять в живых всех присутствующих в тот день в музее, потому что с самого выхода из мира Проклятых был чертовски зол на людей, празднующих день их смерти. Для этого он и довёл жизнь миссис Уилл до конца, а новость для Кая просто была к месту, чтобы надавить на омегу. Омегу. Непривычно, но дико приятно говорить, прекрасно зная, каким до этого был мастер огня вспыльчивым и резким. Сейчас смысл задуманного альфой углубился, расширился в масштабах, и день Ушедших здесь вообще ни в каком месте не стоит. Брюнет думает, что просто любит ломать людей, а ещё так зациклен на мести и желании заставить ниндзя проиграть, что готов идти и на такие жертвы.

Парень ещё злится с прошлого прихода, но держит лишние эмоции при себе. Уже за порогом смотрит, как герои поочерёдно обнимают Дилана, что-то шепчут и обещают, а сам внюхивается и сразу понимает, что кого-то не хватает. Ллойд не такой и дурак, так думает мастер ветра, ощущая присутствие Смита где-то наверху. Подниматься и язвить он не планирует, выглядит сдержанным, серьёзным и хладнокровным, а внутри успокаивает тигра, искренне не понимая, почему тот так заводится. Зверь явно даёт понять, что хочет хотя бы просто увидеть омегу, убедиться, что он целый, что такой же собранный, но испуганный. Напряжение есть, но оно не от желания, как раньше думал Морро, а от простого одиночества и с непривычки.

Вроде, между ними было расстояние, вроде, Сторм достаточно нажрался чужих переживаний и боли, а ждёт так, словно до этого они виделись каждый день.

Брюнет почти незаметно чешет руку с ещё оставшимися бинтами, тихо рычит на то, как её жжёт, и ждёт, пока Дилана можно будет забрать и уйти. Встречается со злобным взглядом лидера, мило улыбается в ответ и, оставляя поклон, с мужчиной, что держит ребёнка на руках, покидает дом.

Уже в машине альфа замечает на себе простреливающий взгляд из окна, но не спешит поворачиваться, молча садится в машину и уже там, за тёмным стеклом, сталкивается с золотыми глазами, полными ненависти.
Морро бы испугаться, почувствовать вину, но он привык питаться этими чувствами, поэтому довольно улыбается и просит трогаться с места.

Он созванивается с Надакханом и поверхностно спрашивает по поводу полиции, специально не затрагивает Уолкера и, перервав связь, получает сообщение от личного врача с просьбой приехать. По поводу укуса. У парня прекрасное настроение и дела идут в гору, а если и со здоровьем всё будет в порядке, то он будет почти неуязвим. Смиту и так досталось сполна после этого, но Морро обещает себе, что всё равно припомнит.

× × ×

— Кто оставил этот укус? — скептически спрашивает мужчина и, поправляя ворот халата, всматривается в бумаги.

— Один сумасшедший омега, — спокойно отвечает альфа и переводит взгляд в окно. С самой поездки в дом ниндзя ему душно, хотя на улице прохладный ветер, а кожа под бинтами не перестаёт слабо ныть. Морро менял повязку уже несколько раз, учитывая, что крови больше

нет, пил какие-то таблетки, но без врача справиться не смог.

А голова занята снова одним.

Глазами, как расплавленное золото, как сокровищница самого большого царства из всех шестнадцати миров, потому что такую роскошь невозможно не заметить. Особенно с какого по счёту раза. Морро уже не спорит: волосы шатена теперь более заметные, смотрятся так мягко, что рука сама тянется потрогать. Зарыться длинными пальцами, оттянуть, заглянуть в лицо, как со скульптуры, и скользнуть взглядом по шраму. Смит невероятен, а ещё красив, и статус омеги ему подходит даже больше, чем альфы. Кай был первым в списке омег, который захотел дать Сторму значительный отпор. Кай был и, кажется, остаётся первым омегой, который привлёк Сторма сначала как враг, а потом как омега.

Это ведь дико. Это ненормально. Для Морро никогда не существовало какого-либо омеги более значимого и заметного, чем его папа. Он не думал о том, кого и когда встретит, как найдёт своего истинного и какова будет его дальнейшая жизнь. Ведь вскоре его дом исчез. Остались холодные улицы, чужая компания и поиски чего-то для спасения собственной шкуры. Альфа не привык и не научился управлять своими чувствами, не научился кого-то желать, любить, отдавать кому-то излишнее внимание, которое можно потратить или на свою цель, или на себя самого. Он понимает, что альфе без его половины никак, что каждому нужен тот, кто станет делить и греть его постель, но... чёрт возьми, он, как бы странно это ни звучало, часть своей жизни пробыл мертвецом, а людские потребности он не знал. Не было времени, чтобы придавать им значение, потому что шансов на возвращение к жизни было наименьшее количество.

Морро не хочет, чтобы его движение перекрывал собственный зверь внутри, но сейчас, если он действительно хочет себе какого-то омегу, то он её получит, лишь бы не было препятствий.
А любовь подождёт, если действительно существует.

— Омега, говорите... — мужчина некоторое время сидит, боясь

поднять глаза на альфу, как бы не при чём разглядыает черты лица бывшего врага Ниндзяго и думает, как бы помягче намекнуть на явно не очень приятную новость.

— Может, ещё чаю предложите? — уже в открытую злится альфа. — Можете быстрее говорить? Я действительно спешу, у меня нет времени на предистории и раздумывания.

— Вам поставили метку.

Врач даже слегка сжимается, поправляет очки, потому что резкая тишина и напряжение в кабинете давят невыносимо. Кажется, под ногами Сторма чётко трескается пол, крошится эмаль стиснутых зубов, а кожа нагревается до температуры газовой плиты у включённого огня. Может, это всё волнение и страх, может, ничего такого нет, но состояние у альфы такое, словно он либо свалится в обморок, либо начнёт истерически смеяться, либо достанет пистолет и выстрелит в мужчину, и ни один из вариантов не радует, не расслабляет.

— Что? — уголки губ расходятся в нервной улыбке, а глаза парня только больше напоминают чёрную дыру, всасывающую каждую эмоцию, буквально каждое чувство, действие, мысль. — Вы сказали "метку", или мне послышалось?..

— Не послышалось, — качает головой старший. — Такого рода укусы ставятся с исключительной целью, например, во время полового контакта, но, судя по вашим словам, это вышло случайно. Возможно, юноша, который вас укусил, либо не рассчитал силу, стиснув зубы слишком сильно, либо сделал это без лишних мыслей, так сказать, на ходу. Это ведь жизнь, бывает и не такое.

Забавно, что несколько дней назад он сам говорил похожие слова про жизнь и её сложность, но сейчас хочет прикрыть уши и взвыть на весь город. Жизнь жестока, жизнь — настоящая сука, заставляющая прогибаться под собой раз за разом, и Сторм отдал бы всё, лишь бы самому убедиться в этом не таким путём.

Потому что его пометили. Пометил омега. Пометил тот, с кем он враждует не на жизнь, а на смерть, с кем не страшно от желания перегрызть тому глотку или прирезать артерию. Ему поставил метку грёбанный Кай Смит, тот, кто должен был вот-вот ползать на коленях перед ним, молить о пощаде и добром слове, просить прощения за всё, даже за то, за что не стоит. Он думал, что отымел собственную судьбу по полной, вернувшись к жизни, сломив врагов и поставив себе прекрасно выполнимую цель, а сам только моргнул, и уже оказался на лопатках, прижатым к земле.
Потому что никто никогда ему не поверит, никто не поймёт и не перестанет смеяться, но его пометил омега, по совместительству его враг и цель собственного зверя-сталкера.

И в этот раз отымели его. Отымели по полной.

Внутри стремительно падают верхние кирпичи построенной лестницы вверх, а Морро, ступающий по ним, словно невидящий, спотыкается, проваливается, падает и идёт к самому подножию, ступая заново. Эта мысль светится самым ярким, щиплет глаза и кожу, останавливается там, где до этого альфа достраивал свой путь, и медленно ломает от начала до конца, игнорируя убитый, замученный взгляд Морро. И ведь плевать, что альфа начал идти к успеху, плевать, что, наконец, смог выиграть у врагов всей жизни и смерти, плевать на всё. Ему все дороги к нужному концу перекрыла поставленная метка, перекрыл зверь, задумчивый, но почему-то довольный новостью, перекрыл сам Кай Смит, хотя он даже не старался.

Альфе теперь даже просто представить нельзя, как он от ярости душит мастера огня, потому что все мысли охраняет ёбанная метка. Он не может размазать омегу по полу, не может подарить самые свежие и большие проклятия на всю оставшуюся жизнь, не может ментально уничтожить, потому что Кай, даже не подозревая этого, поставил клеймо и уберёг альфу себе. Морро понятия не имеет, как с этим бороться и как идти дальше, игнорируя мысли о мастере огня, не знает, как удерживать тигра внутри и не сорваться с места за Смитом, чтобы больше не чувствовать, не понимать то, как без парня становится

плохо.

— Я могу... могу убрать её? — прокашлившись, спрашивает Сторм, щурясь от света из окна, резко ставшего слишком ярким.

— Конечно, если купите специальный пластырь или найдёте свою половину, — кивает мужчина, передавая бумаги брюнету. — Другой вопрос — является ли тот самый юноша вам истинным. Если вдруг это окажется так, то метку не получится убрать именно от вашей связи. Если нет, с пластырем метка уйдёт уже через неделю, и вам не будет зачем волноваться по этому поводу. Берегите себя.

Мужчина кивает альфе и, поднявшись, провожает его к двери, похлопывая по плечу и не находя какой-либо угрозы для жизни.

Только дверь за спиной закрывается, и Морро пинает скамейку у стены кабинета, вновь оставаясь наедине со своим зверем. Ему-то что? Он радуется, ликует, предвкушает очередную встречу с омегой и довольно потягивается. Сторм словно уже сейчас чувствует крыжовник, находит его прилипшим к стенкам лёгких и понимает, что с наличием метки ему от него не избавиться. Надо либо избавляться от неё, пока не поздно, и избегать контакта с Каем, либо принимать омегу и оставлять себе. Без него не продохнуть, но Морро слишком много не дышал, чтобы так ломаться. Последняя надежда — хоть мелкий шанс убрать метку, убрать эту зависимость из жизни, а потом идти к цели и дальше.

Сторм бы и не подумал никогда, но без огня сейчас максимально хреново, как бы он ни привык к холоду.

× × ×

Скайлор в последнее время практически живёт в доме друзей, а уходит только во время работы в ресторане, потому что без неё там никак. Девушка провожает ниндзя и следит за тем, чтобы Смит пил таблетки, чтобы не разбрасывал себя по частям по сторонам и не оставался один

на один с собой. На самом деле, быть одним — значит полностью смириться и принять тот факт, что твои же мысли тебя и сожрут, заморозят твои эмоции и чувства, а следом с этим и разум, потому что разума без чувств не существует. Кай ещё с самого начала был под угрозой того, чтобы впустить внутрь холод и перестать на время реагировать на что-либо вокруг. Как игрушка, как потрёпанная кукла, сидя в комнате и вглядываясь в темноту, видел только холод и конец, видел рубеж своих возможностей, своей дальнейшей жизни, кидал в даль дротики, а те прилетали в него, как бумерангом, и это — самое страшное. Страшно потерять человека так просто, страшно не удержать и позволить упасть в свою пропасть внутри, похоронить чувства и всё то, что так дорого людям. Вырвать сердце и вышвырнуть куда подальше, закопать на заднем дворе и притворяться, что всё ещё живой.

Для Скай как ничто иное важно, чтобы парень был в порядке и медленно поднимался. Сколько бы мастер огня не дружил с ниндзя, сколько бы не делился Нией своими переживаниями, Чен, почему-то, знает его больше всех.
Кай ненавидит быть слабым, и он никогда таким не являлся.

На самом деле, физическая сила и телосложение имеют свой перевес в сравнении, но чаще всего выигрывает внутренние войска человека. Его внутренний мир, его разум, заряженный чувствами, его каждый вдох и мнение как о других, так о самом себе. Смит является представителем слабого пола, у него много шансов на то, чтобы упасть и не подняться снова, но в душе он сильнее всех альф вместе взятых, просто потому что научился верить. Словно личные охранники и телохранители, его толкают вперёд и уверенность, и смелость, и расклад ума. Может показаться, что он просто рассматривает, что щурится, потому что плохо видит, а он на самом деле уже убивает своим взглядом, планирует, под каким углом ударить и в какое место.

Девушка просто всё видит, на самом деле, она чувствует тоже самое и всем сердцем верит в парня, вселяет надежду.

— Мы не вместе... я бы очень хотел проснуться и снова почувствовать

себя таким, как раньше, чтобы ничего не мешало нам быть вместе, — мастер огня больно прижимает к груди подушку и прикрывает глаза, когда Скай опускает голову ему на плечо. — Ты единственная, кто меня понимает. Единственная, с которой я готов был пойти хоть на край света. Но что моё "я люблю тебя" значит на этот раз?..

Очень многое. У Скайлор от каждого такого слова, от каждого "люблю" Кая сердце сжимается до микроскопических размеров, а потом останавливается. Так было всегда, ещё с их первой встречи, потому что нутро Смита всегда было манящим. Чен тоже заманило. Омега бы плакала днями и ночами, раз упустила этого парня, раз не смогла удержать рядом и позволила какой-то судьбе разрушить их отношения, но она вновь всё понимает. Насколько им *нельзя* быть вместе, насколько теперь они далеки друг от друга, чтобы вот так сидеть рядом с ещё целыми чувствами.
Судьба такая сволочь, что придётся отпустить и разлюбить, даже если любишь невыносимо. Любовь — клещ, и пусть залезает так глубоко, насколько это возможно, всё равно многим придётся вытаскивать. Пускай Чен любит всей своей душой, пускай готова прямо сейчас спуститься в пекло и принести самые горячие угли и лаву в ладошках, она это сделает, потому что не привыкла расставаться с чувствами.

А ведь она тоже сильная, у неё огромное сердце и душа, и пережила очень многое. Сильная, но с этим тяжело справляться.

С Каем невозможно справиться.

Никому.

Никогда.

Увы.

Шатен подползает ближе, нежится и улыбается так, что можно потерять дар речи. Сцепляет их пальцы, плюёт на то, что нельзя, и легко касается губами губ девушки, желая найти хоть немного тепла. Крепко прижимается к рыжеволосой, тонет в самых родных объятиях,

но с грустью и капающей злостью понимает, что тепла больше нету. Он тянется, а она не убегает, но просит быть осторожнее. Он говорит, нет, он снова и снова повторяет, как её ему будет не хватать, как он умирает изнутри, и прекрасно чувствует то же самое у Скайлор. Кай готов был пойти на всё, чтобы вернуть те моменты, когда их ничто друг от друга не держало, но сейчас знает, что никакие "если" не то, чтобы не спасут, а даже не сделают легче.
Такая вот правда жизни, но Кай уже ненавидит её, ненавидит себя, потому что лишил и себя, и любимую девушку шанса на счастливое будущее.

Мастер огня в последнее время очень плохо спит, но никому, кроме рыжеволосой, особо об этом не рассказывает. Ему снится длинная стойка и толстое стекло перед глазами, словно у гроба, только модного. Омега там в красивой, открытой одежде, подошва чёрных отпалированных сапог приклеена к полу, руки крепко связаны за спиной, а глаза, как бы парень не боялся, пустые, движения покорные. За стёклами с умным и заинтересованным видом расхаживают статные альфы, попивают вино, тыкают в таких же закрытых омег мизимцами и открыто обсуждают, где и как будут раскладывать каждого. Один такой останавливается у мастера огня, гадко улыбается и медленно бьёт по стеклу, пытаясь разбить, зовёт остальных и кричит, что выбирает его. У Смита появляются мурашки по всему телу, кожа словно покрывается слоем упавших на кучу снежинок, но ни крик, ни мольбы не срываются с губ. Голос в голове всё твердит "так и должно быть, это естественно", а Кай бьётся в истерике, и, только находясь в руках альфы, просыпается в холодном поту. Кошмары длятся уже около двух дней, последующие дни парень просто не ложится.

Со Скайлор дни проходят лучше, девушка заряжает его и не даёт заскучать. Парень говорит о том, что сила ещё осталась, что тот Кай Смит, тот дерзкий и выносливый парень, но уже омега, возвращается, а девушка смеётся, говорит "с возвращением, скучала". С рыжеволосой появляется крохотная вера в то, что Кай всё ещё жив, и что даже с этим он готов справиться, плюнуть на стереотипы и назло всем идти дальше. Он не думает о будущем, его тошнит от этих мыслей. Он верит в то, что ещё готов стоять на ногах, но уже с правдой

в руках, так, чтобы сложно, но без вероятности, что какая-то очередная скрытая новость так ударит в спину.

Чен по просьбе парня ежедневно рассказывает о жизни омеги, о том, что она знает и как становилась такой стойкой, игнорируя статус. Он кривится на моментах с течками, чаще просит опустить тему, но потом, возвращаясь, говорит продолжать. Переспрашивает слова его врача, много думает о том, как это всё случилось и как перебороть, а потом заявляет, что скоро обязательно сам пойдёт к этому врачу, чтобы услышать всё самостоятельно.

Скайлор видит: парню просто надоело. Надоело сплёвывать направо-налево слабость и тяжесть, надоело получать поддержку и сожаление, которое он в гробу видел, а главное — надоело признавать и вспоминать, как Сторм гордился, как думал и наглядно видел падение омеги. Он хочет плакать, но ругает себя за слёзы, хочет прятаться под одеялом и никого не трогать, но понимает, что это уже не он, а его оболочка. Хочет гладить котёнка внутри и думать о том, что в один прекрасный день его помилуют и сделают альфой, а потом пинает стену, поднимается и дрессирует сонное животное внутри, подгоняет, злится, что не успеют и просрут всё на свете, как заточённые в башне.

Может быть, ему рано подниматься, рано думать о том, как возвращать свой прежний настрой, но омега просто упёртый. Омега? Отлично, он несколько раз чуть с жизнью не попрощался, был под контролем тёмных сил, чуть не сгорел у подножия ракеты и не потерял каждого из знакомых, но всё ещё жив. Если ему суждено быть омегой, то он будет им, но самым сильным в истории, таким, которого будет невозможно сломать.
Скайлор всё ещё рядом, жаль, что не в роли любимой, но в роли самой хорошей и понимающей подруги, и Каю кажется, что это уже спина за стеной.

Остальное образуется, главное — держать себя в руках, держать в руках своего зверька и не отпускать ни на секунду, чтобы показать, какой у него сильный хозяин.

Какой сильный он сам.

× × ×

— Отец попросил приехать в полицейский участок, кажется, засекли машину, в которой увезли Джея, — Гармадон ловит понимающие кивки и собирает в кучу адреса, выкидывая их в мусор. — Проверим там, это, пока что, последний шанс зацепиться за что-то. Потом надо бы узнать, чем занимается Морро и чего точно хочет.

Альфа вздыхает и упирается спиной в стену, прикрывает веки и ждёт, пока команда поднимется. Они ищут уже за неделю точно, может меньше, может и больше, но Ллойд не может успокоиться, зная, что Уолкер в руках врага. От осознания проблемы, от отсутствия мыслей и плана для её решения голова трескается, а мозг в черепной коробке просто рассыпается, плывёт куда-то. Хочется знать, что всё хорошо, а не жить в неведении и вздрагивать от каждого шороха, потому что так героям негоже. Негоже ему, как лидеру, осознавать, что в очередной ситуации он бессилен и беспомощен, как кофеварка во время стрельбы из лука.

Хоть бы одну зацепку, хоть бы что-то такое, что подтолкнёт их к правильному пути, а ничего нет. Нет Джея, нет Надакхана и Морро, нет Харуми. Последней нет подозрительно больше, чем всех остальных, она будто вообще исчезла, и альфа бы поспорил, но его это настораживает. Или пугает, он ещё не решил.

Последней поднимается Ния, потягивается и мысленно прокручивает её ночные хождения по городу в поиске любимого запаха, и блондин только трогается, как ступени скрипят, привлекают внимание, и на первый этаж спускается одетый Смит. В свободных чёрных штанах и толстовке, в простом виде, но таком уверенном, что верится с трудом, тот ли это омега, что недавно не выходил из комнаты.

— Перед тем, как вы начнёте спрашивать, я отвечу сам и скажу, что

таблетки взял, — говорит парень и трёт глаза после очередной бессонной ночи. — Скажите хоть, с кем ехать в паре?

Ллойд несколько минут стоит в неведении, оглядывается на команду и пытается сложить два плюс два. Догнав ситуацию полностью, он быстро мотает головой.

— Нет, нет, нет, ты... Прости, Кай, но ты же... тебе же...

— Я омега и мне нельзя выходить из дома в ближайшее время, — кивает шатен. — С первым я согласен, но не со вторым, потому что не понимаю, кто это придумал и зачем. Я, — он больно тыкает себя в грудь и наглядно кружится один раз. — не ребёнок, по крайней мере, уже давно вырос. Я не собираюсь сидеть тут, зализывать раны и ждать, пока этот сукин сын сделает с Диланом и Джеем что-то ужасное.

— Кай, у тебя скоро первая течка, — встревает сестра. — А ещё ты сейчас с... не в лучшем состоянии и положении духа, чтобы напрягаться. Ты только недавно узнал то, к чему заранее должны быть готовы, тебе надо отдыхать...

— А ты бы ещё позже сказала, что я омега, — стискивает зубы мастер огня.

— Хватит, не стоит, — лидер качает головой. Вздохнув, он осторожно идёт к Смиту, но, встав напротив и пытаясь взять за плечи, останавливается, потому что омега ныряет в сторону и уходит от жеста поддержки.

Смит горит огнём, причём самым настоящим, почти ощутимым физически, и Гармадон, хоть и рад возвращению друга, просит, чтобы вернулся недавний. Альфа скучает по тому Каю, но понимает, что его больше не будет, как бы парень ни пытался, поэтому сейчас очень волнуется. Дня него шатен — замок из песка: подует ветер, или, может, кто-то наступит, случайно тронет или заденет, и тот рассыпется, потеряя прежние формы. Омега должен сидеть в кровати, должен быть в тепле, пить лекарства, прописанные врачом, и находиться в

безопасности, чтобы Гармадон не боялся лишний раз. Тогда, около больницы, лидеру пришлось умереть изнутри, подорвать весь внутренний мир, потому что страх за лучшего друга парализовал тело и душу, а может и сердце, неизвестно. Не хочется, чтобы снова болело ни у него самого, ни у Кая или кого-то из команды, потому что боли они уже наглотались по полной программе.

Даже если сейчас придётся поднять тон, Ллойд поднимает, но только из-за волнения и опасений в очередной раз подвергнуть мастера огня чему-то ужасному.

— Кай, я прошу тебя...

— Нет, это я прошу, — перебивает Смит. — Мне больно от каждой мысли, что ребёнок у того, кто собственноручно убил его мать, больно от осознания, что Морро хочет нами поуправлять, а мы, как идиоты, поддаёмся. Как слабаки, не имеющие ни силы духа, ни силы воли.

— Как ты не понимаешь? Ты хоть можешь себе представить, что будет, если ты выйдешь наружу таким?

— Каким таким? — щурится парень, вроде давит, а сам нервно сглатывает. — Договаривай, каким таким? Слабым, да? Неспособным?

— Ллойд, — вовремя врывается в разговор Скайлор, даже встаёт с места, подходя к лидеру и дергая за руку. Девушка чувствует бурю, чувствует, что прямо сейчас кто-то изнутри сорвет голос от визга и хруста собственных костей, потому что под ногами ненужной правды больнее всего. Она хмурится, качает головой, но блондин слишком настойчив и упрям.

На самом деле, просто слишком не знает собственного друга.

— Слабым, — кивает мастер энергии, даже мускулом лица не двигая, но даже так видит, как трескается последняя опора для Смита.

— Ллойд!

— Я устал от этого, честно. Я не могу скрывать это, не могу прятать за чем-то другим, потому что это уже очевидно, и нежничать поздно, слишком дорого для нас. Да, Кай, ты слабый сейчас, у тебя недостаточно сил, точно не так много, как раньше, просто прими факт и не усложняй всё! — рычит альфа. — Ты мог бы помочь нам, просто находясь в безопасности и не делая глупостей, но сейчас ты стоишь и собираешься куда-то идти. Куда? Куда пойдёт омега, у которого только начинается развитие?

— Этот... — Кай поздно понимает, что голос уже дрожит, хрипит, а ноги почти не держут. Он треснуто улыбается, хотя понимает, что сейчас вот-вот рассыпется на полу и не соберёт себя снова так, как сделал недавно. — Этот слабый омега поклялся всему на свете защищать тебя, как младшего брата. Пошёл до конца и прыгнул ради тебя в воду, — говорит чётко, стискивает зубы и взглядом останавливает желающую подойти Нию. — А ты убеждаешь меня в том, что после этого всего я слабый?

— Тебя разорвут на части, если начнётся течка, и что ты, прыгнешь в воду? Начнёшь огрызаться? Кай, ты прекрасно знаешь, как на тебя смотрит Морро, ты не сможешь справиться один! — альфа вновь пытается подойти, но золотые глаза словно выстреливают в грудь при минимальном расстоянии, словно травят ядом, стоит только подойти, и он намерен стоять на месте.

Каждое слово в спину. Почему-то ни в грудь, ни в лоб и ни в живот, а в спину, но омега догадывается, почему. Может, глубоко в душе команда и считает это помощью, считает добром и хорошим делом для друга, но для Кая это предательство, удар оттуда, откуда он совсем не ждал. И как всегда терпеть боль, как всегда бороться с тем, чтобы не грохнуться на колени перед его положением, перед правдой, которая уже сидит в горле. Самые преданные и родные просто отказались верить в то, насколько Смит целый и способный, насколько ещё готов идти дальше ради всех них одновременно.

Слова режут, стреляют, как пули, и на шатене уже неизлечимые раны.

Он уже хромает на одну ногу, уже третий раз перебинтовывает конечности, но всё ещё верит, что шлем не пробьют, не заденут голову. От одних мыслей того, насколько жалким он выглядит в глазах каждого в комнате, проходит холод по коже, уже не ложится поверх, а проникает вгубь, замораживает кровь и убивает всё пламя. Зверю внутри тоже холодно, он жмурится и сворачивается в клубок, воет, что уже не может идти дальше.

Джей говорил, что герои не сдаются, что их так просто не победить, но, к сожалению, он со Скайлор — единственные, кто в это ещё верят.

В глазах родной сестры, в глазах лучших друзей и тех, кто обещал встать горой, омегу кладут в гроб и закрывают крышку, опускают далеко вниз, но уже в ад, до куда никто не дотянется. Смит выныривал, выбирался из этих оков так сильно, как мог, даже сейчас готов был пойти дальше, но не нашёл поддержки, не нашёл понимания со стороны. Только удары по фактам, только ядовитая правда, отравляющая душу, и ни капли надежды, без которой ни вдохнуть, ни выдохнуть.
Только задыхаться, но Кай не верит, не хочет верить...

— *Герои никогда не доходят до таких крайностей*, даже когда сильно хотят, — чуть нежнее говорит Гармадон, но бьёт настолько больно, что Смит даже отшатывается назад. — Кай, мы должны прикрывать друг друга, должны...

До этого горящая мелким пламенем свеча вспыхивает, огонь, привлекая внимание, дотягивается почти до самого потолка, а потом мелким взрывом пропадает, принимая прежнюю форму.

— Здорово, — выплёвывает омега и чувствует, как своим тоном отравляет воздух вокруг. Просто до этого отравили его, отравили до самой смерти, и впервые в жизни парень разочаровывается. — Тогда я больше не герой.

Это финиш. Это то самое место, где душе можно визжать и захлёбываться слезами, место, после которого уже ничего не вернуть

обратно.

Мастер энергии задерживает дыхание, чувствуя, что хвататься не за что. Он дёргается к другу, хочет поймать за руку, но тот вновь отмахивается, теперь уже холодно и опустошённо. Смотрит золотом, как разбитым стеклом, убивает своей фразой, но наглядно показывает, как до этого убили его, и оставляет без единого слова.

— Нет, Кай, — сестра подрывается следом, не хочет верить в то, чего просто не может существовать, посылает к чертям всё на свете, но парень уходит.

Разворачивается, демонстративно показывая пробитую до неузнаваемости спину, показывая на секунду, а потом снова пряча, израненную душу, истошно кричащую и просящую спасения, хватает куртку и уходит, закрывая дверь перед носом сестры. У него забрали последнее, с чем он готов был идти до конца — надежду на собственных друзей, и сейчас он одинок. Одинок и пуст, не имеет того, что бы поддержало, когда падал, подняло, когда не мог встать.

Он ведь слабый, он ведь не герой.

twelve

Примечания:

с прошедшим вас

нададжеи: Iggy Azalea & Alice Chater — Lola
песни могут повторяться в главах, тут я уже не виновата

***

У омеги не было особого выбора, куда можно пойти, ведь никакой квартиры, кроме общей, он не покупал. Деньги остались дома, хотя Кай не уверен, стоит ли называть то место своим домом, и у парня нет с собой ничего, кроме куртки, которую он захватил, прежде чем уйти. Он мог бы пожить у Скайлор, но, помимо того, чтобы напрягать девушку, он не хотел разбивать сердце ни себе, ни ей вновь. Жить вместе было бы невыносимо, было бы невероятно тяжело, невероятно неловко, а ещё словно с толстой стеной между ними. С любовью всегда сложно расстаться, особенно, если твоя половина ничего плохого тебе не сделала и даже готова была ответить взаимностью.
Кай бы просто умер, находясь с ней в одном помещении, поэтому этот вариант сразу отпал.

Половину ночи мастер огня провёл на улице, расхаживая по пустому городу и рассматривая попадающиеся на глаза бутики. Как бы внутри он ни верил в то, что за ним пойдут и будут искать, из друзей за все четыре часа он так никого и не встретил. Более того, никто не позвонил на мобильник, который так удачно оказался в кармане джинс, и парень разочаровался в ниндзя окончательно. Боль настолько дикая, что прежние переживания по поводу его пола просто исчезли, а может, прилипли к парню и стали с ним одним целым. Кай любил каждого из команды всем сердцем, неимоверно уважал и бесконечно доверял, готов был подставить спину, наивно полагая, что её никогда не

проткнёт лезвие. Не заставит чувствовать эту режущую боль, не заставит кричать внутри и до кровавого кашля верещать о том, как же тяжело ему далось такое мелкое, но значительное предательство.

Он ждал несколько часов, проверял телефон, включал и разглядывал ничем, кроме времени, не изменившийся экран с общей их фоткой, а потом, горько улыбнувшись, выкинул в сторону и направился гулять дальше.

По дороге он успел прочитать все развешанные объявления, все рекламные постеры и запомнил время работы некоторых кафе и магазинов. Некоторых из них он совсем не знал, не думал, что они существуют, только потому что те были менее популярны, а товары дешевле, и это очень его расстраивало. Омега только сейчас посмотрел на себя прошлого со стороны и понял, насколько же зазвездился. Насколько привык к роскоши, к высшему обществу и похвале со стороны. А как сильно доверял таким же, как он, — героям, как чётко знал, что его всегда поддержат и помогут.

Сейчас он остался без ничего, потерял то, что восхвалял и во что верил всей душой, остался один, словно голый, такой, какой он есть.
Он наедине с собственным городом, с тем самым низшим обществом, о котором даже ни минуты не задумался. Нет никакого золота, никаких богатств и никакого статуса. Здесь всё настоящее и очень простое, и парню стыдно, тяжело, грустно осознавать, что он не замечал всего этого раньше.

— Мистер Смит!

Парень быстро разворачивается и ловит чуть не свалившуюся на асфальт под его ногами девушку, осторожно придерживая за плечи. Незнакомка держит в одной руке его недавно выброшенный телефон, в другой слегка потрёпанный рюкзак, и с трудом хватает ртом воздух от недавнего бега. Оказавшись вновь на ногах, она вытягивается в струнку и, столкнувшись с золотыми глазами, смущённо отворачивается и быстро протягивает омеге его мобильник.

— Вы... Вы потеряли, — бурчит она. — Я знаю, Вы можете купить и другой, но, я думала, будет правильно вернуть Вам его... вдруг, там что-то важное.

— Спасибо, — тепло улыбается шатен и замечает, как девушка недоверчиво на него поглядывает. — Но он больше не нужен мне. Может, оставишь себе?

— Чего? — она выпучивает глаза и поворачивается всем корпусом, с подозрением и удивлением одновременно рассматривая парня.

— Как подарок, — поясняет он. — Он даже не разбивается, такой крепкий. Было бы здорово, будь он в хороших руках, — омега вновь ловит за плечи едва не упавшую девушку, которая всем своим видом показывает, что не может поверить. — Всегда стой на ногах уверенно, знай свою силу. Береги себя, до встречи.

Омега направляется в сторону и отходит только на пару шагов, потому что девушка, догнав его, крепко обнимает и благодарит. Смит искренне смеётся и обнимает в ответ, желает удачи, получает её в ответ и прощается с незнакомкой, направившись куда-то в другом направлении. Город Ниндзяго Сити огромный, почти бесконечный, словно парень ходит по кругу. Он походил по улицам ещё минут сорок и, почувствовав ноющую боль в ногах, присел у одного из бутиков. Тело невыносимо болит, ломит, словно человеческим языком молит лечь где-нибудь и отдохнуть, но омега убеждает себя, что даже лечь ему негде. Он дошёл до края города, до места, где обычно находятся заводы и фабрики, а парков с лавочками поблизости нет, чтобы хотя бы сесть, поэтому приходится опуститься на асфальт. Безумно холодно, хотя на дворе почти середина лета, ветер проходит насквозь и пробирается в кожу, заставляя дрожать. Кай бы не хотел умереть от переохлаждения, но другого выхода, более тёплого, чем этот, у него нет.

Огонь внутри не просыпается, его как потушили, так его и не чувствуется. Внутри омеги уже ледниковый период, вокруг льдины и высокие, снежные горы, и даже душе нечем согреться. Нет

воспоминаний, что позволили бы согреться, нет хороших мыслей, которые бы зажгли пламя заново, нет ничего, что раньше помогало омеге бороться с холодом. Он думал, что тепло можно найти всегда, что, каким бы сильным ни был мороз, найдётся та самая спичка, которая поможет с костром. Сейчас все его опасения на лицо: в каком бы расположении духа он ни был, ему всё равно пиздец как холодно, а тех, у кого была бы эта спичка, поблизости нет.

Кай сам ушёл от них, но он только рад, что сделал правильный выбор, потому что даже с хорошим отоплением и в кругу знакомых он бы замёрз, полностью покрытый слоем льда.

Омега прикрывает глаза и начинает реже дышать, получше обнимает себя двумя руками, кутается в куртку — единственную тёплую вещь, что с ним есть, и оставляет всё на самотёк. До этого он несколько раз пытался вызвать своего дракона, попытался поджечь хотя бы щепку, но никакого результата не добился. Их силы дремлют, и никакое сильное желание тут не поможет. Ему кажется, ещё немного, и пойдёт снег, а он останется здесь, зарытый в большом сугробе. Как бы он ни хотел лета, внутри сплошная зима, и в этом виноват только он. Что сломался под правдой, что доверился тем, кому нельзя было, кто не понял и не поймёт больше, что искал защиту там, где её и подавно не было. Ему нужен был щит, но его не видно, в его ситуации и вовсе словно не существует, только надежда, которая ничем не поможет. Не помогла.

Он осторожно сползает чуть ниже, как вздрагивает и распахивает глаза, услышав родной голос.

— Кай? Сынок, это ты? — женщина, наконец, хорошо разглядев черты лица сына, подбегает к парню и помогает подняться с асфальта, осматривая на наличие каких-либо травм. — Что случилось? Почему ты здесь, не с ниндзя? Снова нападение? Ты не ранен?..

Перед ним та, которая подарила ему жизнь, подарила шанс увидеть этот мир собственными глазами. Та, которая самая первая пошла на враньё, вроде самая родная, собственная кровь, но от обиды безумно чужая. Омега не может злиться на свою семью, хотя не раз показал

Ние обратное, не может ненавидеть её, но обижен, и сейчас спасти их семейную связь может только одно единственное. То, что так нужно парню сейчас, то, с чем он готов идти дальше хоть в кандалах на всех конечностях, хоть в зыбучих песках, хоть с непобедимой силой за спиной, утягиваюшей за собой.

— Мам, — хрипло отзывается шатен, чувствуя, как его холодные ладони оказываются в тёплых, в ладонях Майи. — могу ли я быть... быть сильным омегой? — прокашливается и с надеждой поднимает глаза.

Женщина долго и пристально разглядывает глаза сына, ищет что-то своё, что-то, что ей помогло бы, а потом, вздохнув с тяжестью и облегчением одновременно и поцеловав парня куда-то в лоб, получше кутает его в куртку и ведёт в сторону их с Рэем мастерской.

× × ×

Смит первым делом, только войдя в комнату, валится на кровать и заматывается в одеяло, словно в кокон. Никаких мыслей и планов, никаких воспоминаний и душевных разговоров — для омеги сейчас больше всего был нужен отдых и тепло. Пока родители обговаривали всё известное и неизвестное для них на первом этаже, закрывшись от посетителей на этот час, Кай уже спал, словно придавленный к матрасу неизвестной силой.

Забавно, что он вернулся к истокам, туда, откуда и начинал, но сейчас это было самым оптимальным вариантом. Разговор с родителями по поводу прошлого мастер огня оставил на потом, абстрагировавшись от мира на жалкие несколько часов. Даже с той уверенностью, с которой он уходил из дома, изнутри рвёт от разочарования и чувства ментальной смерти, словно придавили двумя стенами, которые до этого защищали. Сколько бы он ни вставал, сколько бы ни искал повода показать себя в прошлом рассвете сил, омега внутри не способен выносить всё это так легко.

За несколько дней пребывания в команде он уже выплакал всё, что у него было, но, тем не менее, желание взвыть от всего произошедшего не уменьшилось.

Вечером Смит просыпается от приглушённых голосов родителей внизу. Проглотив таблетку, омега кутается в одеяло, чувствуя ещё оставшийся холодок, гуляющий по дому, и босыми ногами по небольшой лестнице спускается вниз. Дома приятно пахнет выпечкой и горелым, в воздухе парит запах железа и древесины, майевских духов и отцовского парфюма. Парень невольно вспоминает моменты из детства, когда настолько привык к этому запаху, что и не обращал на него внимания, вспоминает дни, проведённые с Нией и родителями наедине, когда никакой лжи не всплывало наружу.

Когда он считал себя альфой, было словно легче на душе. Кай мог спокойно принимать все тяжести на себя, мог нести ответственность на плечах, потому что альфам так положено, потому что для этого они и рождены. Сейчас, когда омежья сущность просит уделить себе внимания, когда просит мягкости и тепла, когда кривится и кряхтит перед лицом опасности и тяжести, парень не знает, кому отдавать должное: своему нутру или характеру. Стоит принять тот факт, что он — омега, что его до этого сильные руки не созданы для тяжёлого, скорее, для лёгкого и почти ничего не весящего, учитывая его диагноз. С другой стороны, не стоит терять своё "я", отказываясь от характера, от принципов только из-за не пойми откуда взявшегося иного пола. Может, физически он ничем и не силён, не обделён так, как альфа, но морально он сильнее половины города, нескольких десятков людей вместе взятых.

— От тебя пахнет Стормом, — сразу переходит к делу Рэй, встретив сына взглядом и быстро прижав к себе. — Как будто вы...

— Мы пересекались пару раз, но между нами ничего не было, можете не волноваться, — вздыхает омега и приземляется на стул. — Не знаю, встретимся ли мы ещё, надеюсь, что нет, потому что он уже сделал то, что хотел. По крайней мере, со мной.

— Это он рассказал тебе про..? — встревоженно спрашивает Майя.

— Мне хотелось бы сказать, что нет, — угрюмо отвечает Кай.

— Почему ты ушёл, Кай? Я уверен, тебя бы не отпустили друзья просто так, зная, в каком ты состоянии, — меняет тему мужчина, стараясь осторожнее подбирать слова. — Я не говорю, что ты сейчас настолько недееспособный, чтобы не выходить из дома, но на улицах Ниндзяго Сити в это время особенно опасно.

— Потому что они в меня не поверили. Понимаете, пап, мам? Не поверили, — разочарованно отвечает Кай. — Я для них как якорь, из-за которого они не могут сдвинуться с места. Я геро... нет, — он осекается. — Я тоже хочу найти Джея, хочу помочь, но что я сделаю, сидя у них под крылом и постоянно требуя защиты? Кем я кажусь для них? Мешком мусора, неисправным прибором, который нельзя починить, а выкинуть нет смелости!

— Всё равно нельзя было уходить так резко... Они явно волнуются за тебя, дорогой.

— Начхать, — шатен уверенно бьёт рукой по столу. — Я оставлю их на своей волне, а сам продолжу путь, пусть и не героя. Я найду Джея, найду и заберу Дилана, подберусь к Морро ближе — я всё равно ему больше не нужен — и сделаю всё, чтобы его остановить. Меня с ниндзя отныне ничего, кроме прошлого, не связывает.

— Кай...

— Для начала устроюсь на работу в офисе Морро, — твёрдо говорит мастер огня.

— Ты сошёл с ума?! Пойдёшь сразу в пасть к зверю! — не сдерживается Рэй. — Я не пущу тебя, Кай, так нельзя, он же... он наш враг! Альфа!

— Пусть тронет меня хоть пальцем, я ему его выжгу, — фыркает Кай.

— Пап, я не сумасшедший, делаю это не просто так. Я ещё вчера об этом думал... Я не герой, значит, меня спокойно примут на работу, как обычного человека. По этой же причине я Морро больше не интересен. Подойду ближе, подслушаю, может, узнаю что-то про Джея или Дилана, про их новые планы... Мне нужно это, пап, я сойду с ума, если не заберу от него самых дорогих мне людей.

Рэй только открывает рот, чтобы что-то сказать, но не находит больше слов, особенно под грозным взглядом жены. Майя осторожно подходит к сыну и целует в висок, гладит по волосам, обещая, что они, на этот раз, будут с ним рядом, будут поддерживать, идти до конца. Отправив супруга в магазин за сменной одеждой для парня, она подаёт омеге свежую выпечку и относит одеяло. По просьбе парня она официально объявляет его главным по уборке в доме, в первую очередь, в его комнате, обещает ему "отвыкнуть от жизни в золоте" и рассеивает угнетающую атмосферу.

Кай переодевается в домашние шорты и растянутую белую футболку отца, собирает из подушек с комнаты Нии и ненужного покрывала слабенькую грушу, вешая в комнате где-то в стороне, осматривает помещение на наличие пыли и заходит на официальный сайт. Посылает своё резюме, составляет небольшое портфолио, не указывая работу в команде ниндзя, проходит тестовое задание и ждёт. Пока разбирается с обязанностями, делами на этот день, решая начать с обстановки в комнате. Двигает одноместную кровать к окну, расстилает шторы, чихает от невероятного скопления пыли и стаскивает постельное бельё, отправляя в стирку и расстилая новое. Отодвигает шкаф к стене справа от двери, оставляя большое пространство, кресло со столиком и ноутбуком оставляет посередине комнаты, а место для битья груши предоставляет небольшому уголку и стене слева от двери. Ближе к вечеру, весь запыхавшийся, но довольный своей работой омега получает приглашение на собеседование в офис Сторма на работу секретаря и радостно визжит на весь дом, пугая родителей и клиентов. Вытирает пыль, вкручивает вместе с отцом лампочку в старый светильник, даря свет тёмной комнате, подметает с пола и утаскивает из комнаты Нии огромный ковёр, встряхивает, моет с мылом, несколько раз за целый день

жалуется на такую непривычную работу, но проглатывает все недовольства и заканчивает уборку комнаты с улыбкой. Стелит, что удивительно, мягкий и приятно пахнущий ковёр в центр комнаты, под кресло со столиком и ноутбуком, и заваливается спать.

× × ×

Уолкер только собирается вздремнуть, как прислуга распахивает двери и просит пройти к комнате Господина. У беты внутри всё сначала взрывается, потом собирается заново, но подрагивает от легкого страха. Парень оставляет котёнка в одной из бочек, предупредив, что лучше сидеть тихо и ждать его молча, обещает прийти как можно быстрее, хотя и сам в этом не уверен, и с полной воздуха грудью выходит в коридор.

По особняку разгуливает знакомый запах алкоголя, Джей даже на миг останавливается, вдыхая его чуть ли не до кашля. Почему-то среди аромата освежителя и пыли, древесины и ещё нескольких десятков запахов омег, бет и альф в этом помещении, коньяк Надакхана кажется самым приятным. Может, бета просто сошёл с ума и бредит, но с более привычным запахом в воздухе к нему прибавляется уверенность, в то же время приятная тревога. Может, он просто к нему привык, запомнил больше всего и цепляется, потому что неудобно в чужом месте, Джей именно так и хочет думать.
Поднимаясь по лестнице, он несколько раз одаривает прислуг взглядом, полным мольбы, но те, поджимая губы, отворачиваются, и парень подавленно вздыхает.

— Удачи мне, — тихо говорит себе под нос шатен и толкает дверь комнаты альфы, замечая, как быстро прислуга испаряется из виду. — Трусы...

Комната Надакхана огромная в размерах, словно это не спальня, а вся квартира. Справа стоит двухместная высокая кровать, по бокам от неё два маленьких шкафчика с часами, фотографией его старой

возлюбленной и большой светильник с приятным голубым освещением. Слева находится целая кухня, большой холодильник и тот, что поменьше, похоже, с выпивкой. Половину от границы между спальней и кухней составляет чёрная барная стойка, держащая на себе только горшок со спиндапсусом, расползающегося по стенам и потолку, в углу покоится уже разросшаяся монстера, а окна наполовину прикрывают тёмно-синие шторы. Посередине комнаты, где-то между кроватью и барной стойкой, на широком мягком кресле сидит Кхан, оттягивая пальцем галстук.

Бета с замиранием сердца скользит взглядом по выпирающим венам, по двум расстёгнутым пуговицам на рубашке, а потом встречается с мужчиной взглядом и почти не дышит. Да на такого альфу невозможно не смотреть, любишь ты его, или ненавидишь. Невозможно не чувствовать его зверя, настолько сильного и опасного, что в груди все узлы трескаются, невозможно отвезти взгляда от пожирающих глаз.
Джей в них точно утонет, в них нет ни кислорода, ни шанса на то, чтобы всплыть.

Только мёртвым.

— Я ужасно устал сегодня. Твои дружки как были с длинными носами, так и остались, — громко вздыхает мужчина и откидывает голову назад. — Иди сюда.

Джей замирает, словно каменная статуя, думая, что будет лучше, пусти он корни в землю под ногами. Образ Надакхана тянет, но это — единственное, потому что альфа сам по себе — зона уничтожения, не ищущая кнопки для начала или разрешения. Бета не хочет подходить, не хочет оставаться хотя бы на метр близко к мужчине, потому что вся его уверенность полетит в тартарары. С другой стороны, стоит ли перечить ему сейчас?

— Малыш, ты не услышал? — басит альфа, а у Уолкера по всему телу мурашки. — Мне бы расслабиться. Подойди, не зли старика, — договаривает и беззвучно хлопает по коленам, приглашая бету и откладывая галстук на ручку кресла.

Если не сейчас, то никогда больше.
Шатен осторожно ступает вперёд, делая неуверенные шаги к мужчине. Ещё немного, и ноги подкосятся, заставят позорно упасть на пол, может, даже на колени. У парня сейчас миллион мыслей того, что именно будет сегодня, на что пойдёт Кхан, насколько *унизит* бету перед самим собой, опустит. Джей всегда обещал Каю справляться со всем, что идёт против него, обещал быть сильным перед чем угодно, таким сильным, как сам омега. Пока он идёт, пока видит, как загораются чёрные глаза альфы, вся жизнь проходит перед ним, обещает, что оборвётся, стоит шагнуть не так, сама себя уничтожит. За ней подкрадывается смерть, машет парню, готовая схватить и сожрать, так и не дав дойти до этого чёртового сердца.

Джей не ищет спасения, не ищет того, кто бы сейчас укрыл его собой, а действует почти необдуманно. Примерно до того, как сильные руки тянутся к хрупким бёдрам, до того, как Кхан успевает проглотить его, не коснувшись, бета словно срывается с обрыва, прикрывая глаза для скорой смерти. На самом же деле, только собравшись сесть, резко, со всей силы наступает на ногу альфы, тут же отскакивая назад.

— Чёрт! — Надакхан вмиг звереет и, даже не коснувшись ноги, подрывается следом за бетой, но останавливается, едва вбежавший испуганный Флинтлок встаёт между ними и прикрывает кудрявоволосого собой.

— Успокойся, Хан, ты не в себе, — осторожно говорит мужчина, усиленно пряча Джея за спину. — Пожалуйста, соберись.

— Отойди, — рычит брюнет.

— Хан...

— Ебало аннулировал, — мужчина говорит по слогам, даже не смотрит на помощника, всё заглядывает за плечи, ищет сжавшегося парня. — Выйди отсюда нахрен и отдай мне моего бету.

— Твоего бету? Я не твой бета! — наконец, врывается в разговор Джей и отходит от Флинтлока, игнорируя его испуганный взгляд и немую просьбу спрятаться обратно. — Кого ты из себя вообще возомнил, чтобы меня себе присваивать? Я принадлежу только одному человеку в этом мире, и ты знаешь её имя. С твоим оно никак не совпадает!

Внутри альфы все сосуды лопаются, все капилляры и артерии, режут друг друга и перекрывают. Он одним взглядом заставляет Флинтлока выйти из комнаты, пусть и не по своей воле, так рычит, что даже Уолкер в одну секунду теряет всю свою смелость. Словно найдя жертву в кустах, которая всё это время сбегала и пряталась, смотрит так, что бета чувствует себя голым. Мужчина в один момент оказывается рядом, придавливает Джея и рукой, и дикой аурой к матрасу кровати, нависает, словно туча. Злость становится бронёй для альфы, покрывает всю кожу целиком, заставляет ни на что, кроме парня под собой, не смотреть. Только желание проучить, научить делать правильно, слушаться, а на каждом участке тела выбить свой след, чтобы о Ние даже не заикался. Хочется сделать исключительно своим, принадлежащим одному альфе в этом мире, хочется слышать только своё имя из этих уст, потому что мужчина ужас, как ревнует. Он дышит Уолкеру в шею, обжигает похлеще огня, водит носом по коже, легко касается губами, чувствует, что сейчас сорвётся. Станет зверем и съест бету по частям, каждую конечность распробует и проглотит, словно никого и не было.

Вроде бы, даже собирается, приоткрывает рот, обнажая зубы для укуса, но чувствует, как злость вмиг пропадает, стоит только посмотреть на Джея.

Парень сильно жмурится и прикрывает дрожашими ладонями глаза, словно сливаясь с матрасом под собой. Напуганный, беззащитный и бессильный в этой ситуации зверёк, готовый откинутся от одного только вздоха альфы.

Надакхан несколько минут тупо рассматривает бету под собой, обводит взглядом и не может понять, что именно его остановило. Почему парень так управляет им, почему одним своим страхом заставил его просто взять и прохерить свою ярость? А зачем он хотел

пометить его? Своего врага, бету, который с роду его ничем не привлекал. У него даже в мыслях не было оставлять Уолкера себе, только напугать, показать место, а сейчас не может и двинуться, боясь навредить и так напуганному до ужаса мастеру молнии.
Мужчина в последний раз пробегает по телу младшего взглядом и, оттолкнувшись от поверхности кровати, направляется к выходу.

— Пусть спит здесь, — басит альфа, поправляя подол пиджака и кивая в сторону Джея.

— Желаете куда-то ехать?

— В клуб, максимально далеко отсюда. Сторм тоже пусть притащится, — отвечает Кхан и, одарив Флинтлока у стены многозначительным взглядом, направляется прямо по коридору, к лестнице.

× × ×

— Говорите, он заключает сделки? — спрашивает Гармадон и пинает встречную банку, смотря себе под ноги.

В парке теплеет, только сухой ветер поднялся безумно. Пока лавочки свободны лишь наполовину, а по улице проходит гул счастливых детей, играющих друг с другом, Ллойду есть, куда идти.

Наверное, вперёд, думает он, потому что назад точно нельзя. Он только сделал шаг вперёд, как потерял сразу двух друзей, а дорога за ним провалилась, посыпалась в бездну, не дав парню и шанса. Альфа прекрасно понимает, насколько он идёт ко дну вместе с путём назад. Стремительно. Он понятия и не имеет, где искать Уолкера, как возвращать Смита обратно, у него от каждой мысли уже кипит мозг. Может, в тот день он действительно переборщил и сильно надавил на мастера огня, может, своим поведением убил надежду уже во многих глазах, но он без понятия, как это остановить. Пока Кай остановился у родителей, парень оставил всё на самотёк и не стал бежать за другом,

хотя понимает, что потом придётся. Сколько он терял, сколько приобретал, но, стоит хоть на шаг отступить именно Смиту, как ему рвёт грудную клетку, зверь внутри падает без сил. Ллойд думает, что обязательно вернёт омегу, если надо будет, то силой, по-плохому, но Кай должен будет быть перед его носом. Сейчас бы справиться с Морро, который тоже претендовал на шатена, может, и до сих пор.

Пока парень идёт нога в ногу с одним из друзей отца, спрашивая информацию о делах Сторма. По словам мужчины, альфа выращивает доверие и сотрудничества, как на дрожжах, успел присвоить себе слово сразу десятка бизнесменов и представителей важных компаний. С полицией дела идут примерно, с мэром — ещё лучше, и это пугает блондина больше всего.

— Как много? — спрашивает Ллойд, поднимая взгляд на мужчину. — Я имею ввиду... Как много ему ещё осталось для господства? Он же добивается власти над компаниями, но это единственное, что мы знаем.

— Знаешь, немного, но я узнал кое-что интересное, — старик переходит на шёпот и за локоть уводит альфу в сторону, в безлюдный угол, чтобы без лишних ушей. — Морро в последнее время отдаёт должное, по большей степени, оружейному складу. Мне говорили, он недавно позвонил заведующему склада, а тот бросил трубку. Не знаю, как другим, а мне показалось, что он был очень зол.

— Оружие, ну конечно... — шепчет блондин.

— Он хорошо отыгрывает свою партию, — продолжает мужчина. — Я бы сказал даже отлично, но я всё равно за вас. Достаточно в моей жизни было обманщиков, чтобы я доверял Сторму так, как вам.

— Это радует, спасибо Вам, — улыбается парень, как чувствует знаковый запах винограда и застывает. Толкнув мужчину ближе к тени, альфа быстро оборачивается и замечает Руми, прислонившуюся к стене соседнего здания.

Девушка топчет каблуком сапога землю, ковыряется им в траве и поглядывает на Ллойда, словно приглашая к себе. Усмехается, поправляет волосы назад и смотрит в небо, словно совсем не из этого мира, словно она — ангел, что скучает по дому, по небу.

Харуми выглядит жертвой, но на деле зверь, а свою добычу увидела ещё пару минут назад, просто решила понаблюдать со стороны. По знакомым, любимым волосам, по широким плечам и движениям альфы, по его существованию здесь, без неё. Не столько грустно, сколько забавно, потому что омега отлично знает, кто они друг другу.

Похоже, знает она одна.

К истинному всегда тянет больше, чем к другим.

— Какого ты тут делаешь? — рычит подошедший Гармадон, щурясь и прожигая беловолосую взглядом.

— Вышла погулять, — фыркает младшая. — Или нужно было у тебя разрешение спросить, о Великий Зелёный Ниндзя?

— Если бы спросила, я бы сказал свалить из города.

— Почему ты злишься? — улыбается она, проезжая зубами по нижней губе. — Я помогла тебе тогда, в клубе, ты не помнишь?

— Ты покалечила невинного человека, — злится лидер. — Ударила ни за что.

— Она трогала чужое. Это даже похоже на кражу, — Руми наклоняет голову и приподнимает брови. — Чего так смотришь? Знал бы ты, Ллойд, что у неё было на уме. Что на уме у таких шлюх, как она.

— Знаешь, мне плевать, что ты о ней думаешь, мне вообще плевать на тебя и твои мысли. Просто оставь меня и этот город в покое и возвращайся туда, откуда пришла, — выплёвывает лидер, разворачиваясь и направляясь в сторону тёмного угла.

— Как скажешь, как скажешь, — кивает девушка и с улыбкой наблюдает, как Ллойд на полпути застывает на месте.

Мужчина, до этого стоящий в тени, теперь прибитый к дереву стрелами и потерявший достаточно крови для смерти. "Предатели не выживают" — записка в его кармане почерком Харуми, и её едва ощутимый запах, как после ухода.
Гармадон громко матерится и, обернувшись, кроме пустоты ничего не видит. Альфа злобно пинает землю, зарывается пятерней в волосы и смотрит на труп друга отца, приседая на корточки.

thirteen

Примечания:

короче, просто приятного прочтения, у меня нет слов, одни эмоции

морро с ханом и морраи в конце (встреча): Jonas Brothers — Sucker / Why Mona — Wannabe

---

Всё высказывает из рук, падает под ноги, теряется, уходит от глаз. Девушка и сама будто плывёт, теряется в пространстве и всё ищет одного единственного, который вернётся, окажется рядом.

— Приди в себя, мы не знаем, где он, — со всех сторон, как рой пчёл, и Смит готова захлопнуть дверь, сильно прижимая ладони к ушам.

Почему не знаете?
Кто тогда должен знать?

От одной только мысли, что с Уолкером может что-то случиться, и мутит. Голова идёт кругом, ещё немного, и девушка посчитает себя сумасшедшей, вышедшей из ума.
Ния бы никогда не подумала, что любовь может так убивать. Что ей стоят сейчас те объятья, которых нет, те поцелуи и тёплые слова, которых нет, тот мягкий и родной запах голубики, которого нет? Дорого, настолько, что Ния не в силах заплатить, у неё нет таких денег.

Даже половины.

Оттягивая ворот толстовки от шеи, брюнетка снова щёлкает мышью, открывая что-то на ноутбуке. На экране медленно прогружается карта города, все здания, все углы и самые незначительные, едва знакомые ей самой улицы. Девушка тяжело выдыхает и, сложив руки, облокачивается ими на край стола и укладывает на них голову. Неизвестно, сколько она сидит за этим делом, сколько прошаривает все

возможные дороги, места, где мог бы остановиться Надакхан с Джеем, но вокруг темно, а на часах три ночи. Издалека раздаётся тихое сопение Коула, что, присматривая за Нией, заснул на диване. Пару минут назад темноволосая накрыла альфу одеялом, прошлась по дому, проверила Зейна с Пиксель, не нашла ни Джея, ни Кая, пусть и неудивительно, и вернулась обратно к работе. Странно, что она всё ещё надеется на чудо, проверяет мобильник и звонит обоим парням, но никто не берёт. Ей бы пойти к родителям, одним глазком глянуть и расплакаться, попросить совета, потому что силы внутри уже не осталось. Она потеряла брата, потеряла свою любовь, и всё из-за её беспечности, из-за таких дерьмовых обстоятельств, что кружат над ними уже в который раз.
Сильная устала быть сильной; сколько бы она себя ни тянула, всё равно опускается вниз, потому что больше нет опоры.

К босым ногам медленно тянется отчаяние, такое чёрное, липкое, касается пальцев ног и медленно, легонько оттягивает девушку к себе, стаскивает со стула. Надо будет, оно станет её личным болотом, разползётся по полу и позволит в себе потонуть. Если нет, то превратится в огромное чудовище, откроет пасть и проглотит целиком, даже без воды. Девушка достаточно бегала от него, достаточно искала выход, а сейчас, наверное, отдаться и сдаться было бы самым лёгким вариантом.

— Знал бы *ты*, как мне тяжело, — шепчет она в темноту и прикрывает глаза. — Без тебя, без твоего присутствия здесь... Насколько, оказывается, ты нам дорог, раз без тебя наша команда рассыпается. Я не могу, мне мало света, Джей, *мало тебя*, я не выживаю. Не дышу почти...

На стол капает с глаз, но Ние плевать, она бы все свои слёзы вылила, лишь бы мастер молнии был рядом. Коснуться бы светлой кожи, прыгнуть в объятья, да ладно там, обнять самой, до хруста, до боли, и смерть бы показалась лишь перспективой. Как не хватает лёгкого шелестящего голоса под ухом и тонких пальцев, такой гладкой кожи, что мурашки по телу, не хватает его глаз, светлых, манящих, убивающих любую дурь в душе. Уолкер бы просто чихнул, кашлянул,

просто улыбнулся, и сердце любого вмиг растаяло, в голове появился порядок. Сколько лет, прожитых в этом доме, он убирался у каждого, сколько сдувал пылинки... и ведь делал бы это и дальше, окажись просто рядом, хотя бы на пару шагов дальше, но рядом. Омега бы ради него войну объявила, спрыгнула с обрыва, разбиваясь о камни, вдохнула углекислого газа, просто умерла, легла и не проснулась. Исчезла бы.

Ещё пару минут перед этим экраном, и она точно умрёт, исчезнет, потому что глаза болят невыносимо.

А Джея всё нет.

× × ×

Омега с утра спешит на недавно приобретённую работу секретаря, натягивая толстовку и застёгивая обтянутые чёрные брюки. Подвернув концы и открыв края носков с одинокой надписью "without you", он едва выскакивает за порог, но вошедшая Майя грозно останавливает и суёт в руки чуть большеватую для него белую блузку с чёрным галстуком.

— Я что, по твоему, на свадьбу собираюсь?

— Твоей работе соответствует деловой стиль, — строго уверяет женщина. — Хочешь выглядеть, как нормальный — соблюдай правила. Если ты не в команде, значит, обычный человек, равный каждому. Одевайся и не позорь меня.

Несколько минут Смит бурчит себе под нос, обещает себе, что втихаря стащит её и наденет толстовку обратно, и послушно переодевается.
Блузка, заправленная в брюки, свисает, туловище мастера огня похоже на помятый воздушный шар, но выглядит весьма интересно и заманчиво. Парень откидывает в сторону давно отросшую на боку чёлку в сторону, чтобы не прикрывала глаза, отказывается от лака,

говорит, что не на утренник и не на выпускной идёт. Игнорируя мать, натягивает свои кроссовки, отмахивается от недавно купленных, как подарок парню, красных мокасин и перекидывает через плечо небольшую сумку со всем необходимым.

На самом деле, Кай даже не боится, не волнуется, как волновался бы любой другой, потому что он слишком уверен в себе. Ему плевать, что он омега, а идёт к альфе, и не к какому-то левому, а самому Морро Сторму, что может в любой момент его прихлопнуть. Сколько он бывал в непростых ситуациях, столько же выбирался из них, несмотря на трудности. У него нет статуса, что был раньше, нет стихии и нет уверенности в том, что он является сильным полом, и это именно то, что его подстёгивает. Он взял и потерял всё, что до этого имел, с помощью чего справлялся с проблемами, а сейчас вместо того, чтобы плакать в гордом одиночестве и жаловаться на жизнь, успешно врывается в бой. Собирается пойти против, на этот день, сильнейшего альфы этого города, вернуть дорогих ему людей, и это, как он думает, достойно уважения.
Он сам, целиком и полностью достоин уважения, достоин вечной похвалы и счастья, но пока ничего из этого не имеет.

Время покажет.

Омега выскакивает из дома и первым делом глазами разыскивает такси. Видит небольшую синюю машину и идёт к ней, вспоминает, какой именно номер сказали по телефону, и всматривается в стекло. Водитель, альфа лет тридцати точно, сначала молча кивает парню на сидение рядом, заводит машину и выдвигается, на ходу листая ленту в соц. сетях. В машине приятно пахнет освежителем и лишь слегка сигаретами с бензином, но Кай не морщится, сдерживается и расслабленно устремляет взгляд в окно. Город красивый, город всегда интересный, и шатен с хорошим расположением духа разглядывает новые для него места, виднеющиеся вдалике парки и проходящих мимо спокойных людей.

На самом деле, такая жизнь ему даже нравится. В этом окружении людей нет лжи и предательства, нет власти и каких-то ограничений.

Ведь в команде не было настоящих эмоций, когда дело касалось других людей. Какое бы отношение к парням и девушке ни было, люди были вынуждены хорошо к ним относиться, натянуто улыбаться и хвалить за спасение, делать всё, лишь бы не обидеть и не разозлить. Здесь же всё иначе: у каждого отношение такое, какое ему свойственно, никто не будет подтирать тебе задницу только за твой статус или деяния.
Никаких фальшивых слов и улыбок, никакой лжи и занесённых за спину ножей, и Смит искренне рад, что отказался от своей роли.

Машина тормозит на светофоре, и мужчина вновь отвлекается на телефон. Омега молча разглядывает окружающий его мир, поднимает глаза в небо, всматривается в лица прохожих и вздрагивает, когда альфа рядом выдаёт громкое "да ладно". Обернувшись, Кай ловит на себе удивлённый взгляд водителя и открытый пост в телефоне. Нагнувшись ближе и вчитавшись в пост, шатен вдруг словно побледнел, весь замер, застыл, готовый превратиться в лужу.

«В окружной больнице нашли медицинскую карту одного из наших героев. Неужели нас обманывали, назвав одного из самых популярных среди девушек *омегу* — Кая Смита — альфой?»

— Омега? Ты? Не может быть, — взгляд альфы меняется, и он приближается к парню, вдыхая его запах и разглядывая с ног до головы. Омега же, не выдержав и быстро среагировав, со всей силы жмёт своей ногой ногу мужчины, заставляя того отпрянуть и взвыть.

— Ещё раз хоть на миллиметр приблизься ко мне, и нажимать на педали будешь руками, — выплёвывает Кай и быстро выходит из машины прямо в момент пробки, кидая на сидение деньги за половину пути. — Спасибо за поездку, — и хлопает дверью, проходя мимо машин и не без лишних глаз на себе направляясь дальше к офису пешком.

Видимо, это будет немного труднее.
Намного.

Примерно на несколько десятков отдавленных ног.

× × ×

В офис он прибегает на две минуты позже, чем нужно было, но никто опоздания особо не замечает.

Само здание с виду действительно огромное, и Кай засматривается, хоть и бывал здесь достаточно раз, когда офис был под контролем Гармадона-старшего. Парень думал, что работа будет лёгкой, ведь он знает это место, как свои пять пальцев, но сейчас, стоя на пороге, словно замороженный, не может отвезти взгляда от приёмной.
Первый этаж и, омега догадывается, все остальные полностью переделаны в стиле, явно не такие, какими были при Гармадоне. Интерьер офиса, видимо, всего полностью сделан в стиле лофт. Ультра-светлые и тёмно-серые оттенки, преобладающие почти в каждом углу, чисто белые формы у сотрудников, разновидные растения, установленные в широкие щели в столах и висящие на креплениях под самым потолком, очищенный, отражающий всё на себе серебристый пол и мягкая мебель. Смит никогда не признается себе, но такой вид действительно заманчивый, не несущий в себе ничего коварного и злодейского. Такой обычный, с другой стороны удивительный, уникальный.

Люди здесь немного на взводе, но смотрящиеся идеально. Добродушные и отзывчивые, без каких-либо закидонов и вовсе не высокого о себе мнения. Конечно, Кай ещё ни разу не работал в подобных местах, но это его особенно удивило одним лишь видом и коллективом. Если не думать о том, что на каком-то там этаже сидят враги всего Ниндзяго, то место кажется самым простым, таким дружелюбным и ничем не отличающимся от других.

Особенно притягивает уютная атмосфера всего офиса, эти где-то мягкие, где-то кожаные диванчики со светло-зелёными подушками, эти растения, очищающие воздух вокруг. Тихие часы, висящие на широкой

стене около дверей сразу нескольких лифтов, круглые светильники, встроенные в потолок, ничего лишнего и супер-примечательного, чтобы отвлекаться от общего количества вещей. Пол такой, словно лёд, но вовсе не скользящий, хотя омегу при виде него тянет кататься на коньках. Он видел достаточно похожих мест, но на это, с лёгким запахом капучино и крепкого кофе, хочется смотреть вечность.

— Нравится? — слышится расслабленный женский голос сзади, и Кай дёргается, быстро оборачиваясь. — Рада тебя видеть, Кай, думала, ты не придёшь.

— Здравствуйте, — прокашливается мастер огня, продолжая разглядывать всё вокруг. — С чего мне не приходить?

— В последнее время здесь на секретарей никто не устраивается. Боятся, — усмехается девушка, как видно, бета, и хлопает парня по плечу. — Сам знаешь, с кем приходится видеться с глазу на глаз. Нам с тобой, с нашей-то работой, тем более.

Парень, наконец, отлипает от дизайна и разглядывает девушку. Немного пухленькая, но очень изящная, явно с хорошим вкусом в одежде и с контактами отличных визажистов в телефоне. Убранные в хвост кудрявые светлые волосы, доходящие почти до таза, яркие, хорошо выделенные глаза, длинные ресницы, мягкие губы под розовым блеском и деловой стиль, с белой блузкой, усыпанной узорами, и чёрной обтягивающей юбкой.
Омега отмечает для себя, что его коллега довольно привлекательная, и легко улыбается.

— Люди боятся разносить кофе и отвечать на звонки? — вскидывает брови омега.

— Ох, малыш, тебе ещё учиться и учиться. Это не город от сил зла спасать, — досадно мотает головой бета и протягивает ему мягкую ладонь. — Элис Мурана, твоя заведующая и новый хороший друг. Все мы здесь с одной бедой, а что поделать, деньги нужны.

— Очень приятно, Элис, — кивает Смит и пожимает протянутую ладонь. — Расскажешь подробнее об этой "проблеме"?

Бета кивает и приобнимает омегу за плечи. По пути к лифту, поворачиваясь к прохожим, мягко и приветливо со всеми здоровается, и Кай думает, что, будь он альфой и не встреть Скайлор, не смог бы не заметить такую девушку. Пока лифт медленно трогается к нужному этажу, кажется, к предпоследнему, парень вновь возвращается к теме отсутствия рабочих рук здесь и удобнее устраивается у стены, готовясь слушать недолгий рассказ Мураны.

— Когда Мистер Сторм только пришёл сюда работать, одна из моих девочек пошла относить ему его заказ. Я ещё не знала тогда, какой этот мужик опасный, поэтому и отпустила беднягу на свою голову, — начинает бета, складывая руки крестом. — Ну, перенервничала бедняга, пролила на его бумаги это капучино.

— Пиздец, — выдыхает Кай, и девушка молча с ним соглашается. — Этот монстр такого просто так не оставляет, я уверен.

— Правильно уверен, потому что тогда ужас был, а не день. Она такая испуганная вернулась, уже бежать хотела, думала, что он её убьёт. Бывший злодей, как никак, — вздыхает Элис. — Её, благо, он просто уволил. А вот другие отделывались жутким страхом. Тем более, он альфа, этот взгляд его фирменный такой пугающий, что даже я иногда сбежать хочу. Но поделать нечего, лучше просто терпеть, потом привыкнешь. Ты знаешь, я вообще не хочу тебя отпускать к нему, ты же омега, как никак...

Смит злобно скрипит зубами, но сдержанно кивает, позволяя договорить. Его уже тошнит от этой заботы от окружающих, от этой границы, которая появилось, только люди узнали его настоящего, но он слишком далеко зашёл, чтобы из-за этого сворачивать.

— Но сегодня придётся. В нашем коллективе почти нету омег, сюда никто из них не суётся, поэтому я боюсь, что с тобой появятся проблемы, — продолжает девушка, выходя из приехавшего лифта, и

говорит уже шёпотом. — Сегодня заскочим к нему вместе, обслужим вдвоём, чтобы тебе не было страшно, он заодно увидит нового работника, так сказать.

"Вот он ахуеет" — думает омега и непроизвольно улыбается, представляя лицо альфы.

— Если ты захочешь уволиться, то...

— Не захочу, — сразу говорит парень. — Поверь, ты даже не представляешь, как мне нужна эта работа.

— Ловлю на слове, — шуточно грозит пальцем бета и смеётся, провожая парня до их небольшой стойки. Она с особой уверенностью и гордостью кивает в сторону сразу нескольких десяток полок за стойкой, хранящих на себе пакетики с кофейными зёрнами, чаем и капучино, принадлежности на подобии палочек и ложек. Рядом, в небольшом шкафчике, стоит огромная банка с сахаром на верхней полке, а на нижней — сразу несколько больших упаковок белых гладких кружек.

В другой стороне стоят пока ещё пустые столы в разных углах, куча документов и папок, телефонов на стенах и тумбочках, но Смит не заостряет на них внимание, отдавая большее предпочтение запасам напитков.

— Тяжёлая артиллерия, — кивает шатен и легонько стучит по стойке. — Я не думаю, что появятся проблемы. У меня есть опыт в продаже чая, ты, наверное, не знаешь.

— Пока побудешь личным секретарём. Надеюсь, ты читал инструкцию и знаешь, чем мы должны здесь заниматься кроме того, чтобы кофе и чаи разносить.

— Принимать звонки клиентов, распределять документы, следить за количеством канцелярии, работать с компьютером... — лениво перечисляет омега, удивлённый тем, что вообще смог всё это

запомнить. — Было ещё что-то про курс обучения на секретаря-референта, но я его не проходил.

— Пройдёшь здесь, пока что твоя главная работа — разбирать бумажки и слушать руководителя, то есть Сторма, — отвечает Элис и, махнув рукой, заглядывает в телефон. — Осмотрись пока, звонка с заказом в ближайшее время быть не должно. Позже познакомлю тебя с нашими офис-менеджерами и другими секретарями, что этажами ниже, сейчас наши не пришли. Животные, вставлю им потом за опоздание.

Смит смеётся и с особым интересом поворачивается к широкому окну, засматриваясь на город внизу.

× × ×

— Вот скажи мне, что с этими ниндзя не так? — тяжело вздыхает Надакхан, смотря в потолок и распластавшись на диване.

Морро терпеливо слушает душевные терзания друга и подписывает бумаги, подтверждая покупку новых материалов для производства. Альфа давно понял, что со смерти дяди компания запущена и с трудом карапкается на свет. Ножи мало кто покупает, не интересуется до этого острыми, как бритва, лезвиями, и, по мнению Сторма, это наносит серьёзный вред и оскверняет память его дяди. Вчера он сказал по новой провести отбор секретарей из-за отсутствия рабочих в самом здании и убедил, что их производство довольно обширное и людей нужно много. На сегодня у него одно очень важное совещание с рекламодателем и, он уверен, успешная сделка с ним.

Пока у него есть время отдохнуть от постоянных дел и встреч, он сидит здесь и слушает джина, которого, видимо, жизнь тоже счастьем не обделила.

— Я понятия и не имею, сам задаюсь этим вопросом, — отстранённо

отвечает Сторм и нажимает на кнопку поблизости. — Элис, детка, принеси, пожалуйста, кофе с молоком.

— Я словно... словно с ума сошёл в тот момент, — озадаченно говорит альфа. — Он просто, блять, испугался, и всё. Я не мог даже прикоснуться к нему. Даже в клубе ничего не помогло. Ни выпивка, ни омеги. Одна, правда, симпатичная была, но по сравнению с ним... Сука, я точно помешался с ним!

— Не с ним, скорее, на нём, — подмигивает Морро и сдувает зелёную прядь с глаз, заводя за ухо.

Альфа прекрасно помнит вчерашний вечер наедине с совершенно новыми лицами. Первый секс для альфы, как первый учебный день, приятные чувства и пустой кошелёк, но ни ему, ни Хану не стало легче. Сторм правда озадачен этим, просто не подаёт ни перед кем виду, может, просто боится признаться даже самому себе. Не просто так его рука почти горела из-за метки, что начинает пускать по коже узоры, не просто так вместо зелёных или карих глаз омег, что на его коленях в клубе, он видел золотые, здесь всё не просто. Морро лучше отрежет себе эту руку ножом из своей же компании, и пускай просто смириться намного легче и вовсе не больно.
Он потерпит.

Сегодня альфе пришёл его заказанный пластырь, и Морро едва уловил надежду, как стал понимать, насколько сильно с каждым часом этот пластырь хочется сорвать и вышвырнуть в урну. Дело ли в том, что укус настолько сильный или он от омеги, он так и не понял, но всё чаще в себе теряется. Он достаточно не видел Кая, чтобы лицо в памяти стало расплываться, а запах улетучиваться прочь, но не думать о нём не может. Мужчина просто устал сваливать всё на метку, как бы этого ни хотел, он хочет просто взять и разобраться во всём этом, чтобы не мучиться. Смит засел внутри, как самый страшный и сильнодействующий вирус, как паразит, которого даже горой таблеток и других лекарств не убьёшь. Морро сам умирает, медленно, но верно, сгорает при каждом воспоминании об омеге окончательно и бесповоротно. Для него один единственный шанс сейчас — выбить

парнишку из головы, и не важно, чем: пластырем, шлюхами, алкоголем. Поебать, лишь бы парень просто ушёл по-хорошему.

Альфа признаётся: они с джином достаточно забрались в болото, чтобы начать тонуть. Если Морро легче, если он не видит Смита и даже запаха не чувствует, лишь иногда страдает от метки, то у Надакхана Уолкер под самым носом. Приходи, сгребай в охабку и делай своим, нужно лишь желание. И ведь у обоих мужчин желание самое искреннее и самое сильное в жизни, но готовы ли они к этому? Вряд ли, учитывая, какие большие и уничтожающие были их планы.
По крайней мере, у каждого нервы на пределе, терпение вовсе не железное, и, они уверены, лишь намёк на то, что от этих парней им не исбавиться, и они не будут бежать.

— Ещё одно моё появление там, и я не знаю, буду ли вообще сдерживаться, — мотает головой Кхан и усмехается. — Он спит в моей спальне, понимаешь? На моей кровати.

— Ты сам его туда отправил, — отвечает Сторм и складывает бумаги в синюю папку. Джин отвлекается на знакомый цвет и рычит, отворачиваясь к спинке дивана, а призрак искренне хохочет.

— Какие у нас планы? — меняет тему Надакхан, поднимаясь и дотягиваясь до стакана с виски. — Напомни, я забыл.

— Надо как-то надломать этого Чана. Если он и дальше будет кокетничать и отдавать честь родине, мы нихуя не получим, — брюнет поднимается и отходит к широкому окну, присматриваясь к проезжающим машинам. — И наш дорогой мэр, — резко поворачивается и указывает на друга ручкой, усмехаясь. — Смекаешь?

— Подробнее.

— Мэр — главная точка доверия народа. Он их лицо, тот, кому они больше всего верят и подчиняются, — поясняет Морро и прячет ладонь в кармане брюк, приседая на стол. — Борг в любом случае верен ниндзя, они не раз вместе спаса... нет, это отвратительно, —

сплёвывает брюнет. — Короче, доверие у них большое. Если посмотреть на эту ситуацию с нашей стороны, с нашими планами, то у нас отличный шанс поиграть на их отношениях и выиграть сразу несколько пунктов. Например, занять место старика. Не думаешь?

— Думаю, но есть офицер, — говорит мужчина, а потом, замечая уничтожающую улыбку друга, усмехается. — И с ним, я так понимаю, проблем не будет.

— У меня ни с чем проблем не бывает, я это дерьмо не касаясь разгружу, — фыркает альфа и, глянув на часы, удивлённо вскидывает брови. — Ты смотри, малышка Элис подводит. Обычно за несколько секунд прибегала, а тут уже минуты, её всё нет. Ах, — драматично вздыхает и, сложив брови в переносице, кладёт свободную руку на сердце и идёт в сторону двери. — ещё один секретарь, почему мы так быстро их теряем?

Надакхан молча провожает его взглядом и отпивает из стакана, с интересом наблюдая за действиями друга и представляя, что будет с несчастной в этот раз. Морро подходит и грубо дёргает на себя дверь, делая шаг вперёд, но не успевает почувствовать что-то неладное, как на него падает сначала поднос с кофе, а потом Смит, сваливая на пол.

Наверное, хуже уже быть не может, и даже Хан удивлённо смотрит на друга, потом на ниндзя, и едва сдерживается от смеха, вспомнив недавнее стормовское "у меня ни с чем проблем не бывает".

— Боже, мистер Сторм, просите, пожалуйста, — с ужасом начинает Элис, боясь подойти даже на шаг. Она всё подрывается подойти, но чувствует, как смешиваются запахи омеги с альфой, и сама замирает.

Словно столкнувшиеся две волны, что вмиг, даже не успев опомниться, рассыпаются по водной глади, так и Морро, словно хрупкая ваза, рассыпается. Точнее, не он, а его сердце, его зверь внутри и метка, что вместо привычного жара вызывает только тепло. Он не чувствует горячих каплей кофе на рубашке, не чувствует нытья в спине после падения, вообще мало что чувствует. Наверное, всё на

свете просто пропало, оставив только сраного омегу, что продолжает лежать на нём. Наверное, это действительно тот самый знак, это намёк от судьбы, и Морро, блять, прямо сейчас самому себе сдался.

Кай поздно понимает, что произошло, но, слегка приподнявшись и заглянув в глаза Сторма, резко поднимается и хватается за протянутую руку Элис, выскакивая за порог. Запах мяты, словно имеющий свои конечности, обхватывает омегу, обнимает до хруста и тащит обратно в кабинет, на этого альфу, на того, к кому, на самом деле, невероятно тянет, просто Смит этого не замечает. Морро с таким же успехом подскакивает на ноги и, посмотрев вслед уходящему в сторону уборной омеги, на которого тоже попало, захлопывает дверь перед носом беты, прижимаясь к холодному дереву лбом.

— Это пиздец, — резюмирует альфа и, ещё раз прокрутив в голове недавно произошедшее, разок бьётся об эту самую дверь головой, вновь прижимаясь лбом. — Всё. На этом все мои планы нахуй полетели.

— Я признаюсь, за все прожитые мною годы исполнителем желаний ещё не встречал таких счастливчиков, — уже открыто смеётся Хан, откладывая пустой стакан в сторону.
Морро, заметив действие друга, подходит и наливает в этот же стакан до самых краёв, выпивая почти залпом.

— Эй, остынь, у тебя через час совещание, — уже чуть серьёзнее говорит мужчина.

— Ебал я это совещание, Хан, ты хоть понимаешь, что вообще происходит? Смит в моём офисе, — он нервно усмехается, чувствуя, как метка вновь чешется, и тяжело вздыхает. — Спасибо всем, кто верил в меня, но на этом мои гонки от этого омеги успешно завершаются.

— Я рад, что теперь страдаю не один.

— Я... — он отворачивается к окну, стаскивая с плеч испачканный

пиджак. Обойдя стол, опускается в своё кресло и смотрит на друга. — Я себе пообещал, последний шанс дал от него избавиться. Вроде как, начал забывать, а он, сукин сын, работать ко мне устроился. Понимаешь, блять?

— Будешь забирать себе? — спрашивает мужчина, приподнимая брови.

— Нет, — сразу отвечает Сторм и откидывается на спинку кресла, чуть отъезжая назад. — Он уже у меня, так что забирать не придётся. Я подожду до его течки — уверен, она будет скоро — и получу то, чего хочет зверь. Я хотел обойтись без этого, но он пришёл сам, а я просто очень добрый в последнее время. И ветреный. Пиздец, какой ветреный.

— Хороший каламбур, — кивает Хан. — А с меткой что?

— Я в него не влюблён, — Сторм переводит взгляд в окно. — но что-то мне подсказывает, что метка не уйдёт.

— Считаешь, истинные?

— Очень похоже. Согласись, слишком много совпадений для случайности, — альфа вертит ручку между пальцами. — Я в эту хуйню не верю, но если судьба оставила мне Смита, — он на секунду замирает, словно обдумывает, а потом медленно улыбается. — значит Смит *будет* моим.

Он расстёгивает пуговицы мокрой рубашки, внюхивается в лёгкие нотки крыжовника и, кажется, лайма, и просит менеджера купить и занести ему новую рубашку.

— Собирайся, скоро важная встреча, а у меня кипа бумаг. И пусть уберут с прохода, оно само не исчезнет.

fourteen. you woke my heart.

Примечания:

просто нас уже 41 и 21 ждущих продолжения, скажите, вы крейзи????
в любом случае, я рада, что нас уже так много, и очень вам благодарна)

в главе нет других отп, кроме моррая, и этому есть объяснение. данная глава является той самой точкой начала каких-то чувств, когда меняется мнение героя, когда он начинает сомневаться в своей ненависти и равнодушии. следующая глава будет побольше, даю слово.

название главы как «ты разбудил моё сердце»

начало: Camila Cabello feat. DaBaby — My Oh My
конец: Billie Eilish — Six Feet Under/ALMA — Perfect

Мастер огня с размаху открывает дверь в уборную, словно для него это вовсе не преграда, и подходит к раковине. С самого прихода сюда он ожидал какой угодно встречи, ожидал счастливых и наоборот фейерверков в глазах альфы, но падение стало для него пожизненным рекордом. Такого позора он не видел даже в кошмарных снах, но сейчас заострять на этом внимание не хотелось ни на минуту.
Немного холодной воды, что освежила бы. Ей бы забраться в голову и здорово промыть парню мозги, смыть этот момент из памяти и хоть немного облегчить странную тяжесть на плечах.

Следом за ним забегает уже не на шутку нервная Элис и прикрывает дверь, чтобы нигде не оказалось лишних ушей.

— Мне страшно его дверь открывать, — сглатывает бета и легко касается плеча омеги. — Слушай, не хочешь домой сегодня пойти? Я не хочу…

— Этот ушлёпок ничего мне не сделает, — фыркает Смит и умывает лицо, стаскивая галстук и расстёгивая первые две пуговицы рубашки. — Я не собираюсь убегать, как будто я испугался. Если надо будет, я ему сейчас ещё хоть десять чашек этого кофе принесу.

— Что ты оденешь? — переводит тему девушка и разглядывает капли на рубашке.

— У меня с собой толстовка, можешь принести сюда мой рюкзак, с которым я пришёл? — спрашивает Смит и поворачивается к коллеге, встречаясь взглядом. — Я как знал.

— Пара секунд, я мигом, — кивает бета и, прикрыв за собой дверь, быстро удаляется к лифту. Смит же забывает про дверь, что её, наверное, нужно закрыть, отходит к холодной стене напротив унитаза и устало опускается на кафельный пол.

С ума сойти, ему же в большей степени. Только первый день работы, первые часы и первые впечатления, а он уже до кончиков ушей в дерьме. Он даже не успел пристроиться и познакомиться с кем-то, кроме Элис, даже вдохнуть офисного воздуха полностью не смог, а уже облил своего босса кофе. Себя в том числе.

Босса. Как бы Смит сейчас не плевался, Морро отныне для него только босс. Начальник, который будет отдавать приказы и наблюдать за омегой, ежедневное лицо перед глазами и главный кофе-чаи-капучино-заказчик. Парень даже не сомневается в грязных мыслях альфы поиздеваться над ним и выставить полным идиотом, как месть за всё прошлое, и он не знает, сможет ли вынести такую тяжесть на себе. Он сам пошёл на этот шаг, сам встал почти впритык к своим проблемам, но и на это есть свои причины. Пока другие сидят, стонут от несправедливости их жизни и пытаются найти способ подобраться к Морро, узнать что-то новое, Кай опережает всех и оказывается под самым носом.
И почти не страшно, что Сторм может как-то ему навредить. Почти безопасно вот так маячить перед его глазами, подавать себя в готовом

виде.

Не страшно, он уверен.
Нет, на самом деле нет.

Он вообще ни в чём не уверен.

Голова гудит от сотни мыслей, и каждая оставляет свой неприятный отпечаток, вызывает ноющую боль. Вряд ли с такими темпами его уверенность продержится хотя бы до конца рабочей недели. Он не имеет ни малейшего понятия, что его ждёт в будущем, но он не мастер огня, если не попытается. Упёртый, как баран, вечно идущий вперёд, словно без тормозов и явно хорошо знающий свою единственную цель.

Цель — вернуть себе статус сильнейшего и не прогнуться под обстоятельствами, доказать, что, независимо от того, омега ты или альфа, можно быть вообще кем угодно. Он не просто докажет себе, он покажет это всем наглядно, каждого ткнёт носом в правду.

За дверьми слышатся шаги, и омега словно просыпается. Поднимается на ноги, медленно стягивает с плеч к локтям рубашку и открывает рот, чтобы позвать бету, но вместо ожидаемых лёгких цитрусовых вдыхает мяту.
Прилипает к стене, думает, что лучше распасться на атомы и исчезнуть, проглатывает почти выскочившее сердце обратно и наблюдает за вошедшим альфой, думая, что не может судьба быть такой сукой.

Морро только заскакивает за порог, как сразу захлопывает дверь и рывком стягивает оставшуюся грязную рубашку, обнажая рельеф тела. Грёбанный Аполлон, спустившийся с небес только для одного Смита, дьявол без рогов, нет, личный кошмар омеги, почему-то оказавшийся в жизни. Оставляет напоказ голую спину, сильную, словно сумеющую удержать тонну, упирается руками в раковину и только потом поднимает глаза в зеркало.

Глаза такие дикие, что поджилки трясутся. Кая не привлекала чужая мужественность, но сейчас она во всей красе и в полном виде, он смотрит впритык и даже не через экран. Только сейчас омега узнаёт эти глаза ещё с того дня, как к нему и Дилану на вечерние посиделки пришла Мисако. Конечно, он так думал. И Морро отлично играл свою роль, находясь в чужом теле, а ещё был просто непозволительно близко к Смиту. Такие же тёмно-зелёные, будто почерневшая листва, кусты, в которых прячется вся его хитрость, всё издевательство, неименуемая опасность, отталкивающаяся от поверхности зеркала и ползущая прямо к Каю.

Похоже, Сторм и сам не ожидал очередной встречи с врагом, но реакция оказывается не такой испуганной, как у младшего.

— Ну почему? — нервно усмехается альфа куда-то в небеса и прикрывает лицо ладонью. Почему-то с ними опять решили поиграть, причём так грязно, что пиздец. Мылом-шампунем не отмоешь. Они вновь вместе, вновь наедине и в невероятно глупой ситуации даже для них, а не прошло и часа после предыдущей.

— Ты подонок, следишь за мной? — хмурится омега и подходит на пару шагов ближе, но в мерах безопасности соблюдает дистанцию в один метр. В планах скорее свалить отсюда подальше и сейчас же выскочить из уборной, чтобы не находиться так опасно близко к чудовищу, что ещё и без верхней одежды, чем выяснять отношения.

— Я бы с радостью, но это случайность, — спокойно отвечает Морро и разводит руками, не стесняясь своего открытого торса. — Я думал, ты ушёл отсюда, поэтому…

Только мастер огня подрывается к двери, уверенный в своём побеге на все сто, Морро не договаривает и быстро реагирует, перехватывая омегу и прижимая спиной к своей груди. Кай обречённо стонет, прижимает ноги к себе, напоминая в руках альфы скукожевшегося животного, пойманного в ловушку, и усиленно пытается вырваться из захвата. В голове пролетают сразу несколько десятков уроков от захвата со спины от Сенсея, но в руках Морро все словно теряют

смысл, ничего не работает, словно специально забываются.

— Поставь меня на землю!

— Серьёзно? Ты хотел сбежать, не дослушав меня. Считаешь, это нормально? — приподнимает брови брюнет. — Где твоё уважение к старшим, герой?

— Я не герой! — злится парень, а внутри старые, едва затянувшиеся раны снова раскрываются и дают свою порцию боли. — Если ты меня не отпустишь, я укушу тебя за руку, предупреждаю.

— Второй раз подряд кусать станешь, животное? — уже открыто начинает закипать альфа. Про метку он решает промолчать, пока откладывая ещё одну ошеломляющую новость на потом. — Тебя Гармадон своими тренировками таким диким сделал, или подружка не уделила должного внимания?

— Не смей даже заикаться об Скайлор!

— Зачем ты сюда устроился? — он заглядывает за плечо омеги, чтобы взглянуть в глаза. — У вас такой план, или ты просто идиот полнейший, чтобы быть у меня на виду? Я альфа, очень голодный альфа, а ты маленький и глупый омега, который по чистой воле судьбы попадается мне на глаза. Сейчас у тебя расстёгнута рубашка, ты без защиты и своих способностей, а я уже наполовину голый, считаешь, устроиться сюда было настолько хорошей идеей?

В последнее время для омеги вообще не существует хороших идей. Конечно, сейчас они не в лучшем положении, и если Морро это смешит, то Кая лично пугает. Нутро бьёт тревогу, опасность расползается по организму, а разум кричит немедленно отойти от того, при котором сейчас даже сердце замирает. Голодный, холодный, прямолинейный и очень сильный, раз даже ниндзя с огромным опытом не может выбраться и отодвинуться хотя бы на сантиметр дальше. От чрезмерной близости внутренности сжимаются, омежья сущность просит поддаться и расслабиться. Сторм для него отныне — тигр,

зверь, не уступающий в хитрости и ловкости и идущий к своей цели напролом.

И если сейчас его цель, помимо власти, — Кай Смит, вовремя попавшийся на глаза, то младший официально в полной заднице.

— Мои планы тебя не касаются, — выплёвывает парень и собирается ударить Сторма затылком, но тот наклоняет голову. — Тебя вообще мало что касается, особенно, если это связано со мной. А своими угрозами пугай кого-то другого, того, кто поведётся.

— Я надеюсь, что из всех "других" поведёшься именно ты.

Ещё несколько секунд, и немного странную борьбу альфы и омеги прерывает Элис и другой альфа, тот самый офис-менеджер, и оба с новой одеждой в руках. Только Морро опускает руки, и Кай почти выскакивает из уборной, подобно кролику, выхватывает у коллеги толстовку и скрывается в лифте, что кое-как впускает догнавшую его Элис и только потом закрывается.

Сторм неудовлетворённо хмурится от такой странной, но жутко неприятной пустоты в руках. Забрав новую верхнюю одежду, он быстро одевается и, кивком поблагодарив подопечного, направляется к кабинету и непроизвольно улыбается.
Сегодня Смит уже дважды побывал в его поле зрения и руках, и если зверь, поднимая и опуская уши, довольно рычит, то Морро просто нравится. Нравится доставать омегу и получать такие выкидоны, на которые способен только Смит, нравится находиться рядом и держать под контролем. Может, он давно сумасшедший, может, после смерти его мозг наполовину прогнил и не допускает в голову нормальных мыслей, и надо бы что-то с этим делать, но альфа не хочет. Впервые за свою жизнь ему нравится взаимодействовать с человеком, и это необъяснимо.

Он бы сказал, невозможно.
Только с Каем не бывает ничего невозможного.

На руке альфы от метки в разные стороны осторожно расползаются узоры.

× × ×

Проходит тяжёлая неделя, словно хромая на одну ногу, и, на удивление, оказывается спокойной. Первые дни Морро Кая не вызывает, просит кофе или капучино исключительно у Элис и на глаза почти не попадается, что очень настораживает. Омега знакомится со всем персоналом, и в списке знакомых появляются четверо бет, двое альф и ни одной омеги (к сожалению).

Первого альфу зовут Льюис, и вечно флиртующий и ни на миг не прячущий свой полный интереса взгляд парень запомнился омеге больше всего. Высокой блондин со вздёрнутыми ушами и зелёными глазами немного напоминал Ллойда, и это стало единственным моментом, когда Кай будет вспоминать друга в хорошем свете. Вторым альфой оказался худощавый парень с круглыми очками и вечно задумчимым видом. Антонио — полное имя альфы, и он, по словам Элис, отлично знает французский*. Сначала Смит был действительно удивлён тем, что такой хрупкий парень может быть альфой, но сразу осознал, что они в этом деле похожи, и стал чуть увереннее в себе. Первые две беты с азиатской внешностью являются сёстрами, но внешне явно отличаются друг от друга. Бетти старше сестры, Норы, всего на несколько минут, но эта маленькая разница в их спорах часто играет очень большую роль. Третий бета по имени Зак — по совместительству офис-менеджер — весьма спортивного телосложения, но часто зависает с Тони (так в их кругу зовут Антонио) и читает книжки. Последний бета — Робби (сокращённо от Роберт) — буйный и неугомонный парень, часто отлынивает от работы на пару с Льюисом и, несмотря на общий страх, является ярым фанатом Сторма и его "крутости".

— С ума сойти... — на одном дыхании выпаливает Смит и с удивлением рассматривает коллег. — Даже несмотря на свой пол вы

все... все такие разные, такие, какими хотите быть. Пол не играет никакой роли, а я ведь знал, я был уверен, — почти шепчет. — Спасибо вам, что вы есть. Просто спасибо.

Ребята оказываются действительно интересными и дружелюбными, и омега быстро находит с ними общий язык. Отдельно он просит каждого не упоминать об его прошлой супергеройской карьере, говорит, чтобы общались на равных и никогда не поднимали его выше себя. Достойно, так считает каждый и соглашается.

Смиту отделяют стол напротив Роберта и справа от Льюиса, возле широких окон, чтобы «новичку было уютно». Робби вечно кидается в коллег свёрнутыми бумажками, из-за чего получает грубые пенальти от Элис, а Льюис с нескрываемым удовольствием наблюдает за провалом друга и хохочет. Нора пьёт с Элис чай, когда наступает перерыв, обсуждает новые вещи и посты знаменитостей с сестрой и каждый день собирает слегка отросшую чёлку Кая в забавный пучок на боку, за что тот наоборот её хвалит. Антонио молча читает вместе с Заком одну книгу, с каждой страницей ждёт, пока тот дочитает до конца, и перелистывает.

Кай не знает точно, приятно он удивлён или наоборот, но коллеги жутко напоминают ему его команду. С каждым воспоминанием сердце больно сжимается, рвётся на части, и успокаивает лишь одна мысль. Ведь эти люди — смесь бет и альф, но у них нет границ, они ценят желание Кая не сдаваться и принимают таким, какой он есть, не обижают очевидным. Шатен готов расцеловать каждому руки за это, готов несколько раз прокричать в голос, как благодарен небесам, что те послали ему таких людей.
Прекрасных людей.

Ближе к концу недели Морро зовёт Смита, причём лично, без посторонних, и это чуть не заставляет омегу поседеть. Льюис ревнует и говорит, что такое сокровище нельзя отпускать, но верит в то, что Кай запросто даст отпор, даже если от рассказов Элис о недавних событиях стоит и засомневаться. Бетти открыто шлёт шатена к альфе и говорит, что сводила их вместе ещё со времён первого прихода Морро

в Ниндзяго Сити и Стикс, а Нора просит быть осторожным, но уверенности не прибавляется. Даже после мягкого «с Богом» от Элис смелости не накапливается, мастер огня понятия и не имеет, почему так откровенно ссыт, но отступать назад уже не собирается. В конце концов, он слишком усердно к этому шёл. Может, в этот раз он и узнает что-то из планов альфы.

К удивлению и разочарованию одновременно, всё проходит спокойно. Кай заходит от строго «войдите» за дверьми, встречается взглядом сначала с вовсю скучающим Надакханом, потом с вечно занятым Морро, оставляет капучино на пустом месте стола и в прострации уходит. Первый удачный выполненный приказ, и Кай действительно радуется, потому что альфа ничего запретного не вытворял и даже взглядом не одарил.

До конца недели Элис с Каем поочерёдно меняются, потому что Сторм не конкретизирует. Неделя проходит спокойно, даже с интересом, Смит действительно оказывается довольным работой и не видит больше преград.

В обеденные перерывы, собираясь в кругу и уплетая купленные Заком бургеры, Кай с гордостью рассказывает свои приключения в кругу "бывших" друзей, описывает сражения и путешествия, с серьёзным видом вспоминает всех врагов, в том числе и Сторма с Надакханом.
Вряд ли кто-то тогда знал, что Морро стоял за углом, рассматривая потолок, и также внимательно слушал каждое слово мастера огня, так и не добравшись до лифта до конца всех историй.

Кай любит своих коллег и новых друзей, но часто обижается на просьбу дать афтограф, с увлечением рассказывает про подвиги, но не заикается о команде и если вспоминает, то только хорошее и давнее. Вспоминать недавно случившееся физически тяжело. Всю неделю он проходит онлайн-обучение на секретаря-референта, узнаёт что-то новое для себя, но так же, как и раньше, "не дружит с цифрами". Он чаще занимается телефонным звонками вместе с Бетти и Норой, а работу на компьютере оставляет Элис, Антонио и Заку. Робби по-прежнему гоняет балду, крутится на кресле до тошноты, бегает за

канцелярией на пару с Заком и подбирает свои же разбросанные бумажки, в итоге убирая всё помещение целиком.

И всё идёт, как по маслу.

Долгожданная пятница, но Каю не по себе от чувства тревоги внутри. Словно он что-то опускает и не видит, словно что-то точно нужное ему уходит из-под носа.

Целый день на стороже, со сжатыми в кулаки ладонями и внимательным взглядом, чтобы не упустить что-то. Нора делает омеге массаж во время перерыва, рассказывает о чём-то и отвлекает, и шатен к вечеру успокаивается. Парень чуть рассабленнее заканчивает свою работу, а остальное сваливает на понедельник и идёт помогать Элис таскать ящики, потому что Робби с Льюисом снова волшебным образом куда-то исчезли, а остальные всё ещё с работой на плечах. Кай не отлынивает, хватает сразу два из трёх ящиков, а последний, по размерам самый маленький из всех, оставляет коллеге. Тяжело, конечно, но вряд ли это сможет его остановить.

Мастер огня уже в коридоре чуть не падает вместе со всей этой ношей на пол, прислоняется к стене и пытается собраться, потому что за дверью в кабинет Сторма слышит родной плач. Сердце сжимается до милипиздрических размеров и почти исчезает вовсе. Воспоминания, словно тяжёлые фениксы, садятся на плечи и одновременно обжигают, притягивают куда-то к полу. Настолько тяжело, что страх почти перекрывает горло, становится тяжело дышать.

Смит помнит, как забрал этого ребёнка, когда тот был на волоске от смерти. Когда подверг свою ногу угрозе ради него, когда впервые зверёк внутри открыл глаза и навострил уши. Если бы не он, если бы не это мягкое животное внутри, что потянуло лапки к несчастному малышу, никакого плача бы не было. Он лёг бы в грязный слой пыли и крови других замертво, отдал бы жизнь ни за что. Мягкий, лёгкий, безобидный, такой хрупкий, что в душе от одной плохой мысли всё холодеет.

Это единственный случай, когда Кай благодарен небесам, что родился омегой.

За дверьми слышится тяжёлый вздох альфы, плач не прекращается, и Смит едва сдерживает себя, чтобы не умереть на месте. В голове вырисовывается маленький комочек, не способный защититься, и настоящее чудовище, с острыми и давно перепачканными кровью зубами. Клацает, пугает ребёнка, мучает перед самым ужасным, крадётся и царапает когтями пол. Вводит в ужас до срыва голоса. Шатен не дурак, он сам боится альфу, остерегается, как самого опасного хищника и нежеланного гостя. От каждого взгляда, полного хоть капли недовольства, сердце переходит на бешеный темп. От власного голоса, от хрипоты уже падаешь на колени, даже этого не замечая, стремительно идёшь на дно, лишь бы не попасть под горячую руку, и это ужасно.
Для мастера огня это был бы самый страшный сон из всех, что он когда-либо видел.

— Он его... он... Господи, — шепчет под нос парень и прислушивается ко всем звукам за дверьми.

Мяты так много, что хочется кашлять, от волнения держать тяжести в руках всё неудобнее. В кабинете снова плач, раздражённый голос альфы и грубое «иди сюда», от которого к горлу подкатывает ком. Парень думает, что если не вмешается сейчас, то всего за пару шагов отсюда умрёт от угрызения совести и того ужаса, который только и делает, что подкидывает страшные картинки расправы Морро с ребёнком. Он сам себя сожжёт от одного понимания, прыгнет в костёр и не вылезет, не сможет смириться.

Дилан вдруг подозрительно молчит, почти по всему коридору проходит удар об пол, и Смит, бросив ящики, залетает в кабинет.

Глаза в глаза.
Почему снова?

Омега замирает на пороге и не может и двинуться. Всё прошлые

мысли вмиг летят в тартарары, опасения становятся смешными, а сам их хозяин — глупцом, самым невероятным из всех.

Дилан живой и здоровый, а с появлением Кая вовсю развеселившийся, показывает начинающие прорезаться зубки в улыбке и тянет маленькую ручку к любимой няне, второй держа зелёную прядь Сторма. Альфа крепко держит в руках ребёнка и даже умудряется его качать, смешно держит голову над ним, потому что любимый пучок зелёных волос в плену и под угрозой быть оторванным. Морро, словно давно познавший такую тяжёлую работу, как отец и няня в одном флаконе, злится, но злость никак не отражается на отношении к ребёнку. Словно он держит не человека, а звезду, которую отдала на хранение сама Вселенная. Словно он не убийца и не злодей, а уютный, ещё юный отец, так полюбивший проводить время со своим сыном.

Смит удивлённо поднимает глаза на Морро, встречаясь с его взглядом, и не может двинуться.
То чудовище, которым Смит его представил, оказывается самым безобидным зверем из всех возможных.

Может ли он быть другим человеком?
Это ведь не он.

Вечно злой и до жути страшный, до мурашек опасный. Убийца жизней и чувств, ядовитый змей, погубивший уже столько людей, а с ребёнком на руках вдруг ангел, и Кай не может сложить всё воедино.
Дикое, доводящее до сумасшествия желание забрать Дилана и спрятать давно исчезает, словно и не было. Всё волнение испаряется, все мысли склеиваются в одну и взрываются, оставляя за собой только разбросанные куски, и даже лёгких словно не существует. *И только сердце, ударяя по груди, заставляет всех услышать себя в помещении, нет, словно во всём мире.* Впервые громкое, впервые живое и настоящее, не несущее ничего, кроме одного желания. Желания смотреть. Бесконечно, так долго, чтобы высохли глаза, чтобы больше ничего, кроме этого, кроме *такого* Морро не запомнилось. Нежный альфа, несущий только защиту и тепло, вредный, но заботящийся о том, в ком нет ни капли его крови, и это тот самый рычаг, что заводит

кровь в организме по новой, качает до потери сознания.

Проморгавшись, Смит медленно опускает взгляд на бутылочку с молоком на полу, укатившуюся к подножию дивана.
Хочется упасть и не встать, но почему-то нигде больше, кроме как у этих ног.

— Ты какого чёрта не стучишь? — раздаётся от Морро сквозь убийственную тишину, заставляет проснуться. Альфа проходит к кроватке, притащенной в кабинет совсем недавно, и аккуратно укладывает своё несчастье, приобретённое по собственной вине. На самом деле, даже в гордом одиночестве брюнет не собирался вредить ребёнку, потому что какое-то неприятное чувство внутри просто не позволяло прикасаться к малышу с плохими целями. Морро думал о том, насколько этот ребёнок важен мастеру огня, но никаких ужасных планов у него не было. Дилан был антистрессом и стрессом одновременно, альфа не любил с ним возиться, но какое-то душевное спокойствие с этим мальчиком на руках всё-таки приходило.

Наверное, его усыновление было очень даже хорошей перспективой.

Только Сторм вновь оборачивается к дверям, как от омеги и след простыл. Бутылка с молоком одиноко покоится на письменном столе Морро, подальше от бумаг, а дверь открыта нараспашку. Громко цокнув, брюнет обещает себе загонять сующего нос не в своё дело мальчишку до обморока, специально ничего не пить, чтобы замучить заказами, и устало опускается на диван, прикрывая глаза.

***

* — Если мне не изменяет память, то во всём Ниндзяго один основной язык. Либо я пропустила этот момент, либо его не было, но нигде чётко не сказано, есть ли в этом мире другие языки, или он только один. Если нет, можно и поэкспериментировать, поэтому для разнообразия я добавлю другие языки.

fifteen. one step closer to rescue (Hell)

Примечания:

я ОЧЕНЬ хочу, чтобы вы уделили внимание моменту с машиной, где песня переключается сама. ультра-подсказка: кто у нас там из цифрового мира? это играет очень важную роль, потому что дальше всё будет связано именно с этим "кто".

спасибо вам за то, что вы есть, я вас безумно люблю и просто обожаю.
приятного прочтения;`]

название главы — one step closer to rescue (Hell) — «на шаг ближе к спасению (к Аду)»

***

Джей не находит дома Надакхана около недели и думает, что наступили лучшие часы его жизни. Без альфы спокойнее, появляется чувство защищённости, небольшой толстой стены, что так любезно встала перед бетой, позволяя за собой спрятаться. Единственное, что напрягает, — ощущение пустоты, словно Хана здесь как раз и не хватает.
К счастью, Уолкер не считает себя сумасшедшим и не воспринимает этот факт как важный, списывая всё на стресс.

Пока у него есть время, а "зверь не вернулся в берлогу", бета находит, чем заняться. Буквально каждый день спросонья он завтракает любезно приготовленной ему лично едой и обдумывает ситуацию. Ему не позволяют гулять по особняку, не позволяют вообще выходить за порог комнаты, пока Надакхан что-то не прикажет и не появится. К счастью, у альфы большая комната с идеально большими окнами, и Джей чаще всего пытается разглядеть что-то знакомое на улице, чтобы

хотя бы понять, где он находится. А за окном лес. Было бы чудно найти хоть одну деталь, связаться с командой и откопать такой маленький шанс на побег.

Сначала Джей планировал подействовать Надакхану на нервы своим упрямством, чтобы альфа просто не выдержал и вышвырнул мастера молнии за порог. План даже казался почти выполненным, учитывая настроение и реакцию мужчины на непослушание, но его нет уже неделю, а парня никуда не выпускают. Первый план успешно провален.

Сейчас он мало что может решить для себя, учитывая, что даже один шаг Хана не выходит предугадать. Свои дальнейшие действия парень решает смягчить, потому что понимает: злость альфы до добра не доведёт. Было бы куда проще построить из себя покладистого заключённого, которому просто стало наплевать на всё вокруг. Возможно, с таким раскладом событий Надакхан бы потерял интерес и избавился от беты (он надеется, что хорошим путём), и ничего гениального придумывать бы не пришлось. С другой стороны, если и это не сработает, Джей будет просто играть вышесказанную роль, а за спиной альфы найдёт выход, не без помощи Флинтлока. В этой ситуации мужчина является единственным, кто и на его стороне, кто выступает ему поддержкой и опорой, пусть и порой чрезмерно слабой против Кхана. С ним намного больше шансов сделать хоть что-то, и Джей обещает себе, что позже, уже на свободе, найдёт Флинтлока и отблагодарит за всё.

Днями скучно и грустно.

Уолкер впервые решает найти забаву в уборке, но комната каждый день блестит, а поверхности так натёрты, что едва не отражают в себе ситуэт беты. В какой-то момент он психует и специально всё разбрасывает, выходит из сил и ложится спать, перенося уборку на следующий день. И что дальше? С утра комната сверкает, наверное, становится даже ещё чище и новее, и Уолкер готов рвать волосы на голове. Он просит Флинтлока максимально осторожно и незаметно пронести к нему котёнка, который точно скучает не меньше его нового

хозяина. Несмотря на осознание риска как для него, так и для Флинтлока, животное оказывается успешно доставлено заказчику, и последующие дни мастер молнии проводит время с ним.

Уолкер с тоской и душераздирающими воспоминаниями осознаёт, как котёнок похож на Смита. Глаза красивые, открытые, словно предоставленный лично космос, хрупкий вид, но острые когти и недовольный возглас при каждом желании Джея погладить животное.
На самом деле, не было ни дня, когда Джей не впомнил бы о команде.

Утренние поцелуи Нии в щёку, чтобы разбудить, её угрозы оставить бету без фирменной яичницы Мисако на завтрак. Как же парень скучает по одному только виду омеги, как желает вдохнуть любимый запах.
Марафон игр с Каем и Коулом, набитые джойстиками руки и пачка сухариков под рукой, освежающая кола. Джею бы услышать Сенсея и его сарказтичное "какие же вы лентяи, жду не дождусь, когда увижу ваши огромные животы вместо подтянутых форм", а потом посмеяться, но всё равно поприседать хотя бы пару раз.
Готовка с Зейном, бесконечные пригорелые блины, которые никогда не давались Джею нормально. Мастеру молнии бы оказаться за этой плитой и ночами не спать, учиться готовить и слушать лекции от Зейна, засыпать под них, пугать своим храпом.
Пробежки вместе со Скайлор и Пиксель по торговым центрам, потому что Джей — единственный в команде, кто "шарит" в подарках для близких. Ему бы услышать похвалу или упрёки, разозлить кого-то своим поведением, плевать совсем. Лишь бы оказаться рядом и почувствовать эту душевную теплоту, собрать все запахи ладонями ближе к себе и вдохнуть, ведь «да, это точно они, значит, я дома».

Бета прикрывает глаза и падает на кровать лицом, приглушённо хихикая над котёнком, по-королевски забравшимся тому на спину. Флинтлок не докладывает ничего ужасного, связанного с командой, он вообще ничего про них не говорит. Наверное, неведение в таком случае для беты — сильнейшее лекарство. Так, под весом мелкого животного, что хвостом щекочет шею, Джей может навязывать себе только хорошие мысли. Искренне верить, нет, быть уверенным в том,

что с друзьями всё в порядке, намного лучше, чем знать всё до мельчайших деталей и рвать волосы от того, что нет выхода и возможности прийти на помощь.

В его голове команда, что *полностью в сборе*, как всегда, сидит за большим столом и рассматривает план. Ллойд даёт указания, Ния улыбается, потому что точно знает, что скоро найдёт своего парня, Коул с Зейном пересматривают адреса, а Кай... какой же сейчас Кай? Может, напуганный, загнанный в угол? Или снова смелый, быстрый и ловкий, сидит и обдумывает действия, то, как разобьёт Надакхану лицо за друга.
Мастер молнии надеется на второй вариант и говорит себе поменьше углубляться в свои проблемы.

Улыбается.
Ему бы узнать, что происходит на самом деле, и солнце потухнет со взрывом, но лучше не стоит.

Джей очень хорошо держится, так пусть не прекращает. Ради команды.

× × ×

Дома так пусто, словно он разваливается без двоих парней, поэтому Ллойд предпочитает находиться на улице. Рассматривая улицу, небо над головой, серые тучи, словно подбирающиеся ближе густым туманом и желающие задушить, альфа не знает, когда стал таким параноиком.

С каждым днем внутри с большей силой растёт желание сцепить руки на шее Сторма, заставить того жрать своё грёбаное оружие, а потом им же его и пристрелить. Гармадон в мыслях давно убийца, маньяк, который только поджидает встречи с ненавистным альфой. С уродом, постепенно забирающим всё его самое дорогое и необходимое. С монстром, который проглатывает всё, что стояло хотя бы на метр ближе к Ллойду, раз за разом, смакует, посасывает на языке и

разжёвывает до ужаса острыми зубами. От Морро не дрожат колени, не потеют руки, по крайней мере, не от страха. Альфа всеми фибрами души хочет собственными руками убить самодовольного и опасного ублюдка, отправить туда, откуда он пришёл, и больше никогда не подпускать так неосторожно близко.

— Джей за городом, — кивает словно самому себе Ллойд и продолжает крутить в руках ключи от машины. — Наверное, жильё Морро с Надакханом тоже там. С Харуми понятно, она с ними заодно, тут и без слов всё ясно.

— Отправляемся за границу Ниндзяго Сити? — приподнимает брови Ния. Сжимает кулаки, потому что чешутся руки, потому что давно не касались родных джеевских черт.

— Я договорился с офицером, — громко заявляет подошедший Баккет и, отбрасывая идеально ровный камень в сторону, суёт косу за спину и улыбается. — Давно не видели эту малышку в действии? Едва нашёл, зато как новая.

— Снова в форме, — усмехается Ния и забирает у пришедшего следом Зейна свои перчатки с железными кнопками на костяшках. — Давно так не готовились.

— У нас нет ничего, кроме навыков и старого оружия. Пока способностей ни у кого нет, будем защищаться и нападать с такими силами, — отвечает лидер. — Клянусь, я на куски порву этого урода, когда выпадет случай.

— Не накапливай столько ненависти в себе... до добра не доведёт, — мотает головой омега. — Лучше сосредоточиться и вести свою команду к успеху. Пустой яростью ничего не сделаешь.

— Да, здесь только Кай с яростью на «ты» , — коротко смеётся Коул, но осекается и мрачнеет, осознавая, что вообще сказал. Альфа мотает головой и под тяжёлый вздох Жульена направляется к мотоциклу Нии неподалёку.

— Нельзя оставлять город, от Кая может быть что-то известно. Сейчас не самая разумная перспектива разделяться, но по-другому мы войдём в тупик и не выйдем. Я поеду за город с Коулом на днях и обшарю всё около границы, заскочу в Стикс. Будет логично, если их жильё окажется там.

— Не планируешь в офис к Морро? — отстранённо интересуется Смит.

— Позже. Лучше не лезть к нему лишний раз и не подливать бензина в огонь, — отвечает Ллойд и оглядывается на машину. — Сейчас заскочу к маме с отцом, я даже не знаю, как они...

Ния понимающие кивает и думает, что самой было бы замечательно забежать к родителям, проведать. Сейчас столько всего повалилось на их плечи, словно кто-то взял и положил целый город, нашёл опору в своих героях. Она ведь понятия не имеет, как там мать, как отец, как их мастерская, не добрался ли Морро до них в качестве "вместо". С каждым пониманием, что Сторм может сотворить что-то ужасное и каким он психом является, страх за родных возрастает до небес. Вряд ли мастера не смогли бы постоять за себя, но возраст не молодой, а у Морро дохрена и больше преимуществ в любом сражении. Вообще во всём.

Девушка рассматривает в голове свой график на ближайшие дни и задумчивым взглядом провожает лидера. На секунду отправившись в прострацию, она не замечает, как расходятся Зейн с Коулом, и на улице остаются только они с Ллойдом.

Ния довольно хорошо сдружились и сблизилась с лидером за последнее время. В особо тяжкие моменты, когда Кая с Джеем не было рядом, альфа с омегой могли побыть рядом и поговорить о чём угодно. Это дружеское чувство, когда настолько привык к человеку и доверяешь ему, что при любых обстоятельствах бы просто держался поблизости. У омеги оно тоже есть. Мастер энергии — действительно мастер, а своей энергией делится даже тогда, когда отсутствуют

способности. Наверное, Смит сейчас — единственная в команде, которая на все сто процентов уверена в силах Гармадона. В силах исключительно их лидера, смелого, понимающего каждого из команды даже без слов, того, кто всегда знает, что делать.
Омега понимает его ценность в их кругу, с таким же успехом только догадывается, насколько сложно принимать решения и руководить командой.

Гармадон останавливается на полпути к тому, чтобы сесть за руль, и поднимает глаза на так и не сдвинувшуюся с места Нию.

— Хочешь со мной? — приподнимает брови лидер и ждёт, пока Ния прекратит размышления.

Омега быстро моргает и, повернувшись к их дому, словно разыскивая кого-то в окнах, быстрым шагом проходит к машине. Удобно устраивается на сидении возле Ллойда, пристёгивает ремень и отворачивается к окну. Альфа говорить не собирается, нарушать тишину — начать играть на нервах обоих, и Смит лишь устало прикрывает глаза, чувствует, как они трогаются с места и направляются по знакомой дороге.

× × ×

Мисако полностью возвращает себе речь и может без прежнего волнения формулировать свои мысли.
Женщина за чашкой чая рассказывает о недавних событиях, говорит, как часто супруг пропадает за порогом дома и как нервничает в последнее время. Всю последнюю неделю события заставляют женщину только больше нервничать и ужасаться тому, как озверели их враги. Нет ни дня без этого стресса, словно пожирающего плоть, нет успокоения даже в самом сильном отваре из ромашек.

Ллойд как может успокаивает мать и оставляет её с Нией на кухне, а сам готовит ванну из трав, чтобы снять напряжение женщине. Под

звук толстой, ударяющей по водной глади струи тёплой воды из крана он звонит отцу и просит приехать сразу же, как только освободится, предупреждает, что Мисако вся на нервах и ей нужна надёжная опора. В какой-то мере состояние матери даёт Ллойду больше веры в свой силы, говорит, что дела отвратительны, но они герои, они могут держаться. Не лежи на альфе такой ответственности, не будь он сильным, давно бы просто расплакался у кого-то на плече.

Пока рядом есть те, кто слабее, он готов держаться хоть целую вечность.

По секрету Мисако говорит, что Гармадон упорно держит доверие мэра к команде и смело заявляет: Морро до него не добраться. Несмотря на странное волнение мужчины, ходьбы из стороны в сторону и бесконечных мыслей, которые словно физически видны, словно ощутимы, у него точно какой-то план против Сторма. Альфа подолгу пропадает в гостях у Сайруса, а дома говорит, что всё под контролем.

— В смысле «под контролем»? — хмурится Ллойд. — С какой стати он начал действовать без нашего ведома? Без моего?

— Твой отец просто боится, что его услышит сам знаешь кто, — объясняет женщина. — Я уверена, как только всё нормализуется и его план оправдает ожидания, он всё расскажет. Сейчас как никогда нужно быть осторожным...

— Вы говорите, Сенсей Гармадон в последнее время очень взволнован, — прокашливается Смит. — Вы уверены, что у него всё в порядке?

— Будь я на его месте... — вздыхает Мисако и мотает головой. — На вас всех сейчас большая ноша. Мне страшно от одних мыслей, что может произойти дальше и что нас всех ждёт, и это не проходит мимо твоего отца, Ллойд. Он волнуется за каждого из вас, как Ву, как я, сейчас ужасно тяжёлое время.

— Ещё бы.

— Я приготовил тебе ванну, — сворачивает от неприятной темы блондин и медленно поднимается на ноги. — Успокойся и отдохни, будь осторожна. Отец приедет уже через пару часов.

— Ты смотри, какой. Мне, значит, себя беречь, а вам не надо? — возмущается женщина, вызывая у парня с девушкой улыбку, и тянет губы сама. — Я провожу вас, пойдёмте.

По дороге домой Ния прерывает молчание и просит заскочить к мастерской родителей, обьясняясь тем, что давно их не видела. Ллойд как-то странно мрачнеет, словно вспоминает что-то неприятное, но быстро соглашается. Альфа так никому из команды и не сказал, что Кай у родителей. Неизвестно, дело ли было в отсутствии времени или в самой теме о мастере огня, он не знает, но сейчас скрывать уже нечего.
Может, их встреча будет к лучшему и приведёт к разговору, может, омега уже сегодня вновь окажется в стенах их общего дома, Ллойд не знает.

Зато надеется.

Майя с Рэем встречают дочь с распростёртыми обьятьями. Женщина любезно приглашает гостей на кухню, ещё долго обнимает Нию и гладит по голове, позволяя пустить скупую слезу отчаяния. Рэй здоровается с Ллойдом, отмечает, как тот возмужал за недавнее время, и заваривает кофе.

В родном доме безумно тепло и уютно. Ния чувствует такие приятные и хорошо знакомые запахи и ненароком вспоминает детство. Её догонялки с Каем по дому и едва оставшаяся в памяти выпечка матери, когда омега была ещё совсем малышкой. Такое приятное чувство настолько радует и расслабляет, что в этом доме перестают существовать проблемы. Нет никакого Сторма с Надакханом, нет вечно раздражающей Харуми, нет убийств и этих проблем, от которых

уже колет в груди. Девушка словно шагнула в другой мир, не имеющий в себе ничего плохого, того самого ужасного, что поджидает за дверьми вновь и скребётся об дверь. Здесь родные люди, здесь её кровь, её самые, на самом деле, близкие люди. В доме хочется лечь куда-нибудь на диван, переполненный мягкими подушками, прикрыть глаза и питаться этим запахом, глотать его вместо пищи и воды, жить им, принимать дозами.

В отличии от подруги, что полностью отдалась воспоминаниям и ощущениям, первым запахом для Гармадона стал сильный крыжовник вместе с лаймом. Удивительно, что за какую-то неделю запах Кая изменился настолько сильно, ведь альфа с трудом узнаёт те едва ощутимые нотки.

— Как он там? — тихо спрашивает Ллойд у Рэя, пока Ния проводит время с матерью и бурно что-то обсуждает.

— В норме.

На самом деле, несмотря на дружелюбие и доброту Рэя, его недовольство ощущается за несколько метров. При каждом их пересечении взглядами мужчина мрачнеет, словно в одну секунду объявляет альфу своим злейшим врагом. Ллойд бы ещё подумал, но ответ на свой же вопрос напрашивается сам.

— Он Вам всё рассказал, — кивает самому себе блондин и опускает взгляд на поверхность стола.

— В подробностях, — спокойно соглашается мужчина. — Послушай, Ллойд, — зовёт он альфу и лениво рассматривает содержимое своей чашки, разговаривая так, чтобы его услышал только Гармадон. — при всём моём уважении к вам. Я понимаю, что не стоит старику лезть в дела молодёжи, не понимая ситуации до конца и не зная её с того ракурса, с которого узнали вы, но Кай... его нужно беречь, понимаешь?

Лидер молча приподнимает брови и слегка щурится, ведь сказанное настолько очевидно, что не стоило даже заикаться, но продолжает

слушать.

— Беречь его не силой, а поддержкой, — поясняет Рэй. — Парень вспыльчивый и упёртый, вроде как сам по себе, но нельзя допускать того факта, что ему никто не нужен и он в опоре не нуждается.

— Я не совсем понимаю, — хмурится Ллойд.

— Не считая тех лет, что я пробыл вдали от детей, я знаю своего сына, как прочитанную несколько раз книгу. Уверяю тебя, он пойдёт к тому, кого посчитает своей опорой, кому сможет себя доверить, и прошлое не будет иметь значения. Не стоит ждать момента, когда этим человеком окажешься не ты.

Мужчина отвлекается на просьбу супруги нарезать для ниндзя фруктов, потому что разговор с Нией, похоже, не дошёл и до середины, а Ллойд остаётся за столом один единственный. На поверхности кофе лишь его скупое отражение, размытые следы его настоящего, обломки того прошлого парня, что шёл не сворачивая. Там пусто, а в глазах Ллойда все сказанные фразы, названные позже «ошибкой», все разбитые взгляды, об которых альфа снова режется. «Не ты», и блондин ёжится. Неужели его лучший друг, перед этим ставший почти как старшим братом, променяет их почти десятилетнюю дружбу на поддержку кого-то другого? Бросит их обещания в урну и предаст, уйдёт ради своей выгоды и даже не посмотрит напоследок?

Конечно, Ллойд вряд ли думает правильно, скорее эгоистично, но тот вариант, в котором Кай может пойти к кому-то, кроме него с командой, кипятит кровь в жилах.
Смит однозначно придёт к ним, других таких в этом мире не существует.

Он забывает, из-за кого Кай вообще ушёл от них.

Альфа сидит ещё несколько минут, коротает время самобичеванием, а потом замирает, не в силах и голову повернуть, когда дверь в прихожей громко хлопает.

— Мам, пап, я дома, — здоровается с родителями омега, но поздно ощущает посторонние запахи и останавливается на полпути к лестнице, когда из гостиной выскакивает сестра.

Омеги секунд десять стоят и смотрят друг другу в глаза. Одна ищет разрешения хоть что-то сделать, другой — хоть намёк на все ответы его скопившихся за этот момент вопросов. Девушка жуёт губу, решается, решает невероятно длинные уравнения в голове и удивляется, как быстро успела забыть такие родные черты лица. Сердце пропускает пару ударов, а потом будто боится стукнуть, боится, как Ния, что Кай сделает лишь шаг в сторону, скажет лишь слово, и оно никогда больше не забьётся. Скорее, разобьётся.
Темноволосая не замечает подошедшую сзади Майю, бежит вперёд, словно собирается спрыгнуть с крыши, и крепко обнимает брата.

Только бы не отвернулся.
Только бы ответил.
Только бы.

Кай думает, что желание увернуться от объятий возрастает до миллиона, но если отпустит родную сестру, расстроит и её, и маму, то изнутри всё вымрет. Все обиды до этого такие тяжёлые для плеч омеги, такие сложные, что принять чувства Нии, выражающиеся в обьятях, намного проще, чем оттолкнуть. Слишком тяжело делать то, к чему до этого, не остыв до конца, был готов в любую минуту, даже во сне.

Кай стоит так, не делая ничего, около минуты, а потом осторожно отцепляет руки сестры от себя.

— Что за срочное дело? — спрашивает он, и внутри по новой разгорается обида, стоит узнать запах Ллойда рядом.

— Мы... это... — Ния мнётся и всё поглядывает на мать, разыскивая в её глазах поддержку. — Знаешь...

— Волнуются за нас, — перебивает бурчание дочери Майя и кивает в сторону кухни. — Пришли навестить. Имейте хоть каплю уважения к гостям, Кай Смит.

— Было бы ко мне такое же уважение, они были бы друзьями для меня, а не гостями.

— Кай! — возмущается женщина.

Мимолётный спор прерывает Ллойд, оказавшйся на пороге. Альфа сталкивается с другом взглядом и внимательно рассматривает, прочитывает его мысли. Пытается. На самом деле нихуя не читается, мастер огня так закрылся в себе, что даже название этой книги становится неизвестным.

— Значит, мы уже не друзья? — грустно усмехается он, пытаясь увидеть хоть каплю вины в золотых глазах, но получает только обжигающую уверенность.

А ещё обиду.

Просто ебал Ллойд всё остальное, сейчас для него в этом коридоре его друг, и он не понимает, в чём именно его вина. В правде? Неужели Гармадон должен был тащить с собой омегу с осложнениями, у которого на носу течка, на вылазку? Он же волнуется, он пиздец, как волнуется, он жизнь за этого омегу готов отдать, а на него ещё и обижаются.

Как понять этого человека, с какого угла посмотреть, чтобы узнать правду, не спрашивая?
Видимо, уже никак.

— Не знаю, стоит ли тебе пересказывать значение слова «друг», но я обещаю, что специально для тебя поищу его формулировку.

— Ты просто берёшь нас и бросаешь? — не веря, спрашивает альфа и подходит на несколько шагов. — Из-за нашей заботы к тебе, из-за

правды? Через сколько мы прошли, сколько пережили вместе, а ты просто так заявляешь, что никакие мы не друзья после этого?

Смит открывает рот, но давится лишь несколькими буквами, когда Гармадон больно хватает за плечи и встряхивает.

— Кай, ты же не ребёнок! Будешь спорить с нами, как дитя со взрослыми "не надо, я сам"?

— Так надо было смириться за эти "годы дружбы", что я ребёнок, — хмурится мастер огня и отбивает от себя руки. — Слушайте, мне вообще плевать, что вы собираетесь делать, куда идти, что за планы у вас в голове. Вы сказали своё слово, а я сказал своё. Не думайте, что я вас ненавижу, что я ваш враг, терпеть вас не могу и вообще конец, что дружба распалась, но на этом наши пути расходятся. Взрослым не место в садике, а дети не работают со старшими, если мы в твоём понимании играем именно такие роли.

Кай отмахивается от желающей втиснуться в разговор Нии и быстро поднимается по лестнице наверх, демонстративно хлопая дверью. Девушка ищет тот переломный момент, когда Каю вновь пришлось отрезать все пути к нему, всё ищет спасения, оправдания, а Ллойд просто злится. Он говорит, что им нужно по делам, извиняется и идёт в сторону машины. Пинает колесо и, ожидая, пока Ния выйдет следом и с немым вопросом уставится на него, грубо выворачивает руль и выезжает на дорогу, направляясь к дому.

Давно забытая всеми песня на радио обрывается, и на средней громкости звучит Billie Eilish — *bury a friend* (похоронить друга), словно затуманивая разум.

× × ×

Вечер приходит для Джея так же неожиданно, как усталость, хотя днём он совсем ничего не делал.

Бета напяливает на себя поданную пижаму с Губкой Бобом и Патриком на груди, зарывается пальцами в ещё мокрые после душа кудри и рассматривает себя в зеркале. Парень всегда удивлялся, как умудряется выглядеть таким, как обычно. Как выходит есть и не толстеть, насколько бы огромной ни была порция. Когда-то Коул сказал, что в животе беты портал в параллельный мир, и большая половина еды просто отправляется туда. Для него особенность своего организма была как раз на руку, он был рад соблюдать форму даже со швецким столом перед собой.

Ближе к полуночи, когда Джей морской звездой валяется на кровати и пытается уснуть, считая овец в уме, в комнату проходят две прислуги и прибираются. Уолкер пытается узнать, в чём вообще причина спешки и почему его отвлекают от столь важного занятия, но в ответ не слышно и слова. Бета пялится в потолок, обводя углы взглядом, засматривается в окно и прикрывает глаза. В голове отпечатывается шёпот двух юношей, бесшумно передвигающихся по комнате, и сна ни в одном глазу. По комнате вновь проходит уже поднадоевший запах освежителя, Джей решает, что теперь лимоны — самая отвратительная вещь в его жизни. Проходит ещё пару минут, и прислуга поспешно удаляется, тихо прикрывая двери.

Парень всё не спит, и ради интереса решает осмотреть помещение на изменения. Откинув одеяло в сторону, он щурится и осматривает уже до тошноты запомнившуюся мебель. Поверхности блестят, на них буквально ни одной пылинки, земля с растениями сырая, шторы плотно закрыты, не подпускают и лучика полной луны за окнами.

— Буэ, — Уолкер вновь брезгует, кривится от отвратительного запаха и собирается ложиться обратно, как с замиранием сердца замечает на стойке мобильник.

Долго думать не приходится.

Не проходит и пяти секунд, как Джей соскакивает с кровати и хватает телефон, включая и быстро рассматривая. Без пароля и графического

ключа, с сетью и ничем особо лишним мобильник — идеальная находка для беты, просто спасение, посланное с небес. Уолкер быстро исполняет свой победный танец, ударяется ногой об кресло и бежит обратно к кровати. Если телефон забыл один из прислуги, вошедшей недавно, в ближайшее время они точно вернутся.

Оптимальным вариантом из всех возможных для Уолкера оказывается спрятать находку нигде больше, как на кровати. Если они вернутся или с утра кому-то приспичит убраться снова, никто не полезет проверять место, где спит Джей. Разве что найдутся те самые сумасшедшие, ещё с первого дня нахождения здесь, которые сдвинут с места насильно, но бета надеется на лучшее.
Он быстро отключает мобильник и суёт в наволочку своей подушки, которую заобнимал за всю неделю со всех сторон, укладывает на неё голову и блаженно прикрывает глаза.

Поспать почти удаётся. На самом деле, он действительно засыпает, но распахивает глаза уже через несколько часов, когда комната оказывается не пустой. Парню приходится вспоминать свои навыки притворства и вовсю изображать спящего. К счастью, выходит очень похоже, когда Джей лениво поворачивается в другую сторону и осторожно приоткрывает глаза.

Он надеется, что это просто страшный сон.
А надежда умирает последней.

Надакхан медленно присаживается на ручку кресла и стягивает галстук с пиджаком, выдыхая чуть ли не на всю комнату. Осторожным движением снимает с себя рубашку, откидывая к остальным вещам, а дальше не идёт — оставляет брюки на себе.

Если бы Джей думал так, как несколько недель назад, то отвесил себе пощёчину за то, что так пялится на тело альфы. Он никогда не признает, что оно с его стороны очень красивое и спортивное, не признает, что... скучал? В комнате вновь тяжёлый запах алкоголя, словно отпечаток Хана, его присутствие здесь — уже будто последняя

деталь.
Когда альфа подходит к постели, у беты сердце бьётся громче приличного. Когда он залезает на матрас и заставляет того прогнуться, Джей и вовсе не дышит, мысленно сжимается и молится, чтобы его не раскусили. Первый шаг к его спасению у него под подушкой, а человек, лишивший его свободы, меньше, чем за метр.

Джей быстро закрывает глаза, чтобы не попасться, но ощущает взгляд на себе кожей.

Надакхан касается волос, зарывается в них целой ладонью, но не тянет к себе, а пододвигается сам, сокращает расстояние до ультра-милипиздрического. Уолкер чувствует на себе дыхание, чувствует этот запах, пьянеет от него. Чёрт бы побрал этого альфу, но насколько с ним *не хочется* дышать. Альфа подползает ещё ближе, наклоняет голову и медленно кусает бету за губу. У Уолкера мурашки по спине, как умалишённые, его самого бьёт током.

А самое страшное из этого всего...

... не хочется отрываться.

Бета честно не понимает, что им вообще управляет, но лишь на пару миллиметров приоткрывает губы, думает, что поцелует. Сознание твердит остановиться и отвернуться, отползти до края и сбежать отсюда к чертям собачьим, а тело, душа хочет ближе. Так спокойно и приятно, что плевал Джей на то, как потом собирается жалеть и ненавидеть себя.

Но поцелуя нет. Либо Надакхан просто устал, либо потерял интерес с делу. Альфа рассматривает бету ещё несколько минут, а потом, переборов желание, убирает руку и отворачивается в другую сторону, накрываясь одеялом.
У шатена в голове громкое «не понял, но и чёрт с ним», осознание и карание за ужасно глупую тягу, а у брюнета самое правдивое «потом я бы не остановился». Вряд ли уважающий себя и своего зверя альфа стал бы нормально реагировать на омегу или бету, лежащего в его

собственной кровати, и Уолкер может только представить, как мужчине удаётся так держаться. Для него это к счастью, но тело ноет, говорит, что катастрофически мало тепла.

Альфа с бетой засыпают почти одновременно, спиной друг к другу, и никаких внезапных нежностей за всю ночь не обнаруживается.

× × ×

На утро альфы нет на месте, и Джей хвалит небеса. Вмятина на простыни и подушке — первое, что замечает бета с утра, и невольно вспоминает вечерние "нежности". От них вдруг снова захватывает дух, становится невероятно мало кислорода. Шатен больно бьёт себя по голове и ругается под нос, обещает себе, что больше и на километр к альфе не приблизится, но с собой спорить бесполезно. Парень не помнит, чтобы у бет сносило крышу так же, как у омег, когда рядом альфы, чтобы тянуло настолько сильно, но дома обязательно порыскает в интернете.

По канону жанра и предсказаний Уолкера, в комнату залетают двое вчерашних прислуг и испуганными глазами осматривают комнату. Бета быстро подключает свои актёрские навыки и делает вид, что сладко спит. У парня поменьше тряска и зубы стучат, он гоняется из стороны в сторону и по несколько раз осматривает комнату. Джей был прав, к нему они даже не суются, на кровать и вовсе не смотрят. Идеальное место для тайника собственного спасения из этого места.

— Хан бы всё равно заметил, если бы он здесь был, — дёргает друга второй юноша. — Нет его здесь.

— А если он нашёл и забрал с собой? Этому, — младший кивает в сторону мастера молнии. — же нельзя никаких мобильных устройств давать — может позвонить и дружков позвать. Ты хоть представляешь, как Господин разозлится? У них ещё сегодня вылазка эта, опять раздражённый приедет...

Бета замирает и прислушивается получше, молясь, чтобы парни пояснили.

А небеса сегодня на его стороне.

В комнату поспешно входит Флинтлок и сразу поворачивается к "спящему" Джею, осматривая на наличие каких-то изменений. Всё на месте, в порядке, значит, Хан не переходил черту. Мужчина принёс бете его кота, которого тот просил уносить в кладовку по вечерам, на случай прихода Надакхана, а приносить утром, но сейчас, похоже, возникли осложнения.
Альфа заводит коробку со спящим животным за спину и приподнимает брови, уставившись на прислугу.

— Какого чёрта вы забыли здесь? — в привычной манере спрашивает Флинтлок. — У вас работы мало?

— Мы тут...

— Вспоминали о деле Надакхана со Стормом, — перебивает своего друга старший и поворачивается к мужчине. — Они же к Чану, который с оружейным складом, да? Думаешь, убьют?

— Вам необязательно знать, — отрезает мужчина и проходит внутрь комнаты. — Идите вниз, Кенди нужна помощь на кухне.

Парни взволнованно переглядываются, но против альфы не идут и послушно покидают комнату, прикрывая за собой дверь. Флинтлок убеждается, что никого за дверьми не осталось, и тяжело выдыхает. Он медленно вдыхает запах босса, словно хочет убедиться, точно ли его, точно ли без изменений. Оставив коробку в одном из шкафчиков около бара, мужчина вытаскивает котёнка, бережно укладывает возле Уолкера и выходит из комнаты.

Для Джея сейчас это — тот самый момент, когда стоит подумать не о себе, а о других.

Парень без понятия, где он находится. Парень не собирается тратить такой важный звонок на пустую болтовню и слёзное «о как я скучаю». У парня сейчас информация, которая может спасти жизнь человеку и помочь друзьям против Морро.

Шатен вообще не задумывается, что он теряет, будет ли жалеть, что упустил
возможность. Лишь от мыслей, что сегодня умрёт человек (а он умрёт, после Морро в живых не остаются), мастера молнии всего передёргивает, сердце безумно и дико ноет, жжёт. Как поступил бы Ллойд? Так же. Как поступила бы Ния? Так же. А Кай?

Плевать. Любой бы сделал то же самое, потому что это — обязанность героя, это зов и сердца, и разума одновременно.

Он даже не задумывается, кому именно из команды звонить, быстро набирает номер и на всякий случай лезет под одеяло.

— Ниндзя слушают, — от голоса мурашки, от тембра сердце останавливается и разбивается вдребезги, гниёт, невероятно болит.

— Я понимаю, я знаю, я безумно скучаю по вам, по тебе, моё солнце, но у меня мало времени, — начинает Джей и замечает, как на том проводе даже дыхание замирает. — Пожалуйста, только не перебивай меня, ладно? Мистеру Чану грозит опасность, Морро с Надакханом собираются что-то делать, и я уверен, что что-то плохое. Вам нужно его опередить, нужно защитить его и дать отпор, возможно, тогда планы Морро пойдут под откос. Я не знаю, в какое время, знаю только, что завтра вечером, поэтому прошу, сделайте то, что должны. Я люблю тебя, любовь моя, я очень скучаю. Береги себя. Не звони на этот номер, он не мой, не подвергай себя опасности. Целую.

Бета быстро обрывает связь и, удаляя номер из списка недавних, поднимается с кровати. Душа цветёт и распевает серенады, радуется за правильный выбор, а сердце ещё болит от родного голоса, оставляет его в своей памяти. Он поступил правильно, так, как и должен был.
Парень собирается запрятать мобильник куда подальше, но замирает

на полпути к стойке, когда в комнату снова заходит тот прислуга, что ушёл несколько минут назад. Он удивлённо вскидывает брови, потому что, чёрт возьми, картина на миллион, отлично узнаёт свой телефон в чужих руках и переводит взгляд на самого бету.

— Я тут нашёл неподалёку, — мгновенно включает дурачка Джей, но от волнения потеет, как собака. — Это же твой?..

sixteen. getting dark

Примечания:

это должен был быть отпуск, но я не могу сидеть без дела. ЗАРАНЕЕ прошу прощения у фанатов джии

нададжеи: Nights — Basic; Stromae — Quand C'est (песни захватывают дух, хотя бы одна была бы кстати для атмосферы)

вы думали, что должна быть жесть. вы не ошибались. и на этом жесть не заканчивается, будьте уверены.

к остальным моментам музыка не обязательна, поэтому не буду оставлять. приятного чтения.

***

Для Нии мысли — паранойя.

Время — паранойя.

Джей Уолкер — паранойя, любовь к нему тоже.

С самого утра, как только начинает светлеть, ниндзя около хранилища. Ния в уютном кабинете Чана с чашкой ещё не остывшего чая, пока остальные ходят неподалёку от них, в ожидании Морро. Девушка с интересом рассматривает фотографии за границей Ниндзяго Сити, сделанные прошлым летом, слушает рассказы о новых поступлениях в склад и ведёт себя расслабленно. Профессионалы обычно хладнокровные и тактичные, а Ние просто стоит вспомнить такой ласковый голос, щекочущий слух, и она в один момент хоть мастер, хоть сенсей.

— Опасность настолько велика? Может, стоит вызвать полицию? — прерывается от рассказа пожилой мужчина и хмурится, агрессивно раскручивая двумя пальцами серебряный ножик. — Я как знал, что этому Сторму нельзя доверять. С самого начала ведь было ясно, что клоун. Актёр. Пулю в лоб он получит, а не мой склад.

— Было бы ужасно не приехать и не встать на защиту Вас и Вашего склада, мистер. Такая у нас работа, — спокойно отвечает омега и делает ещё глоток. — Если услышите странные пугающие звуки, не бойтесь, Вас ничего не заденет.

— Вам я могу доверять.

Ещё глоток, и короткое «рядом» от лидера по рации. Смит заметно напрягается, разминает плечи. Отодвинув чашку подальше от края стола, она хрустит пальцами и словно с нарисованным образом своего парня улыбается. Словно победа уже их, словно они уже выиграли и пора бы выходить.
Вера творит волшебство.

— Будьте спокойны, всё будет в порядке.

Морро наведывается с двумя машинами людей и Надакханом под рукой. Довольно насвистывая и разминая пальцы рук, он оставляет пистолет у джина и выходит из машины. Альфа негромко хлопает дверью, а потом вздыхает свежий воздух и довольствуется тишиной вечера. Кругом ни одной души: ни машин, ни людей, ни великов и самокатов, даже пустые пакеты не перекатываются. Наверное, брюнет был чрезмерно уверен в себе, но неладное почуял ещё того момента, как притормозил у двора. Так тихо бывает только перед бурей, но ничего не складывается. Слишком много мозгов нужно старику, чтобы догадаться об их визите, слишком хитрым должен быть человек, предусмотрительным.

Двое мужчин, выскочивших из машин следом за Надакханом с Морро, вырубают двух охранников у входа прежде, чем они тянут руки к

оружию. Сторм наступает грязной подошвой на спину одного из несчастных, пожимает плечами и ядовито тянет «не повезло».

Едва альфа оказывается за порогом, помещение оглушает выстрел, и брюнет с рыком падает на пол.

Люди Сторма не успевают добежать до дверей, когда их встречают Зейн с Коулом и кидают дымовые бомбы. Баккет прячется в застывшем в воздухе дыму и быстро перебирается к одной из машин, выбивает стекло и запрыгивает внутрь. Там двое. Мужчины не видят, начинают бесконечно стрелять в разные стороны, а мастер земли, приседая за сидением, ждёт, когда хотя бы пара пуль попадёт в неумелых стрелков. Через несколько секунд выстрелы прекращаются, и Коул выходит из автомобиля довольный, направляясь на помощь к Ллойду.
Зейн действует осторожнее. Пока троица во второй машине начинает нервничать и вылезать из машин, полностью разрушая свою защиту в виде прочного металла, мастер льда сначала с интересом наблюдает за Коулом, укладывающим двух парней у входа, а потом поднимается и бьёт первого — ближнего к себе — под колено. Второй бежит на помощь к остальным товарищам, попадая в руки уже разгорячившегося Баккета, а Жульен бьёт оставшегося в челюсть.

Достаточно вырубив обоих, он тяжело выдыхает и собирается идти к другу, как пугается резкого вскрика. Баккет быстро приседает и хватается за кровоточащее плечо, жмурится почти до кругов в глазах и пытается вытащить стрелу.

— Коул! — зовёт альфу Зейн и рассчитывает примерное местонахождение Лучника. Парень приседает за капот машины и дотягивается до валяющегося неподалёку пистолета. Ещё несколько патронов, как его личное спасение и награда, и альфа выскакивает с другой стороны, пуская две пули в сторону нежилого дома, на уровень третьего-четвёртого этажа.

— Сука, как попал, — ругается мастер земли и отползает ко второй машине.

Проходит несколько минут, а выстрелов нет, и Зейн на свой риск выходит из прикрытия.

— Ушёл, — тяжело вздыхает альфа. Запустив пятёрню в волосы, он быстро добирается до друга и рассматривает рану, пока мастер земли бьётся затылком об металл сзади и прикрывает глаза. — Аптечка у Чана, сможешь подождать? Вытащить стрелу — пустить больше крови, нужно в больницу.

— Потерплю, не сдохну, — обрывисто смеётся Баккет, а Зейн хмурится, обхватывает стрелу ладонями и придерживает, пачкается просочившейся сквозь одежду кровью.

Сторм со скрипом зубов смеётся и сразу узнаёт тошнотворный запах Гармадона. Бедро на левой ноге кровоточит и жжёт, отдаёт болью во всей конечности и туловище, учащая дыхание. Морро кряхтит, хочет похлопать успешной засаде, но отвлекается на боль и понимает, что не сделает подобного даже с огромным желанием. Пока Надакхан, игнорируя два выстрела в пол, утаскивает Сторма за стойку и заряжает пистолет, Ллойд понимает, что не очень хорош в стрельбе в темноте.

«Точно попал», — думает лидер, заостряя внимание на кряхтении Морро, и прячется за колонной, перезаряжая оружие.

— План провалился, Морро, — громко заявляет Гармадон и мысленно молит Зейна с Коулом быть осторожнее. — сдавайся, вас только двое.

— Браво, зелёный ниндзя, — с улыбкой говорит Морро и кивает альфе рядом в сторону запасного выхода. — Хорошая меткость, я оценил.

— Я даже не целился, — хмыкает Гармадон.

— Не боишься, что эта пуля вернётся к тебе? — спрашивает Морро, и в глазах горят не несущие ничего хорошего искры. Тон полон уверенности, альфа открыто угрожает и даже не беспокоится по

поводу того, может ли он выйти сегодня живым.

Выйдет.

У него впереди власть и до ужаса сладкая победа, у него куча дел своего дяди и омега, который его пометил.
Так просто он бы не ушёл даже с несколькими ранениями.

— Вряд ли пистолет пригодится тебе за решёткой, — серьёзно отвечает Гармадон и настраивается на наступление. — Ты можешь хоть представить себе, сколько жертв понёс город из-за тебя? И ты хочешь власти? Доверия? Мы на шаг впереди, Морро, и я с радостью верну тебе всё то, что пережили мы. Заберу Джея с Каем, а тебя отправлю под следствие. Была бы у нас законна смертная казнь, ты бы уже...

Здание погружается в шум нескольких выстрелов, и Ллойд в смятении пытается понять, чего добиваются альфы, стреляя в разные стороны. Он вновь приседает, жмурится и решается выглянуть с той стороны, в которую пули летят меньше всего. Даже сейчас словить эту грёбаную пулю не так страшно, как прохуярить такой шанс и не поймать Морро. Если он не закончит сейчас, то больше у них не будет такого шанса. Морро станет сильнее, озвереет, и под ударом будут вновь самые близкие для блондина.

Как только стрельба прекращается, Гармадон резко выпрыгивает из-за колонны и направляет дуло пистолета вперёд. Вокруг тишина и ни души, никаких лишних звуков, только поднявшаяся пыль и хлопок закрывшейся двери запасного выхода.

Ллойд психует и матерится, запускает пальцы в волосы. Он бежит следом, хотя понимает, что уже упустил альф, и второй раз поймать их будет вдвое сложнее, но так надеется, что чуть ли не летит. Спустя пару коридоров, полов с каплями крови Сторма, мастер энергии добегает до главного выхода и словно врезается в свежий уличный воздух. А вокруг тишина, даже листья не шуршат, машины не ездят. Даже шагов от бега нет, словно они выбежали и испарились, словно

реально исчезли, и Гармадон, вспомнив про оставшуюся способность Сторма перемещаться сквозь стены, тяжело выдыхает и приседает на кортах.

Они выиграли бой.
Упустили врагов.
Значит, впереди целая война.

Альфа сплёвывает и возвращается обратно. Предупреждая Нию и сообщая, что, хоть Морро с Ханом и сбежали, но их план сорван и склад в безопасности, он спешит к Коулу с Зейном снаружи, подозрительно задержавшихся на своём месте. Ллойд вызывает скорую, звонит полиции и просит остаться у здания на случай того, что альфы каким-то чудом вернутся, и уезжает вместе с Баккетом и остальными.

× × ×

Мастер огня наносит последние штрихи на стену, дорисовав лепесток у цветка, и отдаляется назад с желанием оценить своё творение.

— Красиво, — зевает Нора и кладёт голову на руку. — Цветы такие яркие. Мне нравится.

Кай подмигивает бете и откладывает палитру на стол. Пока Элис, вся обляпанная этой краской чуть ли не с ног до головы, только заканчивает свою часть рисунка, омега давно всё закончил и даже обрадовался своей работе. А может и удивился мастерству, потому что взял и открыл в себе потенциал. Льюис с Робби вскидывают вверх «найс», Антонио молчит, потому что боится взбесить парня своей критикой, а Зак быстро восхваляет золотые ручки коллег и бежит за концелярией в магазин.

Пока Морро шляется не пойми где, а кабинет пустует, никакие заказы не дают омеге с бетой мучительно прикрывать глаза. К удивлению,

парню даже не интересно, зачем альфа уехал. Разумеется, что он задумывался об опасности, грозящей городу из-за такого подозрительного отъезда Сторма, да и сердце подсказывало, что здесь что-то неладное, но парень впервые за это время расслаблен, и углубляться в проблемы хотелось в последнюю очередь. Сейчас он приводит офис в состояние детской площадки, со стенами, разрисованными цветами и прочей ерундой, но так хотя бы не скучно. В помещении будто светлее, приятнее и интереснее сидеть. С белыми стенами офис для Смита похож на психбольницу.

Омега поднимает принадлежности для рисования и идёт в сторону двери, но останавливается у компьютера колеги и хмурит брови.

— «Ниндзя остановили нападение на главный оружейный склад города...», — читает Бетти и вскидывает брови. — У твоего друга проблемы, смотри.

Мастер огня всматривается в статью и чуть не роняет кисти на пол, когда видит знакомую фамилию, стоящую рядом с таким пугающим «ранен». Он давится воздухом и перечитывает ещё несколько раз, но подробностей не находит.

— Морро поехал к складу? Прямолинейно, — кивает Зак и поднимается, чтобы помочь омеге донести кучку, выскальзывающую из рук, но Смит отворачивается и уверяет, что и сам справится. — Типо... об этом же точно знают. Полиция, по крайней мере.

— Морро сейчас идёт в гору, кем вообще полиция против него встаёт? — фыркает Элис. — Боится сказать правду народу, потому что давно поняли, с кем имеют дело. И что там, он ускользнул, да?

— Этот упырь ранил моего друга, — выпячивает нижнюю челюсть от злости шатен. — Вернётся — будет вместо чая кружку грызть, пусть подавится. Пиздец ему.

— Ты вроде на них зол, — подаёт голос Льюис и поднимается, подходя ближе. Нагнувшись над плечом коллеги, он внимательно изучает текст

и фыркает.

Кай открывает рот, но не находит слов. В какой-то мере альфа действительно прав по поводу этого. Он их чуть не послал, отдалился так, как только можно, а сейчас волнуется так, словно до этого ничего плохого не произошло. Слишком двулично и очень странно, парень ведь не прощает просто так и даже не думает о том, кто его обидел, забивает, плюёт, а здесь одна новость (неизвестно, правдивая ли), и он готов помчаться мстить.

Но почему это сразу не дружба? Смит злится, но сейчас больше теряется, сомневается в своём решении. Возможно, будь он сейчас на месте, в команде, дни "посиделок дома" прошли и он бы прикрыл Баккета, избежав такого исхода. Кай точно уже параноик, потому что даже здесь его вина. Не оказался рядом, не помог, когда должен был. Какой он друг, если не защитил, когда всем сердцем пообещал защищать?
Да будь он хоть трижды зол и обижен. Для него друзья остаются теми, кем были, учитывая их достойную громкого «спасибо» заботу и помощь.

— Да, я зол, — копирует мимику друга и вскидывает подбородок вверх, смотря сверху вниз. Он подходит чуть ближе к Льюису и продолжает в самое лицо: — но это не значит, что я не зайду. Мейби я просто очень волнуюсь за этих идиотов.

Двинув плечами, омега демонстративно отворачивается и тащит свой перепачканный в краске груз в сторону уборной. Льюис в привычной манере выносит вердикт «огонь пацан» и уходит к себе за стол, а Элис закатывает глаза и возвращается обратно к незавершённому рисунку.

— А что за Одли должен прийти вместо Морро? — словно очнувшись, спрашивает Нора.

— Какой-то бизнесмен, — пожимает плечами Элис. — Типо бабник, с большими связями и какой-то там знакомый знакомого Сторма. Короче, не знаю, но он важен для компании.

Нора медленно кивает. Переварив информацию, она закрывает вкладку новостей и под включённый заранее сериал тянет руку к кофе.

× × ×

Покинув больницу и оставив Морро на Лучника и врачей, альфа вернулся в особняк и чуть не снёс дверь от ярости.

К мужчине подбегает прислуга и расспрашивает, шепчется про тот случай с телефоном, а Надакхан карает себя за то, что не выслушал одного из прислуги, заметившего Джея с телефоном, до вылазки. Ёбаный Джей Уолкер, лучший в своём роде создатель проблем и точно ищущий приключений на свою ещё не тронутую задницу. Он ведь предупреждал ещё сначала, он говорил, что с ним шутить нельзя, ясно давал понять, а этот сучёныш под его же носом подставил уже половину их планов под удар. Джин думает, что если не найдёт Уолкера в ближайшее время, то уничтожит всё на своём пути.

Расталкивая идущих навстречу подчинённых, он под испуганный взгляд Флинтлока через одну ступень поднимается на второй этаж. Он добирается до нужных дверей, чуть не срывает с петель и закрывает за собой на замок, встречаясь голодными, животными глазами с напуганным мастером молнии.

Мужчина не видит ничего перед собой, кроме той плёнки, что создала ярость. Эта злоба, бурлящая ненависть за свою ошибку, за раненую ногу Сторма и непослушание беты, смешивается с желанием, превращается в такой дикий, почти взрывной раствор, что разум в отключке. Перед глазами этот грёбанный Уолкер, его невинность, чистой воды непричастность, но ничего подобного больше не останавливает. Даже атомный взрыв не отвлечёт джина, *желающего* сладкой мести.

Ярость нагревает тело, нагревает воздух в комнате.

Джей глотает выскочившее сердце до того, как его выплёвывает, и с кое-как скрываемым страхом и осторожностью отходит на шаг дальше.

— Нада...

Альфа с неприкрытой грубостью и резкостью вбивает парня в стену грудью, наклоняясь к самому уху, к пульсирующему виску. Маленький, дрожащий, пытающийся найти хоть каплю уверенности и смелости в обломках внутри, созданных страхом. Джей думает, что слился бы с этой стеной воедино, прошёл насквозь, как Морро, потому что в руках мужчины так ужасающе жарко и страшно, так опасно, что бета словно стреляет себе в голову. Кхан скрипит зубами, заламывает слабые против него руки за спину парню и опускает голову к плечу Уолкера.

Так близко, слово он ждал вечность, и сейчас ничего из того, что было до этого.

Желание отомстить, показать его место.

Какая, к чёрту, нежность.

Альфа дышит в шею, и газ врезается в светлую кожу, протыкает её, будто несколькими копьями сразу. Надакхан резко сдёргивает ткань с плеча и опускает взгляд на кожу, обводит взглядом, облизывает. Словно уже пожирает и проглатывает целиком, как собака мясо, а Джей вдруг прекрасно понимает, зачем именно.

— Нет. Слышишь, не надо, Надакхан, ты не смеешь, — нервно шепчет Уолкер и пытается вырваться. — Ты не можешь... не сделаешь, я же...

— Ты никому, кроме меня, больше не принадлежишь, сука, — рычит не своим голосом альфа и усиливает напор, запускает свободную руку в кудри и рывком тянет на себя. — Нахуй твою Нию, потому что больше тебя с ней ничего не связывает. Я вашу любовь эту ебучую, благодаря тебе, благодаря им, разорву на части, и признаваться в чувствах будешь прекрасным стенам этого грёбанного дома. Ты разрушил мои планы, блять. Зато я разрушу твою жизнь.

— Нет, не надо! — что есть силы кричит бета и сильно жмурится, когда в плечо будто стреляют из автомата.

Больно, зато заслужено, правда?
И тяжело.
Невыносимо, но ярость сильнее.

Мужчина не жалеет сил, кусает так, будто хочет до самых костей. Наверное, на этом просто разрушает весь мир Джея, топчет ногами и смеётся над таким слёзным «люблю». Берёт в руки и рвёт на части все надежды, гасит всё светлое, что осталось. Так неприятно и больно, как будто зубы не в плече, а в сердце. Только альфа сомкнёт челюсть и откусит, как орган разлетится на части, взорвётся и с никакими пластырями с солнышком и облаком не примет прежнюю форму. Люди не должны быть такими злыми, но Надакхан не человек, ему, наверное, можно.
Так жизненно необходимо одним действием, одними своими словами убить в бете всё живое.

Надакхан отстраняется и размазывает пальцем выступившие капли крови, с наслаждением наблюдает, как от двух полукруглых следов от его зубов вмиг расходятся узоры. Они страшные, непонятные, словно перечёркнутые нервным школьником после плохой оценки. Неправильные, агрессивные. На такой светлой коже, пусть немного в крови.

Как же сильно они портят эту чистоту, как некрасиво разъезжаются в стороны.

И никакой здесь, блять, пластырь не спасёт.

— Зачем... зачем ты... — срывается бета, быстро моргает, чтобы не пустить слёз. — Что ты натворил?.. Что ты сделал?!

Укус жжёт, размазанная кровь липнет к коже, приносит дискомфорт. Дыхание Джея сбивается, он что есть силы поворачивается и начинает

отталкивать от себя альфу, когда тот даже на миллиметр не сдвигается. Нервные узлы словно с характерным звуком рвутся, вся система внутри подрывается от одного только осознания случившегося. Уолкер начинает яростно толкать джина в грудь, бьёт кулаками и ладонями, едва держится, как бы не допустить срыва.

Ведь любви конец. Какая тут теперь любовь?
Метка болючая, сильная, такая, которую даже кислотой не уберёшь. Только она.

Джей терпеливо строил этот ёбаный замок из карт, ронял, но собирал вновь. Единственный верил, что дойдёт до конца, а Хан сбил эти карты ногой, с размаху. Растоптал, оставил следы грязной обуви, порвал, сжёг.

Джей ничего не желал.
Надакхан сам придумал ему желание.

— Запри меня в кладовке, в подвале, похорони заживо, но как ты смеешь лезть в мою личную жизнь?! Я ненавижу тебя! — срывает голос мастер молнии и сталкивается с чёрными глазами напротив. — Умри. Вернись обратно в свою ёбаную лампу, что угодно, только исчезни отсюда!

Надакхан скрипит зубами и словно безумно улыбается, хотя повсюду ненависть, ярость. Он весь из неё, это его основа, его руки, ноги, его мысли. Альфа дождался момента, когда собственное терпение лопнет, специально дал шанс избежать этого, но бета не слушал.
Злость говорит мстить, говорит так ранить, чтобы не зажило, и Надакхан больше не изменяет своим желаниям.

Альфа с силой толкает бету на кровать, в кучу нескольких подушек, и придавливает к матрасу до того момента, как младший успевает выбраться. Садится парню на живот, давит, игнорирует нервные удары и попытки выбраться. Парень что есть силы отбивается и зовёт на помощь, смотрит на дверь в попытке увидеть её, вылетевшую с петель, а на пороге друзей. Он им помог, он подумал о них в такой трудный

момент, так почему их до сих пор нет? Почему не посмотрели местонахождение, почему не проследили за Надакханом, почему пустили его? Оставили одного, без никого, кто помог бы...

— Джей?.. — слышится за дверьми голос Флинтлока. Он скребётся ногтями об дерево, нервно дёргает за ручку, хоть и понимает, какой монстр в комнате, но дверь не поддаётся. — Хан, пожалуйста... Не нужно...

Джей кряхтит и зовёт альфу за дверьми, просит помочь, потому что впервые в чьих-то руках ему так больно и так страшно. Он бьёт по кровати ногами, мычит и молит лишь о том, чтобы его кто-то услышал, забрал. Когда впервые ему настолько страшно, когда такие отвратительные последствия и мысли сдавливают горло, он просто хочет в чьи-то объятья. Он хнычет от безысходности, от нежелания разочаровываться в друзьях, которые просто не пришли, даже не попытались, от медленно разрастающейся пустоты внутри, где до этого была куча безумных чувств.

Надакхан грубо стаскивает с беты домашнюю рубашку и швыряет в сторону, долго смотрит на голую грудь под собой. Игнорируя срыв беты, больно целует шею и плечи, кусает, оставляя свои собственные следы. Так беспощадно портит нежную кожу, как зверь, и совсем не стыдится. Он готов разорвать, и от злости он разорвёт, не стоит сомневаться.

— Надакхан! — пытается достучаться до альфы Флинтлок, уже бьёт по двери и с больным сожалением жмурится, когда слышит нервные выкрики Джея и просьбы.

Он же обещал защищать парня, обещал стоять за него горой, а сейчас позволяет делать всё. Какой слабый, какой беспомощный и без капли пользы для мальчишки, который просто хотел свободы.
Хотел счастья, радости.

Так близко и так открыто, что мужчине сносит крышу. Были ли какие-то границы, не допускающие такого безумства, никто не знает, но

сейчас дорога к бете самая прямая и чистая на свете.
Надакхан кусает угол челюсти парня до хорошо различимых следов и грубо придавливает его плечи к матрасу, как только тот хоть слегка приподнимается. Он сдирает с собственных плеч кожанку, снимает футболку и откидывает на пол, а потом ловит губами каждый крик, каждый вздох и каждое слово, целует. Наверное, целует больно и жадно, выпивает все соки беты до дна, ведь ярость уходит только так. Жестоко, насильно, больно для несчастного мастера молнии, но в пользу альфы, в пользу всех его желаний и предпочтений.

— Уйди... уйди от меня... — в перерывах хрипит бета и чувствует, как больно жжёт в глазах от наворачивающихся слёз, стоит мужчине приподняться и расстегнуть ширинку. Шатен быстро моргает и пытается восстановить дыхание, двигает бёдрами, желая скинуть альфу с себя.

— Двинешься с места, — начинает Надакхан, потянувшись к тумбе у кровати. — и тебе пизд...

Мастер молнии быстро пользуется моментом и со всей силы пинает альфу в грудь, переворачиваясь на живот и отползая к краю кровати. Надакхан выругивается и дёргает парня к себе за ногу, больно надавливая ладонью на спину беты. Он злится и вгрызается в лопатки Уолкера, царапает его спину, не желая оставлять живого места. Парню бы просто оказаться за стеной от него, за несколько километров, поближе к защите и теплу, к доброте и терпиливости, но кажется, словно Хан нашёл бы его и там. Из всех виновных в этой ситуации, из всех лиц, учавствовавших в игре, он злится на Джея, выкачивает литрами из себя грубость, а из младшего — боль. Были ли вообще в его голове мысли о том, что Уолкер просто оказался верен друзьям, мужчина не уверен. Он напряжён и разъярён, а рядом Джей, и, может быть, потом он пожалеет обо всём этом.

Альфа стягивает до колен джинсы с боксёрами, потому что уже на пределе. Избавляя от ненужных тряпок бету, он впервые берётся за то, что заметил сразу, — тазовые кости. Острые, выпирающие, манящие, чтобы укусить, сжать в руке. Ноги невероятно худые, в своей мере

стройные, талия тонкая, словно парень никогда ничего до этого не ел. Сколько мужчина повидал омег за свою жизнь и смерть, сколько ими воспользовался, но этот бета сносит башню только одним видом. Хан хочет сильно и прямо сейчас, хочет до боли и тяжести внутри, до застывшего сердца.

Звереет.

— Будем без подготовки? Знай тогда на будущее, что сам виноват в этом, — басит на ухо шатену Надакхан и грубо толкается в тело, вылавливая губами крик мастера молнии.

Флинтлок за дверьми съезжает на пол по стене, зарывается пальцами в волосы и всё не осмелится открыть глаза, потому что крик беззащитного беты будет сниться ему каждую ночь. Так больно, слово Джей силой мысли делится своим отчаянием и мучением с мужчиной на расстоянии, словно тыкает носом, потому что «это не я попался, этот ты не уследил».
Он ведь не уследил, не пришёл вовремя, а так обещал сначала.

— Прости, — одними губами говорит альфа и замечает охрану, подошедшую к нему и уводящую мужчину дальше по коридору.

Джей купается в этой боли, в моральной и физической, словно в холодном бассейне в разгар жесточайшей зимы. Альфа берёт грубо. Альфа, конечно, не предупреждал о своих размерах. Альфа забрал последнее, что казалось парню в себе необычным, — невинность.

В комнате жарко, словно вместо слабого света в лампе над ними уничтожающе горячее солнце. Кажется, словно с каждым движением мужчины в котёл, в котором находится мастер молнии сейчас, понемногу доливают кипятка. Тело горит и трясётся в тяжёлых руках, просит больше и одновременно уйти, спрятаться как можно дальше и надёжнее. Альфа параллельно толчкам обкусывает спину и шею беты под собой, фиксирует взглядом тёмные пятнышки, какие-то стародавние синяки и шрамы, оставшиеся с недавних стражений. В

Джее жарко, тесно, но крышесносно. Как он мог столько терпеть и держать себя в руках, когда вместо всего на свете он мог подмять под себя этого парня? Упёртого, но бессильного, колючего, нервного, но до жути сладкого. Альфа совершает правосудие, приподносит урок и довольствуется местью, но с каждой секундой, стоит злости медленно иссякать, появляется мысль, что с Уолкером нельзя быть грубым. Эти мысли злят и вводят в тупик, вызывают такой спектр эмоций, что с мужчиной рядом страшно уже до смерти.

Мужчина надавливает большими пальцами на тазовые кости, обводит их кругами и цапапает. Джей в прострации, он уже не соображает, что происходит, только хрипит от севшего голоса в момент особенно грубых движений. Надакхан ускоряет темп, натягивает на себя бету и жмётся своей спиной к его, заставляет покрываться мурашками от невероятной жары. Так близко, что слишком хорошо, так удовлетворяюще, что мужчина тонет в кайфе.

— Это твоё место, — сквозь стиснутые зубы говорит альфа, обводя носом узоры на щеке и шее парня. — Ты здесь, в моём распоряжении, на тебе моя метка и я у тебя первый. *Последний*. Нет у тебя ни отношений, ни любви, ни шанса с кем-то быть. Здесь я один, и отныне ты будешь помнить только обо мне. Крыс в команде травят, малыш, а ты отделываешься вот так. Хвали небеса.

Тонкие пальцы проезжают по поверхности подушки и с силой сжимают ткань в кулак. На ней и крики, словно напечатанные на листке бумаги, и скулёж, и слёзы. Джей ведь никогда так легко не плакал, никогда не доводил себя до такого состояния, а сейчас от одного вздоха у уха тяжело дышать. Словно цепями, словно канатом его впервые окутывает такой страх. Душат укусы и пульсирующая метка, душит Надакхан, втрахивающий его в матрас, словно животное, душит осознание, что ему не дали права выбора. Просто так забрали себе, просто так решили за него, с кем ему быть, просто так разжевали и выплюнули любовь, которую он так бережно хранил в сердце. Тогда что оставили? Кипяток и сильные руки, тяжёлое дыхание где-то рядом и желание им обладать. Надакхан так близко, что почти сливается, так непозволительно и неправильно, что это уже не боль.

Всё это, что сейчас с ним, — смерть. Его личная, усевшаяся рядом и ожидающая, когда от всего случившегося и так слабое сердце беты просто остановится.

Альфа толкается ещё несколько раз, словно в последний, и изливается, не покидая несопротивляющееся тело. Плевал мужчина, что применил насилие к парню, плевать, что так непростительно и неожиданно забрал у него его неприкосновенность, плевать, что пометил. Стоило было сделать так ещё сначала. Отгородить бету максимально далеко от всех, кто только есть, спрятать здесь, в своих же руках, и получить своё, потому что долгое терпение переросло в это. С Джеем хорошо, с ним просто ахуенно, несмотря на то, что он не омега, и мужчина думает, что, не сопротивляйся мастер молнии, было бы ещё лучше.

Он обязательно подумает завтра, что и как сделал, вспомнит, что разрушил жизнь человеку и изнасиловал на своей же кровати, осознает, что пометил бету так, что след от укуса больше ничем не отодрать, а сейчас рано. Альфа натягивает одежду на себя и наблюдает за давно отключившимся дрожащим бетой, притягивающим ближе к себе одеяло. Скользнув языком по собственным зубам и почувствовав ещё оставшуюся кровь шатена, Кхан достаёт из тумбочки пистолет и уверенно выходит из комнаты.

× × ×

Флинтлок даже не оборачивается, когда открывается дверь. Тупо смотрит впереди себя и думает, какой он слабый и беспомощный. Он даже не постарался противостоять мужчине, ни одной извилиной не двинул, чтобы придумать, как помочь Джею, а сейчас и помогать бесполезно.
Нет того парня, готового найти выход буквально из любой ситуации. Есть измученный и помеченный, с открытыми до невозможности ранами и разочарованием в близких.

— Зачем ты так с ним? — сглатывает мужчина и опускает глаза на одну точку. — Зачем мучить парня? В городе столько...

— Мне не нужны шлюхи, — сплёвывает Надакхан. — Мне нужен он. Повернись.

Альфа тяжело вздыхает, словно сейчас посмотрит на саму Смерть, и медленно оборачивается, поднимаясь со стула. На губах джина полупрозрачная кровь, едва заметная, одежда помятая, а в руке удобно лежащий пистолет. Заряженный.

— Отпусти его хотя бы сейчас, я прошу тебя, — умоляет Флинтлок.

— Решил заняться опекунством?

— Он не заслуживает такого, он ещё... он был не готов к такому... — качает головой мужчина и заглядывает в чёрные глаза. — ребёнок, Хан, он же в душе совсем ребёнок. Ты ему психику сломал, понимаешь?

— Я взял то, что хотел, а как именно, тебя не касается, — отрезает альфа. — Он меня не послушал, а я показал, что моё терпение не бесконечное. Он своё отдал, а ты...

Флинтлок замирает лишь на несколько секунд, а потом взвывает и падает на пол, когда пуля прилетает в ногу, чуть ниже колена. Мужчина хватается за рану и хмурится до разноцветных кругов, пачкает руки в собственной крови и ощущает, как от боли учащается дыхание. Надакхан прячет оружие и садится возле него на корточки, всматриваясь в глаза. Как животное, нет, как охотник, пристреливший добычу, и только после выстрела ставший более-менее расслабленным. Он опускает глаза на рану и словно подбадривающе бьёт по колену, заставляя альфу шипеть и сжиматься.

— Теперь мы квиты, — кивает он и хлопает один раз в ладони, поднимаясь на ноги. — Ещё раз ты позволишь ему связаться с этой шлюхой или с кем-то другим из команды, и следующий выстрел будет

контрольным в голову. Мне пуль не жалко.

Надакхан впускает в комнату врачей, коротко кивая в сторону раненого, и, присвистывая, направляется прямо по коридору, собираясь подышать свежим воздухом. Завтра ехать к Сторму и следить, что делает в его кабинете Одли, давать указания, говорить с очередным рекламодателем, а он думает почти ни о чём. О бете, который спит в его кровати, о его слезах и красивых ногах и руках, о метке, но ни о чём другом, что может быть в будущем.

Мужчина достаёт сигарету и затягивается, уставившись в вечернее небо, а потом расслабленно прикрывает глаза. Даже в мире живых его успокаивает только насилие и боль, отчаяние.

Никакого добра.

seventeen. he. beside.

Примечания:

дорогие мои пепугейчики, прошу запастись нервами, потому что, поздравляю, мы дошли до начала бомбы.

глава вышла маленькой, но следующая должна быть больше, потому что события на неё уже рассчитаны. я надеюсь, что будете заинтересованы;`]

внимание! переизбыток причастий в главе!

конец — Imagine Dragons — Battle cry

***

На улице уже темнеет, усиливается ветер. Смит ругает себя за то, что не предугадал такой отвратительной погоды ещё с утра, а повёлся на солнце, наивный. Он не взял даже куртки поверх рубашки, даже толстовки, которую носил почти везде, и сейчас с отчаянием наблюдает за тем, как поток ветра уносит несчастных птиц в неизвестную сторону.

Элис возится с работой, а омега давно закончил. Наверное, дело в том, что он ещё не влился в коллектив и работы ему дают мало, чтобы не нагружать новичка. К тому же, не такой Кай и профессионал в электронных устройствах, чтобы его цепляло. Как и большая половина работников их мира, он делает только из-за своего положения и зарплаты, старается не для себя, а для общего результата, чтобы не позорить офис и коллег.
Хотя бы здесь он может быть кем угодно, потому что его примут любым.

В стекле отражается потная работа бет и альф, на которых почти лица нет. Кай смеётся с каждого, потому что такая сосредоточенность выглядит со стороны даже жёстче, чем их состояние во время сражений. Пока есть время для того, чтобы подумать, сложить два плюс два, он погружается в воспоминания и тонет. Лица многих в корне отличаются от тех, которых он видел каждый день по утрам. Совсем не такие запахи, не такие черты и не такие взгляды, какие были у команды буквально день за днём. Здесь спокойные и дружелюбные, а там были родные.

Сложно сразу сказать, какими эти взгляды были именно, но самое главное, что родными.
Такие бы он ни с какими больше не перепутал.

При каждом воспоминании о былых временах гордость капризно топает ногой и швыряет в лицо хозяина толстым шрифтом распечатанные слова Гармадона. Кай бы давно плюнул, но он не может. Не может переступить через себя и сдаться, сказать прямо и собственными устами, что «да, ребята, я пиздец слабый омега, защитите, пожалуйста». Кроме того, что он пьёт таблетки и кроме запаха не изменилось в целом нихуя, по крайней мере, ему жить не так тяжело и невозможно, как обещали друзья. Вот он, живёт себе, даже умудряется давать коллегам пендали и посылать Сторма при каждом удобном случае. Он подозревал, что на новости его жизнь кончится, что начнётся другая, и отчасти это правда, но он всё ещё такой, каким был. Такой упрямый и злой на всех, кто раздражает, резкий на слово и упёртый до пара из ушей.

Сейчас только обида на слова друга и их отношение к этой ситуации является единственным, что не даёт парню сорваться с места сейчас же и кинуться друзьям на шею. Конечно, он скучает по каждому, скучает по дому и честно пытается представить, когда можно будет встретиться, но ему хочется справляться самостоятельно. Он может на своём примере показать остальным, что всё люди равны между собой, и вовсе необязательно лезть в чужое пространство под предлогом защитить и отгородить.

Стоит уже навострить уши и ждать какой-то новости о Джее от Надакхана с Морро, когда альфы вернутся на место. Кай не думает, что могло такого случиться, раз их нет уже около двух дней, но сердце ускоряется и бьёт не жалея, заставляя шатена входить в тупик. Как бы он сейчас ни мечтал о смерти Морро, помимо злых мыслей внутри вертится волнение, покалывающее в пальцах.

Пошёл этот Сторм к чёртовой матери.

Омега прислоняется к подоконнику и всматривается в даль, куда-то за огромные здания, одновременно прислушиваясь к внезапному голосу по телефону и вздоху уставшей Элис. Бета едва не валится с ног, говорит короткое «одну секунду» и тащится к стойке. Парень удивлённо оборачивается и бежит к девушке, нагоняя у самых полок.

— Нет, нет, иди давай, я справлюсь, — отрезает мастер огня и отводит коллегу обратно к её столу, усаживая на кресло. — Хочешь на части разорваться, сумасшедшая?

— Ой, Кай, какой ты хороший, — на автомате хвалит девушка и прикрывает глаза. — Две кружки кофе.

— Совсем больной, — хмыкает Кай и достаёт две кружки для напитка, прикладывая ладонь к чайнику. Одновременно бурча себе что-то под нос, он разливает кипяток и открывает упаковку сильнопахнущих кофейных зёрен. Вдыхая приятный аромат, омега задумывается, почему до этого не замечал его и не делал себе, досыпает сахара полтора ложки в каждую чашку, перемешивает и хмурится. — С молоком или бе... ай, плевать. Надо будет, подождёт, пока остынет.

— Зато для Морро он ни песчинки лишней не кидает, — полушёпотом говорит сидящему рядом Льюису Робби и тыкает того локтём в бок. Кай поднимает на него взрывоопасный взгляд и без лишних мыслей показывает средний палец, осторожно поднимая поднос и направляясь в сторону дверей.

— Вспыльчивый малый, — смеётся Роберт и возвращает внимание к

компьютеру. На секунду мысли о работе пропадают, но потом снова сваливаются на плечи, и становится не так смешно.

× × ×

Больше двадцати минут.

Омеги нет больше двадцати минут, и коллеги уже сворачивают свои обязанности, оставляют незаконченное на завтра, потому что рабочее время подходит к концу, но никто не спешит. Робби отшучивается вместе с Льюисом и тыкает в экран смартфона, Нора с сестрой обсуждают новую линию одежды, Зак вместе с Тони проверяют, все ли нормально выключили свои компьютеры, и только Элис медлит, поглядывая на дверь.

Странное чувство тревоги заполняет тело и требует пойти за омегой, убедиться, что всё в порядке, потому что обслуживание начальника секретарём длится максимум пять-семь минут. Сколько за время работы Смит попадал в неприятности, даже не прикладывая особых усилий, но тогда было объяснимо. Тогда было начало прямой вражды между мастером огня и мастером ветра, добром и злом, которым приходилось встречаться в одном кабинете, как в поисках гармонии между хорошим и плохим. Вряд ли парень мог натворить что-то с совершенно чужим человеком. Возможно, он сел поболтать или отлучился в уборную, может, снова пролил на себя что-то и остался отмывать очередное пятно.

Если бы Кай не был омегой, а мужчина в кабинете — альфой, заглядывающим почти каждым встречным под юбки, все вышеперечисленные исходы можно было бы считать правдой.
Ещё секунда, и полетит крыша, не выдержит под собой горы неприятных мыслей о том, что же могло произойти.

— Что за Одли? — не выдерживает она и привлекает общее внимание. Забавно, что буквально недавно она сама спокойно отвечала на этот

вопрос, но сейчас тех знаний, что она имеет, недостаточно для прошлого умиротворения.

— Кретин, — хохочет Робби. — Не такой, как Морро, конечно, но не далеко ушёл. Хочешь поближе познакомиться с ним?

— Не советую, Эль, он урод, — серьёзно говорит Бетти и качает головой.

— Я не об этом, Кая долго нет, — вздыхает девушка и приседает на край стола.

— Ну пофлиртовал он, может, и всего. Он не настолько ёбнутый, чтобы лезть к Смиту и на что-то надеяться, зная его характер.

— Кай собирался уходить. Я думаю, он покинул офис сразу же, как унёс кофе, или появились срочные дела за пределами этого места, из-за которых он не успел попрощаться, — успокаивает Антонио и закидывает сумку через плечо, направляясь в сторону дверей. — Вы как хотите, а я домой.

— Я с тобой, гений! — кричит вслед альфе Робби и, хлопнув Льюиса по плечу, подрывается к выходу, как буквально ловит в руки ввалившегося в помещение мастера огня.

Элис тянет улыбку и тяжело вздыхает, но замирает вместе с остальными, когда слышит от Робби взволнованное «что случилось?».

Омега будто напуганный сразу несколькими ужастиками, крутящимися на канале круглосуточно.
Тяжело дышащий, словно с бронхиальной астмой, едва сдерживающий стучащее по груди сердце. Парень пытается взять себя в руки, пытается ровно стоять на ногах и не показывать того, чего хотел бы меньше всего, но просто не получается. Нервы внутри поочерёдно лопаются, взрываются с грохотом, потому что Кай не понимает, почему так шумит в ушах. Омега до невозможности дрожащими руками держится за ладонь беты и одновременно собирает

пальцами кровь из носа, прижимает, чтобы остановить. До боли жмурится.

Из всего этого букета, пахнущего ближайшей истерикой, одна единственная внутренняя борьба с собой, со своей *слабостью*.

— Кай, что стряслось?! — подбегает к омеге Элис и помещает его щёки в свои ладони. — Кровь, Кай, откуда? Это он сделал?

— Давление, — мастер огня выравнивает голос и усиленно хватается за коллегу, чувствует, что без опоры повалится на землю. С какой лёгкостью он бы сказал, что всё в норме, но сейчас сердце едва не пробивает грудь кувалдой, давая ограничение на жизненно необходимые вдохи.

Девушка застывает на месте и расстёгивает две пуговицы на рубашке друга. Игнорируя сопротивления омеги, она с замиранием сердца рассматривает красные круги, отпечатки пальцев и губ, где-то зубов, ногтей. На руках кожа красная, вся словно обожжёная, такая испорченная и кем-то облапанная, что становится тошно.

Какой сильный и целеустремлённый Кай.

И какие же беспредельные, неправильные и никак ему не подходящие следы, олицетворяющие уродство.
Ультра-насилие.

На лице никаких следов от побоев. Поднялось давление. Удивительно было бы ему не подняться при этих глазах, в которых ничего, кроме животного испуга. Парень уже сжимается, потому что внутри так ломит, что лёгкое головокружение кажется разрушением всего внутреннего мира омеги, всей психики. Построенной кубиками вверх, приклеенными супер-клеем, а сейчас поломанной, разбитой, засщипленной на атомы. Нет дерзости и уверенности, с которыми он бы сделал хоть шаг, нет блеска в глазах, от которого можно было воспламениться. Это не Кай Смит, это загнанный в угол зверь, весь побитый и жутко напуганный, не способный отползти и на сантиметр

дальше от укрытия.

Всё мысли неприятно смешиваются, срастаются воедино и превращаются в огромную кучу. Парень потерялся в этом месте, он словно попал в лабиринт, и с разных сторон наступают чудовища, готовые сожрать. Где уверенность, где почти звериная дерзость и желание разбить обидчику лицо? По телу только мурашки и покалывающий холод, страх и волнение, дрожь, как при температуре за сорок, то, чего Кай никогда себе не позволял.

А дальше вдруг самое опасное, как атомный взрыв для омеги, способный уничтожить всё на свете, — едва блеснувшие на ресницах слёзы, о существовании которых Смит уже забыл. Нереальный ход событий, сюжетная ступень, что раньше не имела право даже на упоминание о ней. Элис замечает секундную слабость омеги и даже не задумывается, как поступить. Мельком глянув на остальных, она подтаскивает мастера огня к себе и позволяет уткнуться в плечо, чтобы ни слезы не показалось перед глазами кого-то, кроме них двоих.

— Ублюдок, блять, ёбаный, — рычит Льюис и с хрустом разминает пальцы, подлетая к двери и направляясь в сторону кабинета. Следом за парнем бежит Робби, едва успевающий проскользнуть в почти закрывшийся дверью проём.

Элис собирается приобнять мастера огня получше, как парень выпрямляется без единого намёка на слёзы. Он ладонями вытирает оставшуюся кровь, всё никак не перестающую течь, и прижимается спиной к ближней стене. Только сейчас он здраво смотрит на себя, на дико дрожащие ладони со следами от рук, и до разноцветных якорей перед собой жмурится. Глянув на красное плечо коллеги и её взволнованные глаза, он губами шепчет слова благодарности и, скатившись вниз, осторожно прикрывает лицо, давит пальцами.

Он не до конца, видимо, настрадался. Нужно было показать на практике, заставить пройти следующий круг ада, потому что чем тяжелее, тем лучше.

Нихуя подобного.

× × ×

Мужчина подкатывает мэра ближе к одному из компьютеров, остранённо стоящего подальше от остальных, кивает на благодарность и наблюдает за пальцами, почти парящими над этой клавиатурой.

Сколько дней Гармадон провёл в этом кабинете, как прибитый или вкопанный, как его настроение нормализировалось. Потраченные часы не прошли даром, послав на прощание воздушный поцелуй, как происходит в последнее время. Он почти не следит за действиями сына, только гордится недавно проваленной вылазкой Сторма, которой благополучно помешал зелёный ниндзя, в основном провожая все эти несколько дней здесь.

Отписав Мисако сообщение, что будет дома через несколько часов и что работа почти закончена, мужчина не может сдержать улыбки. В кабинете тихо и свежо, светло, а ещё пахнет самым настоящим, самым сладким успехом. Как пахнет успех? Свободой и счастьем, умиротворением, как лёгкий аромат цветов с утра из клумбы или кофе из кафешки напротив. Гармадон давно не ощущал ничего подобного, только давился своей бесполезностью, как сигаретным дымом, бездействовал и всё искал надежду на то, что всё наладится. На этот раз он вовремя подорвался с места. Не стал ожидать, пока дерьмо окажется под самым носом, не решил тянуть время, дожидаясь чуда. Много потраченных сил, нервотрёпка по полной программе, зато какой приятный результат.
Вот это и есть успех, его личный, приобретённый собственным трудом.

Вошедшая секретарша легко улыбается мужчинам и укладывает на отдельный от техники стол поднос с закуской и выпивкой. Сайрус сказал, что результат стоит отметить, и хоть раньше он не особо растаскивал алкогольные напитки, сейчас от счастья хочется всего и

сразу. Он благодарит коллегу и провожает расслабленным взглядом до выхода, после разворачиваясь к Гармадону.

— Дружище, нас можно поздравить, — начинает бета и прикрывает глаза. — Система и интернет надёжно защищены, поставлен пароль из десяти символов. Я клянусь, даже хакер со стажем в жизни не догадается, как взломать нашу систему и добраться до контроля над сетью. Даже он самый не способен на это, уж поверь мне.

— Без тебя я бы потерял голову, Сайрус, — смеётся мужчина и подтаскивает ближе выпивку, разливая по бокалам.

— Главное, что сейчас всё позади, — вздыхает Борг, отпивает немного и морщится от непривычного вкуса. — Мы вне зоны досягаемости, в таком положении нам ничего не грозит. Он неактивен, особенно без сети, которая нужна ему хотя бы для поддержания формы и связи с окружающим миром. Твой сын в безопасности.

От последних слов по телу Гармадона пробегает стадо мурашек, впитывается в кожу и больно давит, напоминая о своих грехах. Мужчина встряхивает головой и прикрывает глаза ладонью, массируя около височной доли.

— Я поступил ужасно? — вымученно улыбается он.

— Не все наши ошибки можно исправить, главное — понять и приобрести опыт, узнать, как правильно. Ты достаточно поел себя изнутри, — успокаивает его Сайрус и хлопает по плечу. — Сейчас всё позади, ему ничего не грозит, поверь мне. Мы сделали столько всего и добились такого результата, так что тебя тревожит снова?

— Дело не в том, избавились ли мы от этой проблемы, дело в том, что именно я её создал, — отвечает мужчина и мотает головой. — Я подверг родного сына опасности, — он с первого раза опустошает стакан. — чуть не потерял жену, а сейчас позволяю негодяям так издеваться над командой и городом. Вопрос: есть ли смысл и польза от того, что я вернулся сюда? Привёл целую компанию сумасшедших

психопатов, а как справиться с ними... я чувствую себя бесполезным.

— Кроме бездействия мы мало чем можем помочь, это уже дело наших героев, — бета наблюдает, как темнеет экран компьютера, и прикрывает глаза. — Мы остановили древнее зло, оборвав все пути к контакту с материальным миром и его жителями. Считаешь, этого мало?

Гармадон усмехается и медленно мотает головой. После усердной работы наступает умиротворение. Тело приятно ноет от усталости, а любые лишние мысли прерываются, не позволяют напрягать мозг ещё больше. Спокойно, потому что плохое действительно позади, потому что они перешагнули через этот булыжник на ровной дороге, и претендентов на город стало чуть меньше.

Сколько Гармадон помнит историю Ниндзяго, почему-то именно тот самый промежуток времени, именно встреча с *ним* приносила миллиарды проблем для всего мира. Тогда команда лишилась мастера льда, похоронила его и распалась, тогда будто пазл, который, наконец, собрали полностью, сломали об колено и разбросали по полу. Альфа помнит мрак, помнит пелену перед глазами, разрывающую любую едва появившуюся искру чего-то хорошего. Под властью тьмы, как болота, затягивающего с головой, под властью желания чем-то обладать он только и делал, что разрушал, наводил беспорядок, творил разруху. Он своими же чёрными, сгнившими до тошноты руками разрушил и детство своего сына, и юношество, не дал права повзрослеть, как взрослеют нормальные люди. Гармадон уничтожил жизнь своему ребёнку, даже не обделив выбором.

Готов был сражаться с собственным сыном за какую-то власть, за право быть впереди, за мрак, заполняющий каждую клетку тела с каждым разом всё больше, быстрее.
Он самый отвратительный отец.

Всё вокруг думали, что он изменился, что он за них и с ним только больше шансов на победу, а Гармадон сам заставил судьбу посмеяться.

Одного раза было мало, так он пошёл на такой шаг снова.
И сейчас вновь мог бы уничтожить последние крупицы нормальной жизни сына, последние его надежды на счастливое будущее.

Мужчина отворачивается к одному из компьютеров, поставив стакан так, чтобы Сайрус налил снова. Он быстро отписывает Мисако, благодарит за пожелания и обещает спокойные выходные наедине друг с другом. Альфа думает, что было бы здорово забежать к Ву, пройтись до дома сына. Доказать себе, что он всё ещё отец? Всё ещё хороший? Он бы доказал всему миру, он сейчас это и сделал, только незаметно и только наедине с Боргом. Если он сможет помочь Ллойду хоть в чём-то, то он точно поможет, потому что больше не собирается повторять прежних ошибок.

Как жаль, что ошибки сами собой никак не исправляются.

— Так быстро темнеет.

Мужчина дёргается в сторону и с ужасом распахивает глаза, чуть откатывая локтём коляску мэра. От неожиданности сердце словно просыпается, и до этого спокойное превращается в бешеное, пиздец какое сумасшедшее, пробивающее грудную клетку. Голос прямиком из его личных кошмаров, глючный, шипящий, как из телевизора, но проникающий в самые недры. Как черви, обгрызающие кожу и вызывающие дикий холод, как батарея, заряжающая сердце вместе с животным страхом.
Он с этим голосом готов был убивать, он с ним погружался в самое отвратительное подсознательное море, на самое дно, где только слепая ярость и давящее желание уничтожать.

Он здесь.

Он всё-таки вернулся.

— Что? — шепчет Борг и быстро мотает головой. — Мне что... показалось? Ты ничего не слышал?..

Бета тянется к плечу старого друга, пытаясь отдёрнуть к себе, но дёргается и отъезжает вместе с коляской к самой стене, когда сразу несколько компьютеров взрываются. Гармадон ударяется плечом и боком об пол, а ударная волна заставляет лопнуть губу. Пламя почти добирается до виска, но стреляет чуть выше, и мужчина, выстанывая что-то от боли, чувствует, как по голове быстро скатывается собственная кровь.
Альфа что есть силы щурится и пытается поймать взглядом мэра, что расплывается перед глазами.

— Хозяин снова дома, — звучит басом, как молнией по голове. Властно, больно, тяжело, заставляя сердце замирать и болезненно сжиматься.

Ещё целые компьютеры искрятся и выводят мигающий экран, словно заражённые вирусом. Искры летят в сторону Гармадона, но мужчина отползает к стене, слышит как через толщу воды обеспокоенный голос Сайруса и быстрые шаги охраны за дверьми. Руки будто связаны, сжимают каждую конечность, не позволяя сдвинуться с места. Голова гудит, будто двигатель автомобиля, мозг вскипает, дрожит, готовый взорваться на миллиарды кусков. Никого поблизости нет, только дым и давно исчезнувший голос, но всё будто наоборот. Будто кто-то держит за ноги, тащит в сторону компьютеров, в сторону дыма и запаха гари, в этот цифровой мир, а оттуда прямиком в пекло.

Болевой шок затмевает разум вместе с поднявшимся шумом, что стреляет по ушам и обрывает слух, доводит до исчезновения, до появления громкого писка и шипения. Всё вокруг теряется, кружится и ураганом становится чем-то несуществующим, чем-то одним, ничего не дающим. В висках отдаёт дикой болью, как выстрелом прямо с двух сторон, тело словно чужое, не подлежащее контролю.

Больнее ли атака физическая, или моральная выигрывает, он просто не понимает.

В голове горячее, пропитанное горечью и ужасом «ты проиграл», что разрезает альфу на несколько частей. Ещё одна вспышка боли отдаёт в

плече, как сильный удар, пробивающий насквозь. Каждая частичка разума, что ещё не исчезла под пеленой боли и усталости, твердит только одни слова. Мужчина не рассчитал, не справился, не защитил, когда готов был стараться до потери пульса. Он давит бурлящую ненависть за неправильное решение в прошлом, а она всё сильнее, её всё больше, почти полное тело, рассыпающееся от любого лишнего движения.
Гармадон замечает только пикселями выведенную бумагу с договором, которая снилась ему в кошмарах, подпись его собственной рукой ярко-красным, а потом погружается в глубокий сон, откидывая голову назад.

«Встретили так себе, даже не улыбнулись. Как малыш Ллойд поживает?»

eighteen. mine

***

В кабинете тепло и пахнет виски, раскручивая и путая в голове все размышления. Маленький холодильник полон алкоголя до самых краёв, бутылки словно приготовлены для кризиса или апокалипсиса, но в целом выступают для альф и экстренной помощью, и лекарством от всех болезней. От скуки в том числе. Окна пропускают лишь толстую полоску света, позволяют ей ложиться на стол и холодный пол, греть собой это тёмное помещение.

Морро вышел «на охоту» с утра. Когда врач подтвердил, что пуля не доставит больших проблем и дискомфорта альфе, он попросил о выписке сразу. Он стоит на ногах и даже уверенно ходит, но бедро отдаёт ноющей, иногда стреляющей болью, из-за чего в какой-то мере приходится прихрамывать. Сторм хвалит своё положение и ситуацию, сложившуюся с его способностями, потому что, вообще-то, ветер, хоть и слабый, но всё ещё при нём, и он прекрасно проходит через стены, лишая себя материальной опоры в виде тела. В прошлый раз, когда приходилось изображать жертву возле Мисако, он пострадал не меньше, но именно его способность помогла ранам зажить. Он не ныряет в правду и не ищет этому объяснения, просто принимает себя такого, полумёртвого, и ему здорово.

Сторм второй раз подряд вдыхает уже родной запах и проходит внутрь. Надакхан идёт за ним, словно хвостом, и то и дело хватает за руку или за плечо, когда альфа опасно дёргается или кривится. Брюнет просто устал посылать друга куда подальше со своей заботой, как матери к ребёнку, поэтому смирился. Джин сильный и высокий, у него за спиной несколько сотен лет (хоть выглядит на тридцать), и Морро доверяет ему. Нет мысли или больного предчувствия, что Хан способен ударить в спину. Он рядом даже тогда, когда Морро этого не просит, он придерживает, чтобы несчастный раненый не распластался по полу, тогда вряд ли должны оставаться какие-то сомнения. Под

благополучное сопровождение брюнет добирается до стола, пусть нога почти не болит, и усаживается в кресло, вымученно прикрывая глаза.

— Снова на своём месте.

— Ещё бы, — Сторм медленно растягивает улыбку. — Я в полном расцвете сил и готов ебать всех дальше, так что там с нашими коллегами?

Надакхан опускается на любимый всем сердцем диван. Он невыспавшийся и будто сидящий на иголках, весь вымотанный, будто вместо сна бегал по городу.
После ночи с Джеем альфа в особняке появлялся только частично, и даже в такие моменты с бетой не удавалось контактировать. Прислуга только докладывала, что парень лежит днями напролёт и почти ничем не питается, сходил в душ только один раз и больше не хочет ничего и никуда. Почему-то мужчина не находил в себе смелости заходить в комнату и встречаться с младшим взглядом. Как будто он уже благодаря интуиции точно знает, что ничем хорошим их встреча не закончится, хотя бы потому, что в злосчастный вечер гордость беты сломалась вовсе не беззвучно.

Надакхан заглядывал вчера, когда собирался ехать к Сторму и узнавать о выписке. Тихо прошёл по коридору, постоял перед дверью около двух секунд, словно решаясь, и только потом сунул голову в комнату.

Джей там словно навсегда застывший, словно умерший. Бета всё не вылезает с постели, хотя это место напоминает о случившемся больше всего, лежит и только иногда двигается, когда затекут конечности или быть в одной позе окажется невыносимым. Альфа искренне пытался понять, что между ними происходит, что чувствует Уолкер и почему на душе так хреново, но всё не получалось. Он всегда просчитывал всё заранее, словно читал будущее и запоминал, знал своего врага, мог предугадать его решения и действия, а с Джеем опять тяжело. С ним, будто на войне, с ним каждый день был обстрелом, а сейчас вдруг вылетел снаряд и взорвался между ними, сделал невероятно огромное расстояние. Надакхан хочет ступить, но не рискует. Чувствует, что,

стоит шагнуть, и полетит не одна бомба, а сразу несколько.

Тогда от него ничего не останется.
Джея тоже заденет.
Уже.

Морро вскидывает брови и смотрит на друга в ожидании, а он просто не может. Просто внутри себя, внутри своего минного поля, и одно неправильное движение оторвёт ему ноги. Разум говорит, что нужно время, что он получил желаемое и может плюнуть на это дело, оставить Джея в покое, а сердце, а тело… Тело хочет ближе, хочет тепла беты, хочет его максимальной близости. Каждое утро начинается с представлений Уолкера рядом, каждая минута, когда голова ничем не забита, переполняется холодом, потому что тепло ощущается лишь наедине с бетой. Хочется коснуться мягкой кожи, хочется сделать самое бредовое — поцеловать каждое пятнышко веснушек, хочется, чтобы руки не ныли без объятий, не пустовали. Надакхан собирался избавиться от желания обладать мастером молнии, а в итоге понимает, что нихуя подобного.

Потому что он поставил метку. Потому что он грёбанный собственник, агрессивный мутант, который, не считая злости за проваленное задание и ранение Сторма, побоялся, что парня со смешными кудрями и непробиваемой упёртостью барана заберут обратно.

Он чувствует вину за то, что было, но сам себе этого не признаёт. Альфа уверен, что переболит, что всё скоро закончится и этих противоречивых чувств, сдавливающих грудь, не будет. Джей не достоин сидеть внутри него, не достоин распоряжаться его мыслями, занимать их, быть их главной звездой.
Джин не способен на любовь, не способен чувствовать вину и убиваться из-за неё. Он любит власть, любит оказываться причиной чьих-то страданий, любит управлять людьми только так, а значение любви для него замазано белым.

— Уолкер, — произносит Морро, вытягивая друга из размышлений.

— Что «Уолкер»? — спрашивает мужчина и вытягивается во всю длину. Прочищая горло, он сразу тянется к холодильнику, обещая себе, что скоро сопьётся.

— Ты о нем думаешь? — спрашивает Сторм, поглядывая исподлобья. — У тебя на лице всё написано.

Хан задумчиво молчит, потому что считает, что ответить нечего. Если Морро догадался, нет смысла спорить и отрицать очевидное, когда самому было бы легче открыться и поговорить об этом. Он продолжает усиленно выбирать бутылку, достаёт необходимую и разливает в два стакана, заранее оставленных на верхушке холодильника.

— У любви, как у пташки крылья, её нельзя ни-икак поймать… — начинает напевать Морро и игриво качает головой.

Джин молча одаривает его мрачным взглядом и вызывает откровенный смех, когда, в свою очередь, готов вот-вот умереть.

— Ты знаешь, когда мне хочется подумать о Смите, я о нём думаю, — начинает рассуждать Сторм, вытягивая руку к своему стакану, что передаёт ему мужчина. — Как тебе сказать… у меня болит эта ебучая метка, и я не могу о нём не думать. Когда сильно приспичит, я жму на эту чудесную кнопочку и гоню его сюда с чаем. Ненавижу чай, никогда его не пью. Смекаешь?

— Всё у тебя легко, — фыркает джин, устремляя взгляд в потолок. — Как ты смирился с этим дерьмом? Тебя не смущает будущее, не волнуют ваши отношения?

— А ваши с Джеем отношения тебя волнуют? — спрашивает Морро и, замечая сокрушение в глазах друга, понимает, что выстрелил точно в цель.

Хан некоторое время пялится в одну точку, готовый лопнуть от перенапряжения, а потом резко меняет выражение лица на повседневное и поднимается с места, начиная расхаживать по

кабинету.

— Недавно мы заключили договор с одной знакомой организацией по выплавке железа, — начинает в будничном тоне Надакхан. — Наняли на десять процентов больше рабочей силы. Одли позаботился об этом, разобрал свои связи и нашёл нам нескольких рекламодателей, которые могли бы устроить нам отличную рекламу. Возможна даже реклама по телевидению…

Морро усмехается на игнорирование своего вопроса и решает закинуть эту тему на потом. Надакхан пропускает в кабинет секретаршу с папкой бумаг, забирает её, благодарит коллегу и кладёт перед Стормом, тыкая пальцем.

— Договор.

Морро внимательно изучает бумаги, а пока кивает и позволяет альфе продолжить монолог, буквально с каждым предложением улыбаясь всё шире. Дела идут в гору, идут с примерной скоростью и обещают альфам успех. Почему-то именно с поднятием авторитета Морро может быть уверен в дальнейших планах, потому что это доверие, это власть и популярность среди этого города. Сторм помнит каждое злое дело, он самый злопамятный человек из всего Мира Проклятых, и после побега из склада Чана дойти до задуманного хочется только больше.

Он устроит такую месть, что не только его врагам, но и товарищам станет до усрачки страшно.

— Я совсем забыл про малыша Одли, — демонстративно вздыхает Морро и громко щёлкает мышкой. — Я знаю, что ты не полностью его контролировал здесь, и мне интересно, как он работал и что полезного сделал. Помимо того, что ты рассказал, конечно. Может, он сюда шлюх своих таскал, на моём столе трахался, а я сижу и руками всё трогаю, — продолжает он и кривится. — Мерзость…

— А у тебя, я смотрю, всё должно быть под контролем, — усмехается

джин, и Морро вертит ладонью в знак «пятьдесят на пятьдесят». — С рекламой у нас будет сделана уже половина всей работы здесь. Я уверен, уже большая часть города относится к нам нейтрально, если не положительно. Глупо, но их глупость нам в пользу.

— Несомненно, — отстранённо соглашается брюнет и жмёт на кнопку пуска, слегка отматывая запись. Надакхан вновь опускается на диван и продолжает размышления чуть тише, темы начинает менее значительные, пока Морро рассматривает камеры наблюдения.

Альфа внимательно слушает разговоры Одли с людьми, которых приглашал в кабинет, слушает его, обговаривающего что-то по телефону, высматривает, какие бумаги подписывает и в какие папки раскладывает. Он отмечает, что мужчина не такой дурак и свою работу знает на отлично, и думает, что на этом всё, но улавливает на записи Смита с подносом в дверях. Он не может не узнать, хочет глянуть на парня снова, осмотреть и оценить его... отношение к другим мужчинам? Он соскучился, и даже мелькающий силуэт с кофе может позволить его настроению возрасти в геометрической прогрессии.

Или вряд ли.
Весьма вряд ли, когда взгляд Одли меняется с безразличного на заинтересованный.

Омега смешно хмурится, когда дверь перед ним снова закрывается, и толкает её бедром. В кабинете кажется неуютно и словно сухо, потому что Кай чувствует дискомфорт ещё на пороге. Он морщится, когда в нос ударяет неприятный парфюм — точно не Сторма, — и проходит внутрь, осматривается и останавливается в центре кабинета, стоит столкнуться с глазами напротив.

— Вот это везение, — присвистывает Одли и осматривает парня с ног до головы. Он его узнал, они оба друг друга узнали. Альфа словно ждёт, когда мастер огня прижмёт уши с хвостом и сбежит отсюда, но Смит, словно скала, назло всем ожиданиям проходит дальше и опускает поднос на свободное место на столе.

Кай разворачивается, чтобы сдержанно поклониться и уйти, но мужчина, оказавшийся у дверей, щёлкает замком, как в доказательство своих намерений. Сложно не догадаться, что альфа просто пытается напугать парня своим положением. Наверное, этот приём подействовал бы на кого-то другого, но Каю, пусть и страшно, настолько плевать, настолько не хочется снова растаптывать свою гордость, что он лишь приподнимает брови. Вздёргивает подбородок, словно победитель по жизни, и смотрит на мужчину с вызовом.

— Дверь не открывается? Может, помочь? — спрашивает он, но в целях безопасности держит дистанцию.

— Почему же, тебя ничего не смущает? — ядовито улыбается Одли и прячет широкие ладони в карманы брюк, пока мастер огня, отлично вливший в такую необходимую сейчас роль стервы, приседает на край стола и складывает руки на груди.

— Смущает. Запах, — отвечает омега и вновь искривляет лицо. — Отвратительно пахнет, Вы где этот парфюм брали? На помойке?

— Хамишь мне?

— Я просто с Вами искренен, а ещё мне нечего относиться к Вам, как к своему боссу, — спокойно отвечает Смит и щурится. — Вы хотели кофе? Очень вкусное, его запах — кайф, пьёте и радуетесь. Я сделал свою работу, так с какой стати Вы задерживаете меня?

Посходит минуты три, как альфа отрывается от пола и уверенно, но медленно шагает к шатену, пока не оказывается за метр от него. Словно и не желающий прелюдий, он упирается руками по обе стороны от омеги и всматривается прямо в глаза, давит взглядом до боли в груди. Парню не нравится близость, не нравится запах чего-то плавленного и его упрямство. Остатки уверенности так и машут ему на прощание, и зверь внутри, поджав хвост, покорно ложится и смотрит снизу вверх. Вся дерзость летит нахуй и не оборачивается, оставляет наедине с кошмаром, со зверем, который голодный.

От вида клыков Каю больше не смешно и не всё равно. Ему страшно, он удивляется, как не дрожат поджилки, как не сбивается дыхание, когда альфа рядом, смотрит в упор и дышит в лицо.

— Я не нашёл беглеца, — пожимает плечами Одли и с отвратительным для мастера огня наслаждением вдыхает сладкий запах крыжовника с лаймом. — Мой мальчик убежал и не вернулся. Я искал неделю, две, а его всё нет и нет. Я сижу, скучаю по нему, а от него нет и весточки. Помнишь ли ты, что я обещал тебе тогда?

Омега отводит взгляд и с замиранием сердца вспоминает ту ситуацию на дороге. Кай до этого думал, что ему вообще поебать и бояться совершенно нечего, но сейчас, в закрытом кабинете и наедине с альфой, который так и не нашёл своего омегу, по коже вихрем пролетает холод, заполняющий все тёплые уголки.
Парень понимает, что становится тяжело дышать. Он начинает отодвигаться и подниматься, чтобы уйти в сторону, но мужчина наступает, и он не может и двинуться.

Альфа устраивается между колен омеги и подтаскивает ближе к себе за бёдра, а зверь Смита верещит и теряет силы, в глазах парня темнеет, взрываются звёзды.

— Если не отойдёшь сейчас же, я оторву твои руки и засуну их тебе в задницу, — серьёзно говорит Кай, но с ужасом замечает, как начинает дрожать голос.

— Только угрожать и хамить умеешь. Омеги так себя не ведут, — фыркает мужчина. — Таких знаешь, как у нас воспитывают? До состояния покоя…

Смит хватает за спиной горячую кружку и брызжет кипятком альфе в лицо, заставляя отшатнуться на пару шагов. Одли вопит и хватается за лицо, начинает интенсивно тереть ладонями, будто иначе кожа покроется уродливыми ожогами, а шатен соскакивает со стола. Буквально на пути к двери мужчина ловит омегу, уже с нескрываемой

грубостью опрокидывает обратно на стол и позволяет проехаться по оставшейся чашке с кофе спиной. Кай теряется, в спине жжёт и болит, словно кожа кричит от невозможных мучений, и только свалившиеся на пол бумаги приводят в чувство.

Альфа давит на запястья, сдавливает их ногтями, около минуты разглядывая лицо перед собой, а потом опускается и припадает к шее. В голове сразу тысяча приёмов, до этого отлично спасающих в такой ситуации, подрываются и исчезают, так бесследно, словно их и не было. Телу жарко, тело дрожит и само не знает, чего хочет. То ли остаться и поддаться, сгореть здесь окончательно и упасть пеплом, то ли исчезнуть и оказаться наедине с… Джеем, с Ллойдом, с Нией или родителями. С Морро. Морро бы точно помешал, Кай понятия не имеет, почему сейчас уверен в этом, но укрылся бы даже за спиной своего врага, лишь бы не плавиться под дыханием мужчины. Смит дышит через раз и всё пытается ускользнуть, чувствует, как близка паника, как истерика взорвёт всё изнутри, дёргается, но он слабее. Впервые.

Мужчина расстёгивает две пуговицы под угрозой их оторвать, тянется к плечу с ключицами и начинает их кусать, давить пальцами, словно сейчас кожа омеги раскроется. Он рычит в нетерпении, проводит носом по шее и рывком подтаскивает к себе мастера огня, больно давит на плечи, на запястья, игнорирует нехватку воздуха парня. Кай задыхается под напором и будто умирает, глаза щиплет от противной, ужасающей беспомощности, от обиды, от разрыва этой его неприкосновенности. Он пытается оттолкнуть старшего ногами, но оказывается всё ближе, чувствует стояк альфы, так отвратительно дурманящий разум.

Омега собирает все последние силы, пока сердце не поломалось и не развалилась на части. Выгнувшись в спине и сунув руку под неё, он намертво хватается за край железного подноса и со всей силы бьёт по голове мужчины.

Животный страх.
До ужаса дрожащие руки, словно не его, словно чужие, и такое

учащённое дыхание, что едва хватает кислорода.
Омега побывал в кошмаре, где его вот-вот бы убили, побывал там, где рассчитывал побывать меньше всего.

Одли с грохотом падает на пол. Парень обессиленно сползает следом, нервно мнёт пальцами ковёр и неотрывно смотрит на угол подноса, красный, спасительный.

Ёбаный Ллойд Гармадон, который ни секунды не ошибался тогда, когда говорил, как мастер огня слаб. Как обещал ему сидеть дома и греть заднее место в безопасности, прятаться за спинами родных людей, а не оказываться на грани изнасилования. В объятьях альфы жутко и больно, в них страшно, непредсказуемо, неправильно, очень тяжело. Каю плевать на уверенность, плевать на гордость, которая всё-таки упала, раздробилась и покрылась трещинами. Ему только оказаться в объятьях друзей, в объятиях Ллойда, и снова пролить литр слёз, признаться, как же ошибался.

Парень пытается прийти в себя ещё минут пять, но не справляется. Поднявшись с места, он агрессивно застёгивает пуговицы обратно и скрывается в коридоре, оставляя мужчину без сознания одного.

— Ёбаный в рот, — откровенничает Надакхан, поднимая брови, а воздух в кабинете такой тяжёлый, что давит в грудь.

Тихо, ничего не слышно.

Кроме зверя Сторма, что от увиденного так громко рычит, так бьёт лапами, что обрывает цепи за раз.

Морро ещё несколько секунд смотрит на лежащего без сознания Одли на записи, прожигает взглядом, расчленяет и сжигает в огне в мыслях, а потом с характерным звуком ломает пополам карандаш. Джин словно чувствует ярость и замирает, не смеет попадаться под руку, потому что знает, что сильно достанется.
В омутах альфы такие черти водятся, что не сжигают всё вокруг, а

сжигают друг друга, горят и оглушительно смеются.

Чёрная аура расползается по всему кабинету, как туман. За окнами усиливается ветер, готовый сбить собой даже фонарные столбы, то затихает, то вновь ускоряется, пугает прохожих. Сторм медленно поднимается с места и переводит мёртвый, совершенно неживой взгляд на дверь. На стол. Где буквально недавно пытались изнасиловать *его* омегу, где собирались забрать его собственное, его личное, где запачкали чистое, опечатали невинное. Одли в голове Сторма разрезается этим подносом, подыхает в мучениях, тонет в толще земли, из которой не выберется даже в ад. Одли так страдает, что не просто не выживает, совсем не существует, и Морро знает, что это не просто мечты. В руки, которые касались давно неприступной кожи Смита, будет сразу по несколько пуль, губы высохнут, покроются кровью, Сторм устроет.

Метка не болит, метка молчит и будто забывается, не в ней дело. Морро бы даже с одними костями готов был пойти на всё, лишь бы к Каю не прикасались.

В душе он не ёбет, каким образом омега так на него влияет, но он за него порвёт. По крайней мере сейчас, тогда, когда ярости больше, чем крови в теле.

— Морро, — наконец, зовёт Хан и хмурится.

— Разбери бумаги, — бросает он так холодно, что леденеют поверхности в кабинете, леденеет кожа, сердце. Альфа достаёт из тумбы пистолет и, сжимая челюсти, щёлкает им, перезаряжает, осматривает на наличие патронов и, убеждаясь, что есть все шесть, толкает дверь и скрывается за ней.

× × ×

Смит выскакивает с лестничного пролёта и встречается взглядом с

номером палаты, будто видит в первый раз или просто пытается запомнить. Руки саднят, и омега совсем не задумывается о здоровье своей кожи, когда усиленно чешет её под длинными рукавами толстовки.

Ему даже не страшно, не стыдно встречаться взглядом с другом после того, как он ушёл, просто ничего не хочется. Он выдыхает раз за разом, резко и быстро, пытаясь убедить себя в том, что уверенность никуда не ушла, но выходит ужасно. На каждом шагу преследует эта тревога, угроза, заставляющая парня желать сжаться до маленького комка. Сколько парень ни пытается собраться, он возвращается в один единственный кабинет и задыхается от нехватки кислорода, личного пространства и свободы. Что-то мешает думать, мешает нормально мыслить. Смит растерян и сравнивает себя с мокрым щенком под дождём, который рассматривает прохожих своими огромными непонимающими глазами, выглядывая из-под коробки, и ждёт, когда его согреют, встанут на защиту.

Пока что никого нет.
А коробка всё меньше, всё холоднее.

Омега открывает дверь и делает несколько шагов внутрь, осматриваясь по сторонам. Взгляд падает на Баккета, что вполголоса заигрывает с медсестрой, и на его перебинтованное плечо, от которого сжимается сердце. Он так и стоит в проходе несколько минут, наблюдая за голубками со стороны. Вновь погружаясь в омут своих мыслей, в голове внезапные воспоминания об их общих посиделках, и Кай пропускает тёплую улыбку. Улыбка Коула — маленькое солнце, выход в огромной горе, пробитый его сдержанным очарованием.
Кай забыл их улыбки, с которыми выбирался из любого дерьма. Сейчас при виде друга так тепло и легко на душе, что за дверью не коридор больницы, а пропасть, и он больше не хочет туда возвращаться.

Молоденькая омега вовремя замечает мастера огня и мило ему улыбается. Флирт прекращается, пропуская в палату глубокую тишину, что прерывается лишь ударами каблуков девушки по полу, и Коул

встречается с шатеном взглядом. Тепло просачивается сквозь кожу, греет, будто огромными батареями. Смит пропускает выскочившую девушку и моргает от хлопка двери за собой.

— Ну и что стоишь, как не родной?

Теплые, родные руки, приглашающие в самые безопасные объятья, и в груди так колет, что кислорода опять мало. Кай бы вышвырнул свои лёгкие в урну, потому что нихуя они не работают, что он здесь почти мёртвый, но какого-то чёрта держится на ногах. Мастер огня позволяет себе нервную улыбку, подобную известию об нежданной истерике, но не хочет стоять, хочет упасть на пол. Коул сразу подозревает что-то неладное, когда видит едва заметную пелену слёз в глазах, знает, что скоро она исчезнет, поэтому пытается уловить всё, пока друг не нацепил маску.

Хоть пошути.
Скажи что-то, разряди обстановку, покажи себя, ты же так это любишь.

Омега молча проходит к койке. Опустившись на стул рядом, словно тяжёлый груз, упавший на землю, парень ложится на грудь альфы и прикрывает глаза. Жмурится до кругов, а что делать? Плакать он не станет, плакать больше нельзя. Сейчас, буквально минута, и чувства перестанут бушевать, уничтожая всё внутри. Никаких слёз не будет, никакой боли и тревоги.
Только слишком поздно Кай понимает, что он не может быть сильным с одним только своим желанием.

Омег нужно защищать, иначе они сломаются, а его никто не защитил. Он ведь сам отказался от этой защиты, сказал, что постоит за себя сам, но сейчас такой отвратительно напуганный, что прошлые слова беззвучно рассеиваются.

— Что случилось? — осторожно спрашивает Коул и пытается заглянуть парню в глаза. Кай молча мотает головой вместо «ничего не случилось» и легонько водит по бинтам на сильном плече, обводит

какие-то свои узоры и ровно дышит. — Я не узнаю тебя…

— Устал на работе, — грустно усмехается омега и поднимает на друга более-менее собранный взгляд. — Серьёзно ранил? — он кивает на его плечо.

— Ещё неделя, и я как огурчик, — отвечает мастер земли. Словно под колыбельную, он прикрывает глаза и чувствует наслаждение от такого молчаливого спокойствия. Смит не плюёт им в лица и ни в чём не обвиняет, не поднимает шум, а лежит здесь на его груди и разделяет с ним тишину. Баккет знает, что омега так поддерживает, но такая немногословность пугает парня до чёртиков. Он хочет уверенности и гордо вздёрнутого подбородка, хочет прежнего Кая, а перед ним его обломки.

Парень собирает себя, он не будет оставаться обломками чего-то навсегда, но так медленно, осторожно, будто что-то действительно случилось.
Тихий, напуганный омега в поисках поддержки...

— Ты почему под стрелы скачешь? — уже с недовольством спрашивает мастер огня, когда резко выпрямляется и пугает альфу. — Решил время до своих похорон скоротать? А если бы стрела чуть правее и выше прилетала?..

Или не тихий.
И почему вообще напуганный?

Кай не успевает проследить за рукавом, задравшимся чуть выше запястья, зато успевает Коул. Альфа вдруг становится серьёзнее, лицо каменеет, а глаза прожигают взглядом красные пятна, от которых сжимается сердце. Столько мыслей, но одна совсем не лучше другой. Баккет ловит руку друга до того, как тот её отдёргивает, и подносит ближе, разглядывая запястье со всех сторон.

— Что это? — он поднимает глаза на омегу.

«Вы были правы, этот мир ужасен!»
«Заберите меня отсюда, заберите и не отпускайте, я не переживу этого больше!»
«Я устал, я не хочу больше, мне страшно!»
«Защитите, я нуждаюсь в вашей защите сейчас!»
«Верните меня к себе, пока я ещё целый, пока на моём теле не так много порчи, пока кожа ещё светлая, нетронутая!»
«Моя спина без ваших плеч открыта!»

— Обжёгся недавно, когда помогал отцу, — сквозь оглушительный внутренний крик говорит парень, потому что гордость душит, не даёт место жалости к себе, и осторожно вынимает руку из хватки. — Там долгая история, я как-нибудь расскажу…

В палату вваливаются остальные из команды. Опленённые разговором о чём-то не замечают мастера огня сразу, а как замечают, замирают и умолкают, не произнося больше ни слова. Кай будто враг, будто совсем чужой для них и кто-то точно недоступный, нереальный. Каждый отдаёт таким теплом, что хочется подлететь и прыгнуть в объятья ко всем сразу, но что-то усиленно держит на месте.

Омега кивает им первый, хлопает Коула по ноге, кидая с улыбкой «я ещё зайду», и уходит в коридор. Пока каждая частичка тела тянется к этим людям, по которым он теперь скучает больше всего, парень собирается и покидает больницу с мыслью о том, что когда-то научится выражать все свои эмоции.

— С ним что-то происходит, — настороженно говорит друзьям Баккет, наблюдая за лидером, подошедшим к широкому окну.

Ллойд всматривается в даль, на прохожих, и ещё решает, чувствует ли он такую же тревогу. Наверное, чувствует, и другие в том числе, когда наблюдают за вмиг замершим испуганным взглядом Гармадона.
За окном резко притормозивший чёрный джип, раскинувший в разные стороны облака пыли. Альфа внимательно наблюдает за Стормом, что выглядывает и гневным жестом указывает мастеру огня на сидение рядом с собой, за Каем, что практически без иного выбора садится на

выбранное место, и пылью, что взлетает густым туманом вслед за уехавшим автомобилем.

× × ×

— Ты с ума сошёл так нестись?! — панически спрашивает Кай, повышая голос и мёртвой хваткой вцепляясь в своё сидение. — Сбавь скорость! Куда ты гонишь?!

— На пикник, в лес, — недовольно рычит альфа, не отрывая взгляда от дороги, что словно едет вместе с ними, и сжимает руль до побеления костей.

— Психопат! — ругается омега.

Машина несётся, как ураган, проносится мимо слишком медленных по сравнению с ней горожан и словно плюёт на камеры, на автомобили полиции, иногда мелькающие в переулках. Мастер огня взглядом молит их погнаться следом и остановить взбесившегося призрака, но те словно не слышат, делают вид, что просто показалось, и отворачиваются. На узких дорожках ветки деревьев агрессивно бьют и проезжают по стёклам, заставляют шарахаться в стороны. Словно окна не станет и острые, как иглы, ветки пройдутся по коже. Улицы стремительно расплываются перед глазами и уносятся назад, парень толком не успевает на них посмотреть, как те исчезают, а на их место встают новые.

Смит пытается понять, в чём причина такой ярости со стороны Морро, злости, которая с характерным запахом заполнила весь салон. Глаза альфы так горят, словно там пожар мирового масштаба, и даже мастер огня боится об него обжечься. Он сталкивается со взглядом брюнета через зеркало между ними и чувствует себя так, будто в этот момент он

ни на кого, кроме Сторма, не должен смотреть. У него взгляд собственника, такой колючий и тяжёлый, что омегу придавливает к спинке сидения, и он лишь медленно съезжает вниз. Он не отворачивается, смотрит, как под гипнозом, пока Морро не отводит взгляд сам.

— Что я сделал? — чуть спокойнее спрашивает шатен, игнорируя бешеную скорость, от которой уже подташнивает.

— Я видел записи с камер в кабинете, — отвечает Морро и замечает, как Смит замирает на месте. — Мне это не понравилось.

«Мне тоже» — звучит в голове омеги, и он сглатывает, отворачиваясь к окну.

— Мне до пизды на других, пусть там был бы кто угодно, но он лез к тебе. Я клянусь, — он нервно усмехается. — даже когда пулю словил так не злился. Мы едем разбираться, но он тебя больше и пальцем не тронет, голову на отсечение даю. Быстрее, чем достать тебя, все свои бумаги сожрёт и кофем запьёт.

— Ты ревнуешь меня что-ли? — спрашивает шатен и поворачивается, приподнимая брови. — Сбавь скорость, чёрт тебя дери, мы сейчас во что-то влетим.

— Заебал, Кай, — выдыхает альфа и резко отпускает руль, разводя руки в стороны. — На, едь!

— Ты больной?! — верещит мастер огня и подскакивает с места, крепко хватаясь за руль. Машину несёт зигзагом по дороге, шины неприятно скрипят и поднимают пыль на несколько метров, словно имитируя туман. Перед стеклом мелькают то столбы деревьев, то люди, то машины, попадающиеся на пути, и каждые из них до ужаса близки и опасны. Кай успевает здорово пересраться и от нервов на мгновение забывает, что когда-то прекрасно и без затруднений водил машины. Ему бы сейчас Пиксель на связи, а рядом сумасшедший альфа, который точно хочет отправить его в могилу.

Кай уже просто игнорирует Морро, что даже с места не сдвинулся, цепляется взглядом за окно перед собой и с согнутой ногой залезает альфе на колени, выравнивая движение автомобиля. Брюнет в мелком шоке моргает и не верит тяжести на коленях, а потом расслабляется и вдыхает запах омеги.

Джип снова едет по прямой. Мастер огня сбавляет скорость, нажимая на носок обуви Сторма своей пяткой, и вздыхает со спокойствием. На коленях альфы тепло и спокойно, будто в мягкой кровати дома, а его дыхание за спиной вселяет больше что-то незначительное, обыденное и необходимое, чем страх или волнение. Морро выглядывает из-за головы шатена и рассматривает его всё ещё напряжённое лицо, подрагивающие губы и сморщенный нос, словно у упавшего в воду котёнка. Омега содрогается под тёплым дыханием сзади, хотя почти не замечает, а альфа видит на руках, давно избавившихся от сползающих длинных рукавов, мурашки, и тянет довольную улыбку.
Смит словно в одну секунду замечает всё и приподнимается, пытается куда-то отползти, но Морро рывком тянет его обратно. Спина омеги прижимается к груди Сторма, словно цепляется чем-то липким, и только тогда мастер ветра снова расслабляется.

— За дорогой следи, — бросает он, укладывает подбородок на плечо шатена, словно ручной зверь, и спокойно наблюдает за неспешно меняющимися картинками за окном.

— «За дорогой следи», — кривит лицо Кай и копирует холодную манеру альфы, но глаз с дороги не уводит, больше не дёргается. — Кто бы говорил! Тебе вообще за руль нельзя, ты неуравновешенный.

— Само собой, — безэмоционально соглашается Морро и прикрывает глаза.

Нет никакой ярости, нет взрывоопасных взглядов и желания перебить всех подряд, потому что омега рядом. Настолько рядом, что сидит у Сторма на коленях и держит плечом его голову. Морро уверен на все возможные проценты: сейчас Кай в безопасности и на том месте, на

котором должен быть, и эта непонятная правильность сбивает с толку. Может, альфа подумает обо всём потом, когда окажется наедине с собой, но сейчас рядом парень, к которому подобраться — чудом не заметить таблички «Очень злой тигр», что готов за едва просунутый к мастеру огня палец своей огромной пастью его откусить, переживать и выплюнуть куда подальше.

Тигр подбирается ближе и опускает тяжёлую морду на тонкое, слабое тельце котёнка, а тот кусается, но не вылезает. Позволяет теплу распространиться обоим зверям сразу.

Вскоре машина скрипит колёсами и останавливается во дворе белой многоэтажки.

Смит вылезает первым и встряхивает одежду руками, осматривает огромное здание перед собой с негодованием и большим недоверием. Вокруг парит запах Одли, будто поджидающий гостей и мило встречающий их у дверей. Смит морщится, потому что сейчас этот запах кажется ещё ужаснее, и даже мята с бензином не так тошнотворна.

Сторм молча выскакивает следом и достаёт пистолет. Под удивлённый взгляд мастера огня он прячет оружие за спину, оставляя на поясе, и с хрустом разминает шею.

— Ты с пистолетом? — вполголоса возмущается Кай. — Убийца, я никуда с тобой больше идти и ехать не собираюсь.

— Собираться не обязательно, ты и так готов, — вновь серьёзно отвечает альфа и тащит омегу за собой к широким дверям, после пропуская его вперёд, в лифт.

За время подъёма шатен не может понять, почему не сбежал от альфы в машине, и отходит от мастера ветра на пару шагов, прижимаясь плечом к спине. Морро усмехается, но ничего не отвечает и настраивается на весьма неприятную встречу. В глазах опять летят

ошмётки когда-то целого и невредимого альфы, что полез к чужому, опять пекло, от которого даже самому брюнет жарко, и только в этот момент он задумывается.

Хочет убить человека из-за омеги, который его ненавидит? Старается запачкать руки в крови одного из влиятельных людей, в крови своего коллеги и друга по бизнесу, просто потому что он что-то собирался сделать с его врагом? Морро как рыба, попавшаяся на крючок, как загипнотизированный зверь, который то и дело ведётся на очарование омеги. Он бы поспорил, ведь в машине он готов был сидеть так вечно, лишь бы парень не слез с колен, а сейчас туман будто рассеялся. И нет тепла, нет спокойствия, нет удовлетворения, лишь пустота внутри, от которой в очередной раз словно по-человечески завывает метка.

Альфа запутался в себе, но ему нужно показать, что к его собственности не прикасаются и даже в эту сторону не смотрят.
Он с тяжёлым вздохом трёт прикрытую рукавом пиджака метку и привлекает внимание стоящего в стороне мастера огня.

Сторм спокойно заходит в кабинет мужчины, словно сам царь, и даже не здоровается. Открывает дверь и, одарив охрану лишь одним взглядом, косится на поднявшегося Одли и сплёвывает на пол.

— Какие-то проблемы? — удивлённо спрашивает альфа и сразу замирает, когда видит вошедшего следом мастера огня. — У-пу-пу... — досадно тянет он и расплывается в улыбке. — Возвращаешь моё потеря...

Сторм с размаху бьёт альфу в челюсть, вкладывая все необходимые силы, чтобы уложить его на пол. Охрана стоит, не двигаясь, словно ожидая приказа, хотя мужчина на полу словно так и просит своим видом о поддержке. Кажется, один вид Морро оказывает на них чудовищное влияние. Мужчина поворачивается вновь, но сталкивается грудью с подошвой Морро, что толкает его обратно на лопатки, едва он приподнимается.

— Не твоё, — ядовито улыбается брюнет. — Не было и не будет

никогда. Ты чуть моего подчинённого не трахнул, знаешь, что я делаю за это? Скорее, трахнуть тебя. До летального исхода.

— Ты из-за него? Из-за какого-то омеги? — не веря, откашливается Одли. — Я никогда не делаю что-то просто так, у меня была причина!

— Я очень рад, — безэмоционально бросает Морро. Достав пистолет и напугав альфу под ногами до усрачки, он снова проверяет патроны и суёт в руки охреневшего Смита. — Стреляй.

— Стрелять? — шокированно шепчет шатен и медленно мотает головой, пытаясь отдать оружие обратно. — Нет, я не буду.

— Ты столько времени жужжал, что готов за себя постоять, и что я вижу? Выстрели и покажи, что к тебе нельзя соваться.

— Я не буду убивать человека, — хмурится мастер огня, тыкая пальцем в сторону мужчины. — Мне без разницы, какой он урод, но идти на убийство я не собираюсь. Одно дело ударить подносом по голове, а другое — стрелять на поражение. Если ты убийца, это не значит, что я собираюсь становиться таким же.

Воздух накаляется, словно превращаясь в толщу воды. Кай не смотрит на альфу, что буквально готов расцеловать ему ноги за помилование, а только в глаза Сторма, в которых уже не пойми что. То ли он злится, то ли доволен, то ли ему плевать, омега не понимает, поэтому ждёт реакции и прожигает взглядом. Несколько секунд, они как будто подстреливают друг друга и ожидают взрыва.
Морро молча отмирает и, пожав плечами, прячет оружие за пояс и кивает парню в сторону двери.

— Иди к машине, — говорит он. — Угонишь или свалишь — прикончу.

Дверь под недовольное бурчание Смита хлопает. Одли, провожая омегу взглядом, тяжело выдыхает и поднимается с желанием встряхнуть одежду, как оказывается снова прижатым к углу стола.

— Это мой омега, — спокойно говорит мастер ветра и ногой упирается в край стола, возвышаясь над сжавшимся мужчиной и вновь доставая пистолет. Он стаскивает пиджак, откидывая в сторону, закатывает рукав рубашки и подставляет взору альфы два полукруга зубов, в разные стороны распускающие узоры, чем-то схожие с пламенем. — Если я одолжил тебе место в своём кресле, это не значит, что могу одалживать своих работников и омег. Пусть малыш Кай думает, что ты переехал и начал новую, достойную жизнь. Для тебя это было бы лучшим вариантом, не перейди ты дорогу мёртвому.

Кабинет оглушает несколько выстрелов, и Морро, на удивление, выходит в коридор чистым, перед этим скинув на тело все бумаги со стола. Люди, посланные Надакханом, придерживают охрану Одли и снимают со стен камеры. Альфа кивает людям и спускается вниз по лифту, где измеряет шаги вымотавшийся за этот день мастер огня.

Примечания:

ура, часть завершена, морраи канонятся, можно отдыхать

если честно, мне бы хотелось найти бету для этой работы, которая будет исправлять все мои опечатки, потому что я печатаю быстро, а большие главы весьма долго перечитывать. с другой стороны, если не найду такого счастья, постараюсь справиться самостоятельно, но главы будут слегка задерживаться, как и сейчас, в принципе

спасибо за то, что Вы ещё здесь)

nineteen. I don't leave

Примечания:

хочу просто предупредить, что к следующей главе стоит запастись... всем. желательно всем, чем можно, потому что именно с этой главы и начинается самое тяжёлое.

песни, думаю, тоже пойдут позже.
спасибо огромное дорогой Бете, она просто облегчает мне это дело.

название — «мне не уйти»

***

Пропуская ткань одеяла через пальцы, как песок, которого всегда много, разглядывая на теле отметины, которые оборвали все пути к его собственному, счастливому концу, мир для парня не тесен.
Мира вовсе здесь нет.

Джей только приподнимается, медленно лохматит волосы, жмурясь от ещё оставшейся боли в пояснице, как его начинает тошнить. Ему говорили, что лежачий образ жизни и стресс в одном флаконе плохо влияют на его здоровье, но в последние дни было как-то не до этого. В кровати внутренние голодные монстры могли добраться до добычи и вырвать из него всю оставшуюся силу, которой до всего этого было безграничное количество. Это и отчаяние, и разочарование, и боль, и злоба, и ненависть. Ненависть не только к джину, а к самому себе, к своим родным, к друзьям, которых всё ещё нет рядом. Будь он на их месте, давно бы обыскал весь мир, а о них и не слышно.

Перед глазами пару минут всё плывёт, тонет в пелене слёз, которые вошли в привычку, и бета боится встать на ноги, потому что знает, что

упадёт. Руки тянутся вниз и натягивают широкую рубашку на ноги, тянут вниз, хотя вряд ли есть смысл что-то прятать. Больно, потому что он никому, кроме одной омеги, не разрешали заходить за грань и видеть самое сокровенное для него, а Хан и не спрашивал, захотел — взял, а та «одна омега» не запретила, не пришла. Джей просто устал искать каждому оправдание, устал держать обиды за гранью возможного, из него выжали все соки.

Никто не пришёл.
Плевать, по какой причине, но никто не пришёл.
Его бросили, и срать он хотел, умышленно ли. Он заебался справляться один.

Уолкер тянет вверх дрожащие ладони и закрывает лицо, сжимается в маленький ком. Его клялись защищать, помогать, в итоге помог он. Он сам справлялся, когда был рядом с Каем в больнице, сам справлялся, когда остался ночевать в холодной кладовке, сам справлялся, когда чуть не оказался под собственным врагом, и в этот момент тоже. Он терпел, потому что хотел быть сильным для команды, потому что верил в лучшее, верил в их поддержку, а сейчас понял, что в ту ночь с распахнутыми глазами наблюдал, как эту веру втаптывали в землю и разбивали на осколки, мельчайшие, блестящие, но быстро тускнеющие.
Он впервые так серьёзно ошибся. А эта ошибка — роковая, неисправимая.

В комнате темно, почти ничего не видно. Свет из окон падает на кожу, отпечатывается на ней, а Джей просто прикрывает глаза, игнорирует жжение в них, потому что смотреть на себя больше не может. Ему плохо от мыслей, плохо от воспоминаний, плохо от одного существования, его тошнит и скоро точно бы вывернуло, только нечем. Шатен знает, что полежи он ещё день просто так, и умрёт, завянет, но к собственному ужасу, совсем не против. Лучше бы он умер, лучше бы всё забыл и абстрагировался навсегда, лучше бы слился со стеной и никогда нигде не появлялся.
Такое никогда не уйдёт. Такое будет преследовать вечность, будет ходить по пятам, откусывать по куску, напоминать.

Той ночью убили и его будущее, и прошлое, и его самого.

Он такой же мертвец, как Сторм или Харуми, и тоже здесь, хотя давно должен быть под землёй.

Бета свешивает ноги и кое-как поднимается. Конечности будто не его. Он хватается за матрас, проходит несколько шагов, потом хватается за ручку кресла и останавливается. В грудь давит, ему словно не хватает кислорода. Он набирается смелости и вдыхает полной грудью, а потом распахивает глаза. Как далёк от него этот воздух, это чувство жизни, когда, несмотря на всё, ты всё ещё на земле, дышишь, моргаешь и существуешь, как все другие люди. Он отцепляется и выпрямляется, пытается разглядеть что-то во тьме, а потом слышит «мяу» со стороны барной стойки и осторожно опускается на пол.

Животное блестит своими большими глазами во тьме, несколько секунд разглядывать бету, а потом урчит и в пару прыжков сокращает между ними расстояние. Кот ластится и мягкой шерстью, с самой невероятной нежностью матери, трётся об его пальцы на ногах. Джей слишком потерян, слишком далёк от всего здесь. Летает в прострации и в любой момент готов выпустить наружу целую истерику, но сейчас лишь без единого звука наблюдает за зверем под ногами.

Кот скачет на его колени, крутится дважды и мягко приземляется. Он приятно греет, создаёт чувство слабой, но такой необходимой тяжести, и бета с благодарностью гладит его по голове.

Нет больше человека, что оказался бы рядом. И ведь мало что мог сделать кот в ту ночь, когда рядом было настоящее чудовище, но он был рядом. Ни Ния, которая сейчас практически ничего не значит, ни Кай, ни Коул или кто-то ещё, а это мелкое создание, что точно сочувствовало, что держит в себе по отношению к Уолкеру такую нежность, какой нет ни у кого больше.

— Он ничего от меня не оставил, — шепчет Джей почти беззвучно и зарывается носом в мягкую шерсть. — Ничего...

Кот поднимает на него глаза, полные «оставил, ты только держись», а Уолкер усмехается, потому что нет опоры.
Для того, чтобы держаться, ровно стоять на ногах, нужна опора, а у Джея её больше нет.

Двери беззвучно распахиваются, пропуская в комнату свет из коридора, и в комнату вваливаются двое мужчин, чуть не свалившиеся друг на друга. Джей в испуге жмёт животное к груди и приземляется с корточек на заднее место, а потом поворачивается и только со включённым светом имеет право разглядеть гостей.

Незваных.

(Нежданных.)

— Моя ты рыбонька, — с сочувствием и тяжёлым вздохом тянет Сото, придерживающий Флинтлока, и с раскинутыми руками идёт к бете. — Ну и как у этого зверя рука на такой комочек поднялась? Все свои мозги в лампе высушил, и точно.

Джей со слезами, но не от счастья, а от резкого света, щурится и совсем ничего ответить не может. Он провёл почти половину неделю в полном одиночестве, уплетал тут собственную боль наедине с четырьмя стенами, и видеть кого-то ещё так необычно, страшно. Каждый стал врагом, стал кем-то далёким и непроверенным, опасным.

Сото осторожно, словно засохший лепесток, поднимает Уолкера на ноги за плечи и провожает взглядом заскочившего на кровать кота. Джей сразу сжимается и пытается отойти, но мужчина прижимает его к широкой груди и быстро гладит по растрёпанным волосам.

— Угораздило же тебя, мальчик, сюда попасть. Кого бы угодно здесь держали, я бы и не заикнулся, но ты, — он фыркает. — Горе всего корабля. Сильно болит?

— Сейчас не сильно, — тихо отвечает шатен и прочищает горло

коротким слабым «кх-кхм».

— Похудел, теперь от одних костей в море не отличаешься, — мотает головой гамма и за плечи осторожно ведёт его к двери, кидая короткие взгляды на Флинтлока. — Чего встал? Будем откармливать, в чувства приводить.

Джей внутри просыпается, хотя рассчитывал на вечный сон, вновь глубоко дышит, хотя готов уложиться об стену с концами. Ногам холодно, пол такой, словно толстый лёд. Мимо мужчин с парнем проходят другие прислуги и неприлично разглядывают бету, а у того все укусы, все отметины на виду. Расползающиеся узоры взлетают до ключиц, и для Уолкера это впервые кажется чем-то сокровенным, личным, которые больше никому, кроме себя единственного, показывать нельзя. Он бы прикрылся, свернулся в клубок и укатился обратно в комнату, но какой смысл? Разве не плевать? Все в особняке слышали его крики, все знали, что с ним делают, но никто на помощь не пришёл, тогда не похуй ли должно быть?

Пусть видят и знают, что за монстр ими руководит, бете просто уже нечего терять, незачем гнаться.
Всё потрачено.

В светлой кухне, на стойке в стороне сразу несколько тарелок чего-то очень вкуснопахнущего. Буквально на пороге бете удаётся вмиг позабыть о чём-то другом, кроме своего желудка, что за эти дни точно уменьшился вдвое. Он сжимается и громко урчит, словно едва проснувшийся, и даже глаза Уолкера облизываются, руки тянутся к еде, как к единственному в этом мире спасению. Сото укоризненно качает головой, удивляясь, как за это время вообще можно было выжить без еды, Флинтлок приседает на стулец рядом, а Джей просто теряет всё вокруг. Он быстро трёт руки поданной влажной салфеткой и садится перед тарелками, прикладывая ладонь к животу.

Ещё минут десять назад, в кровати, он и думать не мог о еде, всё мучался от тошноты и головокружения, а сейчас съел бы и слона, и всё остальное. Все мысли на какое-то время уходят на второй план, а их

хозяин без лишних прелюдий берет в руки вилку и втыкает в самый аппетитный из всех остальных блюд омлет со сладким перцем.

— Моих рук дело, — легко улыбается Флинтлок, кивая на тарелку с омлетом. — Не отравишься? Я давно не готовил.

Джей на мгновение задумывается и представляет, что с кожей цвета листьев обессиленно падает на пол, и такая перспектива кажется ничем не хуже, чем жить с меткой джина на плече. И снова эти мысли давят, не дают вдохнуть без тяжести на плечах, которую он теперь будет нести вечность. Как ни был силён его голод сейчас, он не заглушит ревущее нутро парня, что так усиленно любило лишь одного человека на этой планете.

Уолкер думал, какого стало Каю со Скайлор, ведь все пути к их отношениям тоже оказались перекрыты. Не будет метки, не будет их свадьбы, о которой мечтала Чен, не будет детей, которых в последнее время так полюбил мастер огня. Разбитые мечты и цели, изуродованное будущее, которое пришлось обойти, пришлось строить новое. Джей не знает, справился ли Кай, жив ли он и цел ли после всего этого, ему просто не к чему стремиться.

Шатен крутит вилку в руках, глотает оставшийся кусок, тщательно его пережевав, и утыкается взглядом в пустую тарелку.

— Я правда любил её, — вполголоса начинает бета, привлекая внимание. С каждым словом в груди давит, хочется заткнуться, зашить рот и больше никогда ничего не говорить, но эмоции переполняют. Ему больно держать всё это в себе, он просто не в состоянии. Ещё что-нибудь, что он скроет от чужих глаз, и грудь разорвёт, и так слабая оболочка не выдержит такого напора.

Сото понимающие кивает и подсаживается ближе, медленно поглаживает его спину, старается не задевать метку.

— Любил, — выделяет Флинтлок, в момент хмурясь, и Уолкер прикрывает лицо ладонями.

— Ты потерялся, это естественно, понимаешь? Ожидаемо, — гамма убирает его ладони. — Ния — твоё начало, но не смей допускать мысль, что твой конец — Надакхан.

Джей поднимает на него глаза и смотрит так, словно впервые. Наверное, просто пытается понять, есть ли в сказанные словах смысл, выгода, правда, что ближе всего к нему. С меткой в голову совсем не лезут мысли, что Надакхан действительно не является его первым и последним, больше кажется, что с его появлением мастеру молнии больше никуда не деться. Может быть, у всех изнасилованных людей остаётся такой осадок, а может, он один такой параноик.

По канону жанра джин должен выбросить Уолкера, как использованный стаканчик от колы. Если это действительно так, а метка — слишком тяжёлый урок для него, то парень, быть может, сумеет начать жизнь заново. Вряд ли в ближайшее время, вряд ли с этими мыслями, от которых снова тошно, но может потом, спустя время.

— Тебе надо отходить от этого, — делает вывод гамма.

— Твой друг, Кай, — начинает Флинтлок, привлекая внимание шатена к себе. — Больше не с ниндзя.

Джей некоторое время молчит, а потом вскидывает брови и поворачивается к нему всем корпусом.

— Они что-то с ним не поделили, а он ушёл. Но он в порядке, — продолжает альфа. — Видишь? Твой друг выбрался, более того, он пошёл по своему собственному пути, игнорируя факт, что его некому защищать.

— Я рад, что он выбрался, но я... Я не он, — отвечает бета и, отвернувшись к чаю в кружке, утыкается в неё носом. — Опустим эту тему.

— Если ты всё ещё хочешь держать связь со своей подружкой, то попытайся не разлюбить её, — подаёт голос Сото и поднимается с места, потягиваясь и глубоко зевая. Гамма просто дал совет, но для Джея это... это точно что-то большее. Как угроза, предупреждение, как заряженный пистолет и его дуло у виска, готовое пустить пулю.

Он только сейчас понимает, что вся эта ситуация намного серьёзнее. Что чувства к самой, как он думал, прекрасной девушке со временем здесь леденеют, приятных эмоций по отношению к ней становится всё меньше и меньше. Словно он забывает, как её любил и за что, забывает саму Нию, и это действительно пугает.
Джей мотает головой, потому что больше не хочет ни о чём думать, и возвращается к стойке, где его ждёт ещё тёплая лапша с соусом.

× × ×

— ... и ты следишь за ним, пока я занимаюсь своими делами, — заканчивает поучительный монолог Морро хлопает дверью машины, пока мастер огня на сидении рядом играется с ладошками Дилана. — Слышишь меня?

— Пока ещё не оглох, — отвечает Кай и легонько кусает ребёнка в нос. Вряд ли он прочитал бы мысли альфы, который клянётся себе, что сделал бы Смиту точно так же, укусил бы, и не только в нос. Съел бы целиком и тщательно разжевал, а сейчас не может и коснуться лишний раз.

— Чудно, — брюнет улыбается и заводит мотор.

Автомобиль выезжает на дорогу и плавно ведёт за собой ещё два таких же, где на случай чего сидят люди Сторма. Сегодня прекрасный день, и Каю немного плевать, какие дела у альфы, потому что ему наконец-то разрешили снова увидеться с ребёнком. Лишь иногда он смотрит в окно и разглядывает прохожих, довольно косится на Морро, который, к счастью, едет с нормальной скоростью, а потом вновь возвращается к

любимому занятию. Ребёнок, как антистресс, греет коленки, жмётся головой к груди, и это одно из самых незабываемо-тёплых моментов за этот день.

Кай полюбил детей. Для него каждый малыш на этой планете стал сокровищем, которого хранить, прятать и защищать, стал самой большой радостью в жизни. Большие яркие глазки, в которых отражается солнце, мягкая гладкая кожа, толстенькие маленькие пальчики с удивительно большой силой и простое, необыкновенное очарование. Омега ещё ни разу не думал, что, вообще-то, теперь и сам способен иметь детей, но с каждым днём судьба агрессивно на это намекает. Шатен бы защитил любого ребёнка в этом мире, стёр бы с лица земли всех плохих родителей, которые бы хоть пальцем тронули несчастных, собрал бы их всех в кучу и крепко-крепко обнял.

В будние дни он спокойный и сдержанный, сосредоточенный, но когда дело доходит до Дилана или другого малыша, он теряет голову и летит брать их на руки на всех парах.

Ехать недолго, так сказал Сторм, но всё равно заезжает в придорожное кафе и просит тёплый кофе с собой. Засидейшийся полицейский за столиком, заметив мастера огня с ребёнком на переднем сидении, собирается высказать претензии, но Морро хватает лишь глянуть на него исподлобья, чтобы неуклюжий альфа со своим чаем сел обратно и даже в их сторону не посмотрел.

В машине прохладно и уютно, особенно наедине с альфой, который впервые совсем не представляет угрозы. Он катит по невероятно ровной дороге, а Кай подставляет лицо лёгкому ветерку из приоткрытого окна, но в тоже время следит, как бы Дилана не продуло. Нет здесь прошлого, нет будущего, а только приятное настоящее, и им обоим этого достаточно. Пока Смиту с Морро тепло и безопасно, что не входит ни в какие рамки, Морро же со Смитом просто крышесносно. Вдыхать его сладкий запах, слегка смешанный с бензином и зеленью за окном, поглядывать на расслабленную улыбку и слышать хриплый спокойный голос, не несущий в себе почти никакой ненависти. Он с этим омегой снова живой, настоящий, тёплый, а не

едва существующий.

С этим омегой он человек, открывший в себе второе дыхание, прочувствовавший всю теплоту внутри, в то же время ощутивший ещё большее желание быть ближе.
Он не добрый, он не жизнерадостный и нет, он не забил на свои планы, просто Кай словно окончательно с ним.

Морро уверен, что сейчас, когда вновь никаких других мыслей, сердце за грудью этого парня принадлежит его сильным рукам.

На светофоре машина останавливается самой первой. Смит держит в ладонях щёчки Дилана и разглядывает окно, а Морро, позволивший себе такую необыкновенную крупицу нежности, нагибается к ребёнку, но вместо лёгкого поцелуя в короткие волосы губами касается пальцев мастера огня. Омега удивлённо приподнимает брови и поворачивается, а Сторм, чертяга, не отстраняется, довольствуется диким, приятным жжением на губах и смотрит в глаза.
Кай вроде понимает, что лучше бы убрать руку и возразить, но ничего не выходит. Смотреть в эти глаза, как теряться в бесконечных ночных джунглях, смотреть и таять, потому что одно лишь касание распространяет такой приятный холод по всему телу сразу.

— Ну всё, vip-зона, — не сдерживается шатен и, ладонью отодвинув подальше голову Морро, быстро отворачивается к окну.

— Ты слишком смешно реагируешь на такие вещи для героя, — довольно хохочет альфа и вновь устремляет взгляд на дорогу, опуская ладони на руль. Губы словно вспыхивают яростным огнём, а зверь рычит, просит сбросить все тормоза, потому что Кая хочется всё больше. Морро не слабак, он прекрасно себя сдерживает, но понимает, что это сложно. — Ты должен держаться достойно, как скала, не думаешь?

— А я не герой, — фыркает омега. — И тебя не боюсь, просто мне неприятно. Хоть танго с розой в зубах танцуй, мне плевать.

— В следующий раз, обязательно.

Через несколько минут автомобиль начинает останавливаться у моста. Концы странно обрываются и оставляют ещё за три-четыре метра пустоты, такой опасной безграничности между дорожкой и небольшим обрывом размером с двухэтажный дом. Там тянутся деревья вверх, словно собираясь найти помощь, вылезти из ямы, там прячутся чаще молчаливые птицы, что ищут покоя, теряются за широкими зелёными листьями. В самом низу, прикрывая сухую землю, виднеются пышные кустики без ягод, где-то проскакивают зайцы в поисках чего съедобного.
Смит не видит это место сейчас, но прекрасно помнит его с последней прогулки со Скайлор, как только начались первые дни лета.

— Посиди с мелким, пока я туда и обратно, но с одним условием, — он медленно прерывает движение авто. — Ты направо не смотришь.

— И что за тайны? — не понимает Смит, но на мост не смотрит и всем корпусом поворачивается к альфе.

— Вещи, которые не должны касаться твоего поля зрения, — коротко поясняет брюнет и хмурится. — Не смотришь, понял меня? Иначе лишу зарплаты.

— Слушаюсь, босс, — кривляется Смит. Как только хлопает дверь, омега думает лишь пару секунд, как поступить, и опускает глаза к Дилану, который, уставший после езды, тихо дремлет на его груди.

× × ×

Ниндроид придерживается одной линии с Пиксель, словно сторожевой пёс, подставленный к хозяину, и лишь на мимолётные мгновения отвлекается на красоту летней природы. Тишина, застывшая у моста, кажется такой хрупкой, что лишь один шорох заставит подняться

оглушительный гул. Зейн почти месяц, с момента возвращения Морро, не отвлекался на такие очаровательные мелочи, мало куда выходил и был как на иголках. Сейчас, последние пару дней, в городе затишье, лишь известие об убийстве крупного бизнесмена. Альфа не вдавался в подробности, ему бы вообще ничего не знать.

Сайрус увлечённо рассказывает о новых делах и изменениях в политике города. Хвалит полицию, жалуется на недавние разгромы и массовые убийства, называет беспределом, но быстро переключается на другую тему. Мужчина многое на себе тащит, у него на плечах целый Ниндзяго Сити, и все мысли заняты происходящим в нём. Бета честно сознаётся, что ночами не спит, думает о будущем города, о проблемах, что давят на власть на данный момент. Пока Пиксель осторожно везёт отца по дороге, подходя ближе к мосту, он вновь делится новостями и советуется с Зейном.

— Я буквально днями напролёт сижу в мастерской, — мотает головой Борг и засматривается на торчащие из-за ограждения моста зелёные деревья. — Так дела не идут, нужно усиливать защиту.

— У нас ведь прекрасная система защиты, — удивлённо вскидывает брови ниндроид.

— Видимо, не такая прекрасная, учитывая, что к нам прошли Сторм с остальными, — хмыкает бета. — Гармадон ничего не рассказывал вам? Про то, почему он был в больнице, над чем работал.

Зейн хмурится и мотает головой, а П.И.В.В.Ж на минуту останавливается с желанием сорвать пару яблок с дерева неподалёку.

— Оверлорд планирует возвращение, — угрюмо отвечает Борг, и Жульен, в которого как вихрем влетели все воспоминания из его бушующего прошлого, замер, словно неисправный. — Я уверен, Гармадон расскажет вам всё самостоятельно, вам есть, что обсудить. Мы ставили защиту на всю технику в Ниндзяго Сити, даже увеличили число символов на пароле. Если он сможет пройти и через эту защиту, то мы имеем дело с настоящим чудовищем, и силы с прошлого раза не

убавилось.

— Стоит сказать Ллойду, — обеспокоенно говорит Пиксель и прячет несколько яблок в рюкзак Жульена. — Это... Это серьёзная угроза.

— С момента в кабинете прошло достаточно времени, чтобы сложить два плюс два. Оверлорд опасен, но он слаб сейчас, и без помощи отсюда до нас не доберётся. Тогда взорвалась большая половина компьютеров, но то был выплеск энергии — он готов сюда попасть, но ему чего-то не хватает.

— Это всё равно не повод тормозить, — хмурится Зейн и прикладывает палец к виску, отправляя лидеру сообщение через свою систему.

— Я уверен, мы справимся. Он появился тогда, но нет вероятности, что появится снова, — усмехается Сайрус и опускает глаза на дерево моста под ногами. — В конце концов, у него нет возможности найти себе физическую оболочку, если у него нет союзников здесь. Полиция тщательно проверяет город на наличие подобных людей, решивших вернуть Тёмного Лорда к жизни.

Пиксель проезжает с отцом через мост, заглядываясь на обрыв, а Зейн вдруг останавливается на середине пути, потому что отвлекается на шум мотора автомобиля. Чёрный джип гудит, довольно рычит, пускает облако пыли и замирает неподалёку, и мастер льда вдруг ощущает неладное мгновенно. Сердце, сотканное из проводов, замирает, когда альфа щурится, приближает изображение, как на камере, и отчётливо видит Смита на переднем сидении.

— Кай? — спрашивает словно у самого себя ниндроид, делает шаг ближе и присматривается. — С Диланом и... П.И.В.В.Ж., — зовёт он девушку, не отворачивается, но чем чёрт не шутит. Точно не шутит, а издевается, топит в муках, ещё и заранее навевает чувство тревоги и давления в груди, словно земля под ногами рванёт, и тело разорвёт на части.
Ниндроиды не должны чувствовать, а Зейн чувствует. Чувствует

неладное, но оборачивается лишь с визгом девушки, и замечает только стрелу, точно пропавшую в колесо.

Коляска едет зигзагом. Пиксель пытается удержаться за поручни, но от шока, от волнения заворачивает в другую сторону и отпускает.
Больно.
В глазах почти бездушного робота столько боли, сколько не было ещё никогда ни у одного человека в жизни Зейна. Там взрывы и падения с большой высоты, кровавая война, и с каждым выстрелом, с каждым взмахом меча в ней умирает один единственный мужчина. Не жаждущий смерти, любящий жизнь и своё дело, любящий свою дочь, что создал собственными руками, и когда-то в тот день, когда он собирал её деталь за деталью, и подумать не мог, что окажется на грани смерти от её рук.

Холодных, но на деле таких тёплых. Поглаживающих с заботой и добротой, не свойственной ни одной машине на этой планете, самых родных и любимых.

Опускают, и коляска почти беззвучно валится на бок, падает медленно, как в монтажной съёмке, а после скрывается из виду, в обрыве, среди пышных верхушек деревьев.

— Папа! — кричит, почти верещит Пиксель и с ужасом в глазах смотрит вниз, за падающим мужчиной. От переизбытка эмоций девушка искрит, дёргается и валится на колени, сильно жмёт ладони ко рту. Крик рассекает улицу, летит за километры и врезается в деревья, едва их не качает, потому что отчаяние бывает невероятно сильным.

Сильнее бури, сильнее конца света.

Кай в машине не сдерживается и оборачивается, как только слышит знакомый вопль, но ничего не ясно. Он узнает друзей и уже тянется за ручкой, понимает, что ослушался, да и как-то плевать, но двери заперты. Ручка не хочет поддаваться, а омега взволнованно оглядывает ниндроидов, ищет выход, намёк на что-то, что случилось прямо перед ним.

— Бедный, несчастный старик, — вытягивает лицо в шоке Сторм и быстро подходит к краю моста. — Как же так неосторожно, дорогая? Я сейчас помогу, не беспокойтесь, здесь не так глубоко...

— Это ты, — на выдохе проговаривает Зейн и быстрым шагом направляется к нему, толкая в грудь. — Это твоих рук дело, ублюдок! Стрела твоего друга, Коул со швами на руке из-за точно такой же!

— Приди в себя, — хмурится альфа и кивком подзывает своих людей, замечает, что Кай прекрасно всё видит, и скрипит зубами.

— Что, — сквозь стиснутые зубы проговаривает Жульен и показывает на стёкла машины брюнета. — Что он здесь делает? В одной машине с тобой, скажи, что?!

— Помогает мне, — жмёт плечами Морро и начинает распоряжаться своими людьми, командуя спускаться и осторожно доставать мэра. Альфе особо плевать, что Зейн может понять «помощь» Смита как помощь в том деле, что он провернул, а не как то, что он просто следит за ребёнком, плевать на его правдивые обвинения в его адрес, потому что он, формально, ни в чём не виновен.

Он со спокойной душой вызывает скорую, думает, стоит ли выражать соболезнования, и смотрит вниз. Пахнет не летом, не зеленью и свежестью, не смесью запахов столь многих людей, а его успехом. В глазах вокруг он грустит, сочувствует, думает, что же будет с городом, а правда только в последнем. Город падёт к нему в руки и навсегда лишиться надежды, веры, рассыпается и не соберётся заново. Морро наступит на головы каждого, прижмёт к полу и раздавит их же ошибкой, вытрет подошву. Теперь вся команда подавленная, вся со свежими ранами и болью, от которой не избавиться ничем больше, ведь никто не создаёт болезнь вместе с его лекарством одновременно.

Один единственный шаг для альфы, но есть проблема.
Проблема, испуганно наблюдающая за всем происходящим из машины, удерживающая его сына на своих коленях.

Зейн сталкивается взглядом со Смитом, и второй читает в них неверие. Кай сжимается, когда взгляд холодеет, когда друг смотрит с нарастающей злостью, а потом с едва различимой ненавистью. Омега и сам леденеет. Леденеют все внутренности, леденеет кровь, в кожу изнутри врезаются толстые айсберги, протыкают насквозь. Словно дорожка между ними с одним словом Морро подорвалась, а куски от неё разлетелись так далеко, что сейчас будет не достать. Кай хочет открыть дверь, но сейчас вдруг так невероятно боится, что замирает вместе со своим сердцем.

Зейн убивает его собственным разочарованием, бросает в него и топит, сдирает с кожи броню, что надевал омега до этого, и отворачивается, словно парень ничего не стоит. Мастер огня сглатывает, прикладывает ладонь к стеклу. Что он сделал такого, чтобы смотреть на него так? Что он сделал, чтобы лёд вдруг стал сильнее огня? В голове все тёплые взгляды мастера льда, что были до этого, рассыпаются, взрываются, их больше не существует. Этот холод, покрывающий его кожу, сбивает с толку, и у парня нет защиты, что появилась за время их расставания. Зейну стоило только посмотреть, а потом развернуться и уйти, чтобы оставить друга без защиты и стены. Даже самой тонкой.

Омега не замечает, как в машину возвращается Сторм, и отмирает, стоит им выехать на дорогу. Альфа сразу замечает неладное и на светофоре поворачивается к парню.

— Что там произошло? — спрашивает шатен и заглядывает Морро в глаза. Дилан на руках лишь ровно дышит, спит, устроившись головой в изгибе локтя мастера огня, но сейчас почему-то совсем не успокаивает. Кай будто голый, без ничего, чем можно было бы прикрыться, а дуло пистолета уже за метр от него, оружие заряжено.

— Неполадки, — жмёт плечами брюнет. — Расслабься, твои друзья просто не в духе. Успеешь с ними поговорить.

На самом деле, лучше бы не успел, потому что Сторм уже смог возненавидеть его друзей ещё раз. Чувство ли эгоизма, нутро ли

собственника в нём проснулось, или это такая забота, но альфа не собирается отпускать парня к команде, потому что чувствует неладное. Расположение ниндзя к Каю всё хуже, а Морро вдруг беспокоиться, как бы не было разбито хрупкое сердечко.

Морро молча довозит мастера огня до его дома, отдаёт ещё спящего ребёнка в руки одного из своих и отвлекается на внезапно поднявшийся шум ветра.

Ещё всего лишь сутки.

twenty. the need to be around

Примечания:

что ж, это была САМАЯ тяжёлая часть для меня из всех, что я писала до этого, причём самая большая. это реально было тяжело, но я собой довольна, и была бы счастлива услышать от вас пару слов в знак поддержки, серьёзно. заранее вам спасибо, целую в плечи~

Ния и Коул: The Score — Under The Pressure;
нададжеи: Kartashow, Мари Краймбрери — Золото;
ллойд: grandson — Blood In The Water; Dyce — Race

***

Мастер огня прокашливается и заглядывает за дверь палаты, легко улыбаясь напряжённому Гармадону. Омеге пришлось достаточно долго просить охрану пустить его. Не удивительно, почему все вдруг так настояли на защите и стороже, но возникает вопрос: где они были раньше? Кай уверен, это была самая роковая ошибка и больной урок для каждого, наверное, для него в особенности.

Пока что он понятия не имеет, какой именно урок извлёк, но чувствует, что скоро обязательно поймёт.

Парню так никто и не сказал, чьих рук это было дело. Он не говорил ни с Пиксель, ни с Зейном, потому что предпочёл дать им время и не злить своим присутствием, хотя понятия не имеет, почему на него так взъелись. Сторм отказался это комментировать, сказал, что омеге вообще не стоило смотреть и что-то знать, а остальные ссылались на несчастный случай. По их версии, которая сейчас распространилась и оказалось для людей самой правдоподобной, колесо лопнуло от камня, а Пиксель просто не справилась с управлением, испугалась, и коляска

соскочила с дороги. Кай знает, что девушка способна была занервничать, в то же время, он понятия не имел, кому и верить.
Обсуждать что-то с друзьями сейчас кажется чем-то невероятным, невыполнимым.

— Я с цветами, — оповещает Смит и вытаскивает из-за спины букет ароматных лилий. — Можно?

Мужчина кивает и поворачивается к Боргу снова, наблюдает за дрожащими веками, ресницами. Произошедшее кажется сном. Лучший друг побывал на волоске от смерти, и Гармадон не знает, стоит ли винить в этом себя или его дочь, Зейна, может, Морро, как утверждал мастер льда в ярости. Он мало что знает, мало что понимает и хотел бы, чтобы эти кошмары кончились. Мир в его глазах просто сошёл с ума, а если без Сайруса они не справятся с защитой и выпустят Оверлорда, то всему придёт конец.

Каждый день, прожитый в городе, будет с мольбой о спасении, о машине времени, чтобы вернуться назад и не позволить себе покинуть Мир Проклятых. Лучше бы альфа был для всех в двух метрах под землёй, но всё было бы, как прежде, и никто бы не имел шанса вернуться.

— Я хочу поговорить с тобой, Кай, — начинает мужчина, и омега, усевшись напротив, поднимает на него глаза. — Поговорить о моём возвращении.

Смит слегка щурится, но медленно кивает, готовый к продолжению. Наверное, возвращение Гармадона было единственным вопросом, которым задавались ниндзя и задаются до сих пор. Кай не знал, в чём военная тайна и зачем это скрывать, но сейчас понимает, что правда — тяжесть, и мужчина падает, не может нести её самостоятельно.

— Я вышел не сам, ты должен понимать, мне помогли. Я надеюсь, ты поймёшь меня правильно, может, хотя бы попытаешься... — он грустно усмехается. — Я просил помощи у Оверлорда.

— Сенсей, серьёзно? Это же...

— Опленённый желанием вернуться к семье, к жизни, готовый сделать всё, лишь бы вновь оказаться наедине с женой... Представь, как сходит с ума человек в одиночестве, когда понимает, что у него есть всё для счастья, но он не в праве это увидеть. Наверное, ты можешь представить, как бы ты подумал месяца два назад. Что бы ты почувствовал, если бы не имел возможности видеться со Скайлор? С друзьями, с семьёй, не мог вдохнуть кислорода, вдохнуть любимые запахи, — вздыхает Гармадон. Кай при упоминании Скайлор прикусывает щёку изнутри, сильно жмурится, и альфа прокашливается. — Извини, давлю на больное.

— Я... представляю, каково это, — кивает мастер огня и берёт в руки лилию, рассматривая яркие лепестки. — Продолжайте, всё в порядке.

— Я нашёл связь с Оверлордом. Игра разума, тяжёлая, но тогда казалось мне таким лёгким путём, — он запинается и переводит взгляд на бледное, потрёпанное лицо Борга, досадно мотает головой. — Я согласился с ним на контракт, который должен был пойти в пользу нам обоим. Он должен был сказать мне, как и когда выйти из Мира Проклятых и перейти в ваш, а взамен я бы помог вытащить его.

— И вы сорвали, — догадывается Кай. — Обманули самого Тёмного Лорда, умный ход, конечно.

— Всё бы ничего, но он точно что-то знал. Он поставил условие. Оно и стало для меня роковой ошибкой, мой мальчик, самой ужасной ошибкой в жизни и смерти. Об этом знал только Борг, — он легонько хлопает бету по ноге.

— И что там?

— Я отдал ему Ллойда, — отвечает мужчина, словно готовый вот-вот рассыпаться на молекулы, и прикрывает лицо ладонями.

Мастер огня в шоке растягивает лицо и мгновенно хмурится, опуская

глаза куда-то вниз. Слишком многое можно совершить в порыве чувств. Достаточно ошибок остаётся на душе человека, когда дело доходит до духовных ценностей, и Кай прекрасно всё понимает, но необыкновенная, омежья злость на мужчину вспыхивает как по щелчку.

Омега пытается поставить себя на место альфы, но выходит с трудом. Гармадон подписал себе смертный приговор, в трезвом уме решился на такой опасный шаг, даже не предположив о дальнейшем? Тёмного Лорда обманет только он сам, и стоило бы подумать об этом, стоило было оценить соперника по достоинству.
Оверлорд никому не товарищ, он враг всему живому и неживому, враг даже самому себе.

Кай честно не может найти оправдания, не может собрать всё в одну кучу. Гармадон — хороший человек, он принял каждую свою ошибку, каждое стремление ко тьме, он чудесный отец и заботливый муж, но в этот раз доброта подвела. Назвать ли мужчину невиновным из-за пелены чувств, обвинить ли в глупости, когда действительно заслуживает и того, и другого? Здесь только стремление к счастью на грани сумасшествия, прыжок в бездну в поисках теплоты и радости.

— Отдал Ллойда, — повторяет самому себе Смит и будто взрывается. — Я не понимаю, я не... Как именно Вы его отдали?

— С его возвращением в Ниндзяго при моей помощи Оверлорд имел бы полное право поставить Ллойду метку и использовать в своих личных целях, — поясняет Гармадон. — Я говорил, что Ллойд — альфа, что для его «личных целей» он не подойдёт в любом случае, но он настоял. Я думаю, дело было в жажде мести.

— И Вы согласились, — выносит вердикт Смит и хлопает, поднимаясь с места и направляясь к окну. — Он же не вернётся сюда? Если Вы ему не помогли, то сам он не имеет возможности...

— О, сейчас нет, — грустно усмехается мужчина. — Он перешёл в нашу систему, его не остановила даже наша лучшая с Боргом защита.

Так или иначе, сейчас он не в состоянии нормально... — он не договаривает, заглядывая в экран телефона, и замирает. — О чёрт...

Смит оборачивается и подходит ближе, вставая за спиной Гармадона, пока тот громко матерится и показывает омеге мобильник. Экран мигает, трескается, словно встречаясь с асфальтом, и в центре высвечивается «через пять минут, старик» с подмигивающим смайликом. Мастер огня выхватывает мобильник и несколько раз перепроверяет, перечитывает, а потом поднимает глаза на мужчину и тыкает на надпись пальцем.

— Что это?

— Пять минут, — нервно проговаривает Гармадон, не отрывая взгляда от точки перед собой. — Пять минут до начала его возвращения.

— Серьёзно? То есть он скоро... блять, — громко ругается омега. — Как он вернётся? Мы можем что-то сделать? Сенсей!

— Способности, — словно к пустоте обращается мужчина и медленно поднимается. Будто его вдруг осенило, он подбегает к омеге и хватает за плечи. — Ваши способности помогут ему принять физическую форму и поддерживать жизнь. Я читал об этом, он упоминал это раньше, тогда, в договоре. Нужно найти остальных, всех, пока не поздно!

Смит только открывает рот, как мужчина распахивает двери и быстро вылетает в коридор. Парень лишь на мгновение оборачивается на мэра, молит все силы на свете снова не попасть в дерьмо лицом и выбегает следом. Альфа останавливается в приёмной, останавливается, схватившись за стойку, и пугает девушку, что едва не роняет из рук телефон. Он ждёт, пока она прервёт связь, а потом говорит первым:

— Несколько недель назад я звонил Вам по поводу одного препарата, просил держать здесь. Мне он срочно нужен. Пожалуйста, заказ на имя мистера Гармадона, быстрее.

— Сейчас, секунду, — она кивает и быстро уходит в направлении склада.

— Я не понимаю, — честно признаётся Кай и за плечо поворачивает альфу к себе. — Что за препарат? Мы не должны искать Ллойда с остальными?

— Должны, но сначала ты должен принять кое-что, — поясняет Гармадон. — Способности вот-вот начнут появляться и выходить из каждого из вас. Мы не успеем к другим, поэтому только ты можешь повременить с пробуждением Оверлорда. По крайней мере, он будет недостаточно силён, чтобы устроить неизбежное.

— Я не знаю, я не...

— У тебя будет иммунитет на подобные вещи. Иными словами, твой... можно сказать, купол со всей силой покроется плёнкой, и вытянуть из тебя огонь будет очень сложно, если ты сам того не захочешь, — мужчина кивает прибежавшей девушке и протягивает мастеру огня две капсулы. — Я должен был дать вам их раньше, но я был уверен, что смогу поставить защиту. К тому же, твой организм сейчас более уязвим, эти таблетки прекрасно ему подходят.

— Я не умру от них? — спрашивает Кай и, получив отрицательный ответ, быстро выдыхает и глотает снача одну, потом вторую капсулу. Неприятный осадок, оставшийся в горле, даёт о себе знать, хоть приносит минимум дискомфорта, и омега морщится.

— Стоит разделиться, — говорит Гармадон и направляется к выходу, на ходу набирая офицера. — С вашими способностями будет достаточно опасно, стоит искать быстрее. Кого увидишь первым — сразу веди в ваш дом, только будь осторожнее. Только почувствуешь, что пламя рвётся наружу — борись, не позволяй ему выйти. У нас больше нет права на ошибку.

Мужчина подбегает к машине и садится за руль, оповещая, что скоро

приедет помощь из полиции, а Кай нервно усмехается. Всё начиналось с того, что искала помощь как раз полиция, точнее, наверное, так думали ниндзя. Недолгое время тому назад они сами искали эти грёбаные приключения, и сейчас Смит впервые жалеет, что не заткнулся тогда и не довольствовался мирной обстановкой в городе.
Парень ждёт минут пять, пока до ворот доедет машина с мигалками, и запрыгивает на сидение рядом с водителем. Кто-то сзади говорит, что буквально недавно встречал по дороге мастера льда с пакетами еды. Страшно. На самом деле, очень страшно, но Кай не медлит и в то же мгновение просит ехать туда.

Сердце выскакивает и ударяет грудь чуть ли не до оглушающего грохота, омега вспоминает всё, что было до этого, но на первый план ставит безопасность своих друзей.
Важнее помочь родным, и даже плевать, что до этого между ними произошло.

× × ×

Сегодня омеге особенно холодно, и хоть она всем видом пытается этого не показывать, дрожь даёт о себе знать. Лето едва подпустившие к небу солнце, с каждым днём всё теплее, всё больше придаёт хорошего настроения, но Смит вряд ли.

На площадке напротив хихикают дети: кто-то играет в догонялки, кто-то соревнуются на постройке песочного замка, кто-то довольствуется собственными игрушками, кто-то обсуждает новую игру, залипая в телефоне. Ния прислоняется лбом к решётке ворот, покрашенной в жёлтый, и оставляет взгляд на детях. Почему-то именно в этот момент ей хочется вернуться в детство, побегать вот так, играя в салочки, со старшим братом, и никаких бед не знать. Не чувствовать любви, не ощущать день за днём червя внутри, пожирающего плоть по кусочкам от недостатка внимания и тепла.
Дети любят без всяких проблем, они не придают многим вещам значения, и жизнь их в несколько раз упрощается.

Джея нет всего несколько недель, но для неё прошла вечность, и только в этот момент она действительно понимает, как любит бету.

Любит до потери пульса, правда. Любит так, что больше не хочет находиться в одиночестве, любит так, что за случайно разбитую Джеем тарелку расцеловала бы его руки, любит так, что без парня, как без важной частички себя, умирает, заползает в яму. Сколько же было дней в её кармане, чтобы признаться снова, чтобы самой сделать первый шаг, а не бегать, и укрепить их отношения. Почему вдруг стоило сомневаться в их чувствах всё это время, думать о себе, о своём будущем и не замечать голубых глаз? Удивительно, что Джей буквально всё время был рядом, а сейчас его нет, и перед Нией все построенные стены силы и защиты рухнули и грохотом.

Брюнетка заворачивает за угол, потому что изначально шла в больницу, проведать Коула, но замечает альфу на заднем дворе и спешит туда. Пенсионеры или дети в масках, провожающие свои часы на свежем воздухе, будто разряжают обстановку. Омега отвлекается на ещё совсем юных альфу с омегой, что гуляют за ручку и вглядываются в небо. Несколько секунд смотрит, как прибитая к земле, и только потом идёт дальше и приседает на скамейку рядом с Баккетом.

— Там очень скучно? — скорее грустно усмехается Смит и кивает в сторону входа с больницу.

— И не говори, — делает страдальческое лицо Коул и фыркает. — Ещё немного, и я бы уже головой об стенку начал биться. Лучше потерпеть боль дома, чем быть под осмотром в такой глуши. Нет, честно, я им всем благодарен, но сидеть сложа руки нет сил.

— Я не была там, но представить могу, — коротко и без остановки кивает мастер воды и опускает взгляд себе под ноги.

Горечь, чувство невозврата и одиночества доходит даже до Баккета, что, несмотря на отсутствие пары, сияет ярче солнца. Странно и неприятно, альфа колется об острые углы разбитого сердца подруги и

хмурится. Поддержать — на сегодня его долг, одно из главных заданий, и он приобнимает Смит за плечи.

— Ты ещё кислее, чем лимон в чае, который в нас заливают в больнице. Чего ты? — он заглядывает в затуманенные глаза. — По Каю скучаешь? По Джею?

— Я без него будто умираю, — честно признаётся девушка, и впервые за долгое время по щекам бегут слёзы, блестят на солнце, что стремительно скрывается за нахлынувшими тучами. — У меня... плохое предчувствие, Коул, понимаешь? Мне некомфортно, я чувствую... — голос дрожит. — Чувствую себя максимально отдалённой от него. Я боюсь его лишиться, боюсь, что за это время произойдёт что-то отвратительное...

— Ты скучаешь, — мотает головой брюнет. — Очень сильно скучаешь. Знаешь, это ведь и моя вина тоже... я ему не помог. Ни в клубе, ни тогда, когда мог не отпускать в больницу. Даже сейчас я настолько слаб, что и предположить не могу, где он может быть.

— Ты хотя бы проводил с ним достаточно времени. Я как будто отлетела от него на километр, — продолжает она, и люди отвлекаются на взорвавшуюся кружку одного пенсионера и выскочившую наружу воду. — Я его подвела, Коул, и я понятия не имею, как вернуть обратно.

Альфа хмурится и прижимает подругу к себе, пока остальные с каким-то запозданием наблюдают за волной кристальной воды, постепенно приближающейся к девушке. Ния словно сдувается, как шарик от иголки, теряет все возможные силы и утыкается парню в шею. Каждый судорожный вздох сжимает сердце Баккету, и он отдал бы всё, лишь бы мастер воды сейчас не выглядела так.

Хоть бы смеялась, отшучивалась и ругала за косяки, хоть бы поддерживала, когда плохо, хоть бы была увереннее всей команды вместе с городом. Коул ненавидит, когда так просто ломаются дорогие ему люди. Чувство, будто он теряет всех грёбаный раз за грёбаным

разом, позволяет им медленно гнить и совсем не в праве что-то сделать. Баккету бы вернуть время назад и никогда не отпускать ни Кая, ни Джея, ни кого-то другого, держать под крылом и каждый день выдыхать со спокойствием, зная, что никто не ушёл, что опасность далеко от них.
Потратить бы всю свою радость, всю силу, лишь бы сделать остальных счастливыми вновь.

— Мы найдём Джея, — твёрдо говорит мастер земли. — Найдём и больше не оставим одного с...

Земля под ногами с характерным звуком, словно порезанное-покусанное яблоко, трескается, и от ног альфы сразу в нескольких направлениях движутся глубокие трещины, шириной с ладонь. Коул испуганно подтягивает к себе ноги и отпускает взвизгнувшую Нию, сжимая её руку. Камни на земле трясутся, подскакивают, их становится всё больше. Ножки скамейки проваливаются вниз, и альфа падает на грудь, замечает, как вокруг выступают однометровые холмы и окружают тело, будто линия мела при убийстве. Пальцы словно прилипают к земле, чернеют, а буквально от любого движения землетрясение становится агрессивнее.

Холмы, словно острые пирамиды прямиком из Египта, протыкают землю и замирают в паре сантиметров от лиц несчастных больных. Мастер воды что есть силы кричит им бежать подальше отсюда, прятаться в здании больницы, а сама едва не сталкивается с острым каменным углом.

Словно конец света, небесная воля, кара высших сил за непослушание или плохое деяние. Ния никогда не видела такой мощи друга, никогда не подозревала, каким сумасшедшей может быть его способность.
Буквально один неправильный шаг, и она окажется в двух метрах под землёй. Во всех смыслах.

Коул дёргается и пытается подняться, слышит в стороне голос Нии, но не может её найти. Пыль взлетает в воздух, глаза слезятся, и только с появлением визга других людей вокруг альфа теряет силу. Усталость,

тяжесть, словно он прикован к земле цепями, держится на суперклее, почти убивающая сонливость. Конечности будто сами каменееют, кроссовки покрываются землёй, камнями, словно ими и становятся, и сил даже голову повернуть просто не остаётся. Волной по рукам и ногам чёрная, как ночная мгла, магия уходит глубоко в землю, сочится сквозь эти маленькие и большие щели, и с каждым мгновением парень всё слабее.

Сердце буквально разрывается. Сначала каменеет, а потом трескается, по нему словно большим железным молотом бьют воспоминания, чувства, эмоции, прожитые за это время. Парень слышит до ужаса знакомый голос, хриплый и властный, устрашающий, и не может ему противиться. Он не вокруг, а в его голове. Приказывает отдать всё, что он имеет, пустить под себя все имеющиеся силы, и ведь невозможно отказать, невозможно бороться. Коул всё отпускает.

Трещины и холмы остаются на месте, стоят неподвижно, словно ничего не произошло, словно они вновь неживые, и мастера земли отпускает, позволяя повалиться на лопатки и восстановить сбитое дыхание.

— Коул! — зовёт девушка и спрыгивает на землю, валится на колени, пачкаясь в пыли и грязи. Она осторожно подбирается к нему и только касается его ладони, как верещит и отскакивает назад, закрывая глаза ладонями.

Глаза невероятно жжёт, словно вокруг туман дыма от пожара. Слёз становится так много, что вместо капель на землю падает неотрывный ручей, протекает в щели. Девушка ловит воду ладонями, трёт глаза, а кристальной, до жути холодной воды всё больше. Она сплёвывает её, кашляет ею и с дрожью во всём теле отползает обратно к полусломанной скамейке. Внутри вместо крови словно бочка воды, словно озеро, и грудь едва не разрывает от такой полноты. Ния и вовсе замирает, не может двинуться от страха, когда вместе с водой выплёвывает кровь. Чувство, словно кожа растекается лужей, и темноволосая падает на землю.

Небо темнеет, и с него за несколько секунд вместо крохотных капель сваливается град. Сквозь щели земли вспыхивают фонтаны горячей воды, потому что лопаются трубы, и девушка пытается отползти на безопасное расстояние. Воды в организме так много, что её тошнит, сжимается горло, ещё немного, и начнут лопаться капилляры с венами. Вся скопившаяся боль, всё отчаяние и тяжесть, что она носила всё время с исчезновения Уолкера, на неё этим градом и сваливается. Капли больные, тяжёлые до невозможности, и давят только сильнее. Словно протыкая кожу, грудь, они добираются до самого сердца и обстреливают, пока не остановится.

Ния сжимается, когда слышит ненавистный голос, режущий слух.

Голубая магия, подобно струе воды, тянется к земле, течёт каплями по рукам девушки и едва касается камней, как резко подскакивает к небу вместе с градом. Врезается в небо, протыкает, как поднявшуюся в воздухе ткань простыни, и исчезает. Ние больно, а сейчас как-то всё равно, когда сил даже на то, чтобы открыть глаза, не остаётся. Приглушая стон, она расслабляется и едва замечает подбежавших работников полиции, как теряет сознание.

— Нашли мастера земли и воды, — оповещает высокий блондин по рации. Он поднимается на холмик и заглядывает дальше, морщится, мотает головой. — Два трупа. Один завален камнями, второй попал под град, ожог на шее. Серьёзная вспышка стихий, бедняги, видимо, не смогли убежать. Мы забираем ниндзя и едем, о телах тоже позаботятся. Отбой.

× × ×

— Пиксель, мне нужна будет помощь, — говорит Кай по телефону и выглядывает из окна машины. — Ты знаешь, где Зейн сейчас? У вас же связь. Надо найти его, пока не случилось что-то плохое.

— Что... что случилось? — звучит подавленный голос, будто

поломанный на две части, и мастер огня сильно жмурится. Ниндроид переживает шок, горе, волнуется об отце, а он смог об этом забыть. Наверное, судьба Ниндзяго важнее беты в больнице, хотя звучит ужасно эгоистично.

— Потом всё расскажу. Приезжай как можно быстрее, — кидает он и отключается.

Он понятия не имеет, что сейчас произойдёт, хотя стоит ли предугадывать? Он знает одно — после случившегося Зейн не станет принимать омегу с распростёртыми объятьями, и хоть Кай не знает, где именно он накосячил, стоит быть осторожнее. Как бы не нажить приключений на свою задницу и не вызывать свою стихию в последствии самозащиты.

Вплоть до места назначения омега думает о том, помог бы ему Сторм, будь Кай под такой же угрозой. Конечно, Морро не добряк и не его друг, не близкий человек, чтобы заботиться и спасать, но за это время столько всего поменялось. Мастер огня питает непонятные чувства. Раньше, скажи ему кто-то, что Морро способен спасти его, он рассмеялся бы человеку в лицо и подавился, а сейчас... действительно в это верит? Чёрт, ведь очевидно, что альфа опасен и зол, что в ярости может быть настоящим зверем, дьяволом, но Кай чувствует что-то другое. Что-то такое, что кажется, будто со Стормом ему легче, приятнее и безопаснее, чем с любым другим. У альфы отвратительные полудырявые чёрные крылья, острые, как остриё ножа с их фирмы, но омега знает, что под этим крылом можно спрятаться.

И он укроет, прижмёт к телу и укроет от любой стихии.

Он ведь чёртов психопат.

Психопат, конечно.
Но Смит не видит в его странностях угрозу для себя.

Бросит умирать, и плакала твоя защита.

Может быть, Морро точно способен на такое, но вряд ли с мастер огня, которого так близко к себе подпустил. С каждым стреляющим звуком шин, скользящих по асфальту, становится всё холоднее, а мысли о Морро так странно греют тело...

Смит, затуманенный мыслями и самокопанием, первым выскакивает из машины и замирает на месте, когда в кожу врезается непозволительный холод. Парень опускает взгляд на покрывшийся льдом асфальт, недолго разглядывает трещины под ногами и поднимает голову.

Улица буквально пуста, и только стены зданий, с треснувшим звуком покрываясь слоем льда, прерывают мёртвую тишину. Перевёрнутая машина, полностью напоминающая льдину, хранит за рулём до ужаса напуганного мужчину, что безжизненными глазами уставился на дорогу. В руке так и замер телефон, стал с пальцами одним целым, и если он не скульптура, то не человек точно, потому что после такой заморозки долго не живут. Вторая напуганная девушка, которой, кажется, Кай ранее отдал свой мобильник, вместе с подругой застыла у светофора с пакетами из торгового центра неподалёку, так и не имея больше возможности примерить купленные вещи.

Смит заглядывает в мёртвые глаза девушки, пропитанные сплошным нещадящим морозом, холодом, сжимающим сердце, и оборачивается, едва слышит кряхтения друга.

— Зейн! — зовёт он и бежит к альфе, стараясь не поскользнуться, как во время замирает за секунду до столкновения с вылезшим из-под земли острым куском льда, схожего с айсбергом. — Зейн, я пришёл помочь!

— Он просит, — рычит сквозь стиснутые зубы мастер льда и валится на лопатки, сжимая волосы на голове. — Требует, чтобы я всё отдал. Чтобы отдал ему силу, а я... никогда...

Шатен останавливает на нём испуганный взгляд и жестом руки просит вылезших из машины полицейских быть осторожнее. Он жмурится, потому что смотреть на мучения друга просто физически невыносимо, и осторожно двигается ближе к нему, скользит по поверхности.

— Зейн, ты же... Ты такой сильный, ты ведь невероятен. Ты можешь бороться с ним, — говорит он и доползает до альфы, касается его щеки и удивляется, как он может быть таким холодным. — Ты всё сможешь, просто...

— Не подходи, — предупреждает он и поднимается на ноги, устремляет на друга полный злости и обиды взгляд. — Подойди на шаг, и тебя сдует ветром, клянусь.

— Зейн, я не желаю тебе зла, — с невероятной искренностью говорит Кай, повышая тон, и прижимает ладонь к груди. — Никогда не желал. Я хочу помочь, хочу спасти, но что я сделал не так? В чём дело?

— А ты не знаешь? — злится мастер льда, и на шатена надвигается волна метели, пока к земле медленно подбирается белая магия со снежинками, спускаясь по ногам альфы.

— Перестань, Зейн! Ты спятил?! — парень отскакивает и катится по льду, пытается обойти друга и подойти со спины. Он кивает, заставляя двоих мужчин у полицейской машины спрятаться за ней и также пойти в обход. — Ты убил людей, пожалуйста, опомнись!

Герой-убийца, невероятно.
Невероятно отвратительно.

Альфа замирает и переводит испуганный взгляд на замёрзшую машину и два ледяных силуэта перед зеброй на дороге. Осознание подползает с минимальной скоростью, и пока между ним и Смитом вырастает очередной ледяной холм, как прочная стена, мастер льда не

может поверить. Желающий найти спасения лишил его других, уничтожил невинные жизни, растоптал, даже этого не заметив, превратился в убийцу. Зейн только сейчас может укусить горький плод, что без остановки глотала Пиксель недавно, опустив коляску отца, и это действительно невероятно трудно. Только в её случае мэр жив, а в случае Жульена мертвы сразу трое.

Ниндроид падает на колени, то ли от отчаяния, то ли от отсутствия сил, и обхватывает себя руками. Холодно не только снаружи, холодно теперь и внутри, и лишь мысль, что своей яростью он мог забрать и жизнь Кая заодно, вовсе его уничтожает.
В паре метров замирает Пиксель на мотоцикле, и Зейн едва успевает столкнуться с ней взглядом, как без сил падает вперёд.

Смит скользит и, врезаясь в тело ниндроида, шипит от холода и ловит за мгновение до столкновения с ледяным асфальтом. Он ждёт, пока П.И.В.В.Ж. окажется рядом, успокаивает её и поднимает друга, осторожно передаёт подошедшим полицейским.

— Звонила Скайлор, Ния с Коулом уже дома, — говорит Пиксель и поднимается на ноги. — Что мы собираемся делать? Способности уже ушли.

— Оверлорд может появиться в любой момент, так сказал Сенсей Гармадон, — поясняет омега и с её помощью поднимается. — Нужно было собрать всех и оставить в безопасном месте. Пиксель, это... — он запинается и берёт ладонь девушки в свою. — Мне жаль, что я не помог вам, снова...

... а вы не помогли мне.

— Многое произошло, я всё понимаю, — кивает ниндроид и гладит его плечо. — Твои дела важны для нас не меньше.

— Знаешь, я бы хотел заранее... просто... всегда говори мне сразу, если

я сделаю что-то плохое, — он улыбается уголками губ и, не дождавшись ответа, скользит в сторону машины. Девушка провожает его взглядом и думает, что ответ был и не важен вовсе. Она садится за мотоцикл и всю дорогу до их дома следует точно за машиной, словно остерегаясь, что в любой момент с Жульеном случится что-то ещё.

× × ×

Джин откладывает мобильник на сидение рядом и заезжает во двор своего особняка, отвлекаясь на темнеющее небо. Связана ли его любовь к вечеру и ночи с тем, что он давно мертвец, дитя земли? Может быть. Где бы он ни был, в каких бы местах ни побывал вместе с лампой, а ночь везде одинаковая. Холодная, спокойная, как горячая ванна с ромашкой после тяжёлого рабочего дня. Мужчина искренне любит эти тёмные силуэты, простым людям напоминающие их собственных монстров, нравятся тени в свете луны, где для всех обязательно спрятано что-то ужасное.
Страшнее нас самих не может быть никого, так думает брюнет и хлопает дверью чёрного гелендвагена.

Буквально у входа в особняк Надакхан чувствует, что здесь что-то не так. Мужчина ехал с мыслью пересилить себя и добраться до Джея, глянуть краем глаза, может, даже поговорить обо всём этом,

хотя вряд ли Уолкер вообще станет с ним разговаривать,

и ведь стоило бы попытаться. Он уже достаточно времени потратил в одиночестве, чтобы понять, что Джея так просто из головы не вышвырнуть. Он ещё не понимает, что всё это значит, как с этим бороться и забывать ли бету, отпускать, но он уверен, что, взгляни он на шатена, и всё станет понятно.

Окна особняка неестественно тёмные. Лампочки, освещающие широкие двери, ежесекундно потухают, стоит засветиться вновь, а с

приходом альфы и вовсе искрятся, пускают буквально по белым стенам ток. Мужчина понимает, что дело рук точно не новичка-электрика, и не ловушку её ведётся, оставляет железную ручку двери нетронутой. Наверное, он параноик и давно неизлечим, но из всех чувств в колоссальных размерах возрастает только волнение за Джея. Такое неприятное волнение, что скручивает живот и ускоряет мыслительные процессы, потом вовсе затуманивает их, и в голове одно «беги».

Лучше бы бежать отсюда.
Бежать от Джея, да чтобы подальше, за тридевять земель, но дорога только одна, и она к ногам мастера молнии.

Надакхан что есть силы толкает ногой дверь и забегает внутрь, замечая у лестницы сжавшегося прислугу. Он закатывает рукава рубашки и быстрым шагом идёт к нему, приседает на корточки.

— Где он? — как можно чётче спрашивает он и надеется, что омега прекрасно понял, о ком речь.

— М-мы о-отправил-ли его в в-в-ванную, — заикаясь, словно увидев до этого что-то ужасающее, проговаривает омега и сглатывает. — О-он т-там, он... Од-дин, мы...

— Вода с электричеством, блять, ты представляешь вообще, что может случиться? — на удивление спокойно спрашивает мужчина, хотя внутри сердце уже не вмещается в рёбра и стучит железным молотом, ловит запах голубики вместе с горелым и, как пёс, бежит по его следу.

Он понимает: один шаг, меньше положенного, одно неверное движение в сторону не той двери, и случится что-то ужасное, что-то, чего он не вынесет.

Он бы душу продал, навсегда бы засел в лампе, лишь бы сейчас увидеть бету целого и невредимого, лишь бы добраться и почувствовать тёплое, вовсе не холодное тело, прижать к себе и спрятать за своими руками, как самое ценное сокровище из всех

морей. Нет сейчас никаких мыслей, нет никаких «он мне никто», есть Уолкер, и Надакхан сойдёт с ума без него.

Альфа останавливается у деревянной двери, за которой полыхают искры, волны тока со звуком, подобным сломанным под ногами веткам в лесу. Думает секунду и открывает дверь плечом, едва не касается железной ручки и замирает на проходе, сталкиваясь с голубыми глазами.

Испуганные, нереальные, из сна пришедшие точно.

Джей сжимается сильнее, как зверь, загнанный в угол, и боится двинуться в сторону, ведь охотник уже напротив. Надакхан оказался тем, кто увидел его полностью, взял без остатка, но парень всё равно словно девственник, словно собственное тело — воздух. Его тоже нельзя увидеть.
Никому.
Никогда.
Он думает, что даже пышная пена ничего от альфы не скрывает. Каждый видимый участок тела, светлая, покусанная кожа, что отражает парящие в воздухе искры — ничего не скрыть. Бета безумно напуган, но как вдруг стало тепло. То ли безопасно с альфой, то ли опаснее вдвойне, но страха во всех случаях только больше.

— Мой светлый мальчик, — шепчет джин и, словно никакого трупа под ногами нет, перешагивает и оказывается слишком близко, тянется ладонью к кудрявым волосам. — Ты представляешь, как я испугался? Я чуть всё к чертям не снёс.

— Не трогай меня, — дёргается мастер молнии в сторону, а голову сдавливает устрашающий, до ужаса хриплый голос, по коже проходят разряды тока. Свет-синие, до ужаса яркие. Ползут вверх и перескакивают на стены, на приборы, провода, тянутся к верху.

Надакхан не думает, как отлично будет выглядеть, когда коснётся воды и сгорит к чёртовой матери. Перед голубыми глазами, перед невозможно светлым парнем с его меткой альфа ни о чём не думает.

— Я убью тебя этим, клянусь, оставь меня в покое, — вновь предупреждает Уолкер и сильно жмурится, прижимает ладони к ушам, готовый закричать.

— Никогда, — отвечает мужчина и решается. — Мне плевать, я никогда тебя не оставлю, особенно сейчас. Утопи меня и задуши проводами, я и так мёртв, но я метки кому попало не ставлю. Я не использовал тебя, я тебя выбрал, Джей, и сдохнуть от удара тока намного легче, чем думать о тебе без возможности увидеть.

Он опускает руки в воду и, игнорируя удивлённый взгляд Уолкера и его сотни немых вопросов, тянет бету на себя. Кожу ничего не бьёт, просто жарко так, словно он в паре метров от солнца. Альфа оседает на полу и что есть силы прижимает к себе шатена, обхватывает руками, как крыльями, и зарывается носом в его волосы. Свет начинает быстро мигать, и лампочка под напряжением лопается, горячие осколки летят вниз. Мужчина подставляет им спину, нагибается так, чтобы прикрыть собой едва в состоянии держаться Джея.

Ток пробирается внутрь, ползёт по коже и смешивается с кровью, доставляет максимум боли. Бета весь дрожит и дёргается, но руки и поддержка действуют, как лекарство, пускай едва рабочее. Парень едва собирается взвыть, как альфа рядом подставляет ему своё плечо, гладит волосы, и парень что есть силы кусает его сквозь ткань рубашки. За окном буквально гремят раскаты грома, в антенну на крыше бьёт молния, словно в невероятно ужасную погоду, словно сам Зевс разгневан на землю. Ток течёт по проводам и ломает приборы, заставляет все лампы в помещении лопнуть, а свет погаснуть, и в темноте источник хаоса в один момент теряет всю силу.

Джей обмякает в руках и утыкается в плечо альфы носом, пока тот осторожно приземляется на спину, но бету из рук не выпускает. Гладит по волосам, смотрит в потолок, проводит пальцами по открытым участкам кожи, по собственной метке и обещает, что за мучения парня пустит в грудь Оверлорда парочку пуль.

Парочку тысяч.

× × ×

— Мистер Чан, мне бы совета от Вас, — говорит Ллойд, подходя к скамейке в парке и присаживаясь с краю, оставляя место мужчине.

— Всё что угодно для героя, защитившего мой склад, — улыбается он.

— Хорошо, так, — мастер энергии прокашливается и поворачивается к мужчине, сжимает ладонями колени. — По поводу Морро и его планов, — продолжает он шёпотом. — Мне сложно представить, что делать, когда мэр в таком состоянии и у нас почти не осталось людей исключительно на нашей стороне.

— Ситуация в городе чрезвычайная, и в кресле Борга сейчас его заместитель, — начинает Чан. — К тому же, у Морро достаточно хорошая репутация, чтобы подобраться ближе к центру города. Точнее, к креслу мэра.

— Это будет катастрофой...

— А мог бы ты или твой отец ступить на защиту нынешнего мэра? Встать на его место? Подумай об этом. Вы достаточно сделали для города, и если твой отец запомнился городу не в лучшем свете, у тебя есть прекрасная возможность управлять городом.

— Да, — он задумчиво кивает. — Да, я думаю, что вы правы.

Он замирает и с лёгкой улыбкой смотрит под ноги, обдумывать сказанное мужчиной и безостановочно кивает самому себе. В какой-то момент странная головная боль и тяжесть в груди, на плечах, словно упавший груз с тонной камней, валится на альфу, но парень не задумываясь списывает всё на усталость. Веки тяжелеют, и мужчина рядом тяжело сглатывает, прикладывает ладонь к груди.

— Ллойд...

— Вы правы, я могу пойти против Морро. У меня есть возможность, — он берёт мужчину за руку. — Ниндзя столько помогали городу, он не сможет не принять нас, не принять меня, как лидера. Мы объявим о ЧС в городе, скажем быть осторожнее, пока не решим это дело. Вы гений!

— Ллойд, мальчик...

Под ногами зелёная трава высыхает, теряет свою яркую окраску. Цветы увядают, опускаются к земле и валятся, словно погибшие люди на бок. Вся свежесть вокруг будто в момент пропадает, начинает пахнуть гнилью и сырой землёй. Ллойду самому нехорошо, он чувствует, как сил с каждым разом всё меньше, как мало в нём энергии. С каждым его вздохом отравляется кислород, воздуха вокруг скамейки становится катастрофически мало. Всё живое от присутствия ниндзя умирает, высыхает и лишается запаха, веса, лишается шанса жить.

Гармадон поздно понимает, что всё вокруг происходит из-за него, и с ужасом оборачивается к мужчине рядом. Кожа под ладонью мастера энергии высушенная, морщинистая, кожа настоящего мертвеца. Парень со сдавливающим сердце страхом поднимает глаза на замершее лицо, изуродованное гримасой боли, на замершую навсегда грудь, и не может поверить. Он касается его щёк, касается лба, шеи, а кожа невероятно холодная, кожа от его прикосновений рассыпается сухим песком.

Ллойд вскакивает, но ноги не держат, и он валится на спину, отползает как можно дальше. За несколько метров от него умирает всё, умирает, наверное, и он сам, а взгляд всё не отрывается от трупа мужчины. Всё кажется сном, глупой постановкой, кошмаром, который просто не заканчивается, но точно не правдой. В реальности он бы мухи не обидел, в реальности он герой, а не убийца.

Держаться всё тяжелее, больнее, он чувствует боль, сравнимую со смертью, чувствует, как в прямом смысле высыхает сердце, организм, и задыхается.

— Ллойд! — Гармадон выскакивает из машины и замирает перед границей между живым и мёртвым, не смея ступить дальше. Офицер держит его за рукав, сам не смеет ступать, иначе просто распрощаться с жизнью.

— Дорогу мёртвым, — слышится сзади, и автомобиль быстро обходит Харуми, разминая пальцы.

— Нельзя, здесь мёртвая зона! — кричит офицер.

— Руми, один шаг, и...

— Извини, но я уже умерла один раз, чтобы не бояться подобных вещей, па-па, — чётко выговаривает последнее слово и бежит к альфе, перескакивает через высушенную траву.

На неё ничего не действует, словно принимает за мертвеца, и Харуми не соврала. Даже здесь она всё ещё мертва, а может, дело в том сильном желании и волнении, что вспыхивает у неё, стоит посмотреть на сжавшегося Ллойда.

— Заткнись, замолчи. Ты ничего не получишь, ничего... — шепчет блондин и обхватывает себя руками, корчится и сильно жмурится, пока вся его энергия светло-зелёной волной уползает куда-то под землю. Заботит один единственный голос в голове, что выкачивает из альфы все силы, смеётся, хватает невидимой рукой за волосы и тянет на себя. Ллойда тошнит от него, тошнит от страха и гнили, которой пропитались лёгкие, он мечтает их выплюнуть. Желудок скручивает, и парень блюёт, бьётся в крупной дрожи.

— Ллойд, — зовёт девушка и опускается рядом, приподнимает за плечи и прижимает к себе. — Не мучай себя, прошу. Отдай энергию ему, умоляю, мне больно смотреть на тебя, — она гладит альфу,

замечает, как тот напрягается.

Ллойд никогда не уступит Тёмному Лорду, никогда не сломается, Харуми знает всё прекрасно. Он вывернется наизнанку, закопает себя заживо, но не станет сдаваться, но от этого не легче никому. Девушка впервые боится, что, случилось с Гармадоном что-то, его нельзя будет вернуть. Что Оверлорд возьмёт верх, и парень исчезнет без возможности вернуться обратно.
Ллойд точно никогда не любил Харуми, зато она была готова свернуть за альфу горы. Он никогда не видел в ней близкого человека, зато она сейчас ближе всех на свете.

Кожа парня бледнеет, словно из его выходит всё живое, всё необходимое, и беловолосая отрывается, покрывает его лицо поцелуями. Касается рук, оглаживает шею, долго держит губы на лбу блондина, а потом обнимает вновь, словно так забирает всю его боль. Шепчет, что рядом, что не оставит, что таких сильных людей не видела ещё никогда в жизни, пока Ллойд не перестаёт брыкаться.

Только спустя минуты две, когда убедилась, что энергия ушла окончательно, она кивает мужчинам и помогает им донести блондина до машины.
Руми хочет остаться с альфой, но не имеет никакого на это права, поэтому скрывается из виду до тех пор, когда Гармадон-старший о ней вспоминает.

× × ×

Мастер огня хлопает дверью, только усевшись в такси. Отодвинув телефон от уха, он быстро диктует альфе за рулём адрес дома родителей, откидывается на спинку задних сидений и возвращается к разговору. Сейчас как камень с плеч упал, и от усталости приятно ломит тело, что требует немедленного отдыха в тишине. Каю бы ещё знать точно, что с Джеем всё в порядке, чтобы спокойствие дошло до своих ста процентов, и он обещает себе, что в первую очередь дома

позвонит Морро и расспросить о друге. Вероятность того, что он расскажет, самая милипиздрическая, но он недавно помогал сидеть с Диланом, поэтому у альфы нет другого выбора.

Парень опускает взгляд на окно, рассматривая темноту ночи за ним, и позволяет себе расслабиться, пусть не до конца.

— Мы хотя бы нашли их, — тяжело вздыхает на том проводе Гармадон. Мужчина на все сто процентов сидит сейчас рядом с сыном, гладит, следит за обстановкой дома и не выпускает врачей из дома, пока не убедится, что последствий передачи сил не окажется. — Осталось только надеяться, что Джей в порядке.

— Полиция докладывала о внезапном раскате грома над Стиксом, — размышляет Смит. — Стоит проверить город завтра. Я бы хоть сейчас поехал, честно, но поиски ночью никогда не приносят ничего хорошего.

— Я думаю, вам всем стоит отдохнуть. Завтра я пошлю в Стикс офицера с людьми, они проверят город, — отвечает мужчина. — Ты спас друзей, Кай, они будут очень благодарны, когда придут в себя, поверь мне. Ты не думал возвращаться?

— Я всё ещё хочу показать им, что они не должны решать за меня всё что нужно и наоборот.

— Как знаешь. Мне не хватает вас всех в сборе, вы словно... распадаетесь, — мотает головой Гармадон. — Езжай до дома, завтра я передам обстановку.

— Само собой, — улыбается омега и сбрасывает звонок, пряча телефон в кармане.

Парень решает, что следовало бы подумать о многом.
Может, понять, что происходит с его мыслями?

Мастер огня достаточно натерпелся за этот месяц, и его мировоззрение

перевернулось на все сто восемьдесят. Если раньше враги были врагами, а друзья друзьями, то сейчас все они буквально перемешались между собой. Что же такого произошло, чтобы сумасшедшим головокружением одни заняли место других, запутали омегу до предела? Когда настал этот роковой момент, чтобы парень усомнился в своих, кажется, до этого на сто процентов точных стереотипов?
День, когда он ушёл из дома, как разгневанный и обиженный подросток.

Друзья перестали казаться той стеной, которая бы выдержала любой обстрел. Раньше он действительно верил, что с дружбой всё так легко, что ты всем доверяешь, всех любишь, от этого и получаешь полную отдачу.
Неправда.
С приходом дружбы тебе никто не обещает, что каждый будет нести вечную присягу. В каждой сказке есть свой удар в спину. Кай ожидал, что будет больно, но не ожидал этой боли от тех людей, с которыми столько прошёл.

Парень понимает: всё дело в их заботе, но стоило ли говорить это так, выражаться в таком тоне, такими фактами, чтобы из омеги буквально выбить воздух? Стоило было подумать об этом, чтобы потом не глотать последствия. Ллойд прекрасно дал понять, что никакого злого умысла не нёс, что желал только добра, но в груди всё равно тяжело. Раны на спине не зажили, там ещё видны следы от произошедшего, и сейчас вторая причина, по которой омега не хочет возвращаться, заключается в нежелании возвращаться к истокам. Превращать спину в месиво, лишать живого места. Морро тоже не внушает полного доверия, не встаёт перед ним добрым и преданным другом, но в последнее время к альфе тянет куда больше, чем к кому-то другому. Морро смог за него постоять, он разрешает Каю видеться с Диланом и честен в каких-то своих делах. Он не имеет права что-то ему рассказывать, и Смит прекрасно это понимает, поэтому ни с чем не навязывается. Сейчас Кай почему-то ближе всех к нему, и это так... так странно, но так правильно.

Собственно, возвращаться в команду парень совсем не собирается, этому есть причины. Учитывая отношение Зейна к нему, что реагирует, как бык на красную тряпку, с распростёртыми объятьями его никто не примет.
Он сам не против такой перспективы.

В салоне становится жарко, и омега ложится, свешивает с сидения ноги. Ему бы разобрать всё это, чтобы насовсем, но листы, что он назвал проблемами, соскакивают с нужных полок и перемешиваются, падают на пол от волны ветра, только он отворачивается. Дохрена мыслей, как рой пчёл, и спустя несколько минут это начинает настораживать.

— Остановитесь здесь, — говорит шатен и поднимается. — Я возьму кое-что, подождёте? Спасибо огромное.

Он выскакивает из машины и забегает в небольшой магазин с яркой вывеской за водой. Берёт первую попавшуюся, но не со стенда, а из холодильника, быстро расплачивается и, не желая злить водителя, возвращается и садится на место. Он думает, что показалось, но нет — нагрелись даже сидения, окна, будто автомобиль изнутри медленно превращается в адское пекло. Пока они едут, омега забивает на размышления нахрен, потому что начинает паниковать, просит включить кондиционер и спрашивает разрешение открыть окно.

— Парень, хочешь, чтобы нас продуло? — начинает злиться мужчина и поворачивает на светофоре. — Открой со своей стороны, потому что мне болеть нельзя. Кондиционер я выключаю.

— Здорово, ну и пожалуйста, — фыркает мастер огня и опускает окно рядом с собой буквально до самого низа.

Парень высовывает голову наполовину и ловит ртом свежесть. Наверное, просто усталость и перенапряжение, иначе не может быть. Смит не собирается допускать мысли, что Оверлорд пришёл и к нему, что капсулы не подействовали и он отдаст всего себя без остатка так же, как другие. Он не хочет сдаваться.

Вовремя вспомнив слова Гармадона, парень уже решается на то, чтобы держаться достойно, как видит между домами ползущую к ним тень и замирает на месте.

— Ты отдашь мне всё, — спокойно, но явно с напором начинает до ужаса пугающий голос в голове, и он буквально режет слух. — Нужно иметь сверхъестественно маленький мозг, чтобы не догадаться, зачем, и ты всё прекрасно знаешь. Отдашь, или мне придётся забрать самому. Ты видел, что происходит, когда ребёнок не отдаёт конфету.

— Тогда попробуй забрать, — вскидывает брови Кай, словно ожидающий дальнейших действий. Он отворачивается и быстро закрывает окно до момента, пока тень доползает до машины, и откидывается на спинку сидения.

Парень возвращается к пожару внутри и шепчет что-то себе под нос, пытается успокоиться. Руки тянутся к ещё холодной бутылке, он выпивает половину, и оставшаяся буквально становится кипятком. Он тянется к низу худи и начинает проветривать грудь, махая тканью, скатывается вниз и пытается отдышаться. Разум туманится, все мысли словно сдувает ветром, а кожа буквально горит. Парень ведь держит свою силу на месте, чувствует внутри. Он зарывается пальцами в волосы.
Осознание того пиздеца, что устроила ему судьба, приходит только тогда, когда живот скручивает, запах значительно усиливается, а штаны впитывают влагу.

Кай замирает в ужасе и боится двинуться. Тело так ноет и болит, живот так скручивает, словно там, как в стиральной машине, крутятся вещи. Одно лишнее движение словно грозит ему, что альфа за рулём всё почувствует и заметит, что обернётся и сожрёт омегу с потрохами. Он боится издать звук, боится моргнуть на секунду, чтобы в следующую увидеть перед собой пленённые желанием глаза. Телу всё жарче, шатен буквально горит, как повиснувший над костром, и следом за ним сгорает вся уверенность.

Серьёзно, сгорает к чертям.

Организм сейчас сам себя выжимает, парню так хуёво, что ни одна вдохновляющая речь не вернёт ему силы.

Кай сжимается от очередного спазма и с ужасом замирает, как мужчина внюхивается и матерится.

— Ты серьёзно? Я... блять, — ругается он вдыхает запах всем телом. — Во время заказа никто не говорил о течной омеге. Этот запах...

Смит сглатывает и стонет от боли, слышит, как рычит водитель, и думает, что лучше бы сейчас отдавал силы Оверлорду. Он дышит через раз, задыхается, знает, как такие звуки сводят с ума альф, но не может ничего поделать. Руки начинают дрожать, сидение намокает, а кислорода только меньше. В один момент он доходит до грани, когда от боли хочется взвыть и забраться на колени совсем любого альфы, и его это пугает. Ужасает. Хочется тёплых рук и поцелуев, хочется укусов, хочется секса, чтобы взяли и больше не отпускали, и лишь остатки разума, что Кай усиленно не отпускает, кричат ему прийти в себя.

А в салоне мерещится мята.

Смит считает себя психом, но решается и через силу поднимается, приближаясь ближе к мужчине и запуская свои пальцы ему в волосы. Альфа рычит зверем, непонятно ещё, как ведёт машину, начинает тормозить и говорит под нос, как и в какой позе, с каким диким желанием сейчас разложит течного омегу. Кай сглатывает, потому что понимает, что тело этого и просит, а домыслы оказываются правдой. Почти все альфы — звери, психопаты, готовые разорвать омег от одного желания, и мастеру огня от этого больно.
Парень зарывается глубже, касается кожи, делает вид, что тянется к его лицу, а потом резко, с размаху бьёт мужчину лицом об руль.

Машина теряет контроль, и Кай тянется к педалям, нажимая на одну ладонью и приводя автомобиль в состояние покоя.

Он весь дрожит.

Желая выбраться из пекла, в котором скоро сгорит, он распахивает дверь и сваливается на асфальт, переворачивается на спину и часто-часто дышит. Кислорода больше, но тело по-прежнему болит, и от боли только хуже. Кожа будто липнет к асфальту, прилипает с суперклеем, и омега снова задыхается, сжимается весь и обхватывает живот руками. В голове только требования найти одного единственного альфу, найти и оседлать, хотя бы попасть в эти сильные руки. Парень понимает, что бредит, но стоит вспомнить, с какой силой Сторм прижимал его к себе и как крепко держал, так тело плавится. Смит извивается и дышит через рот, стонет от боли, от тяжести и кое-как достаёт из кармана телефон.

Он точно собирается доверять только одному альфе.

× × ×

Мужчина внимательно слушает Сторма, расхаживающего по кабинету, и провожает взглядом, пока тот выходит за дверь. На улице давно темень, и бете бы собраться и пойти домой, как он слышит вибрацию телефона альфы на столе. Он с опаской косится на дверь, и потом, заметив имя на экране, меняет взгляд на ненавистный, в тоже время насмешливый, ядовитый.

— Алло? — отвечает Чен и невинно хлопает ресницами, откидываясь на спинку кресла. Камеры он замечает буквально сразу, и с тяжёлым дыханием на том проводе понимает, что стоит поиграть на публику. — Алло, меня кто-то слышит?

— Пожалуйста, Мо... Сторм, — совсем без сил рычит парень и снова сжимается, едва не хнычет от спазмов. — Где...

— Алло? — повторяет мужчина и, не дослушав, сбрасывает звонок. Для полноты картины выронив телефон куда-то под стол, Чен лезет туда и удаляет «последний звонок», с самым невозмутимым лицом

поднимая устройство и оставляя на столе. Сдувает пылинки.

Морро возвращается через пару минут и хмурится, наблюдая, с каким интересом бета разглядывает экран его телефона.

— Кто-то звонил? — он с шумом опускает бумаги на стол.

— Неизвестный, — слегка усмехается мужчина, будто у него нервный тик, и отдаёт телефон хозяину. — В трубку дышали. Уверен, Вам стоит сменить свой номер, мистер Сторм, сейчас достаточно шутников завелось в городе.

— Несомненно, — не отрываясь от бумаг, отвечает альфа и достаёт ручку, возвращаясь к расстановке подписей. Он быстро жмёт на кнопку и пододвигается к диктофону ближе. — Элис, малыш, принеси две кружки кофе, пожалуйста.

twenty-one. whore

Примечания:

вы можете посчитать аргументы Ллойда в кабинете Морро неправильными и глупыми, но постарайтесь сначала встать на его место. если вы оцените все действия Кая и его поведение, то найдёте достаточно много совпадений.

прошу прощение за ожидание, я отдыхала!)

некоторые песни больше подходят по атмосфере, чем по смыслу
Джей: Billie Eilish, Khalid — lovely
в кабинете Моррo: NEFFEX — Without You; Imagine Dragons — Battle Cry

для самого конца подойдёт только тишина.
название главы — «шлюха»

***

Ния с утра ходит нервная, огибает диван и делает круги, даже заглядывает в окно. Чешет руки от волнения и пугает друзей. Будто загнанная в угол, омега всё не находит себе места, из-за чего весь дом будто вверх ногами. Испуганные глаза девушки выдают её с потрохами, будто так и кричат: «Что-то случилось». Взгляд бегает туда-сюда, как сумасшедший, пытается ухватиться за что-то, и омега уже кажется каким-то озабоченным параноиком.
Едва не доводя кожу на руках до ужасного состояния, она останавливается, когда Коул ловит её и садит на диван.

— У Кая течка, — поясняет она и нервно трёт ладони, укладывает на коленях и сжимает едва не до следов от ногтей. — Я волнуюсь за него. Таблетки должны были помочь, но мама говорит, что он мучается. Ему

нужен альфа, но… он потом сам будет жалеть об этом, — она легко усмехается и опускает взгляд. — Точно будет.

— Всё очень плохо? — спрашивает подошедший лидер и опускается в кресло, жмурится от ноющей боли в теле. — Я будто желудок вместе со всем остальным выплюнул… Сейчас повторится, я чувствую.

— Потому что не стоит лишний раз подрываться, — строго отвечает Мисако и подаёт сыну две таблетки со стаканом. И ведь есть в её голосе и теплота, и нежность, и волнение, это всегда для неё характерно. Ллойд отмечает где-то в голове, что стоит быть пассивнее и не злить мать, улыбается женщине и с её подходом целует в щёку.

Лидер сегодня снова бледнее остальных, словно кто-то стоит за спиной и решительно вытягивает из него силы. Проблема была в том, у кого способность опаснее, и альфе замечательно повезло, потому что умереть в тот день можно было с вероятностью больше семидесяти процентов. Парень по ночам плохо спит, утром демонстрирует всем свои мешки под глазами, в которых можно спрятать годовой запас чая из их лавки. Почти мёртвый, со слабыми костями, но лекарства и витамины идут ему на пользу. День за днём становится лучше.

Ния исхудала и чешет руки не просто так. На запястье расползся ожог после того, как прорвало трубу с кипятком. От омеги словно отлили литр крови точно, выкачали или выпарили, а ей сейчас плевать, она думает о другом. Жмётся к спинке дивана и раз за разом тянется к телефону, собираясь дозвониться до родителей и спросить о самочувствии брата.

Баккет дёргается и разминает руки, хрустит буквально на весь этаж и жмурится от дискомфорта. Фаланги пальцев брюнета сгибаются только с особыми усилиями, ноги держат, но могут в любой момент подвести. Иногда будто тянет к полу и заставляет упасть, прилипнуть, может, даже провалиться, и альфа достаточно времени проводит на мягкой мебели. В полдня по сорок минут делает разминку.

Сенсей Ву не уходил с самого вечера, как приехал по вызову брата, не

спал едва не целую ночь. Для его здоровья и возраста это не лучшая перспектива, как и его дурное волнение за команду. Спокойствие буквально испарилось в глазах, только приближение настоящего апокалипсиса в виде Оверлорда, у которого есть практически всё необходимое для поддержания жизни и власти.
Мужчина отсыпается в комнате Смита, отправленный туда Мисако, и Ллойд уверен, что даже во сне он бесконечно рассматривает равнодушные, мёртвые, землёй забросанные глаза.

О Уолкере нет никаких известий, только удачно исчезнувшая молния и гром. Полиция объезжает весь Стикс, но звонка от них ещё не было, и ведь куда ещё больше проблем? Зейн за раз перепроверяет сразу десяток информации, чтобы разогреться и не чувствовать этот машинный холод, от которого едва не рвутся провода. Он либо осматривает карту Стикса и отмечает большие здания, примерное место остановки джина, либо выключается на время, чтобы отдохнуть. После того тяжёлого дня всем бы пожизненный отпуск, длиной в вечность.

— Когда Кай плакал, я думала, что во время тяжёлых времён буду рядом, что не оставлю одного терпеть это всё, а сейчас я не знаю, как он, — продолжает Ния и поднимает взгляд в потолок. Наблюдает за тем, как Мисако уходит в другую комнату с телефоном у уха, и соединяет пальцы в замок. — Я так слаба, что не могу его проведать. И что, я сестра?

— Ты сестра, но имеет ли Кай возможность называть себя братом или другом — неизвестно, — Зейн проходит в гостиную и подходит к окну, внимательно смотрит на друзей.

Ния провожает его удивлённым взглядом и с изумлением, неверием и непониманием одновременно вскидывает брови вверх. Ллойд только напрягается и вскидывает голову вверх с немым вопросом, сам готовится к очередным ошеломляющим новостям.

— Он помог Морро сбросить мистера Борга с моста, — говорит Жульен и отворачивается к стеклу. — Он сидел в машине и смотрел за

всем, не вставал, не пытался помочь. Будто он стал для нас чужим человеком…

— Что? Нет, Зейн, это бред полнейший, — хмурится мастер воды и вскакивает с места.

— Согласен с Нией, — подаёт голос Баккет.

— Ты уверен в том, что видел? — тихо спрашивает Гармадон, не открывает глаз от лица ниндроида. Он слабо верит, но как чувствует, представляет, что Кай мог их кинуть. Почему-то после всего случившегося это кажется не просто правдой, а чем-то таким горько ожидаемым, возможным, естественным. Парень представляет лучшего друга в объятьях Сторма, его руку в руке врага, и по телу пробегают мурашки.

— Ты с ума сошёл? — омега зло на него косится. — Вы двое точно что-то повредили себе, потому что я не представляю, как можно допустить такую мысль. Это… Боже, это же бред, такая глупость!

— Я покажу видео с моей стороны, если тебе нужны доказательства.

— Я не верю. Мне плевать, что ты увидел, но я верю Каю, верю своим глазам, — она злится, едва готовая пустить от злости фонтан из крана, если бы так было возможно. — Ллойд, и ты веришь? Коул?

Коул мотает головой и хмурится, блондин только опускает взгляд и позволяет расползаться мыслям, а Смит растягивает лицо. Мир, кажется, в её глазах свихнулся.
Как же так: не верить человеку, с которым бок о бок от смерти отходил? Мастер огня будто им всем брат, кровный родственник. Друзья должны доверять друг другу, а семья, тогда уж, в квадрате, но сейчас, почему-то, на лицах альф такое разочарование, будто Кай прямым строевым шагом добрался до них сзади и вонзил нож. Она его сестра, ей нельзя верить ушам, пока не увидит глазами, но что-то не так. Снаружи она готова развесить плакаты с тем, что её брат не виновен, а в груди давит, потому что она догадывается.

Кай был единственным, кто мог помочь Джею в ночь его похищения. Он был обязан попытаться, встать за бету горой, ведь правда? Его сломали слова Сторма, сломало враньё родных людей, и Ния прекрасно знает, что в таком состоянии даже стоять сложно. И ведь не то. Виновен. Не помог, ведь мог, не сражался до последнего, позволил себе упасть на колени и отпустил товарища.

— Бред, — повторяет она и зарывается пальцами в волосы, отворачивается, как в панике.

Злоба и скука, почти неуничтожаемая любовь к Джею медленно рвут канат, связывающий брата и сестру. Так больно от собственного неверия и сомнений не было никогда, и омега будет рвать волосы на голове, метаться, бить кулаком в грудь, но чувства не уйдут. Шатен слишком открыт для их врагов, у него достаточно причин и обид, чтобы перейти на их сторону. И ведь постойте, она даже видит перед глазами полную картину, все очертания, каждое действие, что до этого апокалипсиса показалось бы безумием. От разрыва чувств что-то дерёт горло, сдавливает грудь. Хочется сжаться и упасть на пол, передохнуть, иначе наружу выскользнет истерика.
Это не Кай уходит от неё сейчас, это она отступает от него на несколько шагов сразу, буквально бежит назад, подальше от него, от любимого брата.

Такого быть не может.
Не может, но есть, и Ние от этого душно.

— Слушайте меня, — начинает она вновь и нервно сглатывает, одним вздохом пытается собрать все силы воедино, не распасться перед другими. — Я сейчас ухожу в другую комнату и звоню маме, спрашиваю, всё ли у Кая хорошо и как он себя чувствует. Когда у нас будет достаточно сил, мы пойдём к Сторму в его чёртов офис и всё выясним, а когда придёт в себя Кай, узнаем всё у него лично. До встречи.

Она демонстративно крутит мобильник в руке и быстро поднимается

по лестнице, нервно и злостно топает по ступенькам. Скрывшись за дверью и здорово ею хлопнув, она оставляет парней переглядываться между собой и обдумывать сказанное. В горле сохнет от моральной тяжести, и Баккет поднимается, кое-как доходит до холодильника и распахивает его дверцы нараспашку.

× × ×

На улице так свежо и приятно, светло, что улыбка расцветает сама по себе. Тёплый летний ветер скользит по телу, освежает и будто подталкивает вперёд, а Джей не возражает — идёт и наслаждается. Впервые за время посиделок в особняке он вышел на свет, и весь дискомфорт куда-то исчез.

От солнца и яркого неба, от которого начала слезятся глаза, хочется прыгать от счастья. Уолкер буквально без сил и без перспектив на будущее, помеченный, но эта свежесть дарит ему невероятную энергетику и лёгкость, будто все проблемы пулей слетели с его плеч. Он иногда опасно качается, когда заносит не туда, из-за чего Сото, у которого едва волосы дыбом не встают, держится рядом и ловит его за руку.

Парень не знает, за что ему подарили этого гамму, но он будто святой. Сото смог поговорить с Надакханом, чтобы вывести Уолкера к врачу, и, видимо, поговорил успешно, раз вокруг вместо белых вырвиглазных стен простор природы в летнюю пору. Наблюдая за этим всем, за птицами в небе, за похожими с их домашними питомцами или детьми, в душе так теплеет, что плохое забывается буквально на мгновение. Вечное, лучшее мгновение в жизни шатена. Он едва не парит, но лишь до момента, когда видит девушку с парнем, ступающим по дороге за руку. Потом сердце сжимается, боже, да вовсе случается, его нет.
Метка зловеще ноет и упоминает о себе, а Джей уже устал идти, поэтому с более грустной полуулыбкой приземляется на скамейку.

— У меня нет сил, — честно признаётся он и морщится от

мимолётного приступа тошноты, что за эти дни его уже затрахал.

— Ты стойкий мальчик, найдёшь, откуда силы черпать, — отвечает Сото и останавливается, поворачивается к кое-как идущему Флинтлоку. — Посмотрите на них: два несчастных человека. Где ваше мужество, рыбки?

— Моё осталось на кровати, — отвечает Джей и понимает, что делает себе ещё хуже. Воспоминания дерут горло, вызывая рыдания, а бета через силы сглатывает дёргает головой. — Я ещё бьюсь током, осторожно.

— Не убьёшь, — фыркает гамма и машет рукой за собой, разворачивается и, дирижируя рукой, идёт дальше. — А у нас на корабле таких, как ты, ловили в се-ети…

Уолкер опускает взгляд и поднимается с места, оборачивается на Флинтлока сзади. Остаток дороги он идёт и не останавливается, несколько дорог одолевает на спине гаммы и уже около больницы прислоняется к стене. Он бы стал древним человеком, лишь бы остаться на улице, где-то между деревьев. Он уйдёт, оставит эту свежесть, и запах коньяка к нему вернётся, опять просочится сквозь кожу и смешается с кровью. Парень мечтает смыть всё, что осталось от джина, но на данный момент ненависть толкает в спину неизвестное чувство.

Джей правда запутался. Ночь и появление метки снятся ему в кошмарах, он хочет зажмуриться так сильно, чтобы ослепнуть, а сейчас ещё один вечер боли и страданий, только виновник там не Надакхан. Шатен помнит руки, удерживающие рядом даже несмотря на ток, которым бета едва не дышал тогда, помнит его слова, и он не знает, чему верить. Мужчина сам угробил их отношения, которое, может, и могли бы начаться, сам втоптал Уолкера в землю, его любовь, жизнь, свободу, а сейчас добивается взаимности и любви. Парень видит альфу никем иным, кроме как параноиком, психопатом, который забыл, что значит любить по-настоящему.

Джей не учитель, он преподавать мужчине уроки по любви не будет. Исправлять ошибки тоже, прощать их — тем более.

Так или иначе, Хан помог ему и разделил с ним боль, что вводит Джея в тупик. Не может такого быть, чтобы в этих чёрных, мёртвых глазах существует хоть капля доброты и заботы. Не существует, бета теперь уверен, но как объяснить это своему нутру, что заставляет думать об альфе двадцать четыре на семь, — неизвестно.

— Доброе утро, Грей, — громко здоровается Сото и пожимает омеге в халате руку. — Мы по одному делу… Флинт, выйди, мы поболтаем по душам. Джей, давай тоже, я позову вас.

Бета молча выходит из кабинета и уводит альфу читать какие-то листы и плакаты на стенах. Дверь мягко прикрывается, и гамма, вытерев ладонью вымышленный пот со лба, садится у стола старого знакомого.

Омега приоткрывает окно, чтобы не было так душно. Садится за свой стол и поворачивается к мужчине, складывая руки и кивая в ожидании.

— Парня изнасиловали недавно, — серьёзно начинает гамма и кивает в сторону двери. — С тех пор крутит не по-детски. Тошнота, слабость. Сначала был голодный, как акула, потом вдруг сытый, аж воротит от еды. Как думаешь, мог он от стресса что-то подхватить?

— Омега? — приподнимает юноша брови.

— Бета, — отвечает Сото. — Бывало такое, не знаешь?

— От стресса можно и умереть, ты же знаешь. Только симптомы меня смущают, — он несколько секунд задумчиво смотрит в одну точку, а потом наклоняется в бок и роется в шкафчике. Он достаёт длинную белую упаковку и протягивает мужчине.

— С ума сошёл? Он тебе не омега, не гамма, — возмущённо удивляется Сото. — О каком тесте вообще речь?

— На земле буквально единицы бет, которые могут иметь детей, меньше одного ребёнка, конечно, иначе не выдержат, — поясняет омега и складывает руки в замок. — Зависит от родителей, конечно. В частности от папы или матери, как устроен её организм и были ли заболевания, осложнения. Маловероятно, но пусть лучше проверить, чтобы сразу понять, в чём причина. Если будет отрицательным, я пропишу ему таблетки.

Гамма несколько секунд медлит, но послушно кивает и выходит из кабинета, оглядываясь по сторонам.
Парень реагирует весьма запоздало, а с видом теста замирает, подобно столбу. Какой бред, но становится невероятно страшно, а со взглядом мужчины и вовсе сердце останавливается. Внутри всё сжимается до милипиздрических размеров, подобно острой боли, и бета честно ищет в этом всём шутку.

— Сходи быстро и проверь, чтобы он отстал, — негромко говорит ему Сото и суёт в руки упаковку. — Чем быстрее принесёшь эта долбаную полоску, тем быстрее он выпишет таблетки и мы уйдём. Долго торчать здесь тоже не сокровище. Если поторопишься, мы ещё погуляем с тобой.

— Это же несерьёзно? — спрашивает с надеждой Джей и кивает на упаковку.

— На самый крайний случай. Давай, шевели ластами, малыш, чтобы он убедился и не нёс ерунды. Все врачи людей пугать любят.

Джей молча кивает и уходит в сторону уборной, не оборачивается. Ему бы дали эти грёбанные таблетки и оставили в покое, посоветовали больше свежего воздуха, улицы, природы и спокойствия. Парень не понимает эту позицию джина, не понимает, кто управляет им в голове и откуда такие чувства, откуда зависимость, но надеется, что Надакхан разрешит ему хоть иногда выбираться на улицу.

Это ведь ужасно. Он не имеет права держать бету рядом, не имеет права присваивать себе и решать, в каком месте ему находиться.

Уолкер угробил с ним своё здоровье, свою психику, вышвырнул в мусор сердце. Мир потихоньку высасывает из него силы через эту метку, что стала клеймом ненужного мусора, жизнь втаптывает его в землю, и в такие моменты здорово найти силы идти дальше. Как Смит, который просто забил на всё и на всех. Джей знает, что у него так не выйдет, что с ним расправились похлеще, чем с мастером огня, и жизнь наполнится кошмарами. У него не осталось гордости, только её подобие, не осталось опоры, только две тонкие ветки, за которые он едва держится, даже не подтягивается к верху. Если он когда-нибудь ещё увидит друзей, то они его не узнают, перепутают с кем-то другим. Джей будет не против. По крайней мере, не он виноват в том, что остался в одиночестве, без щита даже в виде листа бумаги.

Бета запирается и делает всё быстро, зарывается в мысли. Увидит ли он вообще кого-то вообще? Альфа ведь его не любит, не может любящий человек приносить столько боли, быть таким эгоистом. Как вечный раб, несчастный с цепями на руках и ногах, он может так и провести свою жизнь. В такой обстановке совсем не тяжело сдохнуть поскорее, и Джей больше не надеется на лучшее. Он не думает, смогут ли друзья пойти против Сторма с джином и одержать победу, не думает, смогут ли они вообще хоть что-то, ему стало плевать. Ему бы в собственном аду выжить, не сломаться так, чтобы до смерти, может, найти кирпичик, который бы стал основой его нового, настоящего. Вернуть себе стержень, перебороть случившееся и навсегда забыть Надакхана, вышвырнуть из головы.

Единственные, кто хоть немного поддерживают его, — Сото и Флинтлок, и парень думает, что, может, с их помощью найдёт силы подняться.

— Две полоски, — условием рефлекса произносит вслух Джей, а потом замирает, ощущает такую боль, которая бывает только перед смертью. То ли физическую, то ли снова душевную, он понятия не имеет. Наверное, нападают сразу обе, и парень, выпустив только судорожный вздох, без сознания падает на пол.

× × ×

Флинтлок сидит на стульце и рассматривает лицо спящего беты. Рука неосознанно тянется к животу парня, ещё совсем плоскому, и мужчина осторожно его гладит, дарит тепло. Альфа сам удивлён не меньше остальных, и сейчас только догадывается, что вообще испытал Уолкер, когда увидел свой результат.
Бледность его кожи ничего хорошего не говорит.

— Альфе не говорите, — предупреждает парень и поправляет халат, пишет что-то на бумаге. — Ребёнку лучше быть в безопасности, юноше тоже.

— Я не понимаю, — нервно перебирает подол своей футболки гамма. — Что всё это значит?

Врач прокашливается и поворачивает в сторону Сото диаграмму на бумаге, обклеенной скотчем. Мужчина потупляет взгляд, с мелким прищуром разглядывая проценты, пока омега достаёт ручку и ведёт ею по листку.

— Не всегда от родителей мы забираем по пятьдесят процентов чего-то. Мы можем взять больше от матери, от омеги, а может взять от отца, от альфы или беты. У нас, прежде всего, это распределение зависит от состояния здоровья как мамы, так и папы, — объясняет он и смотрит на мужчину. — Я пороюсь в архивах и найду медицинские карты его родителей. Обычно беты способны иметь ребёнка в случае такой пары родителей, как омега с бетой или омега с гаммой. Если в его случае вариант номер два, то беременность возможна. Природа непредсказуема.

— Никогда о таком не слышал, — честно признаётся он. — Беты не рожают детей, Грей. Как… Как это вообще может произойти, как он будет справляться?

— Операция под строгим контролем. Если не допустить ошибку и в

течение этих девяти месяцев не тревожить ребёнка, не получать травм и не гробить здоровье носителю, то операция пройдёт успешно, — парень косится в сторону беты, что немного приходит в себя, и понижает голос. — Если нет, то исход летальный. С такими случаями нужно быть осторожными. В срок от трёх до девяти месяцев будет лучше забрать его под присмотр врачей в больнице. По окончанию первого месяца желательно не тревожить лишний раз.

— Флинт, клянусь всеми морями Ниндзяго, что Надакхан получит от меня пизды за это, — предупреждает Сото, повернувшись к альфе, и сдерживается, чтобы не ударить кулаком по столу.

— Вы знакомы с насильником? — вскидывает брови омега.

— И это не значит, что мы ему что-то скажем, — угрюмо отвечает гамма. — Я с него шкуру спущу, но про Джея ничего не скажу. Желательно будет, если мы его отсюда вытащим.

Он сталкивается взглядом с Флинтлоком, и тот испуганно мотает головой, кивает на свою ещё не зажившую рану на ноге. Гамма громко фыркает.

— Чихать я хотел на его угрозы, пусть даже пальцем больше к мальчику не прикасается, — он резко поднимается, чем пугает врача, и превращает свой взгляд во что-то удивительно-ненавистное, мстительное, уверенное. — Сделаем всё, что можем, но Джей с ним не останется. Он с ним точно до родов не дотянет, а я уверен на все десять материнских инстинктов из десяти, что парень полюбит дитя. Шок пройдёт, и он поймёт, как это важно, но об аборте и речи не пойдёт. Я не допущу этого.

Пока Уолкер приходит в себя, омега выписывает необходимые условия, срок похода к врачу, на осмотр, необходимые препараты и еду, которую есть желательнее всего, и желает удачи и сил им всем.
Как и обещал, Сото задерживается на улице и гуляет с бетой, обсуждает эту тему и успокаивает. Флинтлок покупает им мороженое, потому что Джей попросил, и мужчины с парнем оставшееся время

дышат свежим воздухом. Уолкер всеми силами пытается забыть это всё, просто всё ещё находится в прострации, и оставляет раздумья на дом.

Ближе к вечеру Сото доносит его до дома на спине, пока тот дремлет, оставляет в комнате джина и накрывает одеялом, а сам идёт с Флинтолком на кухню. Ещё долго разговаривает, ругается, обсуждает это дело, а потом столько же молчит. Опускает голову на плечо альфы и много думает, потому что план спасения беты им необходим так, как никогда.

× × ×

Омега просыпается от чувства умиротворения, лёгкости. Не чувствуя больше спазмов и боли, словно его расстреливают с разных сторон, парень лохматит чёлку, спадающую на лоб, поднимает голову и только потом открывает глаза. Комната плывёт, как отражение на воде. Достаточно времени пролежав на кровати, Кая от одного вида подушки с одеялом уже начинает мутить. Он ногами толкает одеяло к стене и сползает на пол, заваливается на бок, как полуживая птица, и чувствует щекой приятную мягкость ковра.

Урчание живота разносится по всей комнате, и парень хмурится. Тело ломит только частями, едва ощутимо, но он устал настолько, что подняться на ноги кажется чем-то нереальным. Прошла максимум неделя, и для него она состояла исключительно из сна и боли. Кай быстро моргает и, уперевшись в пол, приподнимается. Как он вообще добрался до дома? В это время он будто пробыл в коме, с другой стороны, он ещё помнит собственные мучения, когда хотелось разорвать себя на части.

Это отвратительно.
Это так отвратительно, что даже не верится полностью.

Мастер огня так и замирает, когда в голове пулей прокручиваются дни

его мучений, и опускает голову, быстро-быстро бьёт себя по голове. Кошмар перебрался в реальность, и лучше бы он всё ещё спал, потому что такого стыда он ещё никогда не испытывал.
Поднявшись с места, он минуты две стоит на месте, пытаясь нормализировать координацию. Ноги будто разучились работать за это время, руки вовсе превратились во что-то непонятное, подобно щупальцам осьминога. Кай сам отвык от жизни, пока бился в судорогах и метался по кровати, сжимался до микроскопических размеров, что говорить об остальном? И ведь сейчас пусть только попробует сказать, что эти чувства для него отдалены и он со всем справится. Вовсе нихуя подобного.

Хоть комната проветривается, буквально большая часть воздуха здесь — его запах, а не кислород, и омеге тяжело дышать. Он добирается до двери и быстро выскакивает за неё, пытается по звукам понять, вернулись ли домой родители. Наверное, даже к лучшему, что он помнит всё отрывками, потому что попадаться на глаза Рея и Майи было бы в несколько раз сложнее. Им стоит многое обсудить, начиная появления шатена дома и заканчивая его поведением, состоянием, да вообще всем. Так или иначе, больше всего его волнует Сторм, который, сука, в такой важный момент распался на атомы.

Кай останавливается и с задумчивым видом опускается на ступеньку лестницы, складывая руки вместе. У него нет права винить альфу, учитывая, что они даже ничего друг для друга не значат. Омеге бы начхать на это всё, но есть эта странная обида, которую не объяснить словами и не выставить в правильном свете. Парню был необходим Морро чисто по биологически причинам, а он даже не звонок не удосужился ответить, не перезвонил. А ведь столько знаков внимания показывал, столько нежничал и своего зверя показывал, а в момент, когда всё это было нужно в квадрате, оказался чёрт знает где.
Смит только сейчас до конца осознаёт, что всё это время ждал своего врага, и это вводит его в тупик.

Так не бывает, так просто тянуть не может, но тянет, особенно тогда, когда тяжелее всего.

«Какой кошмар, — думает Кай и закрывает глаза. — Это уже ненормально, это сумасшествие…»

Он быстро спускается вниз и застаёт мать на кухне, нарезающей овощи на салат. Майя замечает сына буквально в ту же секунду и тепло ему улыбается, а омега, смутившись, только кивает и садится за стол.

— Тебе лучше? Ничего не болит? — спрашивает она и возвращается к нарезке.

— В полном рассвете сил, мам, — отвечает мастер огня и поднимает колени в кольцо своих рук. — Отец давно ушёл?

— Недавно, но скоро вернётся. Не поверишь, дорогой, звонила твоя сестра, — она искренне улыбается. — Целых несколько раз. Волновалась, интересовалась твоим самочувствием.

Шатен удивлённо вскидывает брови. Наверное, единственная хорошая новость за это время, что хотя бы сестра о нём беспокоится. Про остальных тогда совсем нет смысла спрашивать.

— Она как? — парень крадёт одну дольку помидора из миски и закидывает в рот.

— Ты знаешь, поправляется. Она обещала зайти к тебе на днях, — женщина льёт в миску сливочного масла и начинает тщательно перемешивать, пока сын отворачивается и смотрит в окно. — Насчёт остальных друзей я не знаю. Я собиралась спросить, но всё забывала. Не хочешь позвонить им сам? Уверена, они тоже волновались, а время у каждого не самое лёгкое.

— Само собой, только сначала забегу в офис, хотя бы на пару часов, — говорит Кай и чешет затылок, долго зевает.

Майя достаёт из духовки запечённую рыбу и кладёт перед носом омеги. Приятный запах раскрывает пасть и словно сам проглатывает

парня, что уже ни на что больше, кроме еды, не реагирует, переваривает и выплёвывает, запрыгивает в лёгкие и прилипает. Мастер огня голодный, как волк, и после этой тяжёлой недели съест семейство слонов, самых больших и толстых. Он благополучно решает перебросить разговор на вечер и, едва не подавившись своей слюной, тянет руки к вилке с ножиком.

После завтрака он целует мать в обе щеки и, на всякий случай глотнув воды с таблеткой, что прописал врач на время течки, идёт переодеваться. С одной стороны, лень преграждает путь к деловому стилю и тянет в сторону свободной худи, лёгкой, удобной, с другой стороны, не хочется потом возвращаться обратно под строгим взором матери. Омега недолго решается и думает, что сегодня свободный стиль не грех, поэтому быстро натягивает худи на размера два больше.

В коридоре, едва не повалившись на бок, успешно напяливает кеды. Раньше ему не для кого было прихорашиваться, разве что просто выглядеть приемлемо для публики, а сейчас он стоит и думает, впечатлит ли такой образ Морро, и это его настораживает. Хочется одеться так, чтобы увидеть со стороны альфы восторг, хочется удивить и показать, чью течку он прохерил. Как же это глупо. Разве так он должен себя вести? Шатен мотает головой и выскальзывает из дома до того момента, как Майя покидает кухню.

× × ×

Гармадон придерживает подруге дверь и проходит внутрь, скромным кивками здороваясь со всеми. Ния молча осматривает помещение и мысленно анализирует, пока идёт к лифту, особо даже не говорит, не отвлекается. Альфа с омегой до безумия напряжены, и это к добру не приведёт.
По крайней мере, милой беседе по душам со Стормом им в таком настроении точно не устроить.

Блондин не смотрит на других и идёт к двери, будто другого пути не

видит и не знает. Мята с каждым разом сильнее, и Ллойда от неё уже тошнит, он хочет глотнуть её, а потом выплюнуть куда подальше. Он уверен: если Кай шагнул не в ту сторону, в которую нужно, в этом виноват Сторм. Альфа воспользовался тем, что он омега, что у него сложное время и слишком широкий круг доверия, поэтому своими силами всех из него вытеснил. Он забрал мастера огня под своё крыло, чтобы потом кинуть, только без права поддержки и помощи друзей. От каждой такой мысли кулаки сжимаются сами, едва не вздуваются вены от злости, и альфа, только шагнув за порог и встретившись взглядом с рядом стоящим Морро, бьёт его в челюсть.

Ния с опаской косится на Сторма и дёргает лидера за плечо назад. Резкость, такие серьёзные намерения и такая сильная ненависть пугают девушку, и страх не столько за себя и друга, сколько за брата. Что-то трясёт её изнутри и тянет назад, чтобы не узнать правды, не почувствовать этих отвратительных эмоций и не дать начало ссоре, которая им не нужна.

— И тебе привет, — улыбается альфа, едва выпрямившись, и вытирает с губы кровь.

— Это первый удар из сотни таких, — серьёзно говорит блондин и щурится. — Только я не бить пришёл. У нас есть разговор. Тебе нет смысла врать о Кае, потому что тебе на него плевать, поэтому было бы лучше, если бы ты сказал всё без лжи.

— Сомневаетесь в своём друге, вот это да, — тянет Морро и приседает на край стола. — Я вам не лента новостей, чтобы всё рассказывать. Так или иначе, дерзайте. Будет здорово, если вы уйдёте раньше, чем я разозлюсь.

Ллойд скрипит зубами и открывает рот, но Смит его опережает, опуская ладонь на плечо и кивая в сторону кожаного дивана. Альфа опускается на мягкую мебель, но всё не убирает ненавистного взгляда с Морро, а тот потешается. Омега приседает рядом и вмиг становится серьёзной.
Сторм просит кофе, три кружки, как самый гостеприимный хозяин,

хотя пускает молнии из глаз. Он устраивается поудобнее в своём кресле, складывает руки и преподносит всё своё внимание врагам.

Что-то они сказали такое, из-за чего Кай переехал.
Морро уже сорвался на этой неделе к омеге, но встретился с его родителями, которые напрочь запретили приходить и вообще общаться со Смитом. Альфа хотел ехать домой к команде, думал, что он там, но уже перед дверьми понял, что запаха шатена там нет. Оббежал весь город, как зверь, выскочивший из клетки, в порыве ярости чуть не убил нескольких своих людей, а перед дверьми дома семьи Смит, столкнувшись с глазами отца Кая, замер. Кай бы ему не простил, Морро знает, и лучше бы он точно не сделал. Не простил бы и вовсе ушёл из его жизни, уволился, не смог бы смотреть в глаза, а ещё хуже — попал в больницу, ощутил боль, завёл ребёнка. Морро хочет парня безумно, хочет и с течкой, и без неё, да что там, сейчас будет достаточно просто его увидеть, чтобы сердце, наконец, замерло. Он сходит по нему с ума, он им уже дышит, и если это дело метки, то даже избавляться от неё не хочется.

Смит бы не уехал просто так, не боялся бы подойти к друзьям лишний раз, пообщаться. Они его обидели, и Морро готов опустошить весь свой арсенал пуль, потому что за этого омегу он теперь сворачивает горы.
«З» — забота. «З» — зависимость.

× × ×

— Кай, сколько лет, — раскрывает объятья Льюис и крепко стискивает шатена в руках, едва ли не до хруста в спине.

Парень не остаётся в долгу и сильно хлопает альфу по спине, заставляя откашливаться и смеяться одновременно. Высвободившись из одних объятий, он попадает в другие — в объятья до ужаса взволнованной Элис. Бета при виде омеги едва не плачет, качается из стороны в сторону и держит голову на его плече, гладит спину. Не

виделись всего неделю, а словно вечность. Кай только сейчас понял на самом деле, что после встречи с командой вновь увидеть этих людей — великая радость и счастье. Он слишком внезапно стал считать своей семьёй совсем не тех людей, которых нужно, и этому есть свои причины. Пока собственные друзья его напрягают и пугают, волнуют, намного приятнее быть в кругу коллег, которые заглядывают в самое сердце и читают все переживания.

Смит несколько минут качается так на одном месте, обнимая девушку за плечи, а потом пугается, когда она резко отстраняется и смотрит ему в глаза. Они стоят так один момент, как вечность, и Элис тыкает его в бок, вызывая недовольный «ау».

— Ты хотел, чтобы мы тебя по всему городу пошли искать? — спрашивает она и щурится. — Где ты был? У нас столько нервов не напасёшься, сколько мы потратили на эту неделю.

— У меня уважительная причина, — поднимает палец вверх Кай. — Одна большая, до ужаса отвратительная омежья причина, после которой моя жизнь уже не станет прежней. Как тебе такое?

Бета вмиг вытягивает лицо в удивлении. Сразу после мгновения раздумий девушка, не стесняясь коллег, заглядывает омегу за воротник и усиленно ищет метку, следы, хотя бы что-то, что могло бы обозначать невозможное. Смит ладошкой прикрывает грудь и поворачивается к подруге боком в знак протеста, хмурится, как подошедшая туча. Элис складывает руки на груди.

— У меня никого не было, — чуть тише говорит мастер огня и успокаивает девушку, что будто соскакивает с дорожки иголок. — Честно, я был один. Тяжело, но всё уже прошло.

— Почему дома дольше не посидел? Позвонил бы нам и всё рассказал, мы бы поняли.

— Решил, что лучше прийти. Я на пару часов, потом убегу обратно, — честно отвечает Кай и недовольно косится в сторону коридора. — С

нашим боссом разговор один есть.

— Три чашки кофе, — доносится из динамиков, и Кай опережает подругу, подходя к стойке и доставая поднос. Бета сдаётся уже после второй попытки и отходит к своей стопке документов, и омега доделывает кофе самостоятельно.

Наверное, это странно, что он так рвётся идти к альфе, но поделать ничего с собой не может. Подозрительно тянет попасться брюнет на глаза, заговорить о чём-то, поязвить, спросить, чем он таким важным занимался на этой неделе, что не соизволил перезвонить. Кажется, это такая своеобразная фишка у омег — требовать от альф что-то и заниматься самовыражения. Он бы никогда не подумал, но ему так удобнее и намного интереснее жить.
Тем более, кому как не ему доводить последние клетки своих соперников до самоуничтожения, кому как не ему упираться, как баран, кому как не ему показывать свой характер?

Правильно, таких больше нет.

Парень поднимает поднос и привыкает к тяжести, будто за это время он разучился жить. Подойдя к двери и собираясь позвать кого-то для помощи, её открывает подошедший Надакхан и придерживает одной рукой.

— К Морро?

— Да, соскучился, — отвечает Смит и уверенно идёт вперёд. — Полжизни не видел, умирал без его шуток, как без воды.

— Ты уверен, что хочешь идти к нему прямо сейчас? — вскидывает брови альфа и смотрит на свои наручные часы. — У него твои друзья.

Кай на секунду замолкает, и даже лицо расслабляется, не вызывает ничего, кроме оцепенения. В голове пролетает буквально сотня мыслей, какой атомный взрыв случится в кабинете, если там появится и он, но друзей одних оставить не может. Ему интересно, что они там

делают, интересно, всё ли у них хорошо и не придумал ли Сторм чего ещё похуже. Ведь у команды недавно были тяжёлые дни, они перед Морро максимально бессильны, без всякого оружия и всякой защиты.
Омега задумчиво хмурится, а потом ускоряет шаг, направляясь прямо к кабинету альфы.

— Я предупредил тебя, — кричит ему в след Надакхан, подставляя к лицу ладонь, словно пытается докричаться до максимально далёкой от себя точки, а Кай уже не слушает.

Только идёт так быстро, как может, прислушиваться к звукам из кабинета, уже игнорирует немного пролитый по подносу кофе, когда держит поднос одной только рукой, и распахивает дверь.

Один взгляд Ллойда с Нией в его сторону, как выстрел из дробовика, и омега перестаёт замечать что-либо.

Сначала удивление, потом шок, а потом разочарование.
Кислое, уродливое разочарование, от которого бросает в холод, от которого хочется сжаться и закричать во весь голос. Размером с планету, нет, со Вселенную, в которой он рассыпается, как пыль.

Ледяной взгляд сделал своё дело, потушил весь пожар Кая к хуям.

— Вы в порядке, — в спешке выдыхает Смит и под неотрывный взгляд Морро опускает поднос на стол, поворачивается к друзьям. — У вас всё нормально?

Ния то открывает, то закрывает рот, как рыба. В её груди дыра, разрастающаяся с каждым вздохом брата, и парень ещё никогда такого не чувствовал. Взгляд уничтожающий, он проходит насквозь, в то же время отравляет и убивает без права выжить. Вместо девушки открывает рот лидер, и вся его аура до боли ненавистная, в груди давящая.

— А у тебя? У тебя всё нормально?

— Что? — мастер огня ведь всё чувствует, но не хочет доносить правду до мозга, не хочет убирать спину от удара, подставляет её, потому что рядом же друзья. Он прошёл через это один раз, но почему может быть так, что придётся пройти и во второй?

— Ты превзошёл самого себя, — выговаривает Гармадон, изредка выпячивая нижнюю дрожащую губу и медленно хлопая в ладони. — Браво, я даже… Даже…

Он мотает головой, усмехается так грустно, смотрит так разочарованно, что внутри лопаются капилляры.

— Да о чём ты говоришь? — не выдерживает Смит.

— А не понятно? Какими идиотами мы должны быть в твоих глазах, чтобы ты думал, что мы ничего не узнаем? Ты чёртов дьявол, Смит, — срывается Ллойд и вскакивает с дивана, подходит на пару шагов ближе. — Дождался момента, когда мы все ляжем на дно, и бросил нас? Бросил ради собственного врага, ради альфы, который тебя использует? Скажи, дело в том, что ты стал омегой? Дело в этом? Бывает же такое, что их тянет к альфам, они сходят от них с ума… И идут за ними по пятам. Ты не должен был уходить от нас, почему ты думаешь, что он даст тебе что-то? Защиту, любовь, может, власть? Или месть?

— Месть? — голос дрожит, а шатен с каждым словом так неисправно ломается, что ему плевать. Надо будет, и он вот-вот закричит, потому что очередную тяжесть тащить на себе с лицом победителя он больше не в силах. При великом желании устоять на ногах он падает на колени перед лучшим другом, почти перед братом, и встать уже не получается. — Ты что… такое говоришь?

— Это же был ваш план? Общий план с Морро, — лидер заглядывает за спину Смита. — Сначала забрать у нас Джея, потом вынудить поссориться, чтобы уйти подальше. Устроиться к этому психопату на работу, чтобы быть ближе. Подстроить смерть Борга, чтобы выбить Пиксель с Зейном из колеи… Зейн видел тебя, он сразу знал, на чьей

ты стороне, а я надеялся увидеть другое. Всё же было нормально… Я так… Я бы ни за что не подумал, что ты сможешь… Что вы… Ты пошёл по неправильному пути, ты выбрал не тех людей. Тебе тяжело сейчас, но мы бы помогли! Почему ты…

— Отойди, — собрав все силы, безэмоционально проговаривает мастер огня, чем вводит друга в тупик.

— Кай, — через силу зовёт брата Ния и поднимается следом.

— Извини, что?.. — переспрашивает лидер и вскидывает брови. — Ты… Возьмёшь сейчас и уйдёшь? Так просто?

— Отойди прямо сейчас, иначе мне придётся тебя ударить, — сквозь зубы договаривает шатен и дёргает поднос, сбрасывает на пол кружки с кофе, позволяет кипятку брызнуть себе на ноги, обжечь, хоть немного отрезвить. Золотые глаза стремительно покрываются пеленой слёз, и Кай бы предпочёл терпеть смертные пытки, чем слышать это всё.

Как падать в пропасть, только перед этим быть забросанным камнями. Наверное, после первого раза должно быть легче, ничего не должно болеть, а болит, и Кай воет. Он так отчаянно пытался вернуться, пытался что-то доказать, был готов прыгнуть им в руки, а его в итоге обвинили ни за что. Он здесь выживает, держится изо всех сил, спасает их, когда они на грани смерти, думает о них, да почти не злится за тот случай. Ведь недавно всплывала мысль, что стоит вернуться к команде, что это его семья.
Семья сначала пытается увидеть всё своими глазами, лично узнать, а не верить ушам.

Люди часто лгут, и доверие получить сложнее всего.
Кай готов был за это доверие умереть, но, кажется, его старания нахуй никому не нужны.

Он смотрит сейчас в глаза друга, в глаза сестры, и от них буквально тошнит. В горле встаёт огромный ком, показывающий, насколько

невыносимо находиться в одном помещении с командой. И он не может оглядываться, не может искать где-то подвох, шутки, потому что всё, блять, по-настоящему. Его по-настоящему объявили предателем, посчитали шлюхой, заскочившей на колени к первому встречному альфе, к врагу, унизили не в глазах кого-то, а в своих собственных. Он же слабый, он побежал за защитой, упал на колени и плевать хотел на друзей. Даже сквозь уничтожающую, удушающую правду до последнего старался не отпустить Джея, старался оправдать друзей, показать свою силу, искал способы видеть ребёнка, которого собственными усилиями спас, а оказалось вот как. Оказалось, он всех здесь предал, он пошёл по неправильному пути.

И ведь Гармадон был прав. Кай без них никто, даже выглядит предателем, последней мразью, отчаявшейся и решившей спрятаться за спину Сторма. Он без команды уже не Кай Смит, а омега, которому самому никогда не подняться, не постоять за себя, не сыграть хорошей роли.

— Кто я вообще в ваших глазах? Стоило мне вдруг оказаться не альфой, как вы перестали мне верить, перестали помнить меня настоящего! Кто я, шлюха? Скажи, Ллойд, я похож на тряпку, которой лишь под кем-то протереть? Похож на того, кто после стольких лет дружбы предал бы семью за чей-то член, за защиту? — воздух в комнате накаляется, глаза омеги горят так ярко, как не горел ни один костёр. — Если я правда так выгляжу, если вы всего меня в прошлом нахуй отправили и вдруг нашли нового, омегу-мразь, самую вонючую крысу в мире, то я им для вас и останусь. Я предатель, я ёбаная подстилка, так и передайте всем, городу, миру, мне срать. Если вы похоронили Кая Смита раньше положенного, то с этой минуты он для вас застрелился и умер.

Мастер огня не сдерживается, когда от обиды подкашиваются ноги, отталкивает лидера в сторону и выходит из кабинета.

Дверь хлопает.

Пол ловит чужие слёзы.

Больше нет сил держаться, Смит и не собирается. Откидывая поднос под ноги, шатен прикрывает лицо руками и упирается лбом в стену, плачет вполголоса, потому что громко не может. Лучше бы сейчас никто не открывал дверь, лучше бы она вообще исчезла, забрав с собой все недавние слова, события. Теперь ведь ещё больнее будет. Теперь он помнит каждое слово, интонации, каждый взгляд, теперь и додумывать ничего не надо. В груди тяжело, давит так, как опустившемся лифтом, и омега почти не дышит. Команда в сердце расплывается, превращается в волны и стремительно уходит, всё, её не существует. Он больше не в ней. По его словам, по словам альфы, мастер огня в их команде умер, следовательно, новому Каю там места уже не найдётся.

Как же отвратительно действует на людей статус, как отравляет их, обрывает отношения.
На данный момент Кай пожелал бы вообще не появляться на свет.

Дверь беззвучно открывается, словно с особой осторожностью, и Смит отворачивается в другую сторону, чтобы спрятать свою слёзную слабость. Проходит секунда, потом вторая, кто-то прожигает взглядом и стоит рядом, словно ждёт чуда. У Смита сейчас собственные похороны, его убили, а он гостей не звал, поэтому думает, что плевать хотел на свой вид, и поворачивается, убирая руки.

— Слёзы не слабость, а усталость, — говорит Морро, делая шаг ближе, и всё не отрывает взгляда с золотых глаз и мокрых ресниц.

Смит смотрит, не отрываясь, пытается сморгнуть оставшуюся влагу, словно теряется под неожиданным напором. Запах мяты нежно окружает, поддерживает, потому что мгновение тому парень готов был распластаться по полу, задыхаясь от передоза чувств и эмоций.
Омега ловит эту искру и смотрит уверенно до тех пор, пока альфа его не обнимает.

Пока в сильных руках не становится настолько тепло и безопасно, чтобы он сорвался на слёзы вновь.

— Ты не моя шлюха, ты мой человек. Кивни раз, и я вернусь, чтобы прострелить твоему другу язык.

Так не было никогда, так больше не повторится. Только этот голос и этот взгляд, эта покорность и бесконечная правда, мягкость и тепло, от которой на душе после зимы наступает весна. Кай больше ни о чём не думает, не слышит собственных убеждений, не оборачивается к прошлому. С Морро так тепло, что аж жарко, с Морро так безопасно, как не было и не будет никогда больше. Альфа за него убьёт человека. Убьёт и не всплакнёт лишний раз, потому что защищает то, кто дорог. От этих мыслей у Кая впервые такие мурашки, такие бабочки в животе (до этого сгнившие и погибшие), что сердце оживает.
Если альфа сейчас отойдёт, то внутри снова всё вымрет, поэтому омега вжимается в сильную грудь и прячет глаза в шее брюнета.

— Кивнёшь?

Кай уже без ужаса понимает, что хочет кивнуть, но всё-таки медленно мотает головой в знак отрицания. Морро больше ничего не говорит, только держит подбородок на макушке Смита и дышит его запахом, закрывает омегу от мира сего. Закрывает и обещает, что больше не подставит его голую спину под расстрел снова.

twenty-two. (no)love

Примечания:

штош, я обещала пиздец. приятного аппетита
я постараюсь выложить следующую главу максимально быстро, потому что чувствую, что этой паузы вы не выдержите (сама не выдерживаю)

я прошу вас к следующей главе серьёзно готовиться к огню. к пожару. я серьёзно.

конец: The Limba — Таблетка
к кусочку с нададжеями что-нибудь из песен Haru, мейби YEYO (все его песни — любовь и нежность в чистом виде) или Zayn Malik — I Won't Mind

---

× × ×

— Это правда? — спрашивает девушка и слегка хмурится.

Неуверенный кивок в ответ, взгляд в пол, как у провинившегося домашнего питомца.

— Он такой дурак…

Харуми подходит ближе к дивану, на котором устроился погружённый в мысли Уолкер, и садится рядом. Прежняя Харуми остаётся за дверьми и ждёт, когда можно вернуться к роли стервы, а пока обстоятельства такие, что этого лучше не делать.

Девушка опускает взгляд на плоский живот беты, спрятанный за тканью рубашки, и усмехается.
Харуми всегда представляла, как бы нянчила своих детей в будущем.

Никогда её чёрное прошлое и настоящее не мешало ей думать о детях, понимать какое же это счастье — дарить кому-то жизнь. Дети дарят людям счастье и порождают нежность, дети — цветы жизни. Маленькие ручки, толстые пальчики и такой невинный, но искренний взгляд бывает только у детей. Они ведь никогда не притворяются, зачем им это? Харуми проложила свою дорогу масками и враньём, и возыметь хоть каплю искренности ей бы не помешало.

Наверное, дети бы её этому научили. С момента, как Морро иногда оставляет её с Диланом, беловолосая чувствует себя живой и настоящей. Не надо притворяться, когда тебе искренне улыбаются, когда смеются, ревут на всю квартиру или злятся. Это самая главная причина, почему сейчас на её лице улыбка, а не бесконечное равнодушие.

— Ты знаешь, какая это ответственность? — спрашивает она и сталкивается взглядом с Джеем.

Уолкер смотрит на неё, словно впервые, а потом закрывает глаза и оставляет ладони на животе.

— Знаю, — отвечает парень. — и мне очень страшно…

— Страшно должно быть не от того, что будет ребёнок, а от того, узнает ли Надакхан. Я не знаю, что ты о нём после всего думаешь, но он тебя не оставит, — говорит Руми и оборачивается к окну. — Сейчас его можно убедить, что-нибудь такое сказать, но если он узнает о беременности — ты от него никуда не денешься.

— Вот как, — с трудом выговаривает шатен, приподнимаясь и прижимая к груди колени. — Так ему… ребёнок нужен, а не я.

— Ты нужен, малыш, нужен больше жизни, но факт того, что ты носишь его дитя и не отказываешься от него, сорвёт ему крышу.

Парень опускает голову и чувствует, как давит со всех сторон. Как от каждой мысли раскалывается голова, как хочется, наконец, взорвать её

и навсегда забыть обо всём.
Он хотел просто выдержать всё. Хотел доказать команде, что они могут положиться на него, что Надакхан никак его не ранит, не дотянется до гордости. Сейчас больше нечего доказывать. Джин не просто дотянулся до гордости, он захватил сердце, захватил вообще всё, что можно, забрал каждую частичку парня. У него из своего только ребёнок, но он лишится и его, если альфа всё узнает.

В груди болит и давит, рёбра покрываются трещинами и рассыпаются. У него совсем ничего нет. Он пустой, как использованная банка на мокром асфальте, и только несколько капель, что остались внутри, не позволяют подхватить его ветру и унести. Джей бы мог не отдавать всё, а разделить, протянуть по кусочку, но добровольно, и не было бы ни боли, ни ненависти. У него просто вырвали всё клешнями, выкрали, и на что ему опираться, чтобы подняться снова? На ребёнка? Может, он сможет жить заново? Идти вперёд и бороться ради будущего малыша, у которого точно будут его глаза. Стоять до самого конца, идти против альфы с поднятой головой, но ни за что не отдавать ему то, что в будущем назовёт его папой.

— У меня остался только ребёнок, он забрал всё остальное, — говорит Уолкер и сглатывает. — Его я ему не отдам. Я заработаю всё заново, начну новую жизнь. Из-за его ошибки у меня будет этот малыш, но я отомщу ему тем, что никогда не расскажу о том, что он станет отцом.

Самому от собственных слов больно, но бета сильно хочет вернуть джину боль. Это даже не боль будет, он просто ничего не узнает, будет засыпать без мысли, что у него ребёнок, что он породил новую жизнь. Парень постарается объясниться с Нией, узнать, в чём дело, а потом всё расскажет, и они найдут, что сделать. Уолкер потратит много сил, но построит свою жизнь заново и сделает всё, чтобы его малыш был счастлив. Надакхан будет жить в одиночестве и забудет Джея, как неизвестного, а Джей выйдет из кошмара.
Парень будет много плакать, что его ребёнок останется без отца, но он это как-нибудь переживёт.

— Жестоко, — кивает Флинтлок.

— Справедливо, — кивает следом Сото и бьёт кулаком по ладони, имитируя удар по столу.

— Я ничего ему не скажу, но и ты тоже знай, что Хан не понимает, как правильно любить, — говорит Харуми. — У него искажено значение любви после смерти Дилары, потому что поехала крыша. Не удивляйся сильно его поведению и беги, пока есть возможность.

— Есть возможность, — говорит Сото, высматривая что-то в телефоне. Он заранее проверяет, не подслушивает ли кто, прикрывает все двери и опускается перед бетой на корточки. — Надакхан хочет привести тебя в клуб неподалёку, чтобы ты походил среди людей, как ты любил делать раньше. Если мы скажем твоим друзьям, то они придут туда и заберут тебя. Надакхана будет совсем не сложно отвлечь.

— Я могу сказать одному из них, — говорит Харуми и с усталым вздохом поднимается на ноги. — Я ему жизнь спасла, так что пусть только попробует мне не поверить, и его жизнь больше не то что я, а никто не спасёт. Вас сразу заподозрят, а мне можно общаться с Гармадоном, тем более, что мы истинные.

— Что? — удивлённо таращится на неё Уолкер, переваривая информацию. Руми только фыркает, прощается взмахом руки и идёт к кухне, где её ждут закуски, за которыми она сюда и пришла.

Джей несколько минут ещё отсиживается, а потом идёт есть следом, потому что вдруг проголодался. Сото кормит его всем самым лучшим, через каждых пять минут спрашивает о самочувствии и только к вечеру собирается проводить бету в спальню, как тот отказывается и стелит себе место на диване в гостиной. Парень выбрал это место не просто так. Здесь зародилась его надежда и план на спасение, здесь совсем не пахнет коньяком и ни одна деталь не напоминает о ночи, что до сих пор снится в кошмарах.

Здесь ему становится намного легче и приятнее. Словно он вдруг под защитой, словно его спасает это место и прибавляет сил. Спокойнее не

только за себя, но и за ребёнка, уютно так, что Уолкер впервые за долгое время улыбается перед сном.

Ближе к ночи сильные руки приподнимают его в воздухе, собираясь перенести, но потом оставляют на месте. Шаги становятся тише, а потом вдруг громче, замирают на несколько минут у самого уха и уходят только тогда, когда бета оказывается до самого подбородка укрыт пледом. Наверное, таинственный незнакомец совсем не подумал, что Джею просто стало жарко, но неуверенная забота вызвала у парня совсем крохотную улыбку через сон.

× × ×

Утро не отличается от других чем-то особенным, невероятным, но Сторму с открытых после сна глаз невероятно жарко.

Альфа пока общается с офицером, слушает его указания, просьбу некоторое время подменить, но его несёт в стороны. В помещении душно, и он на ходу стаскивает с себя пиджак. Никогда такого не было, и до Морро слишком долго доходит, что это такое, потому что мысли заняты делами. Он любезничает и тянет улыбку, ближе к концу разговора и вовсе опускается на диван, закрывает глаза и оттягивает от горла узел галстука. Даже смотреть на вошедшего друга не хочется, говорить ничего, объяснять, но ради планов он держится и восстанавливает дыхание. Лишь бы офицер на том проводе не почувствовал, как стремительно извергается вулкан внутри альфы. А искры обжигают кожу.

— На данный момент я немного занят, но уверен, что с начала следующей недели буду полностью свободен и составлю Вам компанию, — вымученно улыбается Морро, чувствуя себя на гриле, и наблюдает, как Надакхан тихо матерится и спешит открывать окно. — Поверьте, Вы можете положиться на меня. Как наш дорогой мэр, поправляется?

— Терпимо, — шумно вздыхает мужчина. — Буду ждать Вас с понедельника, мистер Сторм, надеюсь на Вашу помощь. И ещё кое-что: нужно будет Ваше участие для речи перед городом, как временного мэра, поэтому, пожалуйста, будьте готовы. Я вышлю Вам главное.

— Обязательно, — кивает Морро и ждёт, пока мужчина сам оборвёт связь. Несколько секунд ожидания, когда он почти не дышит, а потом с приходом гудков откидывает телефон на верхушку маленького холодильника и зарывается пальцами в растрёпанные волосы.

Джин присаживается на край стола и досадно мотает головой, пока альфа подходит к открытому окну и едва в него не вываливается. Мятой пахнет так, что можно задохнуться. Мужчина ещё в коридоре почувствовал, как от кабинета буквально несёт запахом секса, как появляется запах крови, словно за дверьми дикий, сорвавшийся с цепи зверь. У Морро глаза такие дикие, что даже ему страшно, вокруг не просто аура, а густой туман желания, который вселяет в альфу пожар. Брюнет может себя контролировать, но у него гон впервые в жизни, поэтому в любой момент всё просто пойдёт нахуй.

Надакхан поднимается и собирается просить по связи чего-то холодного и освежающего, но понимает, что зайдёт Элис или кто-то ещё, и Сторма унесёт. Он закрывает друга в кабинете, пугает коллег своим появлением и забирает лёд с двухлитровой бутылкой воды. Когда возвращается, наполняет альфе стакан и суёт в руку.

— Что за хуйня происходит, — выдавливает из себя Морро, когда самоуничтожение медленно отходит на второй план, а в груди не жжёт так, будто там горячие угли.

— Припадок, как у больного, — говорит джин и смотрит, как младший вливает в себя уже третий стакан. — Первый закончился, через пару часов начнётся второй, потом третий.

— Почему я его запаха не чувствую? — усмехается Сторм, смотрит исподлобья таким взглядом, от которого даже мужчине не по себе.

— Он очень мне нужен. Я без него умру, Хан, я уже умираю, мне пиздец.

— Он без тебя течку вытерпел, и ты сейчас вытерпишь. Хочешь потом об этом жалеть?

— Как ты заебал.

— Не думай о нём, рассказывай, о чём говорил по телефону, — требует Надакхан и садит альфу в его кресло, чтобы отрезвить, а сам опускается на диван. Теперь вода нужна ему.

Он уже пожалел. Не сдержался вовремя, не спросил разрешения и поддался желанию, а сейчас едва может посмотреть бете в глаза. Надакхан бы вытерпел всё, лишь бы Джей не смотрел на него так, лишь бы не ненавидел. Если бы он знал, что потом сделает хуже ещё и себе, что плохо станет обоим, он бы сдержался. Сейчас ничего не изменишь. Это собственный проёб джина, и ему с этим жить, но своему другу он потерять омегу не позволит.

Морро закатывает глаза и отдаёт всё внимание бумагам и недавнему разговору с офицером. Взяв удивительно холодную папку, он прикладывает её ко лбу и сильно жмурится.

— Со следующей недели я временный мэр города, — подмигивает он. — У нашего офицера дела в участке, а я у него один из проверенных людей. Буду следить за городом и заставлять его разочаровываться в своих героях. Работа мечты, мы о ней и мечтали. Круто.

— Меня одно смущает, — прокашливается джин. — Что у вас за отношения с Ченом? Ты же понимаешь, что для коллеги он человек другой породы и во всём будет искать выгоду?

Морро просто жмёт плечами и прикрывает ладонью зажигалку, пока зубами держит сигарету и косится на открытое окно. В лёгких слишком просторно, но дышать всё равно сложно, и альфа бы хотел наглотаться дыма с никотином, чем оставлять голову свободной для

ненужных сейчас мыслей. На самом деле, очень нужных, до скрипа зубов нужных, но брюнет едва не насильно заставляет себя думать, что Смита он в ближайшее время не получит и получать не должен.

— Чен заметил, как выходил Гармадон, и дружелюбно позвал нас за собой, — отвечает Сторм. Облако дыма взлетает и тянется к открытому окну, сменяя себя свежим воздухом. — Тебе не кажется, что мы ему должны? Мне тоже нет, но он и ничего не требует, только крутится вокруг и обещает помочь. Я думаю, что он будет полезным. А ещё он отец бывшей моего омеги, весело, да?

— Он такой человек, что всегда ударит в спину. Не боишься доверять ему?

— Лучше бы ему не делать того, из-за чего я бы понял, что ему нельзя было доверять, — улыбается альфа. — Иначе он начнёт бояться призраков до конца своего существования. Ещё что-то, что тебя смущает?

— Прокатимся ночью в одно чудесное место, — мужчина поднимается с места и поправляет пиджак, собираясь уходить. — Гон — становление зверем, как в полнолуние, и тебе будет лучше надышаться атмосферой клуба, выбрать кого-нибудь и расслабиться. Если ты вдруг сорвёшься и захочешь кого-нибудь там прикончить, я буду рядом, так что не надейся, — он кивает и доходит до двери, как останавливается и приподнимает палец в угрозе. — И не смей смотреть на Джея, я сделаю так, чтобы ты свои глаза больше в жизни не открыл. В задницу их засуну, понял меня?

Сторм усмехается и прикладывает ладонь к сердцу в знак обещания.

— Я на встречу, собирайся и вали домой, — говорит джин. — Тебя довезут, вечером я сам заеду. И только посмей куда-то пойти.

— Да, папочка, — отвечает ему Морро и дует дымом в сторону окна. Надакхан подхватывает шутейку брюнета, кидает строгое «отшлёпаю» и выходит за двери. Морро в гордом одиночестве закидывает ноги на

стол и ещё минут десять до ухода думает о том, настолько он близок к своей мечте.

× × ×

С лёгким стуком в дверь Майя отвлекается от домашних дел, оставляет нарезку мяса сыну и идёт встречать гостей. Эти несколько дней, что Кай остаётся дома и никуда не выходит, заставили женщину здорово понервничать. Омега ничего не рассказывает, то по дому помогает, то закрывается в комнате и не издаёт ни звука. Ничего про друзей не рассказывает, как только заходит тема о команде, молча встаёт и выходит, а про работу только говорит, что уволился.

Женщина оказывается в восторге, когда встречает на пороге Скайлор, и приглашает войти в дом.

— Ты пришла к Каю? — спрашивает она и проходит на кухню, где сидит слегка подавленный, но явно удивлённый чьим-то визитом мастер огня.

Рыжеволосая только останавливается в проходе, прислоняется к двери и улыбается, когда Смит сталкивается с ней взглядом. Что-то в золотых глазах тяжёлое и больное, обжигающее, что самой омеге становится не по себе. Ужасно, что она не нашла смелости прийти раньше, до этого состояния, а сейчас появилась только из-за дела. Может, им и не стоило вообще больше видеться? Расстаться после всего и больше не терзать друг друга, остаться если не друзьями, то знакомыми, чтобы сейчас не смотреть друг на друга такими эмоциональными взглядами. Никто и слова первым не скажет просто так.

Вот, как правда может разрушить чью-то жизнь.

Парень только мрачнеет, когда отводит взгляд, просит маму его подождать и идёт наверх. Он не собирается прогонять девушку, потому

что нет в её глазах ни отвращения, ни разочарования. Взгляд такой же искренний и тёплый, и Кай понял всё без слов.
Скайлор осталась той единственной, что не поверила слухам и простым совпадениям.

— Как ты? — интересуется омега, прикрывая за собой дверь и наблюдая, как парень проходит дальше и опускается на кровать. — Я должна была прийти раньше, наверное...

— Не должна была, — смягчается шатен и хлопает рядом с собой. Чен только тянет улыбку и приседает на стулец у стола с ноутбуком. Кай не возражает, больше не ругает судьбу за то, что теперь обоим приходится держать дистанцию, тем более, что мысли совсем о другом.

— Я знаю, что Ллойд с Нией приходили, — начинает Скайлор и отворачивается к окну. — Не знаю, что они тебе сказали, но я с ними не согласна. И мне... нам нужна будет помощь. Даже не столько нам, сколько Джею.

Смит мгновенно поднимает голову и смотрит с такой надеждой, какая была только у Нии. Чёрный туман обиды рассеивается, мрак исчезает, даёт место свету. При одном упоминании лучшего друга мир мастера огня замирает, и думать о чём-то другом хочется в последний момент. Как посмел он забыть, как посмел впустить в голову мысли, совсем не имеющие и одного упоминания о Уолкере, который единственный не разочаровал и не разочаровался?

Воспоминания наваливаются огромной волной, и Кай не сдерживает тёплой улыбки, потому что без неё бету не вспомнишь.

— Вы его нашли?

— Нам рассказал Сото, что Надакхан сегодня везёт его в клуб, где мы были в последний раз. Ллойд с остальными готовится, говорят с Сенсеем, но мне кажется, что ты можешь помочь больше всего, — вдруг становится жутко неловно и стыдно, и девушка больше не смотрит в глаза мастера огня, потому что нет сил и смелости. —

Надакхан... будет с Морро, поэтому...

Кай несколько секунд смотрит на неё, как на что-то несуществующее и нереальное, неверяще хлопает ресницами, а потом резко поднимается на ноги. На плечи сваливается сразу всё, что он держал, от чего отбивался так, как только мог, и омега уверен, что больше не в состоянии всё это нести. Скайлор опускает взгляд вниз, а парень даже грустно усмехается и громко хлопает по карманам.

— Поэтому мне побыть подстилкой?

Омега поднимает голову, готовая сжаться до милипиздрических размеров, потому что она знает, как выглядит её просьба и чем для него является.
Самой от этого паршиво. Паршиво осознавать, что Кая едва не со всех сторон делают тем, кем он всегда боялся стать. Как он с этим боролся, как защищал омег от этого призвания, а сейчас почти вся команда втаптывает в эту грязь, а он ведь ничего не сделает. Защитил того, кого мог, а его кто защитит? Ни он, ни его друзья. Его просто кинули на произвол судьбы, сделали предателем, а свои ошибки загородили его нынешней, вообще несуществующей. Тяжело осознавать, что опасения омеги перетекли в реальность, и исправить это не сможет уже никто.

Так не должно было случиться. Кай должен был полюбить себя заново, должен был доказать, что люди носят ложные стереотипы, что унижать омег отвратительно и неправильно. Если бы его вовремя поддержали и поняли, ничего бы не произошло. Скай понимает, что в этом есть её вина, что для парня совсем ничего не сделала, что не заплатила за любовь. Можно было побороться, но не хватило смелости, не хватило сил. Сейчас даже права находиться в этом доме у нее нет, просить чего-то, когда сама ничего не отдала.

— Прости меня, — говорит она и поднимается следом, не спешит подходить. — Прости, что заставила так подумать. Нет, ты не должен этого делать, я не это имела ввиду... Мог бы ты просто с ним поговорить, привлечь внимание, пока Ллойд с остальными сделает своё дело?

— Я не собираюсь помогать Ллойду, — отвечает шатен. — Но я приду, только потому что там Джей и у нас есть возможность его вернуть. Потому что хочу его увидеть и вернуть свободу, поговорить. Это даже не для Нии, — он запинается, чувствуя особую тяжесть после упоминания сестры. — Только пообещай, что когда он будет не со мной, а дома, ты за ним присмотришь. Я больше никому из них не доверяю.

У кого-то будет возможность быть рядом снова, а у него нет. Кто-то увидится, у кого-то снова появятся отношения, снова будет полное право видеть друг друга, признаваться в любви, пока не поздно, а у него со Скайлор такого не будет никогда. Смит не рад, потому что сомневается в своей сестре, потому что оставлять Уолкера с командой страшно. Он сделает достаточно, будет видеться с бетой едва не каждый день, но Джея так угробить не позволит.
Команда стала болотом, стала огромной бочкой выброса боли и проблем, и свет в глазах мастера молнии там долго не продержится.

Вряд ли он знает, что свет погас и без их помощи.

Парень поправляет капюшон толстовки и уверенно идёт к двери, заранее выключая в комнате свет.

— Ты куда? — вскидывает брови Скайлор и идёт следом.

— За одеждой, — пожимает омега плечами и быстро спускается с лестницы, едва не слетает с этих ступенек и, натянув кроссовки, кидает матери, что уходит по делам. — Хочешь, чтобы я пришёл вот в этом? Ты сказала мне привлечь внимание, так что положись на мой вкус, окей?

Девушка неуверенно кивает и ведёт парня в сторону своей машины, оставленной у ворот. Внутри омеги просыпается истинный любитель тачек, глаза совсем не хотят отрываться от формы автомобиля, его колёс, стёкол и цвета, и при Скайлор парень не скрывает своих желаний.

— Красавица... Тойота камри?

Девушка довольно улыбается и кивает. Парень быстро проводит по крыше и садится на переднее сидение, оставляя возможность вести машину её хозяйке. Скайлор не долго собирается с мыслями и едет к одному из самых больших торговых центров, не представляя, что вообще в голове у друга сейчас.

× × ×

— Кто-то отвлекает их, а кто-то быстро забирает Джея. Нам проблем хватило, поэтому действуем так, чтобы никто не заметил и ничего не заподозрил, — говорит лидер и хлопает дверцей, огибая отцовский чёрный мазерати и переглядываясь с друзьями.

Зейн поправляет кожанку и просит всех заранее проверить связь в беспроводных наушниках со встроенным микрофоном. Пиксель на проводе нет, девушка сидит в палате отца и не выходит, а альфа её и не заставляет. Девушка только коротким сообщением просит быть осторожнее, потому что со Стормом всегда шутки плохи, а парень обещает, что на нём не будет ни единой царапины.

Сегодня какой-то особенно тёмный вечер. Перегорели фонари вокруг, подходящей луны нигде не видно. Небо покрывается чёрными тучами, как трещинами, стелит на город простыню и желает всем спокойной ночи, как неугомонным птицам в клетке.
Спокойной ночи не будет.
Поднимается ветер, толкая в противоположную от входа сторону, а команде давно всё равно. В помещении их друг, их недостающий элемент, их человек, без которого, на удивление, справляться стало так хреново. Смелости навалом, и не мешают даже запахи двух ненавистных альф, чья мята и коньяк просачиваются сквозь щели и достают до прохожих. Мята сжирает, не оставляет даже костей; она настолько сильная сейчас, что Ллойд не хотел бы догадываться, но

догадался сразу, кого сегодня мучает голод гона.

Пока лидер дозванивается до Скайлор, Ния едва не порхает в воздухе, нервничает так, будто вот-вот случится взрыв. Такого волнения она не испытывала никогда. Такого, чтобы вмиг слетели все тормоза, чтобы вся уверенность распалась на части и сожгла саму себя перед огромным ожиданием, которое сейчас сильнее железного молота. Сейчас такой хороший шанс, сейчас до Джея рукой подать, но запаха беты почти нет среди остальных, и девушка нервничает. Торопит друзей в панике и нетерпении, а сама понятия не имеет, что делать, заметь она парня и встретившись с ним взглядом.
Наверное, умирать, падать на месте и не подниматься больше никогда, потому что ожидание убийственно. Жизнь без Уолкера для неё убийственная.

Считает свои шаги, считает минуты, чешет руки и косится на входные двери клуба. Ещё хоть один толчок, одно дуновение ветра или капля голубики, витающей в воздухе, и она не станет сдерживать себя на месте.

— Ты на месте? — спрашивает блондин, когда дозванивается до девушки, и кивает команде в сторону входа.

— Нам кое-кто поможет. По поводу Морро можете не волноваться, он в надёжных руках.

— Ты же не про... — альфа замирает и вытягивает лицо, когда у дверей вновь расплывается головокружительный аромат мяты. — Нет, Скай, забирай Кая обратно!

— Мне всё равно, что ты думаешь, но Кай не такой. И он согласился помочь, Ллойд, он тоже хочет вернуть Джея домой, поэтому я ничего делать не буду.

Ллойд зарывается пальцами в волосы, чувствует, как в грудь давит волнение и угроза. Что бы он ни говорил, а Кай в ловушке, потому что Сторм сдерживать себя в таком состоянии не станет. Омега и не

понимает, что к чему, может, всё ещё окутан этим очарованием брюнета, и его надо спасать, пока не произошло чего-нибудь ужасного. Гармадон пообещал себе голыми руками защищать друга от таких, как Морро, и как бы они ни ссорились, лидер поможет каждому в своей команде.

— Скайлор, у Морро... — начинает Ллойд, но связь обрывается. — Блять.

Парень распахивает тяжёлые двери, кивает охране у самого входа и едва заметно для толпы в клубе догоняет друзей.

× × ×

Альфа сталкивается глазами с девушкой перед ним, что игриво гладит бедро. Прохладным пальцами забирается под чёрную футболку, касается кожи Морро, которая горит под воздействием дикого желания, трескается, как земля под лавой. Самое отвратительное в этой истории — у него встаёт буквально на каждую омегу, особенно острая реакция на приятные запахи карамели и фруктов, на ягоды, и одной из них здесь пиздец, как не хватает.

Сторм отвлекается на собственный полупустой стакан, избавляется от сушняка, оставляет кубик льда во рту, чтобы охладить пыл, но заводится по новой. Омега опускается ему на ногу и зачёсывает его почти распустившиеся волосы. Дышит его мятой, как кислородом, совсем не боится. Может, боится зверя альфы сейчас? Один неверный шаг, и Морро не станет церемониться — пустит пулю и не заплачет, а может, её тоже от него кроет. Нежная фигура, мягкие ладони и худые бёдра незнакомки не подходят ладоням брюнета, но оказываются в них, губы не подходят, но соприкасаются, а внутри отвратительное неудовлетворение.

— Не боишься меня? — спрашивает альфа и ведёт ладонями по спине, вызывает такие мурашки, что кожа сыпется сухим песком. — Детка, я

очень страшный, я кусаюсь...

— Не боюсь, — кокетливо смеётся она и каблуком задевает его щиколотку, ведёт по ноге вверх. Играется, не зная, с чем, смеётся и надеется, что вылезет живой из этих рук.

Напрасно.

Надакхан недовольно косится на парочку, от которой в этот раз, почему-то, тошнит, и поворачивается обратно к Уолкеру.

Джей тихо сидит и только кивает в такт музыке, старается абстрагироваться и насладиться атмосферой. Парень совсем не надеется, что у друзей что-то получится. Наверное, он достаточно разочаровался, чтобы снова верить, поэтому глаза не горят от нетерпения, а сердце не бьётся в предвкушении. Он задумчиво смотрит на толпу и впитывает в себя неон, как губка, питается чужим счастьем. Раньше он был в числе этих людей и отдавался танцу, будто сейчас умрёт, а сейчас даже рукой лишний раз не двинуть. Он потерял себя прежнего, и вряд ли когда-нибудь найдёт.

На удивление, с джином ему даже спокойнее. Надакхан не лезет к нему и ничего не требует, не прикасается лишний раз, отпугивает взглядом других любознательных альф, от которых Уолкера бы давно стошнило. Как верный дракон, он сидит рядом с бетой и охраняет, позволяет свободу действий. И смотрит, смотрит бесконечно много, любуется чертами лица Джея и смакует их время вместе.

— Я совершил ошибку, — достаточно громко начинает мужчина, чтобы Джею было его слышно, и отводит взгляд куда-то в сторону. — Я стал причиной чужой боли, и мне так это нравилось. Я навредил человеку в трезвом уме, за исключением злости, и слишком поздно понял, что начал что-то чувствовать. Так отвратительно понимать, что после одной ошибки тебе больше не поверят. Если бы я знал, что плохими не только становятся, но и рождаются, я бы не родился.

Джей сводит брови в переносице и наблюдает, как быстро бегает взгляд мужчины по залу. Как каменное лицо закрывает отчаяние и злость на себя, как в альфе бурлит потерянность, как место для чувств становится лабиринтом. Надакхан не врёт, парень бы сразу заметил ложь, но стоит ли ему прислушиваться? Почему давит в груди, почему его сжирает странное чувство вины, хотя он ни в чём не виноват?

— И что за человек? — спрашивает Уолкер, прекрасно понимая, о ком он, и опускает взгляд на свой живот. — Человек, которому ты навредил...

— Мой враг, моя смерть и моя жизнь, — усмехается джин и закрывает глаза. — С глазами, как у ребёнка, с нестандартным мышлением и сильными руками. Он слабенький, даже дверь в кладовке выбить не попытался, но давал мне отпор, нога до сих пор помнит тот роковой день. А руки сильные, потому что он забрал у меня кое-что.

Джей замирает, как подстреленный со стороны, и боится повернуться. Ещё немного, и сердце выскочит наружу от страха, сам он рассыпется на пол и больше подняться не сможет. Бета не верит, что альфа всё узнал, не верит, что его кто-то не сдержал обещание и рассказал всё. Ему бы сейчас подняться и сбежать куда подальше, но тело не двигается, подобно статусе, и приходится только с силой вжиматься в стулец.
Парень уже мысленно перебирает всех, кто мог рассказать Хану о его ребёнке, проклинает всех, но прекращает, едва Надакхан приподнимает его руку и большим пальцем водит по линиям жизни.

— И что забрал? — пересиливает себя Уолкер и даже задерживает дыхание.

— Моё сердце, — отвечает мужчина и неотрывно смотрит на ладонь беты, любуется мягкостью и нежностью его кожи. В глазах столько сожаления, столько борьбы с самим собой ради его единственного, что даже сейчас, услышав ответ, Джей не может отмереть. Сгорает внутри от неизвестных чувств, сгорает без права вернуться к жизни, а потом тонет, когда взглядом сталкивается со стоящей вдалике Нией.

Мира нет, мир разрушен.
Он рушится в глазах Смит, что полны слёз и счастья, рушится от этого расстояния между ними и от того, как даже при виде девушки его к ней не тянет. Как молния больше не играет с волнами, а огибает их и прячется, как они вдруг не сочетаются, как не смотрятся друг с другом. Джей вспоминает всё, вспоминает его любовь всей жизни, а потом оборачивается на мужчину рядом, и ему снова плохо. Теперь морально.

Не может такого быть, чтобы Уолкер вдруг чувствовал себя спокойнее с альфой, а не с той, за кого отдавал всё, что имел.

Джин отпускает руку мастера молнии и поворачивается обратно к бармену, словно внезапно теряет к бете интерес. Щёлкнув пальцами, просит новые напитки и косится на друга, не ощущает рядом дрожи шатена и той потерянности, в которой он захлёбывается.

— Увидела, — завороженно говорит Ния в микрофон у рта, и больше не может оторвать взгляда от любимых голубых глаз. — Я вижу его...

— Действуем по плану. Коул, смотри, чтобы Морро не увидел нигде Кая, — серьёзно говорит по связи Гармадон-младший. — У него гон, думаю, не надо объяснять, чем это может закончиться? Найди способ, как отвлечь его, пока не поздно.

— Поздно.

twenty-three. amid the fire

Примечания:

просто приятного аппетита;)

морраи: Justin Bieber feat. Chance The Rapper — Confident
не знаю, как подходит эта песня, но я писала под неё. может, у вас для такого момента найдётся своя) буду надеяться, что ничего не подпортил
спасибо Беточке!

И мир замер, остановился, потому что кроме этого «поздно» не было ничего более.

На омеге большая красная рубашка, свободная, будто водная гладь, тонкий чёрный галстук, подтяжки, обтягивающие плечи, светлые, совсем не узкие джинсы и красные мокасины. Круглая серёжка в одном ухе, маленькое сердце под левым глазом, наспех сделанное помадой, а в остальном никакого макияжа, и всё равно бог. Мягкие, манящие губы, приятный запах, вроде нежный, но резкий, с нотами лайма, может, даже граната, всё застревает во рту и щиплет язык, безумно вкусно. Кудрявая чёлка, спадающая на лицо, а волосы такие мягкие, что рука чувствует их без прикосновения.
Омега пришёл не из этого мира, пришёл и уничтожил все стереотипы и мнения о красоте. Потому что нет у других омег здесь красоты, Кай — вот она, красота в чистом виде.

Красота и сладость, пожар, искра в бочке, полной бензина.

Парню стоит только сделать шаг, и взгляды людей сквозь бесконечный танец устремляется на него. Омега ловит внимание альф и бет, как рычание зверей при виде мяса, ловит омежью зависть со стороны, но так плевать. Он столько не был в этом месте, и сейчас чувствует себя намного увереннее и ярче, чем раньше. Чувствует звездой, блюдом, которое обычно подают в конце, как десерт, но никому отдаваться не

собирается. Он заходит в толпу, огибает тела в движении и прорывается к барной стойке, чувствует, как лёгкие заполняет внезапно сильная мята.

Она завораживает. Из всех присутствующих Кай слышит только одного единственного зверя, и он его ужасно манит. То ли тигр, то ли волк, но в нём столько величия, столько власти, что подкашиваются ноги. Довольный рык, вой, обрызганный, облепленный желанием, проносится где-то в голове, звучит громко и заманивает к себе слегка подросшего кота Смита. Подобно дураку в ловушку, фонарику, чей светлый кружок по дорожке скачет прямо в кусты к хищнику. Кай не боится, он ведь сражался с этим хищником лицом к лицу, он только завороженно закрывает глаза, дышит запахом альфы и понимает, что сходит от него с ума. Что свежесть душит, проносит по телу волну тока, волну мурашек и возбуждения. Она манит к себе, осторожно берет за горло и тянет ближе, а Смит не хочет стоять, на может. Запах Морро и его зверь заставляют подчиняться, в них столько власти над омегой, что тот даже понять не успевает, как же так вышло.

На самом деле, власть у Морро всегда и над всеми. Просто над Каем она особенная, власть, параллельная зависимости.
Парень считает Сторма кем-то особенно важным для себя, человеком, без которого одиночество сожрёт его с потрохами, поэтому он идёт навстречу, даже не оборачивается. Огибает руки, что тянутся к телу, огибает людей, желающих рассмотреть его поближе.

Внутри расплывается чувство покорности и правильности, и парень понимает, что его ждут только одни, один человек, который заслужил возможность смотреть на омегу.

Мастер огня останавливается буквально за три метра от стойки, когда замечает альфу совсем рядом. Сторм притягивает к себе частицы, пускает по воздуху дым возбуждения, дым, как от пожара, как от пламени. Такой головокружительный, что замирает сердце, что эти руки хочется видеть только рядом с собой. Кая не пугают такие мысли, он знал, зачем шёл, но сейчас буквально всё вылетает из головы. Всё на этом свете теряет смысл, стоит брюнету обратить на него внимание,

когда отрывается от девушки, и зрачки его становятся чёрной дырой.

Девушка чувствует потерю интереса к себе и ускальзывает к толпе, прямо в объятья какому-то очередному, и омега теперь разглядывает Сторма полностью. Следы от помады — они так не идут ему — бегут дорожкой от скулы до шеи, и Кай не может себя сдерживать. Права собственника оказываются превыше всего. Он без понятия, как под таким пристальным взглядом, подобно чудищу в ужастике, он вообще может идти, но идёт, доходит до альфы и замирает между его коленями.

Сторму просто срывает башню от близости, от одного вида омеги рядом. Хочется разинуть пасть и проглотить его целиком, хочется вылизать и каждый миллиметр, хочется, хочется, его единственного и хочется. Для него одна Вселенная перескакивает в другую, меняется с ней местами, вокруг взрываются автомобили и техника. Пожар, апокалипсис, и тоже горят, но не сгорают. Один другому ещё большее пламя, и одно их прикосновение понесёт настоящее пекло, огромный котёл до жути кипящей воды и один такой участок, где пламя никогда не прекращает гореть. Морро никогда не думал, что будет чувствовать такое к кому-то, к своему врагу, к омеге с проблемами, но как ему нравится. Как он плавится и горит, как вдруг душно от его взгляда, от золотых глаз, в которых вся его жизнь и смерть вместе взятые.

— Отойди, если не хочешь, потому что все мои нервные узлы рвутся нахуй, — с грубой хрипотой говорит альфа, не отрывая взгляда от вида омеги, и ему хочется сдохнуть заново, потому что перед ним чудо. — Будь хорошим мальчиком, я ещё держусь.

— Я тебя не боюсь, — смело отвечает Кай, а у самого от каждого вздоха альфы сердце то останавливается, то начинает стучать заново. Морро его предупреждает, и Смит уверен, что это сейчас лучшее, что он мог сделать. Что его больная забота существует, что состояние омеги и его отношение его заботит. Он защищает его и верит в его силу одновременно, он им поражается, делает то, что, на самом деле, очень Смиту необходимо.

Кай, оказывается, влюбляется. Настолько, что готов подчиняться, что держит себя в руках, но полагается на альфу и позволяет им такое маленькое расстояние.

Сторм — тварь последняя, потому что смог забрать его сердце, заставил правильно усомниться в доброте.
Сторм отвратителен, он враг всем им, но Смит рядом с ним ничего против этого не имеет. Он сходит с ним с ума, он рвёт все стереотипы нахер.

Омега проливает себе на ладонь остатки воды из соседнего стакана и принимается стирать помаду. Трёт интенсивно и яростно, не оставляет совсем ничего, и этим уничтожает Морро ещё больше.
Окончательно.
Альфа не выдерживает и резко поднимается с места, вдруг заметно возвышается над парнем и касается носом его лба, смотрит убийственно и так сдерживается, как не мог ещё никогда. Ради этого омеги, ради его блага, ради будущего. Хочет вжать во что-то и трахнуть, никого другого, только его единственного, и от таких мыслей швы трещат всё громче.

Один ответ изменит всё.

— Последний шанс убежать от меня, — говорит Морро и усердно ждёт, а мастер огня убивает его последние капли рассудка. Потому что не бежит, демонстративно вытирает мокрую руку об его штанину и подается вперёд, утягивая альфу в лёгкий, первый за всё время поцелуй. Он облизывает его губы и опускает руки на его плечи, сжимает, будто отрезвляет, и терпения Морро официально не существует.

Альфа отрывается от парня только для одного мгновения, чтобы отойти всего на пару шагов и оказаться у стены. Смит врезается в неё спиной и льёт к брюнету, обхватывает его шею и принимает глубокие, требовательные поцелуи. Не поцелуи, а награда за такое долгое ожидание, глоток воздуха. Морро чувствует, как приятно щекочет кожу вокруг метки, а сам он медленно теряет рассудок. Он предупредил, дал

возможность сбежать подальше, а Кай остался с ним, и такая мысль буквально кружит голову и отключает мозг, заставляет сердце биться с невероятной скоростью.

Альфа подхватывает омегу под ягодицы и заводит его ноги за свою спину, и от того, как Смит в секундной панике жмётся к нему, чтобы не упасть, его распаляет. Распаляет до предела, дальше уже некуда, но с мастером огня, видимо, ещё есть куда. Морро гладит свободной рукой его шею, пока выцеловывает другую её сторону и доходит до ключиц, пока не сдерживается и кусается, думает, как бы не содрать с омеги одежду прямо здесь. На самом деле, не думает, жутко хочет, но одна мысль, что его Кая увидят нагим кто-то ещё, только злит и вовремя останавливает.

Кай тяжело дышит, и не куда-то в сторону, а Сторму под ухо, горячо, хрипло и судорожно, и брюнет обещает сегодня добраться до кровати. Он еле отлипает от парня, как от сладости, которая всё не заканчивается, которая попалась только ему единственному, и тащит его к запасному выходу.

Там машина.

По пути, не обращая внимание ни на гадкую погоду, ни на чёрное, скоро точно звёздное небо, Сторм грубо прижимает омегу к автомобилю. Ему бы съесть парня и кости не оставить, обкусать всего целиком, пометить со всех сторон и продемонстрировать, на чьих коленях место Кая. Омега буквально магнит, потому что Морро не в силах оторваться и отойти. Будто вся сила притяжения вдруг перешла на их сторону, и их друг от друга ничем не отлепишь. Кай его манит и отравляет, он ядовит, но до жути сладок и аппетитен. У него такие глаза, что от любого его взгляда всё нутро горит, взрываются все барьеры. Альфа хочет его здесь, на капоте собственной машины или в салоне, хочет везде, где можно и где нельзя, совсем не видит границ.

А Кай медленно вымирает. Хочется этих рук на себе и поцелуев, потому что Сторм невероятно горячий, хочется быть омегой вечность, лишь бы чувствовать брюнета вот так. Какие-то частицы альфы ещё

остаются в нём, и он всеми силами пытается взять инициативу на себя. Царапает альфу и кусает, увеличивает свой напор, отрывается, чтобы отдышаться, и оказывается на заднем сидении на лопатках. Ни подняться, ни двинуться, ни взобраться сверху, потому что Морро, сука, везде чёртов доминатор. Альфа нависает сверху и зарывается парню в ключицы, не оставляет воздуха. Сначала целует, потом подло, больно кусает, засасывает кожу и имитирует толчок, а у Смита перед глазами темнеет от возбуждения.

— Я тебя выебу, Кай Смит, ты доигрался, — говорит Сторм и, хлопнув дверью, обходит машину и садится за руль. А руки тянутся назад, тянутся к омеге, который заменяет весь мир. Он дёргает ключ в сторону и выезжает на главную дорогу, держит себя, как может, пока шатен на задних сидениях пытается научиться дышать нормально вновь.

× × ×

Джин находит среди толпы бету, остановившегося у стойки вновь, и возвращается на своё место. Ему уже здорово вскружил голову алкоголь, но он много не пил, потому что знал, что рядом Уолкер. Опять бы навредил, ранил (хотя куда сильнее). В его списке ошибок и так хватает одной, написанной большими буквами едва не на всю страницу, он думает сдерживать себя в трезвом уме и быть с Джеем осторожным.

Для злодея это пытка, но Надакхан смотрит на Джея, на его беспечность, осторожность и усталость, и всё получается само собой. Даже спорить не нужно, чтобы понять, настолько шатен сейчас достоин спокойствия.

— Ты не танцевал, — замечает мужчина и берёт стакан воды в руки.

— У меня не то время в жизни, чтобы танцевать, — Джей всё озирается по сторонам, а Нии больше нет, и кажется, что просто

глючит сознание. — Меня тошнит от этого места, глазам больно. Но обратно к тебе я не хочу ещё больше, чем находиться здесь.

— Ты разрываешь мне сердце, — грустно усмехается альфа, но не страдает. — Мне хватает того, чтобы видеть тебя и говорить с тобой, — отвечает он и улыбается, а потом, заметив пропажу друга, улавливает почти исчезнувшие нотки крыжовника и быстро откладывает стакан обратно. — Сторм...

Джей поворачивается к нему и принюхивается, но запахи смешиваются, ему от этого жутко дискомфортно и неприятно. Он ёжится и закрывает нос ладонью.

— Я на пару мгновений, — Надакхан вскакивает с места и идёт в сторону своих людей, агрессивно тыкая пальцем с сторону беты. — Следите и не упускайте его из виду. Мне стоит объяснять, что я сделаю, если он пропадёт?

Мужчины скромно мотают головой, и джин, не дожидаясь ничего больше, быстрым шагом идёт в сторону выхода. Выскакивает на улицу и расспрашивает охрану, не видели ли они Сторма, и ему отвечают, что альфа с мастером огня буквально только что уехали отсюда. У брюнета руки горят от того, как он хочет треснуть Морро за это. Волнение граничит со злостью, но парни точно далеко отсюда. Наверное, они уже начали, и остановить их он не сможет.

Он мог удерживать друга ровно до появления Смита, и сейчас он, видимо, точно бессилен.

Мужчина возвращается в клуб, и сердце больно ударяет по рёбрам, так, что идут трещины. Охраны нигде нет, будто испарилась, музыка громче, от музыки и волнения начинает тошнить. Надакхан расталкивает людей в толпе, чувствует, как дышать становится тяжелее. Если он потеряет Джея, то потеряет свет внутри себя, потеряет надежду на лучшее и веру в любовь.
Любовь ведь... отвратительна. Отвратительна там, где всё наигранно, где легко и просто, а с Джеем любовь становится каким-то

волшебством. С ним альфа способен себя анализировать и принимать свои ошибки, способен меняться в хорошую сторону, стараться для того, чтобы бета был в порядке. Он его убил в ту ночь, но с каждым днём к Джею тянет всё больше, он любит всё больше, хочет быть рядом буквально еверидэй. Запаха голубики поблизости нет, и он теряет кислород вокруг, теряет всё и задыхается.

Он останавливается у барной стойки и до треска сжимает в руке свой стакан. Едва оборачивается, как замечает уходящую к выходу Смит, что ведёт за собой Уолкера и крепко держит за руку. Он даже не думает лишний раз. Срывается за ним, но оказывается в объятьях подлетевшей Харуми.

— Отпусти, — рычит альфа и удивляется, как девушка может быть такой сильной. — Отпусти меня! Ты не видишь, что он уходит? Руми, клянусь всем, убери руки!

— Не надо, Хан, дай ему уйти, — просит девушка и смотрит, как бета скрывается за дверьми.

— Харуми!

Каждый шаг Уолкера в противоположную от него сторону порождает дикую ярость, а потом пустоту, которая сжирает всё внутри. Он так к нему привык, научился жить заново благодаря ему, чувствовать что-то. Как же так, блять, можно? Как можно дарить надежду и отбирать её, топтать прямо перед лицом и швырять в урну, сжигать в бесконечном огне, пока не останется пепел?
Можно. Надакхан тогда сделал с бетой точно также, а Джей просто вернул ему долг.

Только Джей умирал из-за переизбытка альфы, а Надакхан умирает из-за недостатка.

— Ты и так наигрался, отпусти его, если правда что-то чувствуешь, — Харуми чувствует, как альфа медленно расслабляется. — Ты лишаешь его воздуха, разве не видно? Парень хочет жить, а не умирать. Если

ему с тобой плохо, ты... Ты должен позаботиться о том, чтобы он был максимально счастлив. Даже если без тебя.

Без тебя.
Джей снова будет счастлив, только без него.

Он всё правильно делает. Убегает от монстра, от психа, у которого от беты поехала крыша. Джин испортил ему жизнь, перекрыл все пути к спасению, но сейчас нашёл. Не стал задумываться, идти или нет, не стал оборачиваться, копаться в чувствах альфы, в чувствах своего врага. Не положено приглядываться к таким, как Надакхан, не положено давать второй шанс. У мужчины чёрное сердце, чёрная душа, но он любит уже во второй раз. Теряет тоже во второй раз, пускай ради чужого блага, пускай для того, чтобы Джею стало легче, а когда станет легче Хану?

Почему с уходом кого-то не пропадают чувства? Джин отдал бы всё, чтобы не приглядываться к Уолкеру никогда в своей жизни, чтобы не приглядываться к Диларе, чтобы довольствоваться одиночеством.

Улыбка Джею идёт больше. Может, уход беты поможет ему стабилизироваться?

Мужчина отбивает от себя руки девушки и, отвернувшись от двери, медленно идёт к стойке. Где-то в груди болит, мужчине жутко дискомфортно и непривычно. Он опускается на стулец и ещё долгое время смотрит на второй, где совсем недавно сидел Уолкер, а потом замечает присевшую рядом Харуми и разделяет одиночество с ней.

× × ×

В квартире сразу подземное пекло, сразу пожар и вылитые литры бензина, потому что так обжигать от одних прикосновений не может.

Морро, находящийся в густом тумане, но совсем не потерянный

захлопывает за собой дверь и, пока мастер огня опускается вниз и быстро стаскивает с себя обувь, валит его на пол и больно выцеловывает шею. Кай задыхается от жары, чувствует себя животным, приколотым к земле хищником. Сторм держит руки парня, не позволяет прикоснуться, опускается к ключицам и злится, когда от груди его ограждает рубашка. От него несёт жаром и возбуждением за километр, несёт желанием, нетерпением, а Кай в этом тонет, и ему безумно нравится.

Альфа скользит ладонями к ягодицам и приподнимает парня в воздухе, буквально цепляет на себя и добирается до кровати. В одежде тесно и жарко, хочется содрать и вышвырнуть куда подальше. Хочется попробовать всего омегу целиком, увидеть его тело, налюбоваться, а потом пометить каждый участочек кожи.

Смит стягивает с плеч подтяжки и расстёгивает рубашку, манит грудью, которая с каждой пуговицей видна лучше.
А кожа такая мягкая, такая сладкая, что можно умереть. Кай хочет стянуть с себя всё, избавиться от ненужных вещей, а руки подрагивают, потому что трахает не он, трахают его. Волнуется безумно, хочет сбежать и обдумать всё, стыдится этого голодного взгляда альфы, но подставляется навстречу. Сторм наблюдает за ним безумным взглядом, не двигается, ловит каждый выдох, каждое движение, берёт омегу глазами.

Не сдерживается.

Валит парня на спину и срывает всё самостоятельно, прилипает к коже и целует каждую родинку, метит территорию. Стаскивает с себя футболку, и от взгляда, которым Смит обводит его мышцы, уже хочется кончить.

— Я чертовски хочу тебя, хочу в своей кровати все эти дни, — горячо, завораживающе шепчет альфа в ухо Каю и расстёгивает его ширинку, к чёрту откидывает подальше свою обувь, всю оставшуюся одежду. — Я, блять, горю в нетерпении... Ты сводишь меня с ума.

— Ты... с самого начала... фух... был поехавшим, — не упускает возможности Смит и вовремя кусает свой кулак, когда Морро резко проталкивает в него два пальца.

— Я знаю, — усмехается альфа и глубоко целует шатена, кусает его губы, кусает подбородок, угол челюсти.

Омега пытается не издавать звуков, но Сторм чертовски неаккуратен, нетерпелив и озлоблен тем, что приходится так медлить. Альфы во время гонов превращаются животных, а Морро умудряется его растягивать, говорить, целовать, несмотря на своё дикое желание печётся, чтобы Каю было хоть немного легче. У Смита это первый раз, и брюнет даже во время гона хочет сделать этот первый раз незабываемым. Кай начинает обожать его ещё больше.

Альфа убирает пальцы, отвлекается от шеи мастера огня и, размазав смазку по члену, входит одним грубым толчком. По телу заново расплывается жар, наслаждение, а у омеги от собственного крика бегут мурашки. Парень дёргает плечами и не находит ничего лучше, чем поделиться болью с альфой, и ногтями царапает ему грудь. Морро начинает плавно, глубоко двигаться, и Кай не замечает, как после нескольких таких толчков начинает стонать в голос. Больно, ново, но так возбуждающе, так горячо, что Смит не полагается на мозг, реагирует и отвечает так, как хочет его тело. Сжимает сильные плечи и подставляет шею под больные поцелуи, под укусы, которые то ли отрезвляют, то ли только больше наводят тумана. Сторм ненасытный, грубый и резкий, у Кая от его движений подрывается сознание, всё сгорает к чертям. Он стонет, а альфа рычит в наслаждении и ускоряется, задевает ту самую точку, от которой дискомфорт сменяется наслаждением, а тело бьёт разрядом тока. Вбивается в тело безумно, выкачивает из омеги силы литрами, выбивает такие вскрики, такие стоны, что зверь внутри едва не воет.

— Только я должен это делать, — хрипит Сторм, когда ловит губами очередной долгий стон. — Никто больше, только я. Ты должен лежать только подо мной, слышишь? Стонать из-за меня, только из-за меня и никого другого.

— Сторм, блять... — сквозь зубы тянет Кай и обнимает его за шею, ногтями проезжает по спине и шее. Морро на мгновение останавливается, выходит полностью и также резко толкается до упора, и омега уже крупно дрожит, позволяет поцеловать себя.

Морро его отравляет. Сливается с ним воедино, поцелуями передаёт яд, передаёт всё свое желание за это время. Двигается резко и с напором, отрывисто, показывает им обоим, кому теперь принадлежит Смит. Он безумный собственник, его злит один только взгляд кого-то на омегу, на его омегу. Он хищник, пожирает свою жертву и скорее пойдёт на убийство, чем поделится ею с кем-то другим. Он так давно хотел, а сейчас получает даже большее, чем ожидал, ему сносит крышу от Смита, от всего его целиком и полностью. Кай в его руках трясётся и подается к каждому движению, он доверяет ему, льнёт ближе, и альфа просто не сдерживается. Толкается последний раз и изливается в парня, ловит взглядом его эрекцию следом.

А отпускать не собирается.

Смит валится на спину без сил, отползает к подушкам и вздыхает с появлением приятной прохлады и мягкости. Сторм пока спокоен, удовлетворён, но через несколько часов возбуждение прикатит обратно. Проблемы нет. Рядом его омега, парень, который перенесёт с ним эти пару дней, и Морро ни о чём не волнуется. Опускается рядом, позволяет Каю положить голову на его горячую грудь и крепко прижимает к себе, зарывается пальцами в волосы. Парни лежат под лёгким одеялом, жар медленно спадает, и у них всего пара часов, чтобы набраться сил и отдохнуть.

— Сегодня ты не уснёшь, — усмехается альфа и закрывает глаза.

— Я и не собирался, — фыркает Смит и обнимает туловище Сторма, льнёт щекой, и альфа чувствует, что снова его хочет. Через пару минут опрокидывает парня на спину, наваливается сверху и принимается с тихим рыком выцеловывать его плечи.

× × ×

Бета заходит в родной дом, в гостиную, и воспоминания бьют по голове кувалдой. Настолько приятно чувствовать этот запах, видеть знакомую мебель, видеть команду, которую он и не надеялся больше увидеть. Парень ступает по ковру, а он мягкий, как облака в небе, проходит внутрь и наслаждается этим чувством радости при виде родного, понимает, что, несмотря на всё случившееся, скучал по всему безумно. Хочется закрыть глаза и упасть на пол, расплыться морской звездой и насладиться собственным домом. На секунду он даже забывает, что вообще куда-то пропадал, что с ним происходило что-то плохое.
В доме ещё бродит призрак предыдущего Джея, и нынешний не может сдержать улыбки, пускай такой больной.

Уолкер проходит дальше и оказывается в крепких объятьях Мисако. Оказывается, женщина пришла в себя и вернула себе возможность нормально разговаривать, и Джей так счастлив слышать её голос. Она подобно родной матери и гладит его по волосам, осматривает на наличие побоев или ссадин. Бета вспоминает, что несёт с собой, какая тяжёлая у него ноша на плечах, и он едва сдерживаться, чтобы не разреветься снова.

— Как будто дышать легче стало, — улыбается Баккет, крепко обнимая друга, и тот не знает, как реагировать. Не знает, почему у него вдруг слёзы, не знает, почему так рад видеть команду, когда в особняке был так обижен и зол, он ничего не знает.

Просто это не глюк, ему не кажется, что он бредит. Он дома, с людьми, которые стали ему семьёй.

— Мы так искали тебя, — подаёт голос Пиксель, что совсем недавно застала дома Мисако, и очередь обнимать парня доходит до неё.

— Почему... не нашли раньше? — спрашивает Джей, готовый провалиться сквозь землю, и виснет на руках лидера с Зейном,

чувствует, что с каждой секундой воспоминаний ему всё хуже.

— Наша вина, — соглашается Ллойд. — Но ты буквально исчез. Мы искали в Ниндзяго Сити, искали в Стиксе, но ты будто пропал без вести.

— Расступитесь, ребята, дайте ему отдохнуть, — командует Мисако, и альфы послушно расходятся, позволяют Уолкеру опуститься на диван и почувствовать умиротворение.

Дома намного приятнее, чем в особняке у альфы, хотя по интерьеру они буквально один в один. Здесь не пахнет хлоркой или коньяком, который выкачивал из беты душу, не пахнет освежителями и мега-вкусной едой, здесь всё до боли родное. Родные запахи, родная атмосфера, здесь тепло даже и тогда, когда действительно холодно, когда температура уходит в минус. Парень очень скучал по этому месту. Сколько бы он не злился на друзей, а с приходом сюда даже на душе становится легче.

Команда опускается рядом, привыкают к лицу Джею, которое, на удивление, лучами больше не стреляет. На потерянный взгляд, на бледноватую кожу, бледноватые, искусанные губы, и самим становится страшно. Коул отодвигается и пропускает Нию к дивану, и девушка, взобравшись на его с ногами, крепко обнимает бету и жмурится.
Сердце должно трепетать, но предательски молчит.

Молчит и Джей по поводу метки, по поводу ребёнка, он счастлив, что на нём одежда, скрывающая и то, и другое. Он неуверенно обнимает девушку в ответ, опускает подбородок на её плечо и закрывает глаза. Его снова подташнивает, но парень понимает, что не от команды, а от беременности. Понимает и терпит, боится рассказать, боится оказаться в глазах команды кем-то не тем. Он замечает, что поднимается с места один Гармадон-младший, следит за тем, как он подходит к большому зеркалу неподалёку и отодвигает от шеи ворот чёрной футболке.

— Мам, подкинь мне пластырей, пожалуйста, — просит он, разглядывая следы укуса на плече, и задумчиво хмурится.

— Лови, — отвечает Коул, оказавшихся ближе всех к кухне, и кидает небольшую упаковку лидеру. Парень ловко подхватывает её и распаковывает. — Эй, кто тебя так?

— Какой-то мужчина, — вздыхает альфа и лепит пластырь на метку. — Опять перепутали. Проходили через это, должно исчезнуть быстрее обычного. Скайлор не звонила по поводу Кая? Пиксель, мам? Ничего не известно?

— Ничего не было, — мотает головой ниндроид. — Не успели.

— Кай всё-таки не с вами? — удивлённо спрашивает Уолкер и отстраняется от Смит.

Альфы почти одновременно мотают головой, и бета задумчиво опускает взгляд, откидывается на спинку дивана. Он понятия не имеет, что с омегой, как он и с кем сейчас. В порядке ли, в безопасности, а ведь мастер огня на все сто процентов искал его также, как остальные. Из всех остальных Джей теперь хочет увидеть именно Кая, хочет расспросить, обнять, поделиться со всем этим. Он доверяет только шатену, и он обязательно всё расскажет, потому что Смит тоже мучился, тоже через многое прошёл и успел возненавидеть свою жизнь. Вряд ли сейчас для команды, а главное — для Нии самое время узнать, что Уолкер будет иметь ребёнка быстрее их всех, что у него метка от их общего врага.

— Мы сейчас ничего не сделаем. Если он у Морро, то нам его не забрать, — размышляет Зейн, и когда он говорит о Смите, то заметно злится. Джей пугается их отношения к Каю, неизвестность порождает панику. — Будет лучше отследить машину Морро и прийти тогда, когда Кай будет один. Сам он вряд ли уйдёт.

— Что случилось? Кай у Морро?

— Потом расскажу, — отвечает Ния и берёт руку Уолкера в свою. Дарит тепло, дарит нежность, как она это умеет, дарит всё самое

необходимое для любви, но Джей ничего из этого не чувствует. Может, дело в его состоянии? Нет тока по коже, нет бабочек в животе, они вымерли под воздействием яда Надакхана.

Джей всем своим сердцем хотел бы, чтобы прошлые чувства вернулись, чтобы он не был эгоистом или бессердечным уродом, но не получается. Ему от одних воспоминаний трудно дышать, он задыхается от этого. Как бы Ния сейчас не обнимала, как бы не делилась своими чувствами, но боль заглушить не получается. Не измерить того, что случилось, не вернуться в прошлое одним щелчком, внезапно не радоваться жизни.
Кратковременное ли это помутнение, парень не знает, но сейчас никакой любви не чувствуется.

— От тебя очень пахнет Надакханом, — замечает Коул в последствии, и мастер молнии что есть силы жмурится. — Ты был у него, само собой, но запах... он слишком сильный. Обычно так пахнут...

Коул прерывается, когда Ллойд, до этого рассматривающий что-то в зеркале, на грани рычания вскрикивает и хватается за плечо. Метку буквально жжёт, она едва не горит пламенем, и боль такая острая, что вмиг расползаётся по всему телу. Друзья вскакивают на ноги, с ужасом наблюдают, как из-под пластыря кругами выстреливают чёрные, как ночь, узоры, впитываются в кожу, как острые иглы, как лезвие. От вида знакомой картины у Джея сжимается сердце, и он не может двинуться, потому что медленно возвращается в ту роковую ночь. Он кричал точно также, только бился в истерике, боль была, только душевная, но самое главное — у него тогда не было, кому поволноваться за него, кому помочь. Он справлялся с этим один, а с Ллойдом сейчас почти вся команда.

Коул подбегает первым, когда Ллойд опускается на колени и дрожащими руками пытается содрать пластырь с кожи. Царапает свою шею и плечо, царапает буквально до крови и, отшвыривая почерневший, весь засохший пластырь в сторону, мгновенно затихает.

— Ты в порядке? — взволнованно спрашивает опустившийся рядом

ниндроид, осторожно касаясь его плеча, и лидер кивает, медленно опускается на пол.

До ужаса напуганная Мисако приседает рядом и рассматривает метку, мотает головой и принимается искать какую-нибудь мазь, ватку, потому что выступила кровь.

— Метки не чернеют, — хмурится Смит и поднимается следом, подходит ближе.

— Чернеют, — мотает головой Зейн. Он встаёт на ноги и застревает взглядом в одной точке, пока через свою систему ищет всю информацию об этом. Находит. — В случаях, если один из партнёров либо из параллельного мира, либо мёртв, — он поднимает глаза и сталкивается взглядом с удивлённым Гармадоном-младшим. — Если объяснять вкратце, то у мёртвых нечистая кровь, поэтому с их меткой наша кровь чернеет.

— У нас только трое мёртвых в городе, — серьёзно говорит Коул. — И ведь никому из них это не нужно. Я даже не вижу в этом смысла, тем более, что Ллойд — альфа.

Зейн на мгновение замирает, когда вспоминает слова Борга о возвращении Оверлорда, но лишь встряхивает головой. Это не может быть он.

— Я позвоню отцу, может, он что-то знает про это, — говорит блондин и быстро поднимается на ноги. Лезет в свой карман и кое-как вытаскивает мобильный. — Если так получилось и я всё правильно понимаю, то в городе есть кто-то четвёртый. И мне это всё не нравится.

Парень уходит куда-то в сторону, набирая номер отца, и команда потихоньку расслабляется. Ниндроид подходит к Пиксель и крепко её обнимает, расспрашивает о том, как себя чувствует её отец, а Ния, хлопнув Баккета по плечу, возвращается к Джею на диван. Она ничего не спрашивает, молча сидит и держит бету за руку, собирается

расспросить обо всём позже.

Уолкер безумно ей за это благодарен.

twenty-four. the game has begun

Примечания:

> мне очень жаль, что вам пришлось так долго ждать. у всех сейчас сложные времена, а у меня подготовка к огэ, поэтому мне сложно. так или иначе, приятного прочтения!
>
> момент в кабинете и самый конец: Unlike Pluto feat. Joanna Jones — No Scrubs (больше атмосфера, чем смысл слов) вообще, у каждого свои предпочтения, поэтому включайте те песни, которые подходят лично для вас

× × ×

Свет от солнца скатывается на кровать, падает на лицо и заставляет мастера огня недовольно морщиться. Несмотря на приятную погоду за окном, всё тело адски ноет, будто его, как тесто, раскатали по столу, и Кай первым делом думает, что сейчас же пойдёт за Морро и прибьёт его чем-нибудь.

В спальне альфы свободно и свежо, мята больше не заменяет собой кислород, чтобы жмуриться и задыхаться. Прохладная постель окончательно отрезвляет. Такое чувство, словно до этого момента шатен был под контролем каких-то страшных сил, под гипнозом, а сейчас вдруг от всего очнулся. Очнулся и понял, что лучше бы вообще не просыпался, потому что с приходом рассудка прекрасно видны все последствия.

— Умираю, — тянет Кай и через силу перекатывается в сторону, боком валится на пол вместе с огромным одеялом. Конечно, удариться об пол ему как раз не хватало.

Парень поднимается только со второй попытки, откидывает одеяло к

чёрту и находит первые попавшиеся спортивные вещи. Свободные, прохладные, а ещё с запахом Сторма, словно он не ушёл, а остался в них, как призрак. Наверное, любовь — это носить вещи друг друга.
Только любовь ли вообще между ними?

Пока готовятся тосты, пока банка с джемом в активном поиске, омега погружается в свои мысли. Только сейчас, когда в полном рассвете сил, он может подумать о том, что происходит между ним с альфой. Парню нравится голос Морро, нравятся его поступки, когда речь идёт о Смите, нравится харизма. Он буквально поражён альфой, поражён тем, что Сторм оказался единственным выходом среди всего остального дерьма, но сердце не останавливается, не ждёт каждую секунду, чтобы увидеться. У них вообще всё максимально сумбурно, если вести речь о чувствах. Провели вместе гон, обрели эту тонкую ментальную связь, понравились друг другу, но чего-то недостаёт. Какого-то светлого чувства, какой-то свободы, лёгкости.

Много всего произошло, у них было слишком мало времени, чтобы собрать всё воедино. Между ними куча стен, много «но», и каждое из них не даёт продыху.

Омега недолго собирается с мыслями, пока завтракает, а потом чувствует, как всего за пару минут вся прошлая тяжесть увеличивается вдвое, и давится. Проблемы опускаются на плечи, свешивают ноги, и ледяные руки огибают шею, начинают неистово сильно душить. Так и не остаётся мыслей о любви, не появляется того чувства, когда с одним представлением человека вдруг всё плохое исчезает. Кай бы тоже безумно хотел, чтобы здесь, в доме Сторма, можно было от всего спрятаться, чтобы вдруг стало легко.
Любовь может помочь пройти через что-то, но не может избавить от этого, никогда не могла. Когда речь идёт о городе, о судьбах тысячи людей, чувства не имеют никакого значения, они только мешают.

— Почему это не заканчивается... — отчаянно прикрывает глаза омега и трёт лицо ладонью. — Было хреново, стало ещё хреновее.

Не будь всего этого, он бы... ничего на ум не приходит. Возвращение

Оверлорда, возвращение Джея, — всё. Ему бы подобраться поближе к альфе и обнять, как тогда, посидеть с ним рядом и снова забыть обо всём. Устроиться поближе и заснуть. Так ведь бывает? Так ведь можно, все так делают, Кай уверен. Только сейчас появилась общая проблема, и сбежать от неё не получится даже под самым большим предлогом.

Внутри от всего, что осталось у него, кроме Морро, всё гниёт, сохнет, безжалостно ноет и болит. В жизни много сложностей, но сейчас их настолько много, что мозг буквально разрывается на части. Ему, как мастеру огня, хранить свою стихию, хранить себя, ему, как другу, срочно увидеться с Джеем несмотря на остальных. Он не знает, что по поводу команды, понятия не имеет, но понимать бы и не стал. Дважды убитый третий раз умирать точно не станет, и он не дурак, чтобы наступать на те же грабли снова. Родной дом стал мышеловкой, и чем быстрее он проскочит туда и увидится с Уолкером, тем лучше.
Им многое стоит обсудить.

Парень идёт в душ и ворует у альфы в шкафу футболку с джинсами. Непроизвольно улыбнувшись, когда его заметно стала окружать ещё и мята, шатен зачесал волосы назад и, плотно закрыв дверь, выскочил на улицу.

× × ×

Альфа заходит в кабинет после совещания, присвистывая на ходу, подмигивает поникшему Надакхану в стороне и садится за новое кресло — место мэра. Пахнет победой, пахнет тем будущим, за которым он так гнался, только мечтой больше не пахнет. Почему? Чёрт, он же только что её исполнил! И не одну, далеко не одну, целых две, и сейчас от каждой их них сердце невероятно быстро бьётся.

Довольный всем на этой планете Морро только вспоминает лицо спящего Смита перед уходом, как не может удержать улыбки. Что-то внутри светит от мысли, что омега его, будто всё подорвались одним щелчком, но бесшумно, без грохота, который обычно только беды и

предвещает. Хочется вернуться назад и послушать, как парень ворчит из-за ноющего тела, как назло ему делает что-то невероятное, морщится, а потом, не ожидая ничего, идёт за поцелуем. Почему-то за эти дни омега превратился в его любимое занятие, в ту самую радость в жизни, от которой холодные мурашки по всему телу, от которой приятно покалывает в конечностях.

Как домашний питомец, которого прийти и затискать с визгом, как новый-новый комикс, которого не прочитать — умереть. Это чувство, наверное, и называется любовью, притяжением, от которого только дышать через форточку и улыбаться с каждым воспоминанием.

— Какой счастливый, — бурчит джин, пока ковыряется в журнале. — Смотри, из штанов не выпрыгни.

— Поверь, они сами с меня слетают. Мне жаль тебя, друг, но я такой довольный, что не могу сочувствовать без улыбки. Я обожаю этого красного паршивца, и теперь он со мной, можешь себе представить?

— Я очень рад.

— Не загрязняй атмосферу своей пассивной агрессией, малыш, — мотает головой брюнет и перемещается на край стола, наблюдая за невозмутимым лицом альфы. Там, наверняка, от отчаяния и злости море с небом меняются местами, и Морро не слепой, ему и без слов всё прекрасно видно. — Так сильно любишь?

Надакхан даже голову не поднимает, но хорошо чувствует, как младший своими словами разжевал его сердце и выплюнул. Ему сколько сотен лет? Столько людей вокруг, столько возможностей, столько опыта, столько боли от этих ужасных чувств, а на ране с каждым разом всё больше соли. Может, это его проклятие за всё, что он сделал, карма настигла, судьба решила посмеяться, он понятия не имеет. Только Джея бы просто увидеть, просто посмотреть и проверить, появилась ли эта заветная улыбка. Бесит, что он сам всё испортил, хочется исправить, да чёрт возьми, хочется перед бетой на колени упасть, лишь бы получить один единственный шанс.

Слишком поздно осознал, что у любви есть свои правила и нормы.

— Я не знаю, что вы можете сделать с этим. Если ты готов ждать его вечность, как принца, надеяться, что в один момент ты сведёшь его с ума, что он потеряет память, то продолжай в том же духе, — жмёт плечами Сторм. — Другое дело, если ты хочешь избавиться от этого. В таком случае тебе придётся его возненавидеть.

— Я ничего не хочу, — долго вздыхает Надакхан. — Просто отвали.

— Я поддерживаю тебя, — возмущается Морро. — Чен говорил, что любовь нам только мешает... Малыш Джей ещё поймёт, какого мужика похерил, просто оставь его наедине со своими размышлениями...

Оба отвлекаются от разговора, когда дверь без стука распахивается, впуская внутрь двух мужчин, и Морро, оглянувшись, вскидывает брови в удивлении.
Один высокий, с бордовыми, как засохшая кровь, волосами, с тёмными глазами, пожирающими окружающую среду, как чёрная дыра, с запахом земли после дождя. Второй поменьше, какой-то дёрганый и покорный, со светлыми короткими волосами и безумно худой фигурой, с запахом древесины. Первый спокойный, как удав, но доверия не внушает совершенно никакого. Другой, напротив, нервный, вечно смотрящий по сторонам, но вызывает минимум волнения и опасения. Старший делает шаг, и в кабинете вдруг жутко прохладно, будто в момент наступила зима. Поднимает взгляд на Сторма, и у того кожа будто покрывается слоем льда.

Морро улыбается недолго. Момент осознания, кто перед ним, приходит примерно в тот момент, когда с присутствием мужчины жутко жжёт и сдавливает горло. Нечем дышать, стоит огромный ком, и альфа волнует друга, когда хватается за горло и начинает дышать ровнее.

— Я ожидал, что вы будете ждать моего возвращения, — начинает Оверлорд и проходит дальше, на ходу разминая шею. — Джин,

исполняющий желания, и призрак. Что может быть лучше этого дуэта, не понимаю. А где Руми?

Морро буквально статуей наблюдает за мужчиной, за размерными шагами и тем невероятным холодом, что исходит от него за полметра. В эту секунду ничего другого, кроме того, что они попали, не приходит в голову. Этому монстр ничего не скажешь, не возразишь, потому что он заставляет его задыхаться одним своим появлением и взглядом. Кажется, если он двинется не в ту сторону или случайно чихнёт, то лорд сильно сощуриться, и сердце брюнета навсегда остановится. Сейчас даже не до шуток, не до улыбки. К ним буквально наведалась Смерть, с таким же безумным холодом и властью, с таким напором, от которого лопаются капилляры.

Надакхан значительно сильнее, у Оверлорда над ним точно меньше власти, чем над Морро. По крайней мере, опасности своему здоровью он не почувствовал, но волнение и доли страха проглотил ещё с первых сказанных слов мужчины, стоило ему пройти дальше. Джин только удивлённо смотрит на властителя тьмы в живом обличии за столом, иногда поглядывает на Сторма.
Власть должна быть настолько сильной, но здесь от неё тошно.

— Как ты вернулся? — спрашивает альфа и медленно поднимается с места. — Ты не предупреждал, что вернёшься, у нас нет вины перед тобой.

— Да, вины нет, — жмёт плечами альфа. Он только сейчас отводит взгляд от Сторма, и тот с мелькнувшей лёгкостью закрывает глаза. — Я зашёл в гости. Я польщён, что вы построили себе эти высоты. Думал, что не справитесь, а вы поднялись удивительно быстро. Мне только одно интересно...

Он ждёт, пока Морро обернётся к нему, и поднимает со стола карандаш, изучая его со всех сторон.

— Почему Гармадон ещё жив? — он вскидывает брови, и альфы чувствуют всеми конечностями, как до этого неизвестная, но безумно

мощная аура появляется вокруг лорда и травит воздух.

— Не было повода его убивать. Вы не собирались сделать это самостоятельно? — собирает в себе силы Морро и сталкивается взглядом с Оверлордом. Теперь давит в груди. — Единственное, что мы делали, это шли к этому креслу. Гармадон почти не влезал в наши дела, в отличии от его сына.

— Ллойд уже не угроза, я буквально владею им и его существованием. Его отец ужасно меня предал. Я считаю, было бы превосходно вернуть его туда, откуда он пришёл с моей помощью. Я просто невероятно удивлён вашей работой, мои поздравления. Мне хотелось бы встретиться с некоторыми из наших старых друзей. Можете это устроить? Не переживай, Морро, кресло мэра в надёжных руках.

— Вы серьёзно? — рычит брюнет, и со злостью и смелостью форма Оверлорда уже не кажется такой кошмарной. — Кто дал Вам возможность пользоваться моими с Кханом заслугами? Я старался для себя, ловил пулю для себя и пачкал руки ради себя, а не для кого-то ещё.

— Не нервничай, малыш, — улыбается лорд и поднимается с места, обходит стол и останавливается напротив альфы, поправляя его воротник. Ткань под пальцами заметно чернеет. — Кресло моё, потому что один мой рывок, и твоё сердце остановится также быстро, как и забилось. Но ты не переживай, я добро не забываю. Меня от него тошнит. Ты многое сделал и достоин места моей правой руки, — он поднимает глаза, ожидания, наверное, какой-то радости в глазах Морро, но там бесконечная ненависть. — только вдумайся. На Пайтора не смотри, он левая.

Он подмигивает, и Сторм отводит взгляд в сторону, на блондина, что прочищает горло и неотрывно рассматривает что-то в окне. Змей с безобидный видом, но безумно грязной душой. Нет гарантии, что он сам вызвался помогать и прислуживать, нет гарантии, что он всем сердцем заодно с лордом, но Морро уже его ненавидит. Ненавидит и Оверлорда, и мужчина на все сто процентов чувствует это, но не

подаёт виду.

За окном с шумом усиливается ветер, и лорд довольно усмехается.

— Мне умирать в третий раз уже не страшно, — тянет милую улыбку Морро и, обойдя альфу, кивает Надакхану и проходит через стену, подышать воздухом. Покурить. На самом деле, страшно не умирать, страшно вдруг лишиться всего, что он приобрёл. Страшно умереть и больше не увидеть Смита, не почувствовать его запаха, не коснуться и не сказать хотя бы пары слов. Исчезнуть и оставить омегу наедине с миром, где все вдруг больше не на его стороне, где ещё будет жить Оверлорд и его слишком опасная сила.

Как ни странно, это лорд тоже прекрасно ощущает, даже больше всего остального. Что-то тёплое и светлое в болоте кошмара, что-то вдруг особенно сильное. Что-то, от чего неприятно першит в горле, слово на «л», и альфа только заинтересованно провожает мужчин взглядом.

× × ×

— Зейн, гони ужин, я устал ждать! — громко требует Баккет и даже приподнимается с места, заглядывая за стол, куда-то в сторону плиты.

— Я не могу гнать ужин, я могу его готовить, — отвечает ниндроид, и Джей сам не знает, почему смеётся.

Наверное, он просто слишком отстал от этой жизни. Слишком долго пробыл без голосов, которые слышал уже около семи лет, а сейчас снова здесь, с ними, и улыбка появляется сама. При виде друзей вдруг забываются все эти тёмные дни, всё плохое, что только успело случиться. Забывается Надакхан, ребёнок, забываются эти дни в особняке. Будто он всё это время спал, а сейчас просто пытается забыть кошмарный сон, оправдывая своё спокойствие тем, что он снова с семьёй.

Он понимает, что сказка продлится недолго. Понимает, что правда всплывёт, что в один момент это умиротворение сдуется, и на смену придут другие чувства. Опасение, паника, отчаяние, бессонные ночи... Лучше будет прийти к этому состоянию самостоятельно, но парень тянет, пока может. Улыбается, действительно искренне улыбается, потому что не вспоминает, что украло у него эту радость.

— Мы вернулись, — оповещает Ния, стаскивая с ног ботильоны, ветровку, и лишь коротко оборачивается на задумчивого Ллойда.

— Нашли что-нибудь? — интересуется Скайлор, отрываясь от телефона.

— Целое ничего, — жмёт плечами мастер воды и подходит к Уолкеру, падает с ним на диван и укладывает голову у него на плече. — Сенсеев не слышно, Мисако тоже не знает, где их носит. Она тоже ничего не понимает, так что мы в тупике.

— Я волнуюсь за них, меня вообще это всё ужасно пугает, — честно признаётся лидер и опускается за стол. — Что-то точно случилось и... Кай. Мне кажется, нам надо встретиться. После его слов я начинаю сомневаться во всём этом.

— Я о том же, парни, — встревает Коул и начинает жестикулировать одной рукой. — Вы спросили, что на самом деле произошло? Зачем спешить с выводами, зачем вообще сомневаться из-за домыслов... Или вы нашего Кая с кем-то перепутали?

— Он бы так не поступил, — подаёт голос Джей, опуская взгляд вниз. Он мог сомневаться во многих, буквально во всём мире, но в мастере огня, почему-то, не получается. Наверное, ему было бы так же тяжело, если обвиняли и его, когда он совсем недавно обрёл груз на плечах. — Кто угодно, но не Кай. Как вы вообще могли отпустить его куда-то в такое время?

«А меня? Как вы могли меня отпустить, как могли позволить кому-то превратить мою жизнь в ад?», — продолжает в уме, но вслух не

говорит.

В дверь продолжительно звонят, и Скайлор, что ближе всех к двери, идёт открывать. На улице уже давно стемнело, пора бы поужинать вместе и разойтись по комнатам, кому-то по домам. Джей думал о том, что будет с его головой, когда все разойдутся и оставят его наедине с собой, поэтому ему хотелось бы, чтобы время остановилось. Подушка устала мокнуть, стены устали хранить на себе разбитые взгляды.

Хватит.
Дайте подышать воздухом, дайте расслабиться.
Поспать без кошмаров.

Возможно же?

× × ×

Мастер огня доходит до двери родного дома. Несколько минут приходится тупо топтаться на месте, чтобы собрать волю в кулак, собраться с мыслями. Он буквально идёт туда, где водится торнадо, которое не убило его дважды. Идти бы и не стоило, если бы в городе не было опасности, а в этом месте не было того, кого ему всё время очень не хватало.

Кай прислоняется лбом к двери и ещё стоит, почему-то не может и двинуться. Кажется, будто ноги прилипли к земле. Столько всего произошло, что от команды начинает потряхивать, отталкиваться как можно дальше. Этого не должно было случиться. Так или иначе, но они должны были быть вместе до конца, должны были идти нога в ногу, ноздря в ноздрю, а сейчас вдруг сами себе отчертили линию. Зайти за неё — быть уверенным в том, что живым больше не выйти, и всё таки омега обязан. Их война не должна отразиться на той войне, самой главной, которая творится в городе.
Просто так сложились обстоятельства, надо держать себя в руках, чего бы это ни стоило.

Такая жизнь не из лёгких.

— Постой, Кай, — говорит внезапно вышедший из машины Надакхан в момент, когда омега только тянется к звонку. — Возьми с собой туда кое-кого.

— Кое-кого? — вскидывает брови Смит, но замолкает и раскрывает рот, когда альфа передаёт ему в руки маленького кота, сонного и ничего не соображающего. — О мой бог...

— Я не знаю, правильно ли это. Я вымыл его, он пахнет вишней, от моего запаха ничего не осталось, — говорит джин. — Коты меня не любят. Джей хорошо с ним ладил, он был с ним, когда не было остальных... в общем, со мной ему не место. Будьте осторожны.

Мужчина хлопает омегу по плечу и идёт обратно к автомобилю, пока Кай несколько секунд стоит и обдумывает всё сказанное.
Надакхан совсем другой. Парень помнит его в день, когда он забирал Уолкера из больницы, и тогда в нём не было этой искры. Не было безопасности в действиях, была только угроза, он буквально внушал страх, и Смит действительно боялся за друга. Могло ли между ними что-то произойти, мог ли Надакхан поменять отношение к бете? Плохое предчувствие.

Омега не отрывая пальцев звонит в дверь, пока та не распахивается, и перед парнем появляется до этого весёлая Скайлор.

— Я пришёл поговорить, — говорит он вместо приветствия, и девушка в пучине смешанных чувств пропускает его внутрь. Рада, безусловно рада, что он в порядке, но, наверное, всё ещё в шоке, в смятении, потому что от Смита мятой несёт за километр.

Едва парень проходит дальше, опускает кота и привлекает внимание всей команды, как его чуть не сносит с ног счастливый от внезапной встречи Джей.

Вспышка света, будто исчезновение чёрных туч. Только Кай ловит друга и крепко обнимает, как по всей комнате разносится волна света, тепла, которое до этого так безжалостно разорвали на части. Встреча после долгого расставания с тем, кто был нужен больше всего, действительно волшебная. Всего пару секунд назад на душе был град, ураган, сносящий всё со своего пути, а сейчас вдруг такая солнечная погода, что слепит. Ещё немного, и сердце лопнет, не выдержит наводнения этих чувств и эмоций.

— Джей, боже... — улыбается мастер огня и гладит спину друга, утыкается куда-то в плечо. Ему вдруг так хорошо, что сердце буквально не перестаёт долбить грудь, что по телу бежит невероятно много тепла.

— Наконец-то, я так рад, так рад... — шепчет Уолкер и чувствует, что от переизбытка этих эмоций сейчас просто расплачется. — Ты здесь, ты в порядке, я очень рад. Я очень...

Всего месяц назад они как могли держались друг за друга, хватались, стоя над пропастью. Целый месяц после того, как один отчаянно пытался спасти другого, как было положено начало Ада на земле у обоих. Один гребанный месяц, миллиард проблем, а сейчас, в объятьях друг друга, вдруг полная свобода души. И ведь так измотались, вымерли изнутри и возродились. Оба попали под обстрел, оба натерпелись. А сейчас, когда вместе, всё вдруг перескакивает на второй план.

Джей отстраняется первым, сталкиваясь взглядом с омегой, и реальность медленно возвращается к обоим вновь. Когда Кай видит остальных из команды, когда сталкивается взглядом с Ллойдом, когда Джей опускает глаза и замечает знакомое животное, что трётся ему об ногу.

— Откуда...

— Кое-кто передал, — отвечает Кай, и Джей в мелком испуге замирает, рассматривая кота.

— Кай, друг, — подаёт голос мастер земли.

— Ты пришёл, — всё же подаёт голос Ллойд. — Тогда... был не лучший разговор, — он заметно мнётся. — Мы можем поговорить так, чтобы раз и навсегда расставить всё по местам?

— Единственная тема, которую я буду обсуждать с вами, — это тема, связанная с Оверлордом, — серьёзно начинает мастер огня, и Зейн при знакомом имени роняет столовые приборы на пол.

— Что? — переспрашивает Баккет, хотя прекрасно всё услышал, и всю разряженную обстановку сносит волной страха и волнения.

— Так метка его?.. — в ужасе спрашивает блондин.

— Он уже поставил? — вскидывает брови Кай и сильно жмурится, прикрывая лицо ладонью. — Сука.

— Я ничего не понимаю. Что происходит, Кай? Ты что-то знаешь? — спрашивает Ния и приподнимается с места. — Оверлорд здесь?

— Сенсей сказал, он обрёл существование благодаря вам. Когда вы теряли свои способности, он их впитывал. Они помогают ему поддерживать жизнь, но я не знаю, кто он сейчас и в виде чего, — начинает мастер огня. — Моей способности у него нет, это единственное наше преимущество над ним.

— Папа сказал тебе, а на нас решил плюнуть? Он поэтому вернулся? Всё же сходится, сначала папа, потом Морро и остальные, потом Оверлорд... — говорит мастер энергии и взъерошивает волосы. Всё так внезапно валится на голову, что мозг буквально кипит, взрывается от передозировки информации.

— Зачем ему метить Ллойда? — прокашливается Ния.

— Кое-что случилось, Сенсей Гармадон подписал договор, там... всё

сложно. Оверлорд имеет власть над Ллойдом, но я не понял, не знаю, с какой целью он это делает, — омега чешет голову. — Надакхан говорил быть осторожными...

Парень отводит взгляд в сторону, расставляя все мысли по полкам, чтобы не запутаться. Наверное, принять ситуацию тяжелее всего будет Ллойду. Он центр этих событий, центр проблем, скопившихся у них за всё это время. На нем едва ли свет клином не сошёлся, и парень не знает, точно ли понимает, что он вообще сейчас чувствует. Было ли с ним такое? Наверное, было в тот момент, когда Сторм рассказал всё о нём, о том, кто он есть.

Ллойд опускает глаза куда-то на пустую тарелку возле себя, и сейчас кажется, что на эту тарелку он только что выложил свой замаринованный мозг. Непонятно, страшно ли ему, всё просто смешалось, когда должно было наоборот собраться воедино. Он не знает, на кого злиться, что вообще сейчас делать. Попал в тупик. Буквально застрял, да так, что теперь не выбраться. Он то открывает, то закрывает рот не в праве молчать, собирается задать хотя бы пару вопросов, но замирает, когда замечает, как под ногами медленно трескается пол.

— Что нам делать? — подаёт голос Коул и поднимается с места, принимаясь расхаживать по гостиной. — Как нам выступать против того, кто здесь почти бог?

— Почти, — замечает мастер льда и поворачивается к Каю. После недавних событий просто смотреть друг другу в глаза всё ещё сложно. Кажется, будто между ними пропасть, хоть они и друзья, хоть и команда. — Кай сказал, у него нет огня, это слабость Оверлорда. Если он человек, долго ему без тепла не выжить.

— Что происходит... — волнительно начинает лидер и залезает на стул с ногами. Трещины становятся больше, всё крошится, позволяет показаться наружу чему-то чёрному, потемневшему и сырому, как земля после ливня.

— Вот именно, что вообще происходит? — не сдерживается Уолкер.

— Парни! — кричит Ллойд, когда под ножками стула уже появляется яма. Едва команда реагирует, альфа проваливается вниз вместе со стулом, и с той же скоростью, с которой открылась, яма заполняется землёй изнутри.

Первым подрывается вперёд Зейн, но замирает у ровной поверхности земли и ругается. Команда соскакивает с мест, как только Гармадон буквально испаряется, и все, не долго думая, бегут к дверям.

— Я отследил телефон, он в здании мэра, — говорит ниндроид и натягивает на себя кожанку. — Кай, оставайся дома с Джеем, вам обоим лучше не выходить наружу в ближайшее время.

Мастер огня только кивает и следит за командой, что поспешно удаляется за двери.

19:29.

Игра начинается.

twenty-five. play with feelings

Примечания:

остальные внезапно исчезли с поля зрения, но дело в том, что акцент сегодня не на них.
почему-то к концу главы больше заходит эта песня — Saweetie & GALXARA — Sway With Me
если нет, просто включите музыку с движухой на свой вкус, как Imagine Dragons или grandson
мне грустно, что вам приходится так долго ждать. но я стараюсь ускоряться, честное папужское!
я безумно вас люблю, просто знайте это. но от стекла не уберегу, зато дам предупреждение: будьте готовы
глава — «играть с чувствами»
спасибо беточке!

× × ×

Блондин сжимает ноющее после падения на пол плечо и сильно жмурится. Какое-то время приходится полежать и перетерпеть боль, поставить разум на место, чтобы начать соображать снова.
Альфа не сразу ощущает сразу несколько запахов, и от каждого начинает тошнить.

— Как перемещение? — интересуется сидящий за столом Пайтор, копаясь в компьютере. Он не поднимает глаз, как будто парня здесь либо нет, либо он настолько интересен, насколько лекция по философии. Только щёлкает клавишами и сильнее раздражает парня.

— Ты? — спрашивает Гармадон-младший, фиксируя взгляд на худом лице.

— Давно не виделись.

— Я не могу поверить, — нервно усмехается Ллойд. — Ты же... понимаешь, что Оверлорд тебя снова использует? Ты вообще хоть что-нибудь понимаешь?!

— Мой кругозор намного шире твоего, в данной ситуации. Ты знаешь, что твой отец тебя продал, чтобы выбраться? Не знаешь, — он долго зевает. — Тогда насколько ты самоуверен, раз говоришь, что это я не имею понятия?

— Что ты сказал?

Пайтор опускает взгляд на сидящего на полу альфу, чьи глаза всё быстрее наполняются шоком и отчаянием. В какой-то момент слова Кая крепко связываются с этим «твой отец тебя продал, чтобы выбраться», и было бы легче, если бы не было так больно. Опасно ходить по этому краю сейчас, опасно держать уши открытыми и так откровенно ждать подробных объяснений, когда парень предпочёл бы на этом моменте оглохнуть.

— Ваши с Гармадоном отношения поразят любого, — усмехается Пайтор и поднимается с места. — Какую семью он собирался восстанавливать, не пойму.

Блондин пытается ощупать пол под собой руками, потому что кажется, будто он проваливается вниз.

До этого мысль, что Гармадон вернулся ради того, чтобы быть рядом с ними, дарила какое-то умиротворение. Дарила уверенность, может, радость, ведь семья снова вместе. Парень помнит: «Столкновение миров... сложная вещь. Хоть мы и сталкивались с этим, Ллойд, даже твоей пережившей многое голове будет тяжело нести это в себе...». Когда было столько времени, чтобы объяснить, чтобы поговорить с собственным сыном и рассказать всё так, чтобы он понял и принял, мужчина молчал. Когда он сам пытался узнать об этом, мужчина молчал. Когда стало известно, что ничего уже не изменить, что возвращение лорда неизбежно, мужчина молчал.

И молчал, молчал, молчал... и ведь ничего же страшного, что у Ллойда метка? Ничего такого, если Оверлорд по зову сердца без всяких проблем всадит ему нож по самые гланды?

Ещё немного, и ненависть за руку с отчаянием заставит его задыхаться и кататься по полу.

— Лорд обещал твоему отцу возвращение взамен на то, что потом, когда он выйдет следом, он мог поставить тебе метку. Чудесная месть, особенно когда ты не в состоянии этому противостоять. Я никогда не был отцом, но за безрассудное решение Гармадона готов громко хлопать. И мне совсем плевать на тебя, — он жмёт плечами и останавливается у альфы, рассматривая его сверху вниз. — Оверлорд слышал каждое твоё слово в этом кабинете, — он приседает возле блондина. — Ты такой жалкий, что мне становится грустно и неприятно на тебя смотреть. Я надеюсь, что лорд на пару с Гармадоном убьёт его сына.

Чистейшая правда на пару с унижением. Любимый букет людей-манипуляторов, после которого слышен щелчок.

С таким звуком обычно ломаются люди.

— Твой друг помог тебе, твой враг спас тебе жизнь, помнишь? А что любимый отец? Друзья и враги плохие, а все проблемы, оказывается, от самых близких людей, — Пайтор щурится и отвлекается на вид из окна. — Судьба непредсказуема.

Ллойд слышит собственное сердце. Чувствует крохотные, громкие удары по груди, как с каждым таким ударом вздрагивает всё тело. Как где-то у самой души он стоит перед зеркалом и швыряет в своё отражение всё, что попадётся на пути. Как извергаются вулканы, до этого носящие громкое «я уверен». Настолько всё закрутилось, что он больше был уверен в отце, что неоднократно шёл против них, чем в друга, что на протяжении всего дерьма на их пути шёл с ним в ногу. Он обманул самого себя. Запутал так, что заблудился и убил всё хорошее, всё правильное, что было на поверхности.

Стал убийцей, подстрелил доверие и гордость лучшего друга, подвёл всю команду. Почему? Потому что всё слишком хорошо начиналось. Слишком хороший отец, оказавшийся рядом, слишком большое доверие к тому, кто чуть не разрушил этот город. И его сердце. Его сердце тоже разрушал, подстреливал, и не раз, а он с тонной пластырей вдруг решил пойти навстречу. Сначала заставил страдать других, теперь страдает сам. Только чуть более сильнее, потому что вина, оказывается, лежит и на нём.

Вина за всё это дерьмо, которое досталось Каю с Джеем, за боль, опустившуюся на команду, на Пиксель, за всё-всё. Спросил бы он раньше, заставил бы он отца с самого начала всё рассказать, ничего бы плохого не случилось. Ллойд сглупил, убил надежду большей части команды. Ужаснее всего смотреть на себя со стороны, на секунду отойти от собственного тела на полу и увидеть всё, что он делал, не замечая и не задумываясь. Ужасно настолько, что хочется провалиться сквозь землю, хочется расцарапать собственное лицо, собственную душу.

Парень не может подняться, чувствует, как больно становится с груди, стоит вдохнуть глубже. Как больно за всех, как все страдания, всё отчаяние других падает на него огромной волной. «Шлюха» — вспоминает Ллойд и бледнеет, «слабый» — в пальцах больно покалывает. Мастер энергии не замечает, как в кабинет заходит Оверлорд, как вслед за ним плетётся Харуми, ему лучше бы вообще не видеть. Правда так придавливает к земле, что тошнит от себя, что альфа медленно ложится на пол и сталкивается взглядом с потолком.

Ненависть к себе бывает куда сильнее чужой ненависти к тебе.
До желания сдохнуть, задохнуться, закрыть глаза и больше никогда не просыпаться. До мольбы избавить этот мир от себя, просто дождаться щелчка со стороны и исчезнуть, уйти из памяти других. Потому что память о нём ужасна. О жалком, наивном парне, который, оказывается, здесь предатель на пару с отцом.

— Ты сломал мне Ллойда, — говорит Оверлорд и останавливается

возле альфы на полу.

Руми взволнованно осматривает парня, кидая короткие взгляды на лорда, и держит себя в руках, чтобы не подойти и не поднять блондина, не спросить, в чём дело. За полем зрения Оверлорда она поднимает убийственный взгляд на Пайтора. Ещё немного, и готова будет выстрелить, жаль, оружия сейчас нет рядом.

— Как прошёл день, Ллойд? Метка не приносит дискомфорта? — спрашивает мужчина и приседает на корточки. Упирается пальцами в пол, и его поверхность начинает сыпаться, становится похожей на пепел, чёрный песок. — Папочка хорошо себя чувствует?

Блондин медленно переводит взгляд на лорда, больно сглатывает и понимает, что всё ещё не может сдвинуться с места. Будто прибило гвоздями, будто вся сила, вся энергия вмиг испарилась. Он двигает пальцами, то сжимая, то разжимая кулак, а сил почти нет. Все силы в запасе ушли на крохотное самоуничтожение.

— Игнорируешь злого дядю?

Гармадон-младший поворачивает голову к Харуми, тут же сталкиваясь с ней взглядом, и в его глазах, наверное, текста на толстую книгу. То ли извинения, то ли зов о помощи, то ли тихое, лёгкое и ядовитое «выстрели в меня». Лицо девушки такое же, какое было в парке, когда Ллойд готов был сдохнуть на месте. Когда вывернуло наизнанку, когда... блять.

Когда отец стоял у машины и боялся подойти, боялся умереть из-за него, а она без секунды раздумий рванула на помощь. И плевала на всё.

Внутри что-то рвётся, Ллойд слышит характерный звук.

— Прости... — одними губами проговаривает альфа точно для Харуми и прикрывает глаза. Смотреть на неё, на ту, что спасла жизнь, что-то на уровне отравления и падения без парашюта.

— Значит, поговорить мы не сможем, — мужчина поднимается. — Хорошо, я могу подождать. Впереди целая вечность, нам некуда торопиться. По крайней мере, у меня есть время зайти в гости к мастеру огня. Обсудим погоду.

Ллойд с замиранием сердца распахивает глаза, прислушиваясь к шагам альфы, что спокойно идёт к двери. Он останавливается на самом пороге и чешет голову, а потом смотрит на наручные часы, отсчитывая время. После столького заключения математика даётся трудно.

— Руми, придержи нашего гостя двадцать минут, пока я разговариваю. Желательно, чтобы к моему возвращению ты привёл себя в порядок, Ллойд, — предупреждает Оверлорд и выходит из кабинета.

× × ×

Тихо.

Только с приходом тишины напряжение медленно отходит в сторону, тревога не заставляет сердце биться с сумасшедшей скоростью, и Кай устало трёт ладонью лицо. Не то чтобы у него были причины переживать за мастера энергии, но он переживает. Это не преступники, не мафия и даже не Морро с Надакханом, которые и так доставляли столько сложностей.
Это Оверлорд, это подробное значение слова «зло» в толковом словаре.

Существо, способное изменить (оборвать) твою жизнь одним взмахом руки, превратить в настоящий Ад и втоптать в землю, не касаясь ногами. С такими обычно не связываются, о таких даже представить не могут, а он пришёл к ним сам. Страшнее всего понимать, что после первого визита лорд прекрасно знает, куда кому надавить, что задеть, чтобы завыть от боли. Сторм и сам прекрасно с этим справлялся, только в сравнении с Оверлордом мастер огня уверен в том, какой

размах огромный. Между ними пропасть. Морро ещё чувствует, у него осталось сердце и давно потерявшееся тепло, иначе бы Кай не рисковал, но лорд куда страшнее, потому что внутри него пустота.

Буквально полнейшая пустота, темнота, в которой ничего никогда не найдёшь — зря потратишь своё время.
Кай боится за Ллойда, за друзей, потому что от этой силы не спрятаться даже в Мире Ушедших, ни в одном тихом уголке всех существующих миров.

Это страшно.

Парень взъерошивает волосы на голове и опускается на диван рядом с Уолкером, уводит к нему взгляд, словно ищет спокойствия, а бета всё понимает. Правда, ему бы самому кто помог; под ногами болото таких же размеров, как у всех остальных вместе взятых.

— Как ты? — спрашивает Смит, пытаясь разбавить атмосферу и забыться. — Не лучшее время для разговора, я знаю.

— Мы можем и не найти больше времени, чтобы поговорить. Лучше сейчас, чем никогда, — грустно усмехается Джей. В груди вдруг ноет от внезапного волнения. Собственные проблемы вдруг кажутся такими отдалёнными от других, такими нереальными. Хочется выложить всё, но от собственных слов как лезвием по горлу, вот, как больно. Вроде и кажется, что станет легче, а горло давит от одной мысли, что буквально через пару секунд тяжесть поделится на два. Хочется расплакаться, как ребёнку, и договаривать оставшееся в истерике.

— У тебя бледное лицо, — сводит брови в переносице Кай. — Плохо?

— Почему ты остался с Морро? Так было нужно, или ты захотел? — игнорируя вопрос, вскидывает брови Джей и внимательно рассматривает лицо друга. На мгновение пришло понимание, что за всё время парень совсем забыл, как он выглядит.

Кай вдруг проваливается в мысли. Так странно, такие нейтральные

чувства ко всему вокруг, что омега мало что понимает. Ощущение, будто длительное время внутри него всё разбалтывали, как если бы хотели из молока сделать взбитые сливки. И так долго болтали, что получилось масло, закончили, и Кай только сейчас очнулся. Усталый, запутанный в собственных делах, в проблемах, которое буквально взялись не пойми откуда.
Он вроде ещё трясётся после всего, но активно игнорирует особенно острые эмоции и не может убрать задумчивый вид.

Хочется нажать на красную кнопку и подорвать себе мозг, чтобы вообще больше никогда не думать.

— Он мне нравится, — отзывается Смит, опустив взгляд в пол, и задумчиво щурится. — Это не омежьи странности, не отходняк после всего произошедшего, это просто... чувства, — он вырисовывает перед глазами образ альфы, и в помещении ненароком мерещится мята. — Они появились сами собой. В один момент я начал понимать, что он мне не безразличен. Что я волнуюсь за него, что отношусь к нему иначе. Он не переоценивал меня, не недооценивал, сначала смотрел на меня, как на врага, и поэтому видел меня целиком. Такого, какой я есть. И понял меня, расположил к себе, что с каждой встречей мне буквально невозможно его ненавидеть. Теперь мне кажется, что... даже если всё станет, как раньше, если мне будет к кому обратиться за помощью, я всё равно приду за ним.

— Это серьёзно, я... не ожидал, правда, — говорит Уолкер и чувствует, как от ассоциаций и ненужных мыслей начинает мутить.

— Если он уйдёт, то от меня оторвут кусок сердца — такое будет чувство, — говорит Кай. — И мне страшно думать о нас двоих в будущем, потому что... сейчас у нас война. Я боюсь, что его не станет, или не станет меня. Мне очень страшно. Если он уйдёт из моей жизни, наверное, я буду чувствовать себя отвратительно и одиноко.

— Мне сложно понять твои чувства, — отвечает мастер молнии и подбирает ноги к себе. В один момент глаза жжёт, на плечи ложится всё, о чём он так сильно старался не думать, и приходится отвернуться

в сторону. Прикрыть лицо рукой, упереться лбом в кулак, чтобы дать слабину на одну миллисекунду, только Кай не слепой.

Не в этот раз.

— Джей, — зовёт мастер огня и поворачивает друга к себе, наблюдая за маленьким взрывом у него глазах. — Джей, друг.

А взрыв, оказывается, совсем не маленький.

— Я устал, — усмехается Уолкер и поднимает взгляд в потолок. — Мне было хреново всё это время, Кай, у меня всё не в порядке. У меня будет ребёнок.

Кай с ужасом опускает взгляд с лица друга на его ещё плоский живот, и в голове вырисовывается образ маленького ребёнка, совсем крошечного, только появившегося на свет. Почему-то мозг отказывается подавать точные сигналы. До этого запутанные мысли становятся ещё запутаннее. И «почему?», «каким образом?», «из-за кого?» сначала слишком громко кричат, а потом утихают и испаряются, когда Джей сильно стягивает на лице капюшон.

Вроде, до этого он уже ревел, истерил, терял сознание, но, видимо, не хватило. Окружение отвлекало, уводило подальше от этой мысли. Становилось действительно легче, пусть и несильно, не полностью, но становилось. И дышать было немного легче, ещё когда Сото с Флинтлоком встали на его сторону и взяли под крыло, под личную охрану. Когда он увидел Нию, когда его зверь из тёмного, отдалённого уголка поднял глаза. Почувствовал, что снова не один, что не такая уж правда и тяжёлая. Только сейчас лучше бы он промолчал. Лучше бы не узнал, что Кай, например, нашёл в Морро защиту и поддержку, а Джей в Надакхане только страх и боль, только отчаяние.

И счастье со своей привычной улыбкой, достающей до ушей, посмотрело сквозь него. И прошло мимо, не дало ни шанса, чтобы что-то предотвратить, ладно, нет, хотя бы исправить.

— Джин?.. — осторожно спрашивает Смит, но не дожидается ответа, зато догадывается обо всём сам. Уолкера передёргивает, он со скрипом сжимает зубы и швыряет соседнюю подушку в зеркало, слегка отражающее его с мастером огня. Его бледного, заёбанного жизнью, высохшего и измотанного изнутри, и ещё живого, влюблённого Кая.

В один момент кажется, что становится тяжело. Ужасно тяжело. Это то самое чувство, когда кто-то невидимый, но жутко тяжёлый опускается тебе не плечи, и хочется скорее упасть, сжаться, чем продолжить за чем-то идти. Его просто не готовили к такому. Что говорить правду окажется так больно, будто слово равно шагу по битому стеклу босой ногой. Что простое отчаяние будет волнами меняться местами с ненавистью к себе и к миру, что в этих волнах буквально придётся задыхаться.

— Господи, — Кай пододвигается ближе и всеми конечностями обхватывает мастера молнии, прижимает его голову к своей груди. Кот под ногами поднимает голову и прыгает к парням на колени, ластится, словно успокаивает мастера молнии. Джей сам не плачет, может, где-то внутри уничтожает всё на своём пути и воет, как раненый зверь, а снаружи никакой. Буквально пустым взглядом смотрит вперёд и медленно приходит в себя, собирает разбросанные по полу силы.

— Я не сказал ему ничего, и ты не говори, — отзывается Уолкер, когда спокойно лежит на груди друга и отчётливо чувствует мяту. — Вообще не напоминай обо мне, о животе тем более. Пусть ребёнок будет наш с Нией, с её стороны, но не его. Иначе мне конец.

— Зачем молчал столько? — на вздохе спрашивает Кай.

— Я не знал, что другие скажут. Я больше уверен в тебе, в Коуле, а остальные... тем более Ния, я не знал, какая будет реакция, — Уолкер смотрит в потолок. — Она же думает, что у нас всё как раньше. Мне поставили метку, я теперь совсем не уверен в своих чувствах. Их почти нет...

Кай хочет спросить, что ещё за метка, но как только Джей уводит

ворот в сторону, все вопросы мгновенно испаряются.

Омега чувствует, что становится сложно дышать от всего этого. Для них обоих это ноша тяжелее обычного, тогда как это тащил Джей, когда никто, кроме него, ничего не знал? Когда рядом не было ни души, чтобы поделиться всем этим. Когда были эти четыре стены помещения и сплошное одиночество, когда нельзя было ничем отвлечься, избавиться от ненужных мыслей.
Так люди обычно сходят с ума. Наедине с самим собой, со своим разумом, который вместо друга становится твоим врагом. И отравляет, всё до последнего.

— Понимаю тебя, — грустно усмехается Смит. — Я бы тоже не стал говорить. Они так помешались на происходящем, что поняли бы всё неправильно, в итоге выставили бы тебя виноватым во всём.

— Я так и не понял, что между вами случилось...

— Не спрашивай, Джей, — спокойно говорит мастер огня и отпускает бету, встряхивая волосы и направляясь к стойке, остудить горло. — Больше не спрашивай о моём дерьме, пока не избавишься от своего. Тебе какой чай?

Уолкер замучено усмехается и просит какой-нибудь с ягодами, пока устраивается удобнее. Кот располагается под его боком, как пушистый комочек или мягкая подушка, греет плоский живот и начинает урчать, подавая вибрацию. Наверное, на данный момент, наедине с этим котом и Смитом, ему совсем ничего не грозит. Оба рядом и оба дарят тепло, а ведь до этого обходиться приходилось исключительно холодом. Плохие мысли не пинают в спину, нет, он поделил это на двоих, и принимать факты становится не так сложно.
Бета обещает себе позже поблагодарить Кая за это всё.

— Не будем сейчас думать о плохом. В конце концов всё... — омега замирает на месте, когда уже боковым зрением замечает чужое присутствие за спинкой дивана.
Джей поддерживает поднявшуюся тишину, летает где-то в своих

мыслях, однако молчание подозрительно затягивается.

И запах какой-то другой. Запах сырой земли, как после дождя, и воздух такой тяжёлый, что дыхание замедляется.

Уолкер открывает глаза и замечает застывшего на месте друга. Едва он глубоко внутри догадывается, что сзади что-то плохое, и собирается повернуться, как над головой зависает чья-то безумно холодная ладонь.

И холодно, мороз по всему телу. Колет так, что до дрожи, что на мгновение темнеет в глазах.

— Давайте отложим все необдуманные действия в сторону. Люди же любят решать все проблемы на словах, так беспечнее, не думаешь? — он легко улыбается, не сводя глаз с Кая, что от невероятно опасной близости Джея с альфой буквально побледнел.

— Тогда отойди от него, — начинает Кай и чувствует, как от страха леденеют концы пальцев.

— Зачем? — он с интересом вскидывает брови. Мастер молнии под рукой дёргается, и мужчина опускает голову, заглядывая в глаза Джея. — О, вы же друзья. Я всё же могу погладить его, а потом отойти, но тебе это не понравится. Так зачем усложнять наше положение?

Мастер огня тянет тихое и досадное "тщщ" и опускает взгляд на лицо Уолкера. Замечает, как кот недовольно шипит на альфу, как его шерсть встаёт дыбом, а спина изгибается в горбе. Оверлорд отвлекается на животное. Кот показывает когти и в какой-то мере напоминает Каю самого себя, когда в поле его зрения был Сторм. Со стороны видно, у кого больше шансов на то, чтобы попрощаться с жизнью, и омега мысленно просит зверя не двигаться. Джей вдруг словно просыпается, и пока мужчина за спиной не видит его лица, начинает подавать другу яркие знаки глазами. Он скачет взглядом вниз, потом снова на Кая, повторяет несколько раз и ждёт.
В глазах напротив исчезает недопонимание, и бета готовится к

смертельному трюку.

— Где Ллойд? — спрашивает Кай и хмурится.

— В надёжных руках. Я не хотел тянуть, но времени полно, поэтому сейчас я только предупреждаю, — начинает лорд. — Мне некомфортно постоянно мёрзнуть. Я не знаю, что за волшебство сотворил Гармадон, раз я не могу добраться до тебя самостоятельно, но, может, ты поймёшь меня правильно? Пойдёшь на уступок и сам отдашь силу? Я не думаю, что в следующий раз удержусь и не опущу руку пониже.

— Заманчиво, я даже не знаю, как лучше выразить своё согласие...

В один момент Джей резко соскальзывает вниз и падает на пол до того, как Оверлорд до него достаёт. Пол скрипит под весом тела беты, и он перекатывается на пару метров дальше от дивана, подскакивает и добегает до широкого окна, где-то позади друга. Возможность убежать хотя бы на безопасное расстояние кажется не таким сложным делом. Буквально пару секунд хватает на то, чтобы выбить стекло, пока воздух в помещении не начинает тяжелеть. И лампочка над диваном не лопается, а альфа не упирается в спинку дивана так, что ткань чернеет и скукоживается.

— Быстрее! — кричит Джей и дёргает мастера огня за плечо к себе. Он взбирается на шкафчик, голыми ногами минуя побитое острое стекло, и собирается перескочить, как чувствует резкий скачок напряжения.

— Я предупреждаю, — повторяет Оверлорд вновь, как затишье перед бурей, и сильно напрягает руки. Вены его вздуваются, качают тёмно-красную кровь, будто та чем-то испорченная, и альфа сталкивается взглядом со Смитом. — Мне нужен огонь.

Диван трещит по швам, и прочная ткань рвётся, отходит в разные стороны и свисает вниз. Несколько громких хлопков бьют по ушам. Не успевает мастер огня подобраться ближе к Уолкеру, пол под ногами трескается, и куски материала уступают рвущейся наружу мокрой

земле. Не тонкие корни огибают землю и крепко обхватывают ноги парня, сжимают до лёгкого покалывания. Стоят на месте, а потом дёргаются в сторону, и Кай падает на спину, скользя локтями по полу в надежде отползти подальше.

Мужчина отрывается от спинки порванного, почерневшего до неузнаваемости дивана, и обходит его стороной. Топчет обувью чистый пол, уверенно шагает к омеге и на полпути замечает бегущего к другу бету.

— Отойди, — предупреждает мастер молнии и хватает кухонный нож, пару раз раскручивая в руке. Второй рукой поднимает сразу несколько тарелок и одну за другой швыряет в альфу, как сюрикены, пока подбегает к Каю.

— Джей, иди обратно! — злится Смит и рукой старается оттолкнуть друга подальше, потому что рядом с ним намечается самый эпицентр опасности.

Уолкер наклоняется ближе и быстро режет корни ножом, рвёт руками, пока не появляются новые. Кай замечает, как сильно дрожат его руки. Наверное, на секунду читает его мысли, и там кроме «Кай» и «ребёнок» ничего другого нет. Становится только страшнее. Джей увильнул раз, но во второй раз может не получиться, и погибнет не один. Погибнут двое. А больше, наверное, трое, потому что так Кай скончается вместе с другом. Буквально не выдержит, сердце остановится, и напрягаться альфе больше не придётся. Плевать, насколько вообще Оверлорд опасен для самого Кая, главное, чтобы он не был опасен для Уолкера.

Альфа нависает над Смитом, как гроза, и мыслей не остаётся совсем.
В один момент безумно холодно, мороз колет тело, пробирается внутрь, добираясь до сердца. Иначе не может оно так быстро биться. Глаза жжёт от опасной близости. Кай видит, как лорд собирается взять мастера молнии за горло, но тот уворачивается. Он быстро отскакивает в сторону и ищет что-то, чем можно было бы отбиться. Оверлорд быстро упирается рукой в пол. Плитки громко трескаются опасно

близко от Уолкера, и только парень отвлекается, как его откидывает к шкафам.

— Джей!

В воздух взлетает много пыли. Бета плечом ломает полку, расшатывает шкаф, и всё, стоящее сверху, валится на него.

Кай на мгновение с ужасом замирает, когда со стороны беты пропадают любые движения. Сверху ложится дикая ярость. Парень громко рычит и хватает мужчину за локти. Ладони жжёт, а в пальцы словно по-очереди вбивают гвозди. От напряжения дыхание сбивается. Лёгкие сжимаются, сохнут, и в горле растёт огромный ком. Ещё бы больше возможности, чтобы двинуться и оттолкнуть. Мастер огня пытается скользнуть по полу вперёд, чтобы согнуть колени и нанести удар, но лорд придавливает его подошвой. Жмёт к полу так, что тот едва не трескается, а сам наклоняется к лицу ниндзя и растягивает довольную улыбку.

— Любите доходить до крайностей? — он опускает руки по обе стороны от головы омеги. — Мне нужен этот грёбанный огонь, и я его добьюсь. Интереснее то, в каком случае твои друзья останутся живы, а в каком умрут. Ты с мозгами, подумаешь, или мне придётся дать подсказку?

Кай смотрит прямо в глаза, собирает всю свою смелость. В какой-то момент кажется, что, дёрнись он в сторону, и его здесь и закопают. Засыпают землёй и оставят наедине с корнями. Омега бы и не был собой, если бы затрясся, подобно напуганному зверю, но сейчас ему серьёзно страшно. Страшно за Джея, за его состояние, страшно за то, на что будет способен Оверлорд, если Смит окончательно выведет его из себя.

В какой-то момент желание плюнуть в лицо альфы пропадает, и парень только открывает рот, как слышит в стороне грохот свалившейся на пол двери.

— Оверлорд! — громко зовёт мужчину Морро, и при виде опасной картины его плечо дёргается, а глаза загораются желанием достать пистолет. — Отойди. От него. К чёртовой матери.

Лорд хрустит шеей и поворачивается к альфе. Смотрит прямо в глаза, заглядывает в самую глубь и будто вдыхает весь спектр его эмоций. Волнение. Страх. Злость. Мужчина приглядывается, прислушивается к внезапной тишине, повисшей в комнате, и с интересом в глазах улавливает биение сердца Сторма.

Что-то здесь точно не так. Мужчина ещё в первую их встречу почувствовал, что Сторма что-то сдерживает, что-то держит за шиворот и не позволяет натворить глупостей. Он зол, но не идёт против Оверлорда, подчиняется, хотя ему это не нравится. Лорд уже дважды вывел его из себя, а он стоит на месте и выдавливает какую-то слишком пассивную агрессию. Казалось, дело во власти, здесь всё проще простого. Только Морро не Оверлорда боится, не от него содрогается, и сердце так бешено бьётся точно не от альфы.
И в глазах страх не за себя, а за мастера огня, с которого он так старательно почти не сводит глаз.

— Мы закончили, — спокойно говорит лорд и медленно поднимается на ноги, стряхивая с одежды пыль. В гостиную влетает Надакхан, будто на иголках. Пару мгновений нервно бегает взглядом по помещению, а потом замечает торчащую руку из-под полок, и сердце того едва не останавливается. Оверлорд его тоже слышит. — Вы очень активные. Откуда столько энергии?

— Я закопаю тебя, — цедит сквозь зубы джин и, задев плечо внезапно спокойного и собранного мужчины, подбегает к куче хлама и вытаскивает бету. Он нервно усмехается. — Обещаю, долго ты не проживёшь.

— Я бы поспорил с этим. Ты согласен со мной? — он вскидывает брови, когда поворачивается к Смиту, который уже обрезает оставшиеся корни ножом.

— Что за чертовщину ты устроил, — скорее рычит, чем спрашивает Морро, и хмуро смотрит прямо на лорда, что проходит мимо него.

— Я могу устраивать всё, что принесёт мне пользу. Было бы куда лучше, если бы в следующий раз я делал свои дела с вашей помощью, — он уводит спадающие волосы в сторону и, перешагнув через порог, скрывается в тени коридора.

Морро даже не поворачивается, отводит взгляд к Каю и быстро идёт к нему, минуя диван.

— Ни в жизни, ни в смерти, — почти шёпотом говорит он и добирается до мастера огня, поднимая его на ноги.

twenty-six. love

Примечания:

надеюсь, я не ослабила хватку.
наверное, больше всего сейчас я хочу просто сказать вам всем спасибо. вы дарите мне такую сумасшедшую мотивацию, что я почти взрываюсь от этого всего. спасибо💔

мы медленно подходим к концу. изначало я хотела назвать главу «любовь и власть», но разделила её на две маленькие части
почему? увидете. просто... уфф, эмоций много. следующие главы, к ним будьте готовы!

я думаю, к концу больше подошло бы что-то тихое и лёгкое, но я писала под это: Unlike Pluto — A Million Voices
всем любителям джии приятного аппетита💔💔🌱

× × ×

— У вас ужасное питьё, — тоном, которым обычно, наверное, здороваются с коллегами в офисе или знакомыми в метро в хорошем настроении, говорит Оверлорд. Он держит в руке большой стаканчик с кофе без сахара, а второй прикрывает за собой дверь. Едва сидящий у дивана Ллойд поднимает на него взгляд, он оборачивается, словно унюхавшее добычу животное, и легко улыбается.

Он жуткий. В облике простого человека, с причёсанными волосами и приятными чертами лица. Просто в такой форме не знаешь, что можно от него ожидать. Боишься недооценить, а потом в ужасе увидеть всю мощь, на которую альфа способен. А он безусловно способен. Он психопат, в глазах Ллойда вовсе главный антагонист в каком-то ужастике. От взгляда бегут мурашки, от улыбки передёргивает и бросает в жар. Что самое главное — у парня нет ни малейшего шанса

что-то против него сделать. При любой попытке его буквально приплюснут к земле, и количество мёртвых в этом кабинете увеличится.

Оверлорд провожает отошедшую к окну Харуми и, отложив кофе на стол, опускается на диван. Закатывает рукава, словно собирается драться, и складывает ладони в замок, поворачиваясь к Гармадону-младшему.

— Ненавидишь меня? — начинает Лорд, сталкиваясь с ниндзя взглядом.

— Что я должен ответить? — устало спрашивает Ллойд и больно сглатывает, морщится от дискомфорта в горле.

— Ничего особенного. Мне нужно было знать, что ты в состоянии разговаривать со мной, — Лорд хлопает по месту возле себя, но блондин остаётся сидеть на полу. Мужчина терпеливо игнорирует протест. — Где твой отец, Ллойд?

— Я... не знаю, — мастер энергии мотает головой. — Я понятия не имею...

Ллойд бы точно соврал, если бы на самом деле знал. Только нихуя он не знает. В этот день отец стал для него одним из самых далёких людей, не членом семьи, а дальним родственником, знакомым, с которым виделись пару раз на улице. Чувство, что альфа совсем его не знает. Если бы ему самому нужно было знать, где Гармадон сейчас и чем занимается, он бы не узнал. Сказал бы, что он у Мисако, а тот будет совсем в другом месте. Не со своей любимой семьёй, к которой, по его словам, вернулся, а где-то далеко, разбираться с проблемами, про которые снова никому не рассказал.

Он бы прикрыл отца, но не знает, от чего именно прикрывать, и это его ужасно злит. Даже предположить не в состоянии. И снова забавная штука судьба: против Оверлорда у него нет ни способностей, ни информации, которая бы сыграла против него, которую бы можно

было утаить. Он пустой.
Внутри пролетает пустой полиэтиленовый пакет и воет ветер. Внутри у него бесполезность и беззащитность.

Нет, пусто не до конца. У него есть телефон. Его чёртов мобильник с номером отца, с номерами всех, кто мог бы пригодиться Оверлорду для личных целей.
Как бы адская машина не предала хозяина и не оглушила кабинет громкой мелодией.

— Жаль, — Оверлорд раз хлопает в ладони и трёт их друг об друга. — но я не расстроен, — он поднимает скептический взгляд на часы и встаёт с места. — У нас впереди ещё много совместной работы, у тебя полно времени, чтобы подумать. Мы же теперь команда.

От этого «команда» Ллойд уже сам морщится, а внутри всё неприятно сжимается, стоит Лорду засмеяться. На данный момент лучше бы он просто заснул и не проснулся. Не сказать, что его бы не достали во сне, что спящий парень не казался бы ещё более жалким в лице всех присутствующих, но переносить происходящее было бы намного легче. А время бы не тянулось так долго.

— Подготовь речь на завтра, Пайтор. Будем создавать в городе свои правила.

Парень сталкивается взглядом с Харуми. Они передают друг другу тысячу эмоций одновременно, бросаются молниями и спасательными кругами, но стоит Лорду обернуться в сторону одного из них, оба отворачиваются.

× × ×

В горле быстро пересыхает. Ния стаскивает с плеч куртку и проходит дальше, обходит тот бардак, что произошёл в их отсутствие. Уже на кухне вместе со стаканом воды омега прихватывает мягкое полотенце,

отпивает половину, а остатки выливает на полотенце. С усталым видом она подходит к Уолкеру на диване, присаживается на пол и осторожно прикладывает полотенце к ране на лбу беты.

Надакхан без единого выдоха следит за движениями девушки, и хоть сердце замирает, он стоит на месте. Стоит так всего ничего, лишь бы посмотреть на Джея, но позже с позволения Сторма выходит на улицу. Сам мастер ветра на удивление быстро успокоился. Минутами ранее он готов был разбомбить весь дом, но стоило Оверлорду уйти, а Смиту оказаться в безопасности, он затих.

— Мне не нравится, что они здесь, — честно признаётся Зейн посреди тишины и бросает взгляд на Морро, что давно улетел куда-то в прострацию. При упоминании о себе брюнет только отстранённо усмехается.

— Не стоит усугублять ситуацию, Зейн, — подаёт голос Ния и поднимает на него поучительный взгляд. Сама девушка бледная лицом. Хотя она и в состоянии держать себя в руках сейчас, но на Джея взгляд не опускает. У неё ещё на пороге едва не остановилось сердце, непонятно ещё, как она сидит с этой невероятной стойкостью.

— Слышали что-нибудь, пока были там? — спрашивает мастер огня. — Может, он рассказывал что-то Ллойду, вслух размышлял о планах?

— Вам не нужно много знать, — вполголоса начинает Сторм. — *Он* собирается прикончить Гармадона и хочет этого, на данный момент, больше всего остального.

Коул собирается было отвечать, но запинается на первых буквах, когда смотрит на Сторма. И правда, наверное, он в этом разговоре определённо лишний. И в этом помещении тоже, если брать в счёт, что он с джином, вообще-то, на стороне их общего врага. Морро только вскидывает брови и пыхтит, будто до этого момента тащил на спине тяжёлый груз. Вид у него точно не угрожающий, не вселяющий страх и не принуждающий доставать оружие, хотя изначально оставшаяся команда его так и встретила. В своём положении Кай не потянет

объяснения для всех, чтобы убедить каждого. Брюнет и не собирается скидывать всё на него одного.

Морро глубоко вдыхает для привлечения общего внимания и больше не пытается скрыть лёгкого волнения вперемешку с недовольством в лице.

— Я люблю власть, — начинает он. — но не люблю её над собой. Я люблю достигать высоты, но не люблю отдавать всё приобретённое мной кому-то другому. Я не оправдываюсь: всё, что пришлось делать раньше, я делал для себя, а не для *него*, — он интонацией выделяет «него». — Я не хочу, чтобы мою собственность забирали себе, чтобы указывали мне, что делать. Я также не скажу, что питаю к вам светлые чувства. Так или иначе, одному мне не справиться. Вы тоже не справитесь. Если *он* дождётся силы Кая, его больше ничто не остановит. Либо мы будем подчиняться, либо умрём.

— Если составить чёткий план и действовать вместе, он отправится туда, откуда пришёл, — поддерживает Смит и осматривает друзей.

— Когда мы собирались подойти ближе, нас прогнала Харуми, — спустя несколько минут молчания говорит Баккет. — Она сказала, что нам лучше уйти, иначе всем будет хреново. Поэтому мне совсем не кажется, что Ллойда так быстро отпустят обратно.

— Тогда действуем самостоятельно.

Ния оставляет мокрое полотенце на лбу мастера молнии, который мгновенно морщится, и поднимается на ноги, разминает затёкшие конечности.

— *Он* не будет знать заранее, что мы сделаем. Если он человек, с нашими способностями ему подвластна плоть, но не разум, — проговаривает Жульен. — Его можно обмануть, если подстроить ложь под неоспоримый факт. Кай может потянуть время с передачей его способности, если у нас будет ложная легенда.

— А что с Сенсеем? — подаёт голос Коул, вращая в руке пустой стакан.

— Придётся помедлить с его возвращением, — кивает Кай. — Ему лучше пока не появляться. За это время всё должно быть готово.

Смит точно говорит уверенно, но глубоко внутри во всём этом сомневается. У них ведь буквально нет права на ошибку. Нельзя будет что-то подправить, нельзя будет отмотать время назад или в последний момент волшебным образом расставить всё по своим местам.
Оверлорд не тот антагонист, разобраться с которым можно будет чистой импровизацией.

Ни в коем случае.

Здесь нужны чёткие действия, едва не отрепетированные, осторожные шаги. Нужно идти так, будто под ногами стекло и высота в несколько десятков этажей. У их врага имеется достаточно извилин, чтобы в любой провальный момент заподозрить, а то и раскрыть всё целиком.

В прошлый раз пришлось жертвовать Зейном. Чёрт его знает, чем придётся пожертвовать в этот раз, и это, наверное, единственное, о чём Смит совсем не хочет думать. Он бы предпочёл вообще об этом забыть. Быстро стереть из памяти и отключить мозг, потому что в мыслях жертвой неоднократно становится Сторм. Его Сторм, его умный и сильный Сторм, который одним своим присутствием сейчас вселяет в него жизнь даже в такой напряжённый момент.

Перебейте всем, чем угодно, заставьте пройти все круги Ада, но без Морро жизнь Кая окончательно потухнет. Без человека, который с сердцем в огромной льдине принял тепло, а не холод, в нём просто навсегда всё перегорит. Никакие сраные спички больше не разожгут костёр.

Он исчезнет.

— Тогда с ним стоит заранее связаться, — говорит Ния, и Зейн

согласно кивает. — И с планом лучше поторопиться. Есть идеи?

Кай раскрывает рот, но морщится и сглатывает, когда к горлу подкатывает тошнота. Похоже, запоздалая реакция организма на недавние события. Пока команда переговаривается друг с другом, он встаёт с места, предупреждает, что не на долго, и быстро поднимается на второй этаж. Едва не спотыкается на самом верху и скрывается в ванной комнате.

× × ×

Мастер огня выходит минут через десять, с мокрым после ледяной воды из крана лицом и холодными ладонями. За поворотом, прикрыв за собой дверь, он замечает только поднявшегося Сторма и усмехается.

— Меня заждались? — Кай выдаёт первое, что пришло в голову, проходит к лестнице и было собирается спускаться, как чувствует сумасшедшие мурашки, несущиеся по телу.

И в момент тает, как мороженое.

Морро удивительно крепко обнимает его со спины, смотрит через его плечо куда-то вниз. Честно? Не надо так делать. Не надо вызывать в Кае такую бурю эмоций, будить его сердце, чтобы то пробивало грудь, не надо... поздно. Когда Сторм вообще кого-то слушал?

В какой-то момент внутри Кая взрывается атомная бомба. Всё летит к чертям, и мастер огня незамедлительно, будто вот-вот не успеет, разворачивается к нему лицом и обнимает в ответ. И обнимает не так, как при встрече знакомых, не так, как при лёгком прощании до завтрашнего дня. Обнимает так, будто одновременно встречает альфу спустя сотню лет и на столько же провожает. Будто пол под ногами трещит и обваливается, и парень хватается за спасение. Будто сердце готово было лопнуть, как сильно накачанный воздухом шар, а сейчас, при их столкновении друг с другом, вернулось в норму.

Сейчас хочется очень громко закричать, напугать всех вокруг, но отпустить все эмоции, что до этого приходилось держать. Может, этим криком можно было бы закончить войну. Кай просто не хочет расставаться, не хочет быть готовым принять любой исход. Он хочет вернуться на неделю, на две назад, когда разносил Сторму чаи. Когда шептался с Элис и ворчал, стоило услышать заказ, когда работал в самом обычном офисе и не думал о последствиях. Оказывается, в то время он был безумно счастлив. Потому что если сравнивать «тогда» и «сейчас», «тогда» были одними из самых чудесных времён.

— Давай просто сделаем это, — вполголоса говорит Кай и перекидывает руки через плечи альфы, тянет на себя, будто защищая от кого-то, и носом утыкается ему в шею. — Сделаем всё, что в наших силах, а в конце всего этого покатаемся на машине. С Диланом и кофем из мака.

Морро смеётся и встряхивает его волосы на затылке, умиротворённо закрывая глаза.

— Я согласен.

× × ×

По гостиной разносится равномерное тиканье часов, мирно повиснувших на стене. В доме давно тишина, ничьих переговоров и шёпота больше не слышно. Сквозь щель приоткрытого окна в помещение с лёгкостью влетает свежий воздух, и дышать становится куда легче. На это короткое мгновение приходится вовсе забыть, что в городе есть кто-то, против кого они почти бессильны. Что началась война, борьба не на жизнь, а на смерть, и вряд ли кто-то скажет заранее, кто останется целым.
Вот Уолкера, например, сегодня с размаху запустили в шкаф.

Джей просыпается скорее от тошноты, чем от головной боли, когда

появляется ощущение, будто в желудке индейцы разожгли костёр. Само собой, было бы наоборот странно, если бы этой изжоги не было. Бета не ел уже полдня, а начинающий своё развитие комочек у него в животе безумно голоден. Сначала его оторвали от стряпни Зейна, потом от чая Кая. Наверное, Грей действительно хороший врач, знает толк в своём деле, и бете следовало бы наведаться в больницу. С такими приключениями, когда давление скачет, подобно сумасшедшему, когда риск получить травму действительно велик, парню стоило бы провести это время в более безопасном для здоровья месте.

Парень считает, что в доме достаточно тепло, поэтому быстро снимает с себя толстовку. Он свешивает ноги вниз, осторожно поднимается с места и трогает прохладный от мокрого полотенца лоб. Как можно тише включает свет, достаёт из холодильника омлет и разогревает его. Желудок счастливо урчит, стоит почувствовать лёгкий, долгожданный запах еды. Джей даже ненароком вспоминает блюда Флинтлока, и хоть времена тогда были не самые лучшие, было вкусно.

Интересно, как он там вообще? Сото в порядке?
А что насчёт Надакхана?

Уолкер приготавливает необходимое для трапезы, и пока микроволновка тихо мычит, он погружается в мысли.

Всё это время, что он успел просидеть дома, бета ни разу не думал о джине. Вспоминал прошлое с побледневшим лицом, но не углублялся в это дело. Например, ему даже в голову не приходило, как альфа отреагировал на его отсутствие. Почему ещё не пришёл разбираться, почему не предпринимает попытки достучаться до Джея. Не то чтобы Джей этого хотел. Его радует, что личная жизнь потихоньку налаживается, но сейчас, стоило подумать о Надакхане, что-то не складывается. Будто всё это время мастер молнии уверенно шёл с закрытыми глазами, а сейчас во что-то врезался и не понимает, что это, как обойти.

Джин говорил что-то про любовь, про какие-то чувства, но по большей

мере парень в те моменты пребывал в прострации. Уолкер просто не может себе представить, чтобы Надакхан имел возможность кого-то любить. Мужчина не знает, что это такое. Его «любовь» мутировала в зависимость, и вряд ли он когда-нибудь поймёт, что путает совершенно разные вещи. Джей бы сказал, что его жаль.
Может, не случись всё так, их история вышла бы совсем другая.

Сейчас Хан либо отпустил его, либо соврал про чувства, выкинул и забыл в тот же день. Так или иначе, ему точно не заглянуть в голову к альфе, чтобы понять истину.

Джей садится за стол и отпивает воды, готовится к сытному ужину, но после второго куска, когда его серьёзно мутит, откладывает эту затею и бежит в уборную.
В желудке буквально пустота, а выворачивает так, будто совсем недавно пришлось проглотить весь продуктовый отдел. А ведь ещё совсем недавно стресса было куда больше, но бета чувствовал себя не так плохо. Парень жмурится от лёгких спазмов. Сплёвывает и с тихим грохотом опускает крышку, садится на пол у стены и закрывает глаза. Мозг на мгновение отключается, как это обычно бывает, когда очень хреново, удаляет все возможные мысли.

Шатен сидит так ещё минут пять и глубоко дышит, пока тишину не прерывает лёгкий скрип двери. Уолкер вмиг ощущает запах девушки и распахивает глаза, как замерший в ужасе зверь, наблюдая, как Ния опускается возле него с упаковкой сухих салфеток.

— Ния... — начинает парень, но прокашливается и снова распахивает тяжёлую крышку, сотрясаясь в дрожи. Кажется, что на этот момент ничего хуже быть не может. Блевать перед глазами своей девушки в футболке, скрывающей метку лишь наполовину, а самое главное — казаться таким слабым и уязвимым.

Джей раньше думал, что всегда должен показывать себя сильным парнем, надёжным и непробиваемым, чтобы Смит могла почувствовать себя в безопасности. И он ведь правда к этому стремился, был готов обойти за омегу горы и переплыть океаны, а

сейчас всё как по щелчку рухнуло. И нет возможности это изменить.

Всё уже случилось.

Девушка молча приобнимает его за плечи и гладит спину. Сидит так и не отворачивается, а когда в желудке беты совсем ничего не остаётся и тело начинает ныть, она подаёт салфетки. Джей с вымученной улыбкой принимает помощь, смывает и принимается вымывать лицо у раковины.

— Спасибо, — благодарит бета так, словно до этого ничего не произошло, и трёт мокрое лицо ладонями. — Придётся предъявлять Зейну, его омлет плохо...

Он запинается, когда через зеркало сталкивается взглядом с мастером воды. Когда замечает, как стремительно её глаза перекрывает пелена слёз, как девушка отворачивается в сторону. Он уверен, что слышит, как внутри Смит что-то ломается. На мгновение и у него в груди что-то громко щёлкает. Будто сердце меняет режим на сумасшедший, от этого и болит, и ноет.

— Нет, ты не плачешь, — усмехается он и подходит к девушке, опускаясь совсем рядом. — Моя Ния не умеет плакать.

Ния легко смеётся сквозь судорожный вдох. Стоит всего пару мгновений, чтобы собрать все силы, и она поворачивается к бете. Джей пододвигается ближе, как скользящий по ковру кот, крепко прижимает омегу к груди. Слышит её сердце, как идентичны их ритмы, прислушивается к нему среди почти гробовой тишины (кто-то в соседней комнате ворочается). Наверное, ему тоже самое время заплакать, только никаких слёз не осталось. Мелкие остатки он вылил пару часов назад, когда раскрывал душу мастеру огня, и сейчас, наверное, даже самая трагичная в мире история его не пробьёт.

— Ты же не отравился, — утвердительно говорит мастер воды, и хоть кажется уверенной в своих выводах, глубоко внутри она просит небеса заставить парня сказать «нет». Честно не соображая в этот момент

трезво, она бы хотела, чтобы Джей правда отравился. И метка эта появилась по другой причине, точно не по вине того, с кем Смит его оставила.

Только Уолкер подозрительно долго молчит. Никакого «нет, всё в порядке, омлет правда вышел ужасным», никакого «не волнуйся, я поранился». Молчание — знак согласия. Бывает ли правда ещё более ядовитой, более острой, чтобы не просто поцарапаться, а убиться? Бывает ли что-то ещё более ужасное, чем это?

Бывает. Только смерть.

— У меня будет малыш, — шёпотом проговаривает бета и закрывает глаза, лишь бы не встретиться взглядом с омегой. Он боится любой эмоции, любой реакции Нии, потому что буквально всё сейчас способно его ранить. Будь то страх, грусть, счастье, ярость. Он в ужасе от любой из них. Ни одна из них не обрадует.

Темноволосая отстраняется, держит себя в руках, но стоит коснуться ладонью ещё плоского живота, и построенные баррикады взрываются. Поочерёдно лопаются, грохочут, как петарды, только искры не приносят радости. Заскакивают в лёгкие и заставляют безумно откашливаться, быстро-быстро моргать и задыхаться. Девушка чувствует, как что-то застревает в горле, как тяжело становится дышать. Как жжёт глаза, как быстро проезжают слёзы по лицу и падают на пол. Беззвучно, а кажется, что оглушительно.

Дело ведь не в самом ребёнке. Не в том, что беременности подвергся бета, что ребёнок будет его. Это не имеет никакого значения.

Омега плачет, потому что позволила всему этому случиться. Позволила кому-то причинить своему дорогому человеку такой серьёзный вред. Не смогла оказаться рядом в такой момент, оставила свою вторую половину, свою любовь, свою жизнь наедине с чудовищем. Просто не смогла найти Джея вовремя, просто даже не подозревала, какой ценой обойдётся парню тот чёртов звонок. Пыталась недостаточно сильно, искала не там, медлила, забывалась и успокаивала себя мыслями о том,

что Джей будет в безопасности.
Стоило вовремя не удержать бету за руку, чтобы позволить кому-то разрушить его жизнь.

А была ли возможность это исправить? Ведь не было. Кто знал, что всё получится так, кто мог точно предположить, где Джей находится?

Ния знает только одно: будь она пропавшей, Уолкер бы обошёл землю. Нервно, быстро, громко крича её имя и огибая всех на пути.
По-другому бета не умеет.

По-другому любовь не работает.

— Прости меня, — просит мастер воды и крепко обнимает парня за шею, прячет глаза в его плече. — Джей, пожалуйста... прости... Прости меня. Я не успела...

Бета осторожно гладит её по спине, держит рядом, как будто при малейшем расстоянии между ними он снова исчезнет. Уолкер бы многое сказал, вывел целый текст, эссе, но думает, что сейчас лучше промолчать. Поддержать тишину, прерываемую всхлипами и тихими «прости». Окунуться в неё, собраться, а потом вдруг почувствовать то тепло, которое парень и нашёл в девушке с самого начала. Тепло не то, которое в печи рядом, не то, которое от палящего солнца в летнюю пору, а тепло под любимым одеялом, когда в комнате прохладно. Тепло, с которым больше не хочется расставаться.

То тепло, которое придаёт силы, которое вмиг поднимает настроение. Как уже через пару минут под этим одеялом понимаешь, что больше оттуда не вылезешь. За пределами него ощущение, будто это не твоя комната, а северный полюс. Холодный, уничтожающий, режущий кожу.

У Джея точно также. И что бы ни случилось, он на этот полюс больше не вернётся.

twenty-seven. power

Примечания:

снова получилось так, что главу приходится делить на два. в этом промежутке времени много места занимают эмоции, поэтому... это сложно, серьёзно. но мы движемся к концу.

советую вам вспомнить все взаимодействия нададжеев и обратить внимание на них, они будут играть безумно важную роль в дальнейшем. ОЧЕНЬ важную роль.

мы пройдём через всё вместе!
в который раз спасибо беточке за помощь💔

× × ×

Лето в Стиксе быстро даёт о себе знать: холодная погода оставляет после себя почти засохшие лужи и лёгкий ветер. Куда приятнее, что солнце катается по небу целый день, так и не прячется за тучами, как бывало в первый месяц лета.

За этот месяц успело столько всего случиться.

Пока Сото демонстрирует свои кулинарные навыки на кухне, щёлкая плитой и шурша пакетами с холодными овощами, Флинтлок с мобильником у уха проходит на задний двор. Посреди совсем зелёной травы, прячась от палящего солнца в тени под деревом, одиноко покоится стулец. Крепкий, олицетворяющий любимое место альфы, наверное, во всём мире. Флинт кряхтит, как восьмидесятилетний старикан, устраивается на стуле поудобнее и разминает недавно (будто вчера) пострадавшую ногу.

— Как Сото? У него всё в порядке? — спрашивает Джей по ту сторону

провода, пока параллельно что-то пережёвывает.

— Ты успел запомнить Сото со всей его душевной мощью. С таким характером он всех нас переживёт, — смеётся альфа.

Уолкер серьёзно озадачил мужчин, когда позвонил им ближе к трём часам дня. За десять минут их разговора они успели обсудить только обстоящие дела с Оверлордом и недавние события. Темы о ребёнке и Надакхане никто из них ещё не решался поднять первым. И если Флинтлок просто пытался не навредить Джею воспоминанием о прошлом, то бета просто пытался оставить всё наконец.
Или он ещё сам не разобрался, чего именно хотел. Беременные иногда такие чудные.

Флинтлок был удивлён хотя бы состоянием беты. Его спокойному, не хриплому после стресса голосу, его умиротворённости, что буквально сочилась через трубку.
Ведь всё время с тех пор, как Уолкер не появлялся у них в особняке, мужчина был уверен, что парень страдал. Что нервничал и выжимал слёзы, что серьёзно уставал от вопросов друзей, что чувствовал себя некомфортно даже в родном доме. Думал, мастер молнии давно поссорился со всеми, а оказалось наоборот. Джей сказал, что начинает чувствовать себя так, как раньше, что снова привыкает к родной обстановке и команде после долгой разлуки.

Серьёзно, у них столько проблем на носу, но разговор вышел таким, будто ничего и не было.
По крайней мере, Флинтлок не стал говорить об этом. Наверное, Джею действительно это было нужно.

— Пока в городе тихо, — говорит Уолкер, и слышно, как тот встаёт с места. — *Его* не слышно, и это хорошо. У нас есть время, чтобы всё обдумать.

— Приходит что-то на ум?

— Ещё бы. Я бы сказал, но по телефону... небезопасно. Знай, что мы

уже наготове. Этого хватит, — чуть увереннее говорит Джей. Бета хлопает дверцей холодильника, гремит посудой, с хлопком что-то окрывает и тянет возмущённое «ай». — Ну что за чёрт, а... Я пролил сок.

— Старый Джей возвращается? — усмехается альфа. Усмехается недолго: стоит молчанию со стороны затянуться, Флинтлок думает, что всё-таки зацепился за больную тему.

Джей несколько минут молчит, прерывая тишину тем, что наливает остатки несчастного сока в стакан, отпивает половину и покашливает, прочищая горло.

— Я всё рассказал Ние, — говорит он, и Флинт удивлённо вскидывает брови.

— Правда рассказал?

— И Ние, и Каю. Я сам до сих пор в шоке. Сегодня знают все в команде, за исключением Ллойда, — спокойно отвечает Джей, будто на данный момент такое важное событие не имеет совсем никакого значения. — Я боялся, что меня поймут неправильно или не примут, но, к счастью, всё обошлось. Это пока лучшее, что могло произойти. Я рад этому.

— Это отличные новости, — улыбается мужчина. — Приятно слышать, что ты идёшь на поправку. Всё ещё образуется, только подожди. И будь осторожнее, в это время очень опасно.

— Со мной команда ниндзя, о какой опасности ты говоришь? — улыбается Джей, но вспоминает, как совсем недавно здорово влетел в шкаф, и понимает, что что-то явно не сходится. Зато оба чуть увереннее.

Уолкер кажется тем самым животным, который наконец-то нашёл свою нору и переждал дождь. Осознавать это невероятно хорошо. И пусть их путь ещё не закончен, пусть впереди последний раунд этого

затянувшегося плейоффа, есть надежда. Есть шанс, что сердце не врёт, и всех ждёт свой счастливый конец. Свой длинный стол с закусками и алкоголем, свой курорт, та долгожданная пятница после потной недели, мягкий диван и телевизор. Джей изо всех сил боролся за право вдохнуть с чистой душой, Флинтлок помнит каждый его рывок.

Приятно осознавать, что, пройдя по колено через всё дерьмо, в конце будет ждать тёплая ванна с пеной. Альфа чувствует: бета уже стоит над этой ванной и трогает воду, подбирая температуру.

Мужчина прощается с парнем, когда шлёт ему и команде удачи, и поднимается со стула. Он медленно, подобно очень старому коту потягивается на солнце, пальцами скользит по усам и шоркает по траве в сторону дверей. На улице красота, а не погода — падай на землю, срывай одежду и загорай. Было бы сейчас такое время, он бы честно так и сделал, прихватил бы с собой Сото и отдохнул от всего этого.
А может, такая возможность уже совсем близко?

Мужчина проходит в гостиную и сразу заворачивает к стойке с фруктами в пластиковой миске, где стоит взволнованный гамма и играет на воображаемом фортепиано.

— С кем сплетничал, Флинт? — слышится со стороны дивана, и альфа вовремя ловит едва выскочившее сердце.

— Считаешь, у меня нет друзей? — спрашивает Флинтлок. Стоит собрать в себе все свои силы, и мужчина оборачивается к джину, что не слишком заинтересованно роется в своём мобильнике. — Я давно не слышал этих парней. Уже успел соскучиться.

Надакхан поднимает на него свой любимый шкуросдирательный взгляд, но не задерживается и скромно кивает, больше ничего не спрашивая.

Альфа выглядит усталым. Молчаливым, задумчивым и потрёпанным изнутри. Бывает, видишь похожее состояние у дворовых собак, когда возвращаешься из магазина со своим хлебом в пакете. Будто вместе с

товарищами и хозяином животное потеряло целый мир. Пусто смотрит на окружающий мир, бродит по холодным улицам и словно улетает в прострацию каждый раз, стоит на мгновение остановиться. И кто бы знал, что у этих собак на уме, как им помочь, не зная причины. Зато у Надакхана всё на лице написано. Подробным мелким шрифтом, едва не эссе с грустными смайликами в конце.

На мгновение Флинтлок с потерянным взглядом поворачивается к Сото в поисках объяснений.
Джин был таким, когда с тоской разглядывал фотографию своей давней возлюбленной. Когда каждый раз, стоило отойти на пару шагов и поддаться потоку чувств, он очищал мозг только для мыслей о ней. Смотрел в её глаза, взглядом гладил по волосам, признавался, как скучает. Если тогда Дилару можно было вернуть, пускай таким трудным способом, если тогда омега разделяла с ним одни и те же чувства, с Джеем всё резко погрузилось во мрак. Джей точно не испытывает к нему ничего, кроме ненависти и обиды, а ещё Джея никак не вернуть.

И не попросить кого-то сказать драгоценное «Я желаю...», больше не взять всё в свои руки.

Уолкер показал, что власть не имеет буквально никакого значения. Что чувства намного сильнее, чувства в этой игре *побеждают*. И эта любимая отговорка мужчины про то, что он злодей, что никаких добрых дел творить не намерен, теперь не сработает.

— Оверлорд вас вымотал, — подаёт голос Сото, поглядывая на альфу. — Тебя как будто утопили и поджарили, но случайно уронили на пол и не стали есть. Таким ты кажешься ещё старее.

— Жалеете меня? — джин вскидывает брови. — Перестаньте. Будем честны друг с другом: вы тоже меня ненавидите.

— Тебе пора оставить прошлое, Хан.

Нависает минутное молчание, прерывающееся только пением птиц с

улицы. Всего минута размышлений и пребывания в прострации, и джин не слишком громко смеётся.

Смеётся непринуждённо, прикрыв глаза, но в смехе столько боли, что в груди тяжелеет. Смех болезненный и массой в несколько тонн, смех взрывает вокруг альфы атомы. Надакхан не кажется человеком-загадкой, за которым стоит бесконечно наблюдать и хвататься за мельчайшие детали, лишь бы разгадать его. Он не скрывает тяжести, не скрывает потрёпанную злодейскую душу, что до этого было невозможно расколоть. Ему правда хреново. И он не прикладывает особых усилий, чтобы скрыть это, чтобы спрятать за чем-либо.
Его грудь открыта нараспашку, как окно в жаркую погоду, когда свежего воздуха в комнате совсем не остаётся.

Если заглянуть туда, можно увидеть раненого льва.
Когда-то сильного и независимого, гордого и непробиваемого, а сейчас с бесконечной цепью на шее. Когда-то с уверенной улыбкой, а сейчас тихого и спокойного, что лишь иногда скулит, стоит ему увидеть Уолкера хоть краем глаза.

Смех прекращается также плавно, как обычно потухает свеча, и Кхан улыбается. Сначала устало, слишком тяжело, потом отчаянно, а после разбито. Смывает с лица всю большую радость также быстро, как позволил ей появиться, и смотрит в белый потолок. Ведь чувствует эти нотки голубики, дышит больше ими, а не кислородом.
Лучше бы задохнулся. Лучше бы вообще не имел возможности дышать, вспоминать, видеть и слышать. Лучше бы вернулся на месяц назад, когда его ничего, кроме власти, не волновало, и раз и навсегда откинул мысль о том, чтобы забрать к себе Джея.

— Он же говорил вам что-то, — говорит он, криво улыбаясь. Хочется добраться до вазы в коридоре, с которой день за днём сдувают пылинки, и разбить себе об голову.

— Он молчал, — уверенно отвечает Сото, вспоминая, как Уолкер едва не молил их не рассказывать альфе о ребёнке. — Молчал, но ему было тяжело... Кхан, серьёзно, неужели ты не знаешь, как он себя

чувствовал?

Надакхан сильно трёт лицо ладонями и прижимает косточки больших пальцев к глазам, рассматривая в полной темноте разноцветные круги. Внутри него прошлое крутится в стиральной машине. Чем ближе удаётся подойти, тем сильнее она искрит, брызжет водой из щелей, а к концу крышка вовсе распахивается; все детали остаются в железном барабане, а вода вытекает наружу. В её отражении альфа видит плачущего и напуганного до смерти мастера молнии. Надакхан заметно дёргается. Сидит так пару минут, дожидаясь, пока сознание угомонится, а потом встаёт одновременно со звоном мобильника и покидает гостиную.

Флинтлок и Сото ещё немного пребывают в молчании, восстановившемся после хлопка двери. Минут пять-семь точно, и Сото тихо вздыхает.

— Он передавал тебе привет, — шёпотом говорит Флинтлок, и гамма устало улыбается, возвращаясь к деревянной доске с тестом.

× × ×

Кай не спал полночи, сидя на подоконнике и разглядывая улицу за окном. Пока остальные в гостиной связывали ход действий и пытались дозвониться до Гармадона, омега осмысливал их первый шаг. Первый рывок к победе, не слишком гениальный трюк, чтобы сбить Оверлорда с толку. Всё бы ничего, если бы главными героями в этой ситуации не оказались мастер огня с мастером ветра. Шатен волновался по этому поводу, но сделать всё как следует ему точно труда не составит.

— Ненавижу тебя, — низким голосом проговаривает Смит и демонстративно сильно хмурится. — Ненавижу, Сторм. Гори в аду.

Он сразу замечает, как сердце недовольно сжимается от этих слов. Приходится так хмуриться ещё пару мгновений, и Смит, вдохнув мяту

в его комнате, расплывается в расслабленной улыбке и закрывает глаза. Чувства не должны помешать плану и подвести всех остальных. И какими бы сумасшедшими их действия ни оказались, в конце засветит солнце. В конце будет их счастливая жизнь, где на чёрном джипе альфа с омегой и ребёнком рассекают воздух.

Кай купит чёрные очки и с высунутой рукой будет усмехаться всему миру за лобовым стеклом, Сторм будет гнать быстрее ветра, а Дилан дремать на коленях омеги и держать кармашек штанов альфы.
По другому судьба не смеет выстроиться.

У неё нет на это ни единого права.

В комнату скромно заглядывает Уолкер, поднимает в воздух две кружки с ароматным чаем и присаживается на пол, напротив него. Стоит Смиту довольно усмехнуться, бета улыбается следом и протягивает ему кружку побольше Его любимую, с нарисованным костром около ручки.

— Это мы должны носить тебе чаи, папаша, — говорит он, и мастер молнии легко смеётся. — Не дозвонились до Сенсея?

— Не-у, аппарат абонента недоступен. Наверное, он его выключил, Зейн не может отследить местоположение, — Джей отпивает немного.

— Как бы он не появился случайно и не испортил всё.

От стекла несёт прохладой. Под вечер в последнее время всё чаще усиливается ветер, и Смит не может не проследить за ним. Садится так в футболке, игнорируя одинокое одеяло на кровати, и подолгу рассматривает пейзаж. Он следит за шатающимися деревьями, за единицами опавших листьев, скользящих по земле, за парящей пылью. Наверное, с ветром ему куда легче обдумывать всё необходимое. Было бы куда лучше, будь вместо ветра Морро, но сейчас, кажется, для омеги это очень дорогостоящая радость. Парень сдувает пар и пьёт, обжигая горло.

Пахнет чем-то вкусным, какой-то ягодой.

— Готов к завтрашнему дню?

Кай морщится, но твёрдо кивает и нахмуренным видом показывает весь свой боевой настрой. Не стоит сомневаться, что он всегда ко всему готов.

— Сыграй так, чтобы даже Ллойд поверил, — говорит бета, дотягивается до друга и хлопает того по плечу. — Вы положите начало, а дальше мы разберёмся все вместе. Как в старые добрые времена.

Смит усмехается и смешно щурится. Едва Джей оказывается в зоне доступа, он треплет его волосы и тёплым взглядом обещает, что всё у них получится.

Потому что сам искренне в это верит.

× × ×

Город наполняется бесконечным шумом людей, что показались на улице для долгожданного представления и объявления их нынешнего мэра. Среди народа давно пошли явные разговоры о том, что Борг находится в тяжёлом состоянии под строгим наблюдением врачей. К сожалению, той мизерной информации, что выдал им офицер по телевизору вместе с извинениями за причинённые неудобства, оказалось недостаточно; люди потребовали того самого проверенного человека, который возьмёт город в свои руки.

С утра зданию мэра пришлось вытерпеть небольшой митинг, а офицеру уже в который раз выслушать недовольство народа. За неделю отсутствия Борга и Сторма в кресле мэра могло начаться действительно что-то страшное. Если бы люди мыслили менее позитивно, общественных выступлений стало бы куда больше. Люди

бы буквально вынесли полиции мозг.
Офицер стал очень надеяться, что выступление Сторма не заставит себя долго ждать, и в Ниндзяго Сити утихнет эта небольшая негативная волна.

Оверлорд довольно быстро сообразил, как выстроить путь к достижению своей цели.
Чтобы не вызывать лишних вопросов и не опасаться ненужных проблем с полицией, мужчина переговорил с Морро и оставил все дела на глазах у города на него. Он возложил на него сегодняшнее выступление и все последующие, но в пределах кабинета обязался решать вопросы самому. В этой игре Сторму, который проложил весь путь к их нынешнему положению, должен сыграть обложку книги на замке. В содержание никто, помимо них, заглядывать не смел: каждое слово там будет написано от руки Лорда.

В своём кабинете, в офисе дяди, Сторм долго ругался по этому поводу. В первое время до ужаса напуганной Элис приходилось пару раз уносить осколки, что недавно мирно покоились на столе в виде чашки или стакана. У брюнета буквально кипел мозг, он всё чаще и чаще думал об их общем с ниндзя плане, расставлял всё по полкам, и ко дню выхода на глаза городу он позволил стать себе более сдержанным и спокойным, уверенным в своей скорой победе. До этого приходилось изливать душу будто потухшему джину.

Надакхан был буквально не в том состоянии, чтобы поддерживать его и усмирять. Надакхан протух, как древнее яйцо в углу холодильника, и потерял искру, с которой раньше готов был подрывать здания и вырывать сердца.

Сторм прекрасно знал, в чём дело. Знал, но в какой-то момент устал просить мужчину «забыть» или «возненавидеть». Морро также понимал, что в делах с чувствами это почти невозможно. Заставь его кто-то возненавидеть Кая по-настоящему, он бы только криво усмехнулся и плюнул под ноги — как показатель такого простого «пошёл ты нахуй». Это почти также сложно, как оторвать кусочек сердца и выкинуть в море, но что делать?

Нужно научиться жить дальше. Сторм бы не хотел об этом думать, но, сложись у них со Смитом также, он бы нашёл силы отпустить и идти дальше.

Больно, но надо. Иначе придётся хоронить себя заживо: с такими загонами долго не протянуть.
Надакхан упёрто тянется к свету, хотя вокруг давно темно.

— Готов? — сухо интересуется джин у дверей, пока Морро рассматривает костюм на себе перед специально притащенным зеркалом.

— Мне не страшно прочитать перед ними с бумажки. Они мне никто, — отвечает мастер ветра. — Но мы шли к этому не для того, чтобы подтирать за *кем-то* задницу. Я с нетерпением жду, когда этот цирк закончится.

Надакхан отмалчивается и лезет к себе в телефон. Как маленький ребёнок, не заметивший ничего интересного в реальном мире, он отправляется в цифровой мир игры про ферму, где собирает пшено и молоко с коров.

Морро заканчивает любоваться и предусмотрительно выглядывает в коридор, как бы непрошенные гости не решили ворваться в кабинет. Стоит увидеть только вечно бегущих работников, мужчина расстёгивает рубашку на одну пуговицу и отходит к самому окну. Он жмёт на едва не подсвеченный ярким контакт и жестами напоминает джину быть на стрёме.

Долго ждать ответа не приходится.

— Ещё не сдался? — интересуется он у устало вздохнувшего Смита на том проводе. — Как ты?

— Не очень круто. Я волнуюсь, меня тошнит, — отстранённо отвечает Кай. — Ты там как? Ещё живой?

— В полном расцвете сил. Слушай, будь в себе уверен. Представь, что признаёшься мне в любви в день наоборот.

— Тогда в конце мне придётся тебя избить.

— Только нежно, — усмехается брюнет и чувствует, как расползается тепло, стоит услышать слегка нервный смешок в ответ. — До связи, — тише говорит он и прерывает звонок.

Морро правда не волнуется — у него просто нет повода. Сейчас он ловко ставит на чашу весов всё необходимое, и результаты его успокаивают. Сторм также не сомневается в том, что Кай справится с заданием. Просто он знает его сразу с двух сторон: как своего врага и как своего парня, и он не в силах недооценивать его. Как героя, не раз вышедшего с ним сражаться один на один, и как омегу, легко сумеющего при сильном желании вырубить тебя грёбанным подносом и выровнять движение автомобиля, сидя у тебя на коленях. Может, это ещё не всё, и за время пребывания омегой он сотворил куда больше чудес. Сторм как-нибудь его обо всём расспросит.

Суть в том, что он может положиться на Смита. Он может сунуть ему в карман своё сердце и быть совершенно уверенным в том, что тот донесёт его до нужного места в целости и сохранности. Кай просто невероятный человек, и сыграть врага Сторма ему не составит большого труда.

Не в первый раз они друг друга ненавидят.

Вдох. Потом выдох.
Он готов.

× × ×

Площадь быстро наполняется общающимися между собой людьми. Город в нетерпении ждёт выступления мэра. Приходится ждать всего

ничего, а пока прохожие слушают довольного офицера, что оказывается также чрезмерно рад выходу мастера ветра на свет.
Сторм встречает его по ту сторону сцены и оказывается вынужден втянуться в бессмысленный разговор.

Надакхан отвлекается на звонок и принимает вызов, пропуская Сторма куда-то вперёд и останавливаясь у входа в небольшое здание.

— Дорогой Надакхан, — буднично здоровается Оверлорд, и альфа недовольно вздыхает, сплёвывает на землю. — Как идут дела?

— Почему по телефону? — игнорирует любезности Надакхан и поднимает взгляд куда-то в небо. Говорить с мужчиной не хочется совсем.

— Я бы не хотел испытать на себе твою реакцию, какой бы она ни была. Силы в тебе хватает, мне не кажется, что ты будешь её сдерживать, — спокойно начинает мужчина. — Давай сразу к делу — так начинают серьёзный разговор люди, я прав? Каково твоё отношение к мастеру молнии, Хан?

Надакхан чувствует, как неприятно сжимается сердце, и медленно закрывает глаза. Он бы сказал многое сейчас. Будь на том проводе тот, с кем не нужно быть слишком осторожным в своих действиях, он бы посвятил целый романс их с Джеем отношениям.

Красивый рассказ про красавицу и чудовище. Жаль, что конец оказался не таким счастливым, каким он хотел его сделать. История почти так трагична, как повесть о Ромео и Джульетте, если не смотреть снаружи, а заглянуть прямо внутрь. Если забраться каждому в душу и на пороге задохнуться от всех этих душных чувств, ядовитых необдуманных действий и ломающей боли. Если понять, что общий путь их ничего, кроме внутренних разрушений, не принёс. Что с каждым воспоминанием сердце не трепещет, а трещит, сдувается, как воздушный шар.

И никто не в праве его подлатать, прикрыть дыру, пожить ещё пару

часов, пока воздух не сдулся до конца.
Надакхан просто не думал о том, что окажется настолько беззащитным, настолько безнадежным, жаждущим скорейшего спасения.

Надакхан не думал.
Просто не думал.
Теперь думает, и от количества мыслей голова вот-вот готова взорваться.

— Я спрошу иначе, — вновь подаёт голос Лорд, стоит молчанию затянуться. — Если бы я сейчас сказал, что Уолкер под угрозой смерти от выстрела, а мне срочно нужна твоя помощь, ты бы помчался спасать его или остался помогать мне?

— Что за грёбанные вопросы? — севшим голосом спрашивает джин, а в голове от одной мысли о том, что Уолкер с дулом у виска, начинают бушевать ураганы.

— Мы оба знаем, что ты сейчас скажешь. Сотовая связь не требует искренности, поэтому, — он на мгновение замирает, а потом (Надакхан словно чувствует) усмехается. — я снова перефразирую: сейчас Уолкер под угрозой смерти от выстрела, Хан, но мне срочно нужна твоя помощь на данный момент. Выбирай.

«Выбирай», как звонкая пощёчина. Будто разбросаны горячие угли под босыми ногами, будто его место вдруг — эпицентр пожара посреди одного единственного дома на планете. Так оно звучит.

Эффект неожиданности приносит только дюжину внезапных противоречивых чувств. Как цунами, огромная волна, навалившаяся сверху и перекрывшая доступ к кислороду. Слова буквально бьют под дых. Мужчина чувствует, как бешено начинает стучать сердце. Ещё немного и выпрыгнет, ускорится так сильно, что не выдержит и остановится.
Надакхан открывает рот и усиленно хватает воздух, нервно ощупывает шею и лицо, а дышит так, будто вот-вот начнёт задыхаться. Ему

становится страшно, так, как не было ещё никогда до этого. По телу протекает колючий холод, рвёт и режет кожу, больно щиплет и пробирает до самых костей.

В сознании вырисовывается чёткий образ беты с холодным дулом у виска, напуганные глаза, дрожащие пальцы, и Надакхан сильно бледнеет.

Волнение вмиг доходит до горла, так давит, что его тошнит.

— Перестань меня разыгрывать, — сквозь прерывистое дыхание говорит он.

— Ты считаешь, я несерьёзен? От твоих действий зависит многое, поверь мне. Гораздо большее, чем ты можешь представить...

— Где он? — последнее, что выпаливает он в нарастающем отчаянии, и до жути громко скрипит зубами. Оверлорд не идиот, блять, не последний отброс общества, ему не стоит повторять дважды и пояснять. Он понимает. И так, сука, хорошо понимает, что становится невероятно хреново. Лучше бы он ничего не понимал, лучше бы не появлялся в этом грёбанном мире со своими правилами, которые он только и делает, что по самую глотку вбивает окружающим.

Лучше бы он исчез, лучше бы его просто не существовало. В этот момент Надакхан был бы готов исчезнуть вместе с ним.

Звенит до ужаса нещадящая нервы тишина, прерывающаяся шумом народа в стороне. Оверлорд беззвучно делает выводы, специально молчит, чтобы только больше раздавить джина сейчас. Проходит минута, которой хватает на самоуничтожение Надакхана, и стоит альфе услышать место, он обрывает связь и буквально летит к машине.

twenty-eight. no time to die

Примечания:

я обещала главу быстро, я сделала🫶
кажется, я говорила, что предыдущие главы дались мне тяжело? знаете, нет. эта далась мне намного тяжелее.

так выходит, что это предпоследняя глава. глав должно было выйти чуть больше, но я серьёзно вымоталась с работой. да и со всем этим годом. поэтому да, выходит, следующая глава — финал.

не могу сказать, что он вас не удивит. я просто надеюсь, что даже после этой главы вы останетесь со мной и дойдёте до конца. я безумно вас всех люблю!💔💔

песня под конец: Billie Eilish — No Time To Die
приятного вам прочтения💔🍒

× × ×

— Доброго дня, Ниндзяго Сити, — начинает Сторм в крохотный микрофон у стойки, где покоится его лист со словами. Народ поразительно быстро замирает во внимании, как послушные домашние животные, и альфа на это только слабо усмехается. — Это лето… выдалось тяжёлым для каждого из нас. В особенности для нашего дорогого мэра, Сайруса Борга, что уже идёт на поправку. Первым делом я хотел упомянуть именно его.

В какой-то момент с людьми на площади замирают ещё несколько человек. Внезапно, будто по общей команде, по выстрелу в небо. Четверо человек, чьи судьбы так сильно друг с другом связались. Те, что сплели между собой паутину, на которой держатся чувства, переживания, на которой держится всё. Это и спокойный Морро, что в

паузе глазами цепляет людей перед собой, и вполне уверенный в себе Смит, что настраивается на представление. Это и до ужаса напуганный Надакхан, что рассекает воздух на большой скорости, и усталый Джей, что не спеша собирает вещи в сумку.

У каждого удивительно разные мысли. Удивительно разная история, переживания, чувства. Разный долг, разные цели. У кого-то сердце ещё в целости, у кого-то давно валяется под кучей мусора в грязном баке. У кого-то жизнь давно закончилась, у кого-то продолжается, у кого-то начинается заново.

У каждого свой путь, с которого они так усиленно пытаются не сойти. Не важна причина, важно то, чем это закончится.

Почему вдруг стоило это заметить? Почему эта слегка непонятная истина так внезапно пролила на себя свет? И почему внутри такой щелчок, секундная пауза, кажется, для всего мира, будто происходит неизбежное?

Кому под силу знать.

Сторм быстро оборачивается по сторонам, выискивая своего верного приятеля. Он возвращается в реальность и быстро понимает, что держит паузу дольше положенного. Будто не уверен в себе.

— Но разве ломался этот город спустя столько времени? Приходилось отчаянно гнить после всех плохих времён, которые пришлось перенести? Скажете мне «да»? Мне придётся переубедить вас. Ниндзяго Сити несёт в себе огромную историю, отходит от давно заживших ран. Сколько бы ни пришлось пережить, Ниндзяго Сити поднимался с колен. Обернитесь и посмотрите, насколько усовершенствовался этот город, насколько далеко он ушёл несмотря на произошедшее с ним, несмотря на всех тех, кто осмелился взойти сюда в качестве владельца. Не спорю, я был в их числе, — альфа чувствует, как от яда, что мысленно формируется из-за лжи и капает со рта, начинает жечь губы. Как при всём желании выглядеть достойно и уверенно хочется развернуться и выблевать все ещё несказанные

слова.

«Этот город умирает. На самом деле, вы думаете, что он только процветает и идёт в гору, но вы верите глазам, а я видел всё из-под земли. Ужасное зрелище», — звучит в голове брюнета его голос пару недель назад, на внезапной встрече в кафе с офицером, и тот сокрушительно закрывает глаза, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. Встреться он с собой из прошлого, с разворота бы плюнул в лицо, потому что никакого «ужасного зрелища» тогда не было. Но есть сейчас. Сейчас город правда умирает: под властью Оверлорда, что играет Стормом, как марионеткой, с его сумасшедшими планами на будущее и почти непобедимой мощью.

Город умирает, и никто этого не замечает. Морро сейчас точно также, как ниндзя, берёт на себя ответственность быть «опорой» для города, ослепляет людей, выжимает мозги. Не стоит быть под землёй, чтобы увидеть это, убедиться.
Понять, ужаснуться.

Морро действительно гений.
Тогда он лишь слегка подделал правду в свою пользу и буквально предугадал то будущее, что творится сейчас, разбудил проклятую иронию судьбы. Только слишком поздно понял, к чему всё идёт. Был занят своими мечтами, занят Смитом, которого ставил буквально на одну линию с работой. А ведь Чен предупреждал его, говорил, что любовь порой только мешает.

От огромного количества сходств начинает дико болеть голова. И он потерял Надакхана с поля зрения, ему срочно нужно увидеть мужчину и утихомирить ураган внутри.

— Я обещаю помогать этому городу и дальше процветать, пока плохие времена не останутся в прошлом, точно также, как осталось всё остальное. Обещаю вести его вперёд, пока дорогой Сайрус Борг не пойдёт на поправку. Сейчас вам не о чем беспокоиться. Спасибо, — благодарит он за внимание. Люди завороженно хлопают, словно под гипнозом, а альфе впервые так ужасно неприятно за этим наблюдать.

Пока двое невысоких мужчин спускаются со сцены, настраивая микрофоны для тех, кто собирается задать свой вопрос, Сторм сдержанно вздыхает и переворачивает лист.

Сталкивается взглядом с Оверлордом и Ллойдом в стороне, ловит от мужчины одобряющий кивок. Морро выглядит, точно животное, выполнившие команду, чувствует над собой эту власть, и ему противно. До тошноты противно, и он обещает самому себе после выступления прочистить желудок.
Раздаётся первый голос женщины среди толпы, и Морро учтиво кивает в знак приветствия, настраиваясь на вопрос-ответ.

× × ×

— Ты превосходно выступил. Знаешь, я не сомневался, что в тебе течёт кровь лидера, — говорит Оверлорд, стоит Сторму выйти с другой стороны и устало встряхнуть волосы.

— Очень мило с твоей стороны, — кивает Сторм на выдохе. Взгляд падает на Гармадона у стены, что с закрытыми глазами летает где-то в прострации. Морро изучающе щурится и показывает в его сторону.
— Парень устал. Не собираешься жалеть своего подчинённого?

Оверлорд досадно хлопает себя по бокам (так пытается походить на человека) и зовёт альфу в стороне к ним. Наверное, не стоило задавать этого вопроса, если он знает ответ. Мужчине ведь плевать на Ллойда. Лежи он тут при смерти и проси о помощи в нескончаемых муках, тот бы с таким же энтузиазмом попросил не шуметь. Не то чтобы Морро жалко блондина, он много дерьма за ним прибрал и не раз жутко взбесился. Наверное, он просто не такой моральный урод. Не садист и не бесчувственное существо, как Лорд, и даже после всего, что Ллойд сказал Каю, мастер ветра не желает ему такого обращения.
По крайней мере, не со стороны Оверлорда.

Ллойд заметно сжимает челюсти, но поднимается и с мешками под

глазами плетётся к альфам. Кому-то пришлось пропустить сон в эту ночь и протестующие смотреть в окно, не смыкая глаз, пока Лорд следовал желаниям своего нового организма и отдыхал. Только протесты его буквально ничего в себе не несли. Нужно было сразу понять, что Оверлорда не заденут такие старания. Наверное, он сам об этом жалеет, но уверенно держит лицо и даже мускулом не двигает, когда мужчина приобнимает его и сильно сжимает плечо.

Лично Ллойду сейчас было не о чем беспокоиться: свой телефон он успешно выбросил, пока Лорд отходил за костюмом. Ему только твёрдо стоять на ногах и в бреду не проговориться о чём-то. Хотя вряд ли сейчас он знает что-то важное.

— У тебя было время, чтобы выспаться. Я не помню, чтобы ограничивал тебя в чём-то, — альфа заглядывает Гармадону в лицо.

— Помимо свободы? — недовольно щурится он, заставляя мужчину коротко рассмеяться.

Ллойд морщится и уводит взгляд в сторону, как замирает, замечая в стороне слегка взвинченного Смита. Брюнет следует за ним, щурится от смешанных чувств. Подобно актёру, вот-вот получившего бы Оскар, он чешет нос, прокашливается и кивает омеге, заставляя следовать за ним. Их маленькая игра начинается с этого момента, и альфа подмечает, что справляются они великолепно.

Кай бросает лёгкий, нечитаемый взгляд на лидера, и скрывается с мастером ветра за дверьми гримёрки. Гармадон настороженно хмурится: что-то с этими двумя не то. Что-то, чего он не заметил, произошло между ними. С приходом Смита будто воздух потяжелел, атмосфера стала мрачной, не предвещающей буквально ничего хорошего.
Он может только догадываться, что случилось, и одна мысль совсем не лучше другой.

Мастер огня заметно хмурится и специально не закрывает дверь до конца, оставляя крохотную щель. Стоит столкнуться взглядом с

альфой и повернуться к выходу спиной, он незаметно подмигивает. Сторм же выглядит куда серьёзнее и сдержаннее. На секунду даже Кай сомневается, что это глупая постановка.

— Как моё выступление? — спрашивает Морро, рассматривая себя в зеркале.

— Грандиозное, — мастер огня даже хлопает пару раз. — Больше ничего у меня не спросишь?

Брюнет опускает взгляд и усмехается. В какой-то момент он серьёзно задумывается над этим: бегает взглядом по столу, перекатывает язык от одной щеки к другой, а потом разворачивается, заглядывает в самые недры смитовских глаз.
В этих глазах неистовый свет, самая могущественная сила из всех, которые Морро встречал.

Наверное, он просто единственный, кто не в силах пойти против него.

Сторм легко дёргает головой в сторону и подходит ближе к парню, приобнимая за плечи.

— Не разочаровывай меня, — просит он.

— Объясни.

— Какие чувства ты хотел найти у своего врага? Какую поддержку ты искал, на какую опору надеялся? — спрашивает он и удивляется, как достоверно мастер огня переносит все эмоции предательства. Для него это не в первый раз.

— То есть, — нервно усмехается Кай и отбивает от себя чужую руку. — Хочешь сказать, ты играл? Хреновая отмазка, Сторм. Я не ослеп, я видел, как ты смотришь, как ведёшь себя… люди о таком не лгут, — договаривает вполголоса, ощутимо отчаянно.

— Но я же не человек, — усмехается он. Взгляд у него такой

жалостливый, будто Смит перед ним молит на коленях. Как бы Оверлорд за дверьми этого не упустил. — Я думал, что всё серьёзно, малыш, долго думал. Я правда в это верил. Ты казался незабываемым в моих глазах, — переходит на громкий шёпот. — до того момента, пока я тебя не трахнул.

Кай легко морщится и напрягает руки, готовый замахнуться и ударить. В глазах точно какая-то ободранная влюблённость меркнет и прячется за ненавистью, такой дикой, что Морро тоже Каю верит. Что в жизни он бы так не смог. Не смог бы встать так близко и сломать чувства омеги так просто, будто тот для него совсем ничего не значит. Скорее, пришлось бы застрелиться к чёртовой матери, чем заставлять парня спотыкаться и падать. Он хотел. Раньше он мечтал, представлял, как парень лежит где-то под ногами, а сейчас от одной мысли его мутит.

— Ничего нет, — продолжает Сторм. — Ничего, кроме моих целей. Я поставил себе одну, — на пару мгновений он замолкает, опускает взгляд и не замечает, как ложь сменяется искренностью. — Я хотел идти вперёд, хотел получать больше и больше. У меня было невероятное будущее, и я успешно к нему шёл, пока не встретил Кая Смита. В тот момент я почему-то обо всём забыл. Поставил этого омегу на одни весы с работой, посчитал, что они равны и одинаково значат для меня. Ты понимаешь?

Кай чувствует, как сердце стучит чаще. В какой-то момент он перестаёт улавливать эту грань между «правдой» и настоящей правдой. И слушает с пониманием, вникает, потому что голос Сторма звучит по-другому. То ли это его новый дичайший приём под конец, которым он хочет добить их постановку, то ли от лжи здесь почти ничего не осталось.
Он неуверенно кивает, позволяя альфе продолжить. Хочет убедиться в том, что они всё ещё лгут, поэтому пытается поймать чужой взгляд, но тот приклеен к полу.

— Я много дерьма сделал. Не то чтобы я не способен ошибаться, но без Кая Смита в моей жизни всё сложилось бы иначе.

Сторм поднимает глаза, а Кай теряется, быстро-быстро моргает. Сердце вот-вот выскочит, он выплюнет его вместе с подкатившей к горлу рвотой. Парень прикрывает рот и отворачивается в сторону, прочитает горло. Он надеется, что мастер ветра посчитает это за великолепную актёрскую игру, и закрывает глаза. Хочется объявить тайм-аут и сесть на пол, восстановить силы. То ли кислорода вдруг мало, то ли он слишком хорошо вжился в роль, непонятно, но его здорово мутит. Кажется, ещё немного, и его стошнит сегодняшним обедом.

— Я решил сдаться, Кай. У нас нет чувств, нет будущего, мы вредим друг другу, и у меня ещё всё впереди. Я увидел в этом повод сойти с пути.

— Класс, — отвечает Смит после недолгой паузы и грустно усмехается. Голос становится заметно громче. — Говоришь, решил сдаться? Поздравляю, тогда я тоже.

Он бросает последний взгляд на альфу, а потом быстро выходит в коридор, игнорирует недалеко стоящего Оверлорда с Ллойдом и покидает помещение.

Сторм выходит минутами позже. Для вида приходится немного постоять, но альфа не тратит время зря: находит в этой паузе повод подумать хотя бы о немногом. Что вообще произошло в этой комнате? Игра, собранная из притворства, которую стоит только забыть, или вечер откровений? Театр несчастных актёров или те спрятанные от глаз препятствия, которые мешают их счастью?

Неважно. Важно только, что первый шаг сделан, назад пути уже не будет. Они решились пойти по стопам Гармадона и обмануть того, кто почти не способен быть обманутым. По крайней мере, сейчас Оверлорду подвластна плоть, но не разум. Он не может залезать людям в головы и читать их мысли, не может управлять ими, влиять на их сознание и действия. У него нет одной единственной стихии при себе: выходит, что к общей картине он ещё и физически уязвим. Если для них плохой идеей было начинать эту игру, то для Оверлорда — идти

против них и из всех возможных обличий выбирать человеческое.

Альфа не спеша выходит из гримёрной и ловит весьма заинтересованный взгляд мужчины на ряду с лёгкой усмешкой.

— Что ты сделал? — вполголоса начинает Ллойд, бегая взглядом от одного глаза Сторма к другому. — Что ты ему сказал?..

— Парень лезет не в своё дело, — спокойно говорит Сторм, обращаясь к Лорду. — Не собираешься заткнуть своего подчинённого?

Оверлорд слабо усмехается, и мастер ветра, игнорируя взволнованно-ненавистный взгляд блондина, идёт к выходу и набирает номер вдруг исчезнувшего Надакхана.

× × ×

Альфа за ноутбуком долго зевает и откидывается на спинку кресла. В какой-то момент ниндроиду кажется, что он вот-вот сядет, как мобильник, ограниченный всего сотней процентов.

За день дозвониться до Гармадона он не смог — телефон непрерывно пребывает в отключке. Зейн заезжал к Мисако и объяснял ситуацию, но даже сама женщина толком не знает, куда пропал мужчина. Складывалось впечатление, будто с возвращением Оверлорда он просто испарился, будто незаметно для всех распался на атомы или сбежал в другое измерение. Альфа надеялся, что узнает у Мисако что-то важное. Расспрашивал её и подолгу ходил туда-сюда, думал, может, она специально молчит, в конце концов ничего не добился. По словам женщины, она сама была бы рада узнать, где пропадает её мужчина.

— Эти тайны, — она делала паузу, грея ладони кружкой с чаем. — никогда не приводили ни к чему хорошему. Он должен был учиться на своих ошибках, должен был знать, как сильно рискует. А теперь, когда нужно нести ответственность, его нет… Что же теперь делать?

Женщина тоже заметно устала от этого. Устала также, как Ллойд, как Ву, когда после стольких шансов Гармадон нашёл новый повод для окружающих разочароваться в нём. Ведь столько всего произошло, через столькое они прошли, столько опыта получили после этих неспокойных лет. А стоило ли это того, чтобы всю оставшуюся жизнь прожить в мире и радости? Да, чёрт возьми, именно этого и стоило.

Жульен недолго сидел с женщиной. Несколько часов спустя Смит уведомил, что их первый рывок удался, и он решил не задерживаться. Ниндроид поблагодарил Мисако за чай, обязал перед ней команду несмотря ни на что победить и попросил с возвращением Гармадона скорее им об этом сказать. Он не был настолько уверенным в себе, ведь перед ними вставал не самый слабый враг из всех, но честно сказал, что у них невероятные планы.

Сейчас с глазами, готовыми вот-вот лопнуть от такой информации, ниндроид плотно закрывает крышку ноутбука и созванивается с П.И.В.В.Ж.

× × ×

Запах медикаментов, прямиком из детских страхов перед больным уколом злого врача, пробирается под кожу. В кругу специалистов в белых халатах Джей почему-то чувствует себя куда увереннее и безопаснее, чем чувствовал себя вместе с командой.

Пока Коул бежит в соседний супермаркет за едой для беты, он переговаривает с врачом в его кабинете. Тот ощупывает живот, листает мед. карту парня, а потом самое неприятное — расспрашивает о том, как именно это произошло. К счастью, Джей уже обустроил вокруг себя защитный барьер, а на пороге больницы для себя же решил, что перескажет всё столько раз, сколько нужно. Сейчас его здоровье и здоровье будущего ребёнка оказалось превыше всего.

— Наша лечебница уже не первый раз сталкивается с таким. Не переживайте лишний раз, мы готовы сделать всё, что в наших силах, — успокаивает пожилой омега в халате, и мастер молнии молча с ним соглашается.

Уолкеру выделяют палату со светловолосым омегой на четвёртом месяце беременности. Парень, до этого листающий толстый роман, замечает нового соседа и не спеша с ним знакомится. Пока врач не появляется в палате, Джони (так он себя назвал) узнаёт в парне героя и расспрашивает о том, как же так сложилось. Уолкер же упоминал самому себе, что рассказывать придётся много?
Так или иначе, он говорит только мизерную часть от всего остального и просит не распространять эту новость.

По его словам, это почти военная тайна.

Баккет возвращается почти одновременно с врачом. Пока пожилой омега рассказывает, какие в общем ждут бету процедуры, чем ему лучше будет питаться и в какое время он пойдёт на первое своё УЗИ, Коул остранённо делает другу массаж и внимательно слушает каждое указание. Уолкер шутит, что они точно выглядят, как парочка, и благодарит за поддержку. Альфа действительно заботится о парне, может, таким образом извиняется за то, что вовремя не уследил и расслабился. К концу дня Уолкер благодарственно бьёт мастера земли кулаком в здоровое плечо, провожает до выхода из больницы и остаётся наедине с самим собой.

Бета устраивается на кровати поудобнее, провожает соседа взглядом к выходу и созванивается с Нией. В какой-то момент на душе стало настолько светло и спокойно, что он честно соскучился по голосу девушке.

И не только по *её* голосу, но в этом он копаться не стал.

— Уже заселился, — говорит Джей и кидает взгляд на свою сумку с вещами, брошеную у шкафа. — Коул притащил целый магазин. Буду набивать живот — в меру, я помню, что меня много тошнит.

Ния по ту сторону слегка устало смеётся, и сам бета невольно улыбается.

— Не переживай только, за мной здесь присмотрят. Лучше скажи, как вы там? Как Кай? Операция прошла успешно?

— Вполне, — соглашается омега. — Морро писал ему, что после нашего ухода ничего необычного не было. Трюк удался. А Кай… он странно себя ведёт. Вернулся каким-то нервным, забрал мои бутерброды и ушёл к себе.

— Это похоже на него. У Кая стресс, не забывай, их с Морро ждёт большая разлука, — говорит Уолкер и чистит себе небольшой мандарин, наслаждаясь запахом. Он перекладывает пару штук на тумбочку соседа, а потом задумывается и надеется, что у омеги нет аллергии. — Сенсея Гармадона не слышно?

— Не-у, не уверена, что будет слышно и в ближайшее время. Либо он прячется и дожидается удобного момента, чтобы с нами связаться, либо он сбежал. Больше хотелось бы верить в первый вариант.

— Не спорю.

Плечо вдруг ощутимо щекочет, будто по нему пробегает куча пауков, и бета наклоняет голову в бок, к стене, чтобы быстро почесать. Приходится подождать пару секунд, чтобы вспомнить, на каком именно плече у него метка, — на этом, — отложить мандарин и отойти к зеркалу.

Уолкер несмело отводит ворот футболки в сторону. На плече покоятся только едва видимые следы от зубов: те сумасшедшие узоры вдруг исчезли, словно их изначально и не было. Только кожа до сих пор слегка покрасневшая, в остальном бледная.

— Думаю, самое время отдохнуть. Я позвоню тебе сразу, как только смогу, — говорит мастер воды, и Уолкер отстранённо ей угукает.

Вызов прерывается быстрыми гудками.

Значит ли это, что они с Надакханом точно не истинные? Что волноваться по этому больше не стоит? Стоило джину поставить ему метку, он решил, что его жизнь окончательно разрушена. Тогда, наверное, сейчас стоит обрадоваться, что он лишний раз себя накрутил, что начать заново всё-таки получится. Стоит перезвонить Ние и обрадовать её, только…

Только рад ли этому сам Уолкер?..

Бета прерывается, стоит омеге вернуться в палату. Джони рассказывает ему о поднявшемся ветре на улице, благодарит за мандарины, и шатен, в последний раз глянув на отражение, на своё совсем не весёлое лицо, неспеша уходит к кровати.

× × ×

— Как ты заебал, — разносится шёпот по длинному коридору. Тихая недовольная ругань, а следом бесконечный террор пальцами экрана мобильника. Сторм около получаса не может добраться до Надакхана, который будто провалился сквозь землю.

За время, проведённое в своём офисе, он успел обозвать его самыми красочными эпитетами. Буквально не спеша подписал необходимые документы, переговорил с Элис, что заносила кофе, пару раз успешно попал карандашом в пустую кружку. Не сказать, что у него мало работы на посту мэра, что он не устал после насыщенного дня и неудобной позиции сплошного притворства, но без джина всё кажется не тем. С ним он бы нашёл повод повеселиться, даже так, наедине, как в старые добрые времена. Посплетничать и хором (только негромко, чтобы не услышал) послать Оверлорда нахуй.

Морро невольно усмехается, припоминая их постоянные посиделки в этом кабинете. Чёрт, а чего они только не вытворяли? Настоящие

монстры, дьяволы во плоти, не меньше. Сколько дел они совершили едва не за ручку, а сколько раз подняли бокалы за очередной успех? Теперь без альфы становится ещё мрачнее.

Сторм скоро докуривает сигарету, дыша свежим воздухом у открытого окна, оглядывает город, что перед ним как на ладони. Власть над ним сейчас не приносит никакого удовольствия. Он мечтал об этом с первого вздоха, как только смог вернуться, в итоге получил совсем другое. Власть неполную, готовую вот-вот развалится. Такую, от которой только выворачивает, о которой хочется забыть и не вспоминать больше. Можно ли искать здесь какие-то плюсы? Скорее, сплюнуть и не заморачиваться: здесь один единственный минус, огромный, выводящий из себя минус по имени Оверлорд.

С ним плюсов не существует.

Терпение альфы буквально выходит из-под контроля, и он шлёт номер новым подчинённым, чтобы узнать местоположение. Надакхан удачно оставил телефон включённым (будто специально позаботился), чтобы без лишних проблем отследить телефон. Стоит оторваться на кружку кофе около пяти минут, и сообщением поступает адрес одного из торговых центров.

Сторм, уже готовый отчитывать мужчину за безалаберность и такой грубый игнор, незамедлительно едет туда.

× × ×

— Убийства возобновились. Похоже, серьёзный беспорядок в городе продолжает расти. Сегодня, по Браун Стрит, был найден труп уже известного помощника нынешнего мэра. Тогда нам стоит серьёзно задуматься: действительно ли городу больше не о чем беспокоиться? Репортаж с места происшествия, Элли Бартер, — громко, ударяя по ушам, разрушая мозг.

На мгновение кажется, что альфа не в этом мире находится, что плоть эта, мозг этот вовсе не его, что он материя.
Призрак.
Блуждающий по городу ветер.

Вечерняя улица освещается то синими, то красными тонами. По дороге, огибая автомобили перед собой, вдалеке спешит шумящая скорая помощь. Люди что-то кричат, переговаривают, — ничего не разобрать. Как рой пчёл у уха, как поднявшийся ураган, как несколько сотен капель дождя, ударяющих по асфальту одновременно.

В этот момент Морро теряет слух. Звуки меркнут также мгновенно, как исчезает кислород. Лёгкие сжались, сдулись, скукожились и осыпались; альфа не знает, чем он дышит сейчас. Может, и не дышит, может, ему сейчас это и не нужно. Больше всего в этот момент хочется точно не дышать.
Взлетать вверх и прятать крылья, ударяясь об землю. Разбиваться в кровь, рыть себе яму, как потрёпанный несчастный пёс, опускаться на дорогу и чувствовать тяжесть машин, грубость колёс на себе.

Всё что угодно, лишь бы не дышать, — шёпотом.

Сторм негромко хлопает машиной, замечает, как сильно это отпечатывается в голове. «Сегодня, по Браун Стрит, был найден труп уже известного помощника нынешнего мэра» — альфа делает пару тяжёлых шагов в сторону столпившихся людей, чувствует, будто проходит по горячим углям, ходит по раскалёной лаве, как бог. «Сегодня, по Браун Стрит, был найден труп…» — он тяжело выдыхает, поднимает расфокусированный взгляд на вывеску торгового центра, взглядом ловит подкатившую машину скорой помощи. «Сегодня…» — взгляд замирает на пустых носилках. Плетётся за ними, сам подходит ближе, ближе, привлекая внимание. Идёт, пока носилки не перестают быть пустыми, показываясь из-за угла.

Морро содрогается в беззвучном кашле. Взглядом скользит по лежащему телу джина, так плавно, будто плывёт, гладит, останавливается на красном пятне в районе виска. Смотрит, а самому

будто топором вбиваются в спину, скользят лезвием.

От этого болит.

Морро правда думал, что после возвращения он никогда не почувствует этой боли. Когда внутри сердце колотит так, что хочется его выплюнуть и скорее раздавить, когда ноги становятся ватными, почти не держат. Когда вдруг безумно болит голова, словно вот-вот готова лопнуть, когда ломит шею, когда за пеленой горьких слёз почти ничего не видно. Когда по-детски хочется спрятаться в шкафу и много, много плакать, умереть от горя. Когда не верится в случившееся до такой степени, что хочется скорее ущипнуть себя, проснуться и убедиться, что ничего не произошло.
И самое главное: с самой наивной, самой светлой на свете мечтой ощутить себя волшебником. Всем сердцем поверить, что вот он, твой шанс, что стоит только загадать желание, сложив руки в замочек, и заставить время отмотать назад.

Поверить в эту грёбаную смазливую чушь, поверить во всё светлое в этом мире, стать чуть ли не ангелом, а потом в один момент во всём этом разочароваться.

Сторм тоже разочаровывается. Кажется, он не умел верить в светлое, не умел мечтать. Только сейчас вдруг научился.

В это мгновение Морро не просто потерял своего напарника, своего друга, почти брата.
Он потерял весь мир. Лишился опоры вокруг, лишился того сильного дружеского плеча, на которое он всегда мог опереться. Лишился той уверенности, с которой был готов пойти против любого.

— Мистер Сторм, — словно оживают вокруг, останавливают носилки. Даже отходят на шаг, и альфа нависает над другом, крепко берёт его за руку.

— Кто дал тебе право… — почти одними губами произносит брюнет, опуская глаза вниз. — Кто… кто дал тебе право забирать его?!

— намного громче предыдущего, так отчаянно и яростно, что сердцу больно.

Он обращается к одному единственному человеку на планете. К монстру, что вынудил отдалиться от Кая, что разрушил всю его жизнь, лишил любой поддержки. Втоптал в грязь, похоронил и утопил, разобрал по атомам. Никого другого быть кроме него не могло. Таких людей не существует, таких тварей, помимо него, просто не бывает в этом мире.

— Кто… — глухо, едва слышно. Альфа утыкается лбом мужчине в грудь, содрогается, чувствует, как сильно щиплет глаза.

Без джина спина призрака открыта. Открыта всего пару минут назад, а в ней уже будто сотня игл и ножей, сотня пуль и вилок.

Последний сильный вдох, как прощальное джиново «Merci».
Последний уверенный шаг, как его сухое недавнее «готов?».

«Нет, Хан, — ответить стоило. — Я совсем ни к чему не готов».

twenty-nine. here we go again (1)

Примечания:

ОКЕЙ, я.. снова делю главу на два. только не бейте, я в другом городе
я понимаю, что, наверное, достала с этим, но я не могу иначе! в этой главе уже 10 страниц, а я написала только половину финала. вы понимаете, о чём я.

поэтому финал будет как бы раздвоенным. мне правда жаль, что я так затягиваю. я прошу прощения.

(беточка, надеюсь, я тебе не надоела.)

я правда долго думала над финалом. думала, и поняла, что лучше такого просто не может быть. конечно, вы всё ещё не знаете, чем всё закончится, но, может, будут догадки. в любом случае, спасибо, что вы всё ещё здесь. я люблю вас.
глав будет не 29, а 30. ровно 30. теперь точно.

× × × × × ×

С солнечным светом сквозь шторы пробирается реальность, оставляя несуразный сон про гоблинов из вчерашнего мультика в стороне. Мальчик с полузакрытыми глазами слушает размеренное дыхание папы рядом и сонно потягивается.

На часах давно двенадцать утра. Удивительно, что в своём немолодом возрасте Кай может спать так много. Хотя, наверное, такой долгий сон оправдан: настоящий кайф отлежаться на мягкой кровати после тяжёлой рабочей недели. Омега работает героем и начальником в офисе одновременно. Удивительно, как он вообще после этого в кому на пару недель сразу не впадает.

Альфе тоже повезло: все учебные дни в неделю прошли вчера, и сегодня он может отдохнуть от поднадоевших за полгода школьных занятий.

Суббота. И погода на улице что надо.

Дилан слышит на кухне негромкую возню. В голову мгновенно приходит мысль о каких-то ворах или злодеях, которые пробрались в квартиру под утро (удивительно, как именно) и решили ограбить семью героя. Думает недолго: буквально пару минут, пока окончательно приходит в себя после сна, а потом замечает, что между ним и папой кое-кого не достаёт.

Он сползает с кровати, натягивает на себя шорты, лежащие под подушкой, и выходит из комнаты.

У Дилана уже как пять лет нет отца. Тётя Харуми часто рассказывала ему, как это было: Морро (так звали его отца) отдал свою жизнь, когда защищал город от Великого и Ужасного Лорда. Тогда, по словам девушки, он боролся достойно. И кто бы что ни говорил про прошлое Морро, парнишка знал точно: его отец был *героем*.

Три года назад, когда Генри — его младшему братику-гамме — исполнилось два года, они втроём переехали в квартиру Сторма. Папа часто говорил Дилану, что он очень самостоятельный родитель и вправе жить там, где захочет именно он. Тем более, в доме ниндзя уже за пару лет после произошедшего стало довольно тесно. На самом деле, была ещё одна причина. Что-то, что произошло между мастером огня и командой, только Дилану, конечно, никто ничего об этом не сказал.

Мальчишка потягивается, заходя на кухню, долго зевает и замечает возле стойки гамму, что ищет чего съедобного. Он ему присвистывает (привычка от Кая), и мальчик испуганно оборачивается.

— Ди! — радостно визжит он. — Диди!

— Ты уже проснулся, — как бы для себя отмечает Дилан, подходит ближе и раскрывает холодильник. — Папа купил йогурт вчера. Хочешь йогурт, Генри?

— А! Та, хихи!

Генри на этот день пять лет. Насколько Дилан знает, его брат не такой, как все. У него отклонения в развитии.
Дело было в родителях. Так ведь всегда бывает: от родителей зависит куда больше в жизни ребёнка, чем они могут себе представить. Из-за здоровья Кая и возвращения из мёртвых Сторма ребёнок родился гаммой с проблемами. Тогда его рождению препятствовали обстоятельства; как иногда выражался Смит-старший, было «одно дерьмо на другом». И в словах этих не было ни капли лжи: диагноз омеги с трудностями, сражение с Оверлордом, смерть мастера ветра. На голову свалилась целая куча. На тот момент Генри родился на месяц раньше положенного — результат стрессового состояния родителя.

В свои годы Генри только учится разговаривать. Когда его сверстники уже вовсю разглагольствуют, он разговаривает на уровне трёхлетнего ребёнка.
Дилан любит своего брата. Как-то папа сказал ему, что он должен стоять за своего младшего стеной. И парень ему пообещал.

Да, пообещал. А Смиты всегда держат своё слово.

Дилан открывает холодную упаковку йогурта с яблоком, находит в ящике ложку и суёт брату в руки. Нагнувшись над ним, он вдыхает ощутимую мяту; та всегда напоминает об отце.

Кай часто рассказывал ему, как Морро нянчился с ним в офисе, когда ему было около двух лет. Как альфа качал его на руках с хмурым лицом, а Дилан тянул его за волосы и пускал слюни. Ещё они втроём катались на машине Сторма, творили что-то сумасшедшее. Мальчику было два, и он, честно, понятия не имел, каким был счастливым.

В особенно тоскливые дни Дилан думает о том, как Генри не повезло: он не почувствовал любви их отца, когда тот ещё был жив.

На эти выходные у них огромные планы: завтра у Дилана его восьмой день рождения, и до этого они проведут время вместе с командой ниндзя.
С ними всегда интересно. Кай часто задерживается на работе, поэтому обоим Смитам-младшим безумно нравятся выходные и праздники. Эти дни они могут провести наедине с героями.

Их совместные выходные всегда стоят того, чтобы встать пораньше и потратить на дорогу в машине чуть меньше получаса. У них большой двухэтажный дом с собственным (!) роботом-уборщиком. Когда они приезжают, он встречает их своим запоздалым голосом (какой бывает у всех роботов), открывает им дверь. В гостиной у них большой, безумно большой и мягкий диван, а ещё большой телевизор. В стороне их всегда ждут коробки с игрушками — это уже собственный райский уголок Генри. Готовка с Зейном, прогулки с Ллойдом, выпечка с Пиксель и Скайлор, истории с Харуми, игры с Коулом и Джеем... точно, с Джеем! В праздники вместе с ними в дом приезжает дядя Джей, тётя Ния и их дочь Наоми. Встречи с ней выдаются особенно запоминающимися и интересными.

Просто Наоми очень умная. Она бета. В команде её всегда хвалят за сообразительность и остроумность. И за красоту, конечно, она очень красивая и милая, на самом деле. Наоми одного возраста с Генри, но в отличии от своих сверстников в детском саду она действительно быстро учится. Она чётко говорит и замечает то, чего иногда не замечает даже Дилан — а он в их компании самый старший.
Девочка прекрасно понимает многие вещи. Как и то, что Генри сложно учиться на равне с остальными. Поэтому каждый раз, стоит им увидеться, она любит садиться в сторонке и играть с гаммой в игрушки.

Иногда Дилан правда не понимает, почему она так поступает. Но её хвалят. Наверное, если взрослые хвалят, то она всё делает правильно.

В спальне раздаётся громкий зевок, и Дилан узнаёт своего папу. Сначала тот роется в шкафу, умывается в ванной и только потом заходит на кухню. Сонный, но выспавшийся герой в свободной майке.

— Доброе утро, бандиты, — он треплет Дилана по волосам и целует в щёку довольного, немного измазанного в йогурте Генри за стойкой. — Ваш старик сегодня переборщил со сном. Хотите оладьев с ягодами?

— Та! — гамма вскидывает руку с ложкой. — Оади, о-а-ди.

— Оладьи, Генри, — чётко выговаривает Дилан и показывает на свои губы. В такие моменты можно почувствовать себя настоящим учителем, и это льстит. — Оладьи.

— Оадьи!

— Неплохо, малыш. Прямо схватываешь на лету, — по-доброму усмехается Смит.

Он достаёт из холодильника яйца, молоко и замороженные ягоды, роется в шкафу за сахаром и добирает другие ингредиенты. Дальше находит в стороне сковороду, масло. Для вида он надевает на себя голубой фартук с цветочками, и Генри от его вида заливисто смеётся, примерно как быстрое «хехехехе». Даже Дилан усмехается. Он улыбается брату, и мастер огня включает плиту.

— Пап, мы поедем сегодня к дяде Ллойду и остальным? — спрашивает Дилан.

— Поедем. Эти выходные твои, Ди. Поедем туда, куда ты захочешь. Как насчёт бургеров с ветчиной по дороге?

— Да, папа!

Кай быстро ему подмигивает. Сковорода вдруг шипит от подсолнечного масла, и омега отходит, как бы капли не брызнули ему в

лицо.

Минутами позже семья легко завтракает и одевается. Кай кладёт в небольшую сумку необходимые для выходных вещи, закрывает квартиру и ведёт детей к машине. По дороге они съедают обещанные бургеры; Генри довольствуется только горячей картошкой, иначе его бы снова стошнило в машине.
Они берут один недоеденный бургер с собой, выпивают по коктейлям и едут прямиком к дому ниндзя.

Дилан достаёт из бардачка двое чёрных очков: одни одевает папе, а вторые цепляет на себя.
Нужно выглядеть круто.

× × ×

У дверей дома семейство встречает Ллойд. Пока Кай открывает детям двери, а сам достаёт их сумку с вещами, Генри бежит в объятья мастеру энергии, смешно топая по асфальту . Дилан выбегает следом и обнимает мужчину за шею.

— Привет, парни, — он даёт Дилану кулачок, поднимает смеющегося Генри себе на плечи и вытягивается во весь свой рост. — Как прошла неделя?

— Очень скучно, — отвечает Дилан.

— Оадьи!

— Я вас понял, — смеётся Ллойд и поворачивается к Смиту. Родитель семейства хлопает дверью машины и блокирует её. — Тебе не нужна помощь?

— Думаешь, я не смогу донести одну маленькую сумку? Генри, дай дяде Ллойду ниндзя-щелбан.

Блондин хохочет и проходит в дом вместе с другом. На пороге их встречает робот на колёсах. Он тянет своё «добро пожаловать», отъезжает в сторону и останавливается у окон. По традиции Дилан, только заметив робота, улыбается и жмёт его холодную металлическую руку. Когда Генри хочет сделать также, Ллойд осторожно опускает его на пол.

— Удивлён, как этот малыш ещё не развалился, — Кай кивает в сторону робота и стаскивает с себя обувь. Потом подзывает к себе младшего сына и принимается стаскивать с него верхнюю одежду.

— Зейн говорит, что он переживёт нас всех. Так что не недооценивай его, он крепкий.

Стянув обувь, Дилан отходит от взрослых и проходит вглубь гостиной. Напротив телевизора его встречает любимый огромный диван. Парень топчет мягкий ковёр, стараясь снова привыкнуть к этому ощущению (в их квартире ковёр другой, как мех белого медведя), а потом расслабленно валится на диван. На нём мягкие подушки, такие приятные на ощупь, что Дилан не может оторваться: тянет одну и обнимает. Он надеется на скорый приход дяди Коула, чтобы посмотреть вместе с ним бокс или бои без правил. Минутами после к нему присоединяется Генри, и они удобно устраиваются рядом с друг другом.

Взрослые же смываются на кухню. Кай выглядывает на дорогу из окна, а Ллойд берёт упаковку чая и демонстративно вертит ею в руке.

— Я уверен, чай в этом доме не закончится даже век спустя, — улыбается мастер огня. — Джей с Нией не приехали?

— Вы были первыми. Наверное, задержались где-то по пути. Обычно они приезжают с самого утра.

— Жаль, что мы не поспорили. Сегодня я бы что-то выиграл.

Немного позже к болтающим о своём парням подключается Жульен и Баккет с пакетами, полными продуктов. Генри виснет на спине Коула, пока альфа включает им мультфильмы, а Дилан жмёт ниндроиду руку. Тот достаёт из пакета два небольших шоколадных батончика и раздаёт мальчишкам, а остальное уносит на кухню (не без помощи подоспевшего Смита). И хотя силы в Зейне немало, спорить с главным джентльменом их команды он не стал.

Кай здоровается со всеми и рассказывает о работе в офисе. И это самое скучное, что только может быть. Конечно, Дилан рассчитывал на переговоры ниндзя, о новой опасности, нависшей над городом, о дальнейших планах... Но эти взрослые снова умудрились найти скучную тему.

К счастью, Генри удаётся так крепко обнять мастера земли, что тот бросает мысль присоединиться к друзьям и садится перед телевизором. Гамма измазывается шоколадом, устраивается за спиной Коула и начинает завороженно смотреть начавшийся мультик.

— Дядя Коул, — Дилан пододвигается ближе к краю дивана, а потом вовсе с него соскальзывает, приземляясь рядом с ниндзя. — Расскажешь о ваших супергеройских делах?

— Мы уже старики, Ди. Нам скоро на пенсию с такими темпами.

— У стариков не бывает таких мускулов.

— Тоже верно, — смеётся Баккет и берёт ладошки Генри в свои, пока тот качается из стороны в сторону. — Зло дремлет, Ди, поэтому нам некого ловить. А с такими преступниками, которые есть сейчас, и один Генри с этим батончиком сможет справится. Я прав, Генри?

Генри, завороженный экраном телевизора, успешно игнорирует вопрос. Коул только жмёт плечами.

— Молчание знак согласия.

— И вы всё время сидите дома? Разве за всю неделю не было такого, чтобы нужна была вся команда? — глаза Дилана загораются надеждой.

Не то чтобы он хотел преступлений и хаоса в городе. Он совсем не желал городу чего-то плохого, как нашествие Они или возвращение Гармадона в своём злом обличии, но разве не интересно сидеть и слушать эти истории от ниндзя? Разве скучно, когда Коул с возбуждением рассказывает, как «дал жару» очередным плохим парням?

Дилан всегда любил слушать, как команда героев спасала город. Как один был за всех, а все за одного.
Сидишь в мягкой постели, слушаешь, а по крови бежит адреналин от одних слов. Слушаешь всё до последнего с раскрытым ртом, а в голове ярко представляешь эти эпичные сражения, примеряешь этот боевой дух едва не на себя самого. А когда дело доходит до способностей... Как Коул одним ударом об землю заставляет сотню камней взлететь в воздух. Как Джей прямо в кружитцу подхватывает ток, как ленту в танце. Как Зейн одним точным прыжком приземляется на ледяную горку, подобной тем крутым, американским горкам в фильмах. Как глаза Ллойда искрятся светло-зелёным, стоит создать энерго-шар и прокатить по воздуху. А как Ния плавными движениями тянет за собой большую струю воды, обрушивая её волной? И его папа... разгорячившийся Кай, подлетающий в воздух от огня под подошвами и разбрасывающий пламя по ровному кругу...

Дилан хотел бы увидеть это в живую. Хотел бы сражаться вместе с ними, имея собственную суперспособность.
Он знает, что такого не может быть: он обычный человек, так говорил ему доктор Грей на приёме в прошлом году. Но парень всё равно очень об этом мечтает.

Быть, как его папа. Гордый, разгорячившийся и рискованный.

Быть, как его отец. Умный, сильный и уверенный в себе.

В голове всплывает зелёная прядь, и парень меняется в лице, чувствуя,

как легко щиплет глаза.

— Сейчас ваш папа покажет этим хлюпикам, как надо нарезать овощи, — говорит подошедший мастер огня и, положив рядом с ними чашки ароматного чая, треплет сыновей по головам.

— Не забудь розовый фартук Зейна со стразами! — говорит ему вдогонку Баккет.

— Тут таких несколько, хватит на всех, — отвечает из кухни Смит. — Работаем, девочки, ужин сам себя не приготовит. Овощи я уже забронировал.

Мастер земли смеётся и поворачивается к Дилану.

— Не переживай, малыш. Будут ещё тяжёлые дни в нашей жизни, никуда мы не денемся, — он наклоняется к нему. — иначе Сенсей снова начнёт нас гонять, — добавляет шёпотом.

Дилан улыбается и быстро кивает. Пока взрослые возятся на кухне, бодро о чём-то беседуя, Коул устраивает Генри на своих коленях. Дилан же перебирается на мягкий диван. Подушки снова оказываются в его плену. Стоило дождаться Наоми, дядю Джея и тётю Нию, поэтому парень решает скоротать время с мультфильмом на экране и тёплой чашкой чая с барбарисом.

× × ×

Дядя Джей приезжает спустя полтора часа. Пропуская дочь вперёд, он здоровается с друзьями, даёт кулачки Генри и Дилану и идёт на кухню. Ния обнимает брата, достаёт из пакета забытые Зейном и Коулом специи и принимается мыть руки. Пока все скрываются на кухне, Дилан машет подошедшей к ним Наоми.

Бета пришла в голубом красивом платье и собранными в два хвостика

волосами. Её глаза были немного красными. Обычно так бывает после болезненных слёз — даже несмотря на спокойное лицо подруги, то, что она плакала, Дилан понял сразу.

— Привет, Генри, — здоровается она и обнимает гамму за шею.

— Что за красные глазки, Оми? Тебя кто-то обидел? — интересуется мастер земли. Девочка только вздыхает и садится на диван возле Дилана, укладывая одну подушку себе на колени.

— У меня выпал зуб, — досадно говорит она. Для достоверности она широко раскрывает рот и демонстративно показывает пальчиком на небольшую ямку в десне на верхнем ряду.

— Ела много сладостей, правда?

— Я бы так не сказала, — Ния присоединяется к ним, поднимая на поднос уже пустые чашки. — Она упала, когда споткнулась об кота, и выбила этот несчастный зуб. Пришлось задержаться, чтобы успокоить её.

— С ума сойти, Оми.

— Больше не болит? — мастер воды приседает перед дочерью и свободной рукой берёт её мягкую ладошку. Девочка только качает головой. В своей манере Смит тут же растягивает широкую улыбку, желая развеселить малышку, и у неё это успешно получается.

— Этот кот теперь, как камень, — говорит Наоми и провожает маму до кухни взглядом. — Его с места не сдвинешь. Он так потолстел после того, как его кастрировали...

— Кастрировали? — Дилан удивлённо поворачивается к ней. Где-то он слышал об этом, но точно не помнит, где именно и когда.

— Отрезали ему яйца.

— Оми, ты что! — возражает Коул и прикрывает Генри уши, как бы он не набрался таких слов. Только слегка запоздало. Наверное, он и не услышал ничего, потому что занят телевизором. А если и услышал, то вряд ли что-то понял.

— Отьезали яица.

— Боже... — Баккет хватается за голову. Всё-таки он это услышал.

Генри только смеётся и вопит это чуть громче. Его нельзя за это винить: в таком возрасте с его диагнозом он часто играет роль попугая. Ему сложно понимать вещи, которые ему говорят, поэтому он просто их повторяет. Как трёхлетний ребёнок. К счастью, Наоми вовремя понимает, что столь деликатные подробности были лишними (судя по лицу дяди Коула, *очень* лишними). Спустившись на ковёр, она подползает ближе к гамме и берёт его за руки.

— Тише, Генри, — она оборачивается в сторону кухни, не пришёл ли кто-то проверить, что здесь творится и не послышалось ли им, и подставляет палец к своим губам. — Больше так не говори. Нельзя.

— Неися.

— Да, нельзя. Или твой папа на тебя рассердится.

В момент, когда гамма принимает строгий тон слишком близко к сердцу и морщится в предревущем состоянии, Наоми поворачивает его к экрану телевизора. Он начинает быстро и рвано дышать, и девочка тыкает на лего-человечков в мультфильме. Они одновременно кричат и круто скатываются вниз по горке. Эффектно. Наоми пользуется этим и умело отвлекает мальчика от обиды, пока его ресницы ещё не намокли.

Дилан ни капли не преувеличивал, когда думал о том, почему Наоми так много времени проводит с Генри. Может быть, дело было в их возрасте, а может, во взаимопонимании. Генри всегда слушается бету, потому что считает её почти старшей сестрёнкой, умной и заботливой. И Наоми не против; более того, она и правда искренне относится к

гамме. И между ними рождается такая связь, какой, честно, иногда не бывает даже между ним и Диланом.

А он ему брат.

— Больше ни слова о кастрация котов, Наоми, договорились? Учим Генри только хорошим вещам, — говорит Баккет. — Принести вам игрушки?

— Наверное, — отзывается Дилан.

— Дядя, а тётя Харуми скоро придёт сюда? — вдруг спрашивает Уолкер-младшая и поворачивается к мастеру земли. Тот ловко поднимается на ноги, смотрит на часы и потягивается.

— Скоро должна прийти. Нужно подождать до вечера, — он обходит диван. По пути к лестнице альфа об что-то спотыкается и смешно подрывается вперёд, чуть не падая на пол. Это оказался кот Джея. — Откуда здесь кот?!

— Лорду скучно дома без нас, поэтому он приехал с нами, — также громко отвечает Наоми.

Кот встряхивает мягкую шерсть после столкновения с ногой Баккета, пару раз моргает, а потом запрыгивает на диван и лениво идёт к Дилану. Он давно не видел этого кота. Наверное, ещё со времён зимних каникул, когда они гостили дома у дяди Джея.
Лорд сворачивается под боком Дилана, и тот, больше не отвлекаясь от экрана телевизора, гладит животное одной рукой.

× × ×

Вечер субботы навеивает уют и теплоту. Сразу после ужина (жареной курицы из духовки и супа) все расходятся кто куда. Дилан провожает папу и дядю Ллойда до дверей, берёт подошедшего к нему кота на

руки и идёт к любимому мягкому дивану.

Тётя Харуми, которая пришла домой уже как час назад, готовит на кухне чай. Скоро начнутся их, можно сказать, традиционные посиделки. Наоми в стороне играет лошадью с длинной гривой с Генри, который озвучивает яростный вопль своего робота. И, похоже, им весело вместе. На какой-то момент Дилан чувствует себя по-настоящему одиноким: все разошлись по комнатам, а младший брат занят игрой. Только Лорд, урчащий в его руках, о нём вспомнил.

Харуми устраивается на мягком диване, осторожно ставит поднос недалеко от себя. В окружении мягких подушек и аромата чая с ромашкой она зевает в ладонь, разминает шею и собирает светлые волосы в удобный, некрепкий пучок.

— Ди, тебя что-то беспокоит? — интересуется Руми и деловито отпивает чаю.

— Я просто устал, — отвечает парень и опускается на ковёр. Наоми замечает их и, вмиг развеселившись, зовёт Генри с собой к дивану.

Дети устраиваются поудобнее. Наоми чувствует, как затекла шея, и осторожно кладёт голову Дилану на колени. На самом деле, не так неудобно, как он думал. Генри же предпочитает перебраться ближе к Харуми, и девушка садит его рядом с собой.

— Итак, какие заказы на сегодня?

— Я скажу! — энергично отзывается Наоми и поднимает руку. — Можешь снова рассказать про Великий Обман?

— Оми, серьёзно? Это уже смешно, — недовольно тянет Дилан. — Мы сотню раз слушали эту историю.

Если честно, дело не только в этом. Наверное, Дилан просто не хочет снова слышать про отца. Про того отца, который ещё был жив, который укачивал его на руках, пока ещё двухлетний альфа тянул его

за волосы... Он просто не хочет, потому что думает, что сразу загрустит. Что ещё один рассказ пробъёт его на слёзы, и его придётся успокаивать, как маленького ребёнка. Несносного, ничего не понимающего, глупого ребёнка.

Ребёнка, который глубоко в душе всё ещё не сумел смириться с потерей своего отца.

Наоми тяжело вздыхает и поднимает на него тяжёлый взгляд. В какой-то мере даже уничтожающий.
Девочка не скрывает того, что ей нравится эта история. Каждый раз, стоит им так собраться, оно просит рассказать о Великом Обмане. И хоть у Харуми в запасе полно историй из дел ниндзя (многие из них также вошли в историю Ниндзяго), одну она повторяет больше всего раз. История о Великом Обмане. История о Великой Смерти Великого Оверлорда и его помощника Пайтора, Великого Мастера Ветра и его вечного напарника Надакхана. И из всех них девочка, кстати говоря, больше всего боготворит джина.

— Я расскажу её, — улыбается Харуми. — А завтра, после празднования, расскажу что-нибудь другое. Договорились?

После празднования, точно. Завтра же Дилану исполняется восемь!

— Ура! — Наоми радостно вскидывает кулаки к небу и случайно задевает одним подбородок Дилана. Парень запрокидывает голову и морщится. — Упс, прости.

— Не покалечьте друг друга, — смеётся девушка.

— Так что там с историей?

Харуми улыбается, как их тётя Мисако, тепло и уютно. В какой-то момент в её глазах мелькает грусть. Печаль на равне с усталой улыбкой... Дилан знает, что это комбо значит.
Также улыбается Кай, когда вспоминает о своём альфе. Устало и грустно.

Тускло.

— Обещаете, что никому не скажете?

— Что не скажем?

— То, что я добавлю в историю, — объясняет Харуми и пускает Генри себе на колени, откладывая чашку в сторону. — Я рассказывала вам не всё. Дядя Джей просил меня не говорить об одной вещи... Наверное, я хотела бы, чтобы вы знали историю такой, какая она есть.

Наоми раскрывает рот. Ей стоит подняться и сесть в позу бабочки, чтобы, наконец, кивнуть. И Дилан разделяет её мнение; он кивает следом, сразу несколько раз для достоверности, и девушка выдыхает. Генри, вроде как, спрашивать не обязательно.

— В день, когда ваши родители, Ди, поняли, что не безразличны друг для друга, на город обрушилось настоящее зло, — неспеша начинает она. Наоми ложится на живот и подпирает щёки кулаками. — Тогда никто, кроме дяди Гармадона, не знал, кто вернулся в город. Это был Оверлорд.

— Оверолд, — сонно повторяет гамма, и девушка подставляет ему подушку под голову.

— Оверлорд стал действовать решительно: он взял Ллойда в плен и оставил команду без лидера. Тогда ниндзя было очень тяжело. Оверлорд становился всё сильнее с их способностями, и его, казалось, было невозможно остановить. Но ниндзя знали его слабое место: у него было всё, кроме огня. Тогда Кай упорно держал свою силу с собой. Он держался достойно.

— Дядя Кай крутой, — улыбается Наоми.

— Ещё бы, — соглашается Дилан и устраивается поудобнее.

— В тот момент ниндзя и придумали план, как обхитрить самого Тёмного Лорда. Это казалось невозможным... Оверлорд был повсюду, его уши были по всему городу, как и уши его помощника Пайтора. Но герои были настроены решительно. Тогда и началась операция «Великий Обман», — Харуми отвлекается на чашку чая. В какой-то момент она выглядит нервной, в груди её бушует трепет. — Оверлорд был против добрых чувств: он хотел доказать Морро, что в отличии от власти любовь не значит ничего. И первым делом Кай и Морро разыграли небольшой спектакль на виду у Оверлорда. Они сделали вид, что поссорились, чтобы Тёмный Лорд не мог шантажировать Морро с помощью Кая. Он цеплялся за слабые места ниндзя, искал то, чем можно было бы воспользоваться. И он нашёл...

— Но разве ниндзя его не обманули? — удивлённо спрашивает бета.

— На самом деле, Надакхан погиб не во время финального сражения с Оверлордом. Когда первый пункт плана был воплощён в реальность, Тёмный Лорд воспользовался чувствами джина. Надакхан, он... был мне хорошим товарищем. И я не хуже Морро понимала, что он чувствует, — она снова берёт паузу на глоток чая. — У него была любовь. Вы знаете джина, как бесстрашного и крепкого воина, и это правда, но... он любил. И любовь сыграла с ним злую шутку.

— Он же любил только Дилару, — припоминает Дилан. — Неужели она тоже была жива?

— Джин любил Джея. Нашего весёлого и ловкого Джея.

— Папу? Выходит, Хан был влюблён в моего папу? — удивлённо переспрашивает бета. Дилан смотрит на неё, но не может разобрать эмоцию на лице. Они вдруг начали меняться с бешеной скоростью.

— Детка, тебя это расстраивает? — Харуми чуть наклоняется, чтобы взглянуть девочке в глаза.

— Я... меня... Меня это не расстраивает, нет, — она медленно мотает головой. В какой-то мере эта новость здорово на неё влияет. В миг она

кажется растерянной и запутанной, но через пару мгновений скрывает всё за внезапным спокойствием. Что-то будто щёлкает в её голове.

— Оми?

— Можешь продолжать, тётя.

Харуми заметно расслабляется и переводит дух. Да, наверное, девочке просто не верится в это. Чтобы её любимый «герой» из прошлого был влюблён в её же родителя. Лёгкое удивление совсем не значит, что она каким-то магическим образом поняла, что произошло на самом деле. О том, что случилось в рассказе Руми до его начала, о том, как действительно она появилась на свет. Эта тайна зарыта в прошлом команды и в могиле джина. Никакое глупое дополнение к рассказу её бы не раскрыло.

Руми просто хотела, чтобы память о её товарище была чистой и правдивой. Пускай не полностью, но хоть чуть-чуть, хоть капельку. Хан ведь тоже сыграл в Великом Обмане немалую роль.

В какой-то мере, Дилан её понимает.

— В общем... Оверлорд понял, что Хан испытывает чувства к Джею. Он думал, что это... что любовь — это слабость людей, их больное место, куда всегда можно ткнуть. И он был прав, в какой-то мере. Но любовь — это и сила, правда великая сила, которой человек только способен обладать. Ллойд слышал разговор Тёмного Лорда с ним. Он соврал Хану, что Джей в опасности, только чтобы ещё раз убедиться в «слабости» своего нового помощника. Так Надакхан и погиб. Морро нашёл его первым из всех. Тогда это сильно его ранило... Морро всегда был уверенным в себе, но в тот день он потерял свою опору.

Харуми отвлекается на тихое сопение под собой. Оказывается, от их разговоров Генри не выдержал и уснул.

С улицы возвращается Гармадон со Смитом. На проходе они громко смеются, но стоит Руми громко шикнуть, они почти одновременно

замолкают. Кай подходит к ним и осторожно берёт сына на руки. Генри чувствует запах отца. Лицо его выравнивается, малыш сонно чавкает и зарывается в грудь омеги носом. Как совсем маленький ребёнок. Дилан замечает, как папа радуется при виде этой картины, но совсем не понимает, почему. А может, любовь? Та самая сила, которая только может быть у человека? Наверное, да. Папа ведь любит их с Генри, в этом он не сомневается.

Смит с сыном на руках и другом уходят наверх, укладывать малыша в кровать в комнате мастера огня, а Харуми, устроившись на диване поудобнее, продолжает рассказ чуть тише.

— Пока Морро слушался Оверлорда и выполнял его задания (больше это были дела мэра), ниндзя восстановили связь с Гармадоном и вместе обдумали дальнейшие действия. Гармадон тогда рассказал всё, что знал. Тогда оставалось всего ничего: нужно было потянуть время с передачей силы Кая и заманить Оверлорда в ловушку.
И они поступили так: пока готовился план, Кай рассказал Оверлорду выдуманную легенду о том, что огонь нужно отдавать постепенно. Он сказал: «Увы, Лорд, но Вам придётся подождать. Чтобы передать силу, я должен каждый день зажигать по одной свече рядом с Вами. Если Вы куда-то спешите...». А Оверлорд ему: «У меня впереди целая вечность». Так он и поверил. Кай не в первый раз был актёром, поэтому соврать ему не составило труда. Он даже предоставил «древний свиток», с помощью которого раньше люди будто бы передавали силы более могущественным существам. Тогда этот свиток сделал Сенсей Ву.

— Но как Мо... как отец, — Дилан сглатывает, чувствуя неприятную тяжесть. — справлялся один? Разве ему не было тяжело?

— Очень тяжело, Ди. Знаешь, это как... долго сидеть на стуле без спинки. Сначала ты держишься хорошо, а потом спина начинает ныть, ты устаёшь, начинаешь горбиться, и тебе хочется поскорее встать с места.

— Понимаю его... И что потом?

— Кай ходил и каждый день зажигал в офисе Оверлорда свечи. К тому времени план был готов: ниндзя связались с Ллойдом и рассказали ему, что он должен делать.
А план был такой. Нужно было заманить Тёмного Лорда на крышу высокого здания и скинуть вниз. Это был единственный способ: на ветру ему было бы тяжело использовать ту или иную силу. А без огня он был уязвим и смертен в теле человека. Когда Ллойд сказал Оверлорду, что его отец ждёт его на крыше офиса Морро — а тогда дядя Гармадон и правда был там, — Оверлорд начал что-то подозревать. И тогда Ллойд сказал ему: «Мой отец пришёл, чтобы закончить всё раз и навсегда. Закончить эту войну и встретить тебя достойно. Если бы я был им, я бы, наверное, попытался дать тебе отпор и бороться до последнего вздоха... Но мой отец не такой. А последних вздохов у него было уже несколько штук». Оверлорда потешила мысль, что Гармадон готов отплатить за свой обман и умереть в который раз подряд. Он позвал Пайтора и ещё несколько людей с оружием: расплата Гармадона ждала самая болезненная.

— Жуть, — Дилан поёжился.

— В который раз страшно, правда? Тёмный Лорд повёлся на слова Ллойда, потому что считал себя всемогущим. Для него не было преград, не было того, что позволило бы ему умереть. По его мнению, он уничтожил любовь и оставил только власть. А власть... она поглощает. Не только людей, но и других существ, у которых есть разум.
Когда они оказались на крыше, Гармадон стоял у края на коленях. Оверлорд подошёл к нему и стал тянуть время. На самом деле, он просто наслаждался властью, наслаждался тем, что есть у него в руках. Тогда Ллойд и начал эту операцию. Он повалил Пайтора на землю, привлекая внимание людей с оружием, чтобы Гармадон смог выполнить свою часть. Правда, всё вышло не так, как они планировали. Гармадон не толкнул Тёмного Лорда вниз — он схватил его поперёк, примерно вот так, — Руми обхватила руками воздух и сделала очень сосредоточенное лицо. — а потом полетел с крыши вместе с ним. Он держал его руки, чтобы он совсем не смог

использовать силы, и полетел с ним прямо вниз... Прямо на землю. Ллойд разобрался с Пайтором, а с людьми — подоспевшие вовремя Коул и Зейн. С остальными разбирались Кай, Ния и Морро. И если честно... всё шло прекрасно. Оверлорд был почти повержен, справиться с людьми не вызывало особых трудностей... Но Сторму не прикрыли спину. Когда так нужна была опора, её не стало, и Морро погиб... От удара исподтишка.

Глаза неприятно жжёт, и Дилан скоро их трёт, чувствуя, что готов вот-вот расплакаться. Аж ком застрявает в горле. Харуми сгребает парня в объятья, чтобы утешить, и это помогает. При всей своей тяжести в груди Дилан умудряется вовремя унять тот водопад из слёз, который просится наружу.

— Получается, дядя Морро погиб, потому что *моего отца* не было рядом? — подаёт, наконец, голос Наоми, и у Руми леденеет в груди.

Дилан только оборачивается и сгибает бровь. Наверное, она что-то перепутала. Точно перепутала. Ведь никакой Надакхан ей не отец, с чего она вообще взяла такие глупости? Или её восторг от джина усилился вдвое больше?

— Оми, — нервно усмехается Харуми и встаёт с места, приседая перед девочкой. Та следует её примеру и поднимается вместе с ней. — Ты устала, я права? Уже поздно, скоро ночь. Вам давно пора следом за Генри. Скажи, я выполнила твою просьбу рассказать о Великом Обмане?

— Да, — соглашается бета. После она сонно трёт глаза кулачками, и Руми выдыхает с облегчением: бедняга просто вымоталась за день.

— Самое время в кровать. Пойдёмте, — девушка быстро относит пустую кружку с подносом на кухню и поднимает Уолкер-младшую на руки. Она неспеша идёт с ней к лестнице. Сначала она относит девочку к Джею и Ние в комнату, а уже потом отводит Дилана.

— Спасибо за историю, тётя Руми, — вполголоса говорит Дилан перед

дверьми в комнату мастера огня. Кай там уже вовсю дремлет вместе с Генри, даже слегка похрапывает. Удивительно, но это расслабляет мальчика.

— Добрых снов, Ди. Не проспи свой день рождения.

— Не просплю, обещаю. Спокойной ночи.

Дверь тихонько скрипит. Пробравшись в комнату, Дилан на носочках подходит к кровати и ложится возле папы. Он лежит пару минут, считая овечек, а потом обнимает родителя со спины и быстро засыпает. Завтра ему уже восемь. Он будет взрослым и обязательно совершит много геройских дел.

× × ×

— Уже ночь, милая, — Ния удобнее укладывает дочку между ней и спящим Уолкером. Бета выглядит уставшей: она мирно дышит, а тело почти вмиг становится таким вялым, словно конечности её попросту онемели.

Только девочка не хочет закрывать глаза. Что-то в голове её мучает, треплет мысли, и она не может заснуть.

— Сейчас я желаю, чтобы ты скорее заснула и хорошенько выспалась. Договорились?

Что-то в её светлых глазах незаметно блестит. Мирное дыхание прерывается тяжёлым вздохом, словно у пожилого человека, а потом выравнивается вновь. Как по волшебству.

— Твоё желание... — она зевает и начинает сонно моргать. Медленно, со скоростью улитки. — будет... исполнено... — и скоро засыпает, пока мастер воды заботливо укрывает её одеялом.

thirty. here we go again (2)

Ночью Дилан просыпается и испуганно вздрагивает: рядом кто-то сильно дёрнулся. На секунду это показалось ему больной судорогой.

Папа рядом тяжело дышит и не спеша садится. Похоже, ему приснился кошмар. Обычно, когда плохие сны снились ему или Генри, они только слабо ворочались, хмурились и легко вздрагивали. К счастью, такое случалось нечасто. А с Каем всё, кажется, иначе; он так перепугался, что едва не свалился с кровати. Даже представить было сложно, что во сне могло так напугать взрослого человека. Да что там — героя Ниндзяго.

Мастер огня тихо скользит по кровати на пол. Ещё пару минут он стоит посреди комнаты и соображает, что произошло, а потом усиленно трёт лицо и, шаркая ногами, выходит в коридор.

Наверное, умыться или глотнуть воды.

Дилан чувствует, как от сонливости жжёт глаза. Похоже, он совсем не выспался, а его так резко вытащили из сна. Альфа слабо трёт глаза, но сил и энергии хватает только на то, чтобы перевернуться на бок. Он засыпает с ощущением тепла на месте папы, уложив кулачок на его широкую подушку и натянув на себя одеяло.
Уже где-то между сном о гонках, где он добивается первого места на жёлтой бугатти, и реальностью парень отстранённо улавливает скрип двери. Смит тогда возвращается обратно и, разом накрыв одеялом и Генри, устраивается где-то с краю.

× × ×

День празднования для альфы начинается с десяти утра. На кровати оказывается один Дилан. С первого этажа доносятся разговоры и возня; почему-то от этого с самой невинной детской радостью по телу

проносится волна тепла. Сегодня день Дилана. Сегодня ему восемь лет, и он даже чувствует себя взрослее.

Натягивая шорты, парень соскальзывает с кровати и идёт умываться. В какой-то момент, когда сон окончательно уходит, он вспоминает, как папа проснулся от кошмара. На этот раз внутри зарождается какая-то тревога.

Сразу после водных процедур альфа быстро спускается вниз. С кухни пахнет беконом и фирменным омлетом Зейна. Дилан огибает диван, на котором Наоми на пару с Диланом и Скайлор надувает шары, садится возле них и быстро привлекает к себе внимание. Наоми молча ему улыбается, а Скайлор, раскрыв рот, разводит руки для объятий.
Тётя Скайлор всегда тепло и бережно к нему относилась. Иногда Дилан даже сравнивал её с матерью.

— Доброе утро, именинник, — она щёлкает его по носу. — Как спалось?

— Хорошо. Тётя, не знаешь, куда ушёл папа?

— Ния потащила Кая с Джеем в магазин, за продуктами. Сегодня за блюда на праздничном столе отвечает она, поэтому нашим мужчинам не спастись, — она смеётся. — Он скоро вернётся, не переживай. Как насчёт помочь нам с шарами?

Дилан согласно кивает и устраивается чуть ближе к ним, подтягивая коробку с воздушными шарами. Там оказались самые разные: разноцветные, радужные, с блёстками внутри и нарисованными смешными лицами. В стороне покоился скотч, ножницы и несколько маркеров. В отличии от остальных, белом больше всего наслаждался Генри: он с таким сосредоточенным и счастливым лицом одновременно это делал, что Дилан начал сомневаться, точно ли у него сегодня праздник.

Чен поделилась историями с этой недели в её ресторане. За эти пять лет девушка возымела целую сеть ресторанчиков с лапшой. В

прошлом году она закончила учебный курс по кулинарии и внесла в меню новое блюдо собственного приготовления. Старания дали свои плоды. На данный момент её новый рецепт популярен не меньше лапши. Скайлор призналась, что сегодня с удовольствием его приготовит.
Дилан вынудил её рассказать о ежедневных тренировках вне своего бизнеса. В какой-то момент их разговор перешёл в ещё одну историю из прошлого, про Мастера Чена и его деяния.

После нескольких десятков шаров начинает легко кружиться голова, и Дилан прерывается на омлет на кухне. Жульен встречает его с поздравлениями и рассказами о том, как быстро он будет взрослеть и как близок переходный возраст. В какой-то момент начало казаться, что альфа читает энциклопедию, а не разговаривает с дядей по душам, поэтому он быстро сменил тему.

Пока большая половина команды пропадает в магазинах, Дилан возвращается к дивану. Скайлор отлучается в уборную. Только наедине с Наоми и Генри парень замечает, какая бета сегодня молчаливая. За утро, что он был здесь, она почти не разговаривала. Вид у неё расслабленный, но задумчивый, и это было странно. Обычно Наоми активничает, особенно в беседах с ними.

— Не терпится дождаться вкусностей, — говорит Дилан, устроившись на полу. Наоми только улыбается и разок кивает. — Ты в порядке?

— Да, наверное.

— Ты какая-то… грустная.

— Пока дядя Зейн на кухне и слышит нас, я не могу ничего сказать, — отстранённо отвечает она вполголоса. Ещё пару секунд она связывает шарик без единой эмоции, словно ниндроид, а потом друг улыбается и показывает его Смиту. — Как насчёт улыбочки вот здесь и веснушек, как у папы?

Дилан слегка заторможенно ей кивает, всё ещё повторяя в голове слова

девочки. Что это значит? Что Наоми хочет такого сказать, раз это не должен слышать Зейн? Что-то секретное или плохое? На парня наваливается странное чувство тревоги: такое же чувство было с утра, когда он подумал о кошмаре своего папы. И тревога эта сидит прямо в груди.

Дилан неконтролируемо ёжится и берёт из коробки один шарик. Если ему хотят доверить какой-то секрет, то он подождёт. Дождётся его, а потом Кая, чтобы поинтересоваться, что такого страшного ему приснилось.

Дилану попадается красный шарик, который до этого обслюнявил Генри, и он смешно плюётся, пока младший брат над ним хохочет.

× × ×

К двенадцати часам остальные возвращаются домой.
Кай и Джей несут переполненные пакеты с продуктами, пока Ния сзади, как командир в армии, ими руководит. Они огибают шарики и проходят на кухню. Похоже, на этот день у Нии в планах целый пир, потому что продукты в пакетах больше напоминали запасы на зиму или подготовку к апокалипсису. Пока она взглядом пробегается по списку блюд и рецептам, Смит-старший отвлекается на звонок и уходит в гостиную. Предпраздничную суету решили прервать родители омег, которые соскучились по внукам и вовремя вспомнили о дне рождении одного из них.

Кай включает видеосвязь, и Ния громко здоровается с родителями с кухни, одновременно переговаривая с Зейном насчёт специй.

— Как у вас дела, мам? — мастер огня улыбается при виде матери с виднеющимися кое-где седыми волосками. Майя выходит из их кухни и устраивается на мягком диване.

— Хорошо, Кай. У нас хорошо, — отвечает она. — И где наш

именинник?

Омега садится возле сына и направляет экран в его сторону. Немного растерявшийся Дилан так и сидит сначала с шариком в руках, а потом узнаёт любимую старушку и машет ей.

— Привет, бабушка.

— Ди, мой мальчик. Смотри, ты так быстро растёшь.

— Да ладно тебе, мам, — смеётся Кай. — Две недели назад мы ночевали у вас дома.

— А ну не спорь с матерью, — доносится со стороны наигранно-строгий голос, и к женщине подсаживается Рей, вытирающий мокрое лицо полотенцем. Генри в стороне, кажется, только понимает, что позвонили дедушка и бабушка, и тут же летит к телефону. — С днём рождения тебя, Дилан. Расти самым большим и сильным, как твой папа и дедушка. И как тётя, конечно.

— Спасибо, пап, — громко говорит Ния с кухни. Всё-таки главную силачку в их семье просто нельзя было не упомянуть.

— Ладно, буду расти.

— Деда! — довольно кричит Генри. — Деда, ба!

— Здравствуй, Генри, — улыбается Майя и машет внуку. — Здравствуй, дорогой.

— Здравствуйте, — к телефону подсаживается Наоми, и Кай, заметив лишних зрителей из кухни, шепчет почти одними губами, что не хватает остальных для полного счастья. Было бы смешно на это посмотреть. — Вы же хотели поздравить Дилана.

Женщина смеётся и несколько раз кивает, взмахивая рукой.

— Да, солнце моё, спасибо. Как я могла забыть, — она раскрывает бумажку и сначала с выражением зачитывает какое-то стихотворение о дне рождения. —… И подарок не забудь. Дилан, дорогой. Поздравляю тебя с днём рождения. Желаю тебе всего самого наилучшего! Чтобы сбылись все твои мечты, чтобы на душе всегда было спокойно и тепло. Желаю здоровья и счастья, любви и понимания в жизни. А насыщенной и интересной жизни и желать не стоит. Ты живёшь в семье героев, насыщеннее и быть не может!

— До слёз пробило, мам, — улыбается мастер огня и вытирает невидимую слезу. Генри на коленях Чен заливисто смеётся и повторяет за ним.

— Спасибо большое, бабушка! — благодарит Дилан. Майя шлёт ему воздушный поцелуй.

Всё-таки Дилан обожает свою семью. Обожает за такие моменты, за такое отношение, за то тепло, которое они ему дарят, за заботу. Наверное, окажись он в другой семье, чувствовал бы себя не так хорошо. Жизнь была бы совсем другой. Бабушка права. Более насыщенной и интересной жизни у него и быть не может.

Кай встаёт с места и уходит говорить с родителями в сторону. Дилан снова берётся за шарик, но чувствует ту самую тревогу в груди. Она заполняет все его мысли: не даёт думать о празднике, о подарков, которые ждут его вечером, о праздничном столе, о желании, которое он должен будет загадать. Становится так неприятно, словно он сидит на иголках.
Что-то не даёт покоя. Что-то активно не складывается в голове, не даёт прохода другим мыслям. И знать бы, что именно. Что не хочет отпускать его в этот день, когда он не должен ни о чём волноваться?

Зёленая прядь…
«Когда я вбежал в его кабинет, как ошпаренный, он качал тебя на руках, а ты пускал слюни и тянул его за волосы. Видел бы ты его лицо, Ди. Серьёзное такое… Сосредоточенное и раздражённое одновременно»…

Он качал тебя на руках…

— Мои маленькие друзья, внимание, — громко начинает мастер огня. — Кто-то хочет посидеть с бабушкой и дедушкой?

— Деда, ба! Деда ба! — Генри смеётся и вскидывает руки вверх, выпуская наполовину надутый шарик из рук. Тот издаёт пукающий звук и летит вверх, а потом приземляется прямо около Лорда, заставляя его подскочить.

— Ди, не будешь против? Оми? — Кай подходит к ним и приседает на полу. — Пока мы разберёмся с праздничным столом и развесим миллион этих шариков. Доверяете взрослым?

— Им пойдёт на пользу, — соглашается Скайлор.

— Я буду не против их увидеть, — отвечает Наоми и улыбается. Дилан только согласно кивает. Наверное, будет хорошо, если они освободят здесь место и подождут вечера у бабушки с дедушкой. Так и время куда быстрее пройдёт.

— Класс. Малышня, идём одеваться. Джей, — Кай поднимается с места и поворачивается к другу. — Ко мне на помощь.

— Вас понял, — бета дёргает ладонь к виску, словно отдавая честь, и мужчины идут наверх за вещами.

Дилан улыбается и оставляет шары в коробке. В какой-то момент, когда поднимается с дивана, он смотрит на пол со стороны и замечает, что с шарами они явно переборщили. Троица богатырей оставляет Скайлор одну и дружно поднимается наверх, следом за родителями.
Один шарик Генри всё-таки тащит с собой.

× × ×

Дома у Майи и Рея приятно пахнет освежителем, какой-то выпечкой. Помимо стандартных запахов есть ещё один… какой-то необычный, который каждый принимает по-своему. Для Дилана, например, это родной запах. Запах уюта и защиты, запах семьи, необычного тепла. Запах, к которому хочется возвращаться вновь и вновь. Он буквально подлетает с порога и очень крепко тебя обнимает, обволакивает теплом. Наверное, так пахнут все дома бабушек и дедушек.
Это запах любви. Запах чего-то настолько приятного и родного, что улыбка сама появляется на лице.

На дворе ещё лежит нерастаявший снег. Надёжно укрывает траву, как одеяло. Наоми и Дилан с двух сторон берут Генри за руки и проходят вместе с Каем в дом. От света ясного неба в доме вдруг, кажется, ужасно темно; на самом деле, весьма светло, просто глаза ещё не привыкли. Крохотный коридор ведёт к двум проходам: к гостиной и кухне, а третий уступает место деревянной лестнице. С кухни тут же доносится запах пирога с яблоками, и Дилан, снимая обувь у дверей, в наслаждении прикрывает глаза.

— Мам, пап, юный отряд прибыл. Я ухожу, — громко оповещает мастер огня. Он помогает младшему сыну и Оми стянуть грязную обувь, даёт каждому по звонкой «пять». — Не скучайте, — бросает напоследок и выходит на улицу.

В какой-то момент Дилану становится безумно беспечно. Атмосфера в доме кажется такой дико уютной и приятной, что под ногами будто лежит гора подушек: бери и падай в этот мягкий рай. В такое время и понимаешь, почему так нравится здесь находиться. Здесь просто своя волна. Свой уголок любви и ласки, тепла и заботы (и вкусной еды), из которого почти невозможно выбраться.

Наоми чуть не спотыкается об край ковра, но Дилан заботливо подхватывает её за руку. Девочка всё ещё кажется будто в тумане, но не забывает с благодарностью улыбнуться.

Майя выходит с прямоугольными очками на носу (те смешно

скатываются вниз, когда она опускает голову) и крепко обнимает внуков. На секунду на её лице мелькает такое всемирное счастье, что Дилан смущается. Его бабушка лучше всех остальных умела показывать свою искреннюю любовь.

— Вы голодны? Хотите по кусочку пирога? — спрашивает она и проводит всех на кухню.

— С радостью, ба.

— Вот и чудно.

Она раскладывает тарелки по небольшому столу, накрытому скатертью с нарисованными цветами и ягодами, гремит вилками и ложками в шкафчике у плиты. Только добравшись до ножа, женщина принимается делить пирог по почти идентичным кусочкам.

— Бабушка, — зовёт Дилан. — Где деда?

— Отправила его в магазин. Вы соскучились по дедушке Рею? — смеётся Майя и раскладывает кусочки по тарелкам.

— Не удивительно, — отстранённо говорит Наоми. Усевшись на стульчик, она хватается за края, надувает губы и качает ногами. — Он всегда уходит, когда мы с папой и тётей Нией приходим сюда в гости.

Майя по неосторожности роняет один кусочек на пол. На секунду она замирает на месте, продолжает улыбаться слегка дрожащими губами. Что-то её напугало. Насторожило? Дилан пытается заглянуть в лицо бабушки, а потом вдруг хмурится и поворачивается обратно к девочке. Он тоже заметил, что что-то не так. Ведь никакая Ния ей не тётя.
Майя просыпается, охает и, наклонившись вниз, быстро подбирает кусок с пола.

— Дорогая, ты не устала? — после недолгой паузы спрашивает она.

— Немного, — честно признаётся Наоми. Несмотря на недавний сон,

она правда выглядит какой-то уставшей. — Мы долго надували шарики.

— Не хочешь подняться наверх и отдохнуть? Я принесу вам пирог наверх. Будете чай?

Бета молча с ней соглашается и встаёт с места. Немного сбитая с толку Майя провожает их взглядом, а потом снова возвращается к пирогу.

Дилан выходит самым последним. Пока Наоми, тихо подпевая что-то под нос, ведёт Генри наверх, альфа останавливается на проходе. Кажется, вчера он видел такую же реакцию у тёти Харуми. Такую… напуганную, взволнованную, немного нервную. Обычно Дилан выглядел также, когда случайно что-то ломал. Приходилось здорово потеть, чтобы скрыть от папы хоть что-то; а ведь он зоркий глаз. Вчера же Наоми назвала джина своим отцом, точно. Он вспомнил.

Альфа догоняет Наоми на пороге прошлой комнаты Кая. Ещё с их прошлой ночёвки там лежат два красных спальных мешка, в уголке покоится какая-то настольная игра и запасная раскладушка на случай, если в мешках будет неудобно спать. На столике аккуратно уложена готовая картинка водопада из пазлов. Тогда Ди сам вставил последнюю деталь.
Бета включает свет, чешет голову и пропускает младшего Смита вперёд, к одному из мешков.

— Оми, почему ты назвала Нию тётей? — спрашивает Дилан на проходе. Наоми только загадочно улыбается, опускает глаза вниз. Что-то она скрывает. Неужели это тот секрет, про который она говорила?

— Потому что она мне не мама, — отвечает она так легко и без всякой тяжести, будто эта новость для неё совсем ничего не значит. Это поразительно. Наверное, узнай тётя Ния об этих словах от дочки и простоте, с какой они были сказаны, то сразу расплакалась бы.

— Что? Почему ты так решила? — альфа хмурится и садится возле брата. Тот уютно устраивается у одного из мешков и заразительно

смеётся, когда приземляется на него задним местом. — Это она тебе сказала?

— Нет, Ди, — девочка устало вздыхает и садится на кровать. — Я просто это поняла. Ещё вчера, когда тётя Руми рассказывала про Великий Обман… — в какой-то момент она поджимает дрогнувшие губы и начинает теребить кружевной край своего платья. Глаза блестят, и непонятно, внезапные слёзы это или нет. — Тётя сказала, что Надакхан любил моего папу. Джея. И у меня появилось такое странное чувство…

Дилан подполз к ней ближе. В какой-то момент он начал быстро соображать, что она имеет в виду. Что она поняла ещё вчера, на вечере историй. Поняла и испугала сначала тётю Руми, а потом бабушку.

— Ты подумала, что джин твой отец?

— Вчера ночью, когда тётя укладывала меня спать, я почувствовала силу… Я как будто стала супергероем, — искренне говорит Уолкер и начинает восторженно жестикулировать. — Я почувствовала себя… джином! Настоящим джином в лампе — или как говорил мой папа, «в чайнике», — который может исполнять любые желания людей! Мне захотелось узнать, чего хотят люди. Узнать и исполнить их мечты. Это… это было так круто!

— Может, тебе просто очень сильно нравится Надакхан? — с сомнением спрашивает Дилан. Не сказать, что он не был впечатлён, но как самый старший в их компании он хотел казаться умным, взрослым. В конце концов, ему сегодня восемь.

— Не-е-ет, дослуша-ай, — недовольно тянет Наоми. — Тогда тётя Ния сказала, что желает, чтобы я скорее заснула. И я сказала «твоё желание будет исполнено», прямо как Хан всегда говорил, и сразу заснула!

— Оми, уже ведь было поздно…

— Тогда загадай желание, — вдруг говорит она.

— Что? — удивлённо переспрашивает Дилан.

— Загадай мне желание, и ты поймёшь, что я не вру. Например… — девочка задумывается. — Скажи, что ты желаешь, чтобы тарелка с пирогом оказалась в нашей комнате.

— Оми, это сме…

— Загадай, иначе я съем весь твой праздничный торт!

— Хорошо, хорошо! — соглашается Дилан и взмахивает руками. — Если тебе так хочется, я загадаю. Только потом не расстраивайся, если ничего не получится.

Довольная собой Наоми вмиг расцветает и устраивается на кровати поудобнее. Сердце парня почему-то начинает биться быстрее. Это так грубо, но он нервничает. В груди снова тревожно, снова дискомфортно и неприятно, что он морщится и делает пару глубоких вдохов. Он оборачивается на Генри, который пальчиками перебирает уже рассыпанные по столу пазлы, словно хочет увидеть там поддержку и успокоение, а потом закрывает глаза. Нужно показать, что Оми всё выдумывает. Что это всё её сильная любовь-прелюбовь к джину, и никакой силы у неё на самом деле нет.

— Оми, я желаю, — начинает альфа, и девочка вдруг напрягается. — чтобы тарелка с пирогом бабушки Майи сейчас появилась на этой кровати.

В груди зарождается трепет. Словно сказка, словно какое-то волшебство. Наоми начинает дышать чаще, даже раскрывает рот. Ей кажется, будто она парит. На самом деле, правда, всё ещё сидит на месте, но неизвестное чувство свободы и магии заполняет всё её нутро. Ресницы её едва заметно подрагивают.

— Твоё желание будет исполнено.

На постеленном на кровати одеяле, совсем рядом с Наоми будто лопается хлопушка. В воздух взлетают искры, заставляют Генри застыть с раскрытым от восторга ртом, а Дилана едва не уронить на пол челюсть. Буквально через мгновение искры исчезают, и на кровати покоится та самая узористая тарелка с пирогом без нескольких кусочков.

Девочка радостно вскакивает и хлопает в ладоши. Ещё пару секунд Дилан так и сидит на месте, слушая, как брат уже выходит из лёгкого транса и довольно смеётся, и только потом позволяет себе подползти ближе. Он со всё ещё выпученными от удивления глазами пальчиком трогает верх пирога. Настоящий. И пахнет также, и на ощупь, как самый настоящий пирог. Альфа буквально не верит своим глазам. Как это случилось? Неужели.?

— Я джин, я джин! — от радости Наоми подбегает к Генри и крепко его обнимает. Гамма только смеётся.

— Я зин, я зин!

— Это… это так круто! — признаётся Дилан. В какой-то момент он вдруг слышит со стороны лестницы шаги и додумывается спрятать тарелку с пирогом под одеяло.

Что-то словно дёрнуло его это сделать.

— А вот и чай, — бабушка заносит комнату поднос с тремя чашками чая и тремя тарелками с кусками пирога. Того самого, который сейчас лежит у них под одеялом. — Во что это вы играете?

— Мы играем в джинов, — говорит Дилан. — Исполняем друг другу желания.

— Это отлично, — улыбается Майя, но в глазах её мелькает прежняя взволнованность. — Чуть позже Рей принесёт вам коробки с игрушками. Если что-то будет нужно, бабушка внизу.

Она подмигивает, как обычно делает Кай, и прикрывает за собой дверь. Ещё пару секунд она стоит за дверьми — Дилан слышит лёгкий скрип пола на месте, — а потом тяжело вздыхает и спускается вниз. Стоит ей уйти, альфа вздыхает с заметным облегчением и вытаскивает тарелку с пирогом.

— Оми, я желаю, чтобы ты вернула эту тарелку с пирогом обратно на стол бабушки Майи.

— Твоё желание будет исполнено.

В воздух вновь взлетают искры, и тарелка исчезает, оставляя после себя лёгкие складки на одеяле.

— Это… просто потрясно, — с восторгом выдыхает Дилан. — Оми, ты настоящий джин. Ты правда джин!

— Я же говорила.

Генри хлопает в ладоши, поднимает одеяло, чтобы посмотреть, не спряталась ли тарелка там, а потом с удивлённым лицом идёт к подносу. Наоми только смеётся.

— У тебя осталось всего одно желание, Ди, — говорит она чуть серьёзнее. — Таковы правила всех джинов. Не трать его впустую.

Дилан вдруг замирает, пребывая в прострации. В какой-то момент становится настолько неприятно, настолько некомфортно и волнительно, что он садится на пол и прижимает колени к груди. Сердце так и рвётся из груди. Что-то кажется не так, что-то снова не на своём месте. Ему неуютно и прохладно, у него вдруг мурашки бегут по всему телу. Пока Наоми принимается уплетать пирог, Дилан тихо ойкает и жмурится.

Зелёная прядь…

У тебя осталось всего одно желание… Не трать его впустую…

Очень тяжело, Ди… Знаешь, это как… долго сидеть на стуле без спинки…
Ди, тебя что-то беспокоит?..
Я просто устал…
Но Сторму не прикрыли спину. Когда так нужна была опора, её не стало, и Морро погиб… От удара исподтишка…

Получается, дядя Морро погиб, потому что моего отца не было рядом?..

Получается, дядя Морро погиб, потому что…

Получается… дядя Морро погиб?..

— Морро… — говорит Дилан, медленно просыпаясь от транса, и поднимает глаза на слегка удивлённую Наоми.

— А?

— Я понял, почему мне так нехорошо сегодня, — объясняет он и ощупывает собственную грудь. — Я чувствовал, что чего-то не хватает… Я понял, чего. Мне не хватает отца.

Он вмиг тускнеет. От тяжёлой тоски на душе глаза наполняются слезами. В них горе, в них скука, в них любовь к тому, кого больше нет рядом.
Дилан лгал всем, лгал самому себе, когда думал и делал вид, что давно смерился со смертью отца. Лгал также, как, наверное, и мастер огня. Он пытался показаться сильным, тем, кто никогда не прогибается под напором судьбы и обстоятельств, но так больше не может. В этот день, когда ему исполняется уже целых восемь лет, ему не хватает Сторма. Отца. Не хватает счастливой семьи, которая есть у Наоми. И пускай семья эта искусственная, пускай в ней одни секреты, он бы хотел также. Хотел полноценную, счастливую семью.

Сколько раз он слышал про Великий Обман, сколько думал об этом, а правду от себя не скрыть — когда родной человек в этой истории

героически погибает, у него болит сердце. Он хочет счастья, он хочет подбежать к альфе, прыгнуть ему в руки и крепко обнять. Услышать его голос, потрогать волосы, лицо, поцеловать в щёку. Он хочет увидеть счастье и беспечность на лице Кая, хочет опору ему и всей семье. Хочет, чтобы Морро катал Генри на плечах, чтобы бегал в магазин, чтобы вёл машину вместо Кая и носил их третьи чёрные очки.

Он так хочет… Хочет рядом с собой отца в свои восемь лет, хочет вставить этот последний пазл в картину их семьи.

Он хочет… но он не может. Он просто не может, вот, откуда эта тревога.

Потому что у него нет сил. Ни у кого нет такой силы, чтобы вернуть Морро в семью. Или?..

— Ди, — зовёт друга бета и подсаживается к нему, пока тот усиленно вытирает слёзы рукавом. — Не грусти, Ди. Нельзя плакать в свой день рождения.

Генри замечает поникшее состояние брата, оставляет кусочек пирога на своей тарелке и идёт к нему. Дилан садит его к себе на колени и крепко обнимает. В этот момент хочется ещё больше разреветься.

— Я скучаю, — дрожащим голосом говорит он и шмыгает носом.

— Знаешь, я ведь тоже скучаю по отцу, — начинает Наоми и берёт протянутую ручку Генри в свою. — Я никогда его не видела вживую, а ты видел своего. Он играл с тобой, а мой отец даже не знал, что я смогу родиться. Я не злюсь на папу, что он не рассказал… Папа никогда не делает ничего просто так. Может быть, они поссорились? Я не знаю. Но ты представь, если бы Хан вовремя узнал, что у него будет дочка…

Она на пару минут поднимает мечтающий взгляд в потолок. На самом деле, это правда. Наоми несчастна не меньше Дилана. И хоть у неё

была полная семья (даже кот), она оказалась фальшивой. Ей пять лет её жизни лгали о том, что у него есть мама. И ведь не зря она джин, не зря такая умная и сообразительная: ладе после этого она не стала обижаться или злиться.
А Дилан бы разозлился. Обиделся на враньё, потерял любое доверие, потому что для него это казалось правильным.

Наоми вдруг вздрагивает и хватается за руку альфы, заставляя того подскочить на месте от неожиданности. Даже Генри перепугался.

— Если бы Хан вовремя узнал, что у него есть дочка, Ди, — говорит она. — Ты помнишь слова тёти Руми вчера? Морро погиб, потому что ему не прикрыли спину. Только представь: если бы отец знал, что у него будет дочка, знаешь, как бы он оказался счастлив? Он бы не дал обидеть себя или моего папу. Он бы остался жив, он же такой сильный, а потом бы помог и твоему отцу! Ди, мой отец смог бы поменять историю!

— Ты так думаешь?

— Конечно. Любовь — это самая высшая сила, которая только может быть у человека, — помнишь?

Дилан серьёзно об этом задумывается. В какой-то момент в комнату буквально с ноги заходит дедушка Рей с коробкой игрушек в руках и оставляет её у стола. Он сразу чувствует грустную обстановку среди внуков, поэтому, не медля ни секунды, поднимает альфу на руки и щёлкает по носу.
Мальчик не может сдержать улыбки.

× × ×

— Пап, можно кое-что спросить? — Дилан уводит Кая от длинного праздничного стола в сторону входных дверей.

На столе, похоже, оказались сразу все блюда мира: и жареная курица, и рыба из духовки, и морская капуста, и салаты с крабовыми палочками, с огурцами и помидорами, с шампиньонами и с арахисом, и торт с морковью и шоколадом, и лапша, и тайное блюдо Скайлор, которое до сих пор приводит её клиентов в восторг. Там разные напитки, от сока с газировкой до алкоголя (исключительно для взрослых). Разложенные по кругу плоские тарелки, вилки и ложки, стоящие по маленьким кучкам салфетки, а в самом центре стола — большой шоколадный торт с ягодами (с которого дядя Коул усиленно не сводит взгляда) и восьмью свечами, вколотых сверху. Даже после пирога бабушки Майи Дилан начал есть все вкусностями глазами.
Но сначала нужно было спросить кое-что важное. Очень важное.

Ния с Харуми выключают свет с разных сторон и оставляют две лампы с двух сторон от стола, вовлекая гостиную в уютный полумрак. Генри теребит в руках один шарик и смотрит мультфильм вместе с Уолкером, Наоми вместе с Коулом разглядывает вкусности на столе, Пиксель с Жульеном активно обсуждают что-то на кухне.

После удачной постановки атмосферы в доме Ллойд обнимает Руми и мягко её целует, и Наоми вопит «какая гадость!». Ния только смеётся и поднимает дочку (?) на руки.

Дилану удаётся отвести папу в тихий уголок, и он только раскрывает рот, как мастер огня суёт ему в руки телефон. По видеосвязи он узнает Элис, девушку из офиса Смита.

— Дилан, малыш, — говорит она и приветливо машет ему рукой. Кажется, они идут по улице: связь иногда прерывается на долю секунды из-за ветра. — Мы поздравляем тебя с днём рождения. Желаем тебе счастья и такого же успешного будущего, как у твоего папы.

— Перестань, смущаешь, — шуточно кокетничает Кай и прикладывает ладони к щекам.

— Парень, — к Элис присоединяются Льюис, Бетти и Робби. Первым

говорит Льюис. — Я желаю тебе быть сильным и красивым. То есть, — он морщится, когда Элис толкает его локтём в бок. — ты и так красивый, друг, но в будущем чтобы стал Апполоном, понял?

— Слушайся папу, тёть и дядь. Они плохого не посоветуют, — говорит Бетти и весело ему подмигивает.

— Знаешь что, старик, — на этот раз говорит Робби. — Ты и так самый крутой, самый красивый и послушный сын. Просто будь собой и не бойся показывать себя настоящего людям. Следуй за своими желаниями, и они обязательно сбудутся. С днём рэ, малой.

— Хорошо сказал, Робби. Получишь добавку, — говорит мастер огня.

— Серьёзно что-ли?

— Я пошутил, — усмехается Смит. Роберт отчаянно стонет, и омега издевательски ему подмигивает. — Это за твой чай с солью в четверг.

— Бро, я же не специально! Две одинаковые банки стояли рядом, я случайно перепутал!

— Надо было этикетку читать, умник.

Элис и Бетти смеются.

Мастер огня перекидывается ещё парочкой фраз с «рабочим отрядом», а Дилан от этого только по новой чувствует волнение. Оно подкатывает к горлу, заставляет альфу покрыться мурашками от ожидания. Ожидания чего?.. Наверное, чего-то неизбежного. Сейчас всё зависит только от того, что ему скажет папа.

— Я перезвоню вам. Развлекайтесь, — бросает омега и поворачивается к сыну, что нетерпеливо тянет его за футболку. Он сразу замечает лицо Дилана: тот будто вмиг побледнел, и садится перед ним на корточки, цепляя его руку. — Малыш, в чём дело?

— У меня же сегодня праздник, пап. Поэтому на мой вопрос ты должен ответить честно, — говорит он и поднимает палец вверх.

— Прям честно-честно?

— Честнее некуда.

— Я понял тебя, — кивает Кай и садит сына на своё колено.

— Скажи, пап… Что тебе снилось этой ночью? Мне, например, как вы сражались с дядей Гармодоном… — он поджимает губы и поднимает взгляд. Нужно было только добиться того, чтобы Кай сказал правду. Сейчас от этого тоже немалое зависит.

Смит на какой-то момент отводит глаза, разглядывая одну точку позади альфы. Расслабленная улыбка так и не сходит с его лица, но глаза говорят о многом. О внезапном воспоминании, об испуге посреди ночи. Он буквально зависает на пару минут, а потом чешет нос и поворачивается к Дилану.

— Сказать тебе правду? — переспрашивает омега, и альфа быстро-быстро кивает. — Мне снился твой отец.

Он осторожно поднимается на ноги, растрёпывает волосы старшего сына и не спеша идёт к столу.
В какой-то момент Дилан чувствует, будто взлетает. Взлетает и падает одновременно. В груди рождается трепет, сразу тысяча бабочек, и, он помнит, обычно после такого чувства начинается изжога. Дилан вдруг понимает, что сейчас действительно хочет больше всего: вернуть своего отца. Вернуть Морро Сторма, вернуть Надакхана, вернуть им, ещё совсем детям своих отцов. Увидеть и крепко обнять, сказать те слова, которые вырвались наружу только со слезами и в пустоту.

Дилан хочет вернуть их. Хочет стереть те тяжёлые года для своего папы, стереть ту ложь, которой кормили Наоми. Он желает две счастливые семьи. И в эту минуту он почему-то уверен в том, что

сделает это.

× × ×

Ближе к началу празднования приходит тётя Мисако и дарит Дилану подарок. В этот момент мальчик выглядит по-настоящему счастливым и уверенным в себе. Не столько из-за подарка, конечно, но принял он его достойно. Это оказался завёрнутый в подарочную обёртку самокат: по словам Гармадон, он сможет ездить сам, нужно будет только рулить. Подарок пришлось заносить Ллойду, чтобы лишний раз не перенапрягать мать.

Только позже все уселись за стол. Сейчас это напоминало их Рождество, которое они тоже встречали все вместе. Баккет тогда наряжался в Санту, ловко прятал подарки под ёлку и носил смешную (он говорил, что в добавок и колючую) бороду. Тогда Дилан пожелал какую-то машинку, но сейчас, охваченный тоской и волшебством, он думает, об игрушках не может быть и речи. У него ведь одно желание.

И он не станет тратить его впустую.

— Я хочу поднять этот бокал за моего богатыря, — Кай поднимается со стола и поднимает бокал с вином вверх. — Так как твоей мамочке сегодня официально можно пить, я скажу одно: вы у меня с Генри самые лучшие, — он улыбается сыновьям, и Генри, не задумываясь, переворачивает стакан с соком. — Я правда счастлив, что вы у меня есть. Ди, малыш, я желаю тебе быть тем, кем ты сам пожелаешь. Желаю тебе здоровой жизни и упорства, желаю прийти к своей цели в любых обстоятельствах. Ты у нас сильный и добрый, поэтому я не сомневаюсь в том, что ты вырастешь настоящим альфой. Как дядя Ллойд, как Коул или Зейн. И как… — он запинается. — Как твой отец.

Ния хлопает по его плечу и хвалит брата. Джей активно поддерживает главу семейства хлопками, приподнимается и чокается со всеми. Стаканы громко сталкиваются друг с другом. Они пьют первый раз.

Взрослые закусывают после алкоголя, поэтому тут же обращаются к еде на столе. Мисако и Ния принимаются ходить по кругу и раскладывать всем того, чего они хотят. Коулу, например, шоколадный торт, соседний с главным, Наоми салат и газировку, Ллойду с Джеем курицы, Генри лёгкую лапшу, чтобы потом живот не крутило. Дилан считает, что нужно хоть немного поесть, хотя на данный момент мало что лезет. Он обходится соком и салатом из крабовых палочек, следит за остальными и поддерживает всплывающие диалоги.

Например, о прошлом, о минувших сражениях. Джей напоминал о том, как тренировался с Каем, чтобы предложить Ние официально встречаться. Зейн рассказывал о встрече с Боргом и о его новом изобретении, Пиксель перечисляла функции этого изобретения. Дилан всё сидел на месте и слушал. В какой-то момент он показался самому себе сумасшедшим, подумал о том, будут ли рады этому остальные… Наверное, нет. Наверное, он сделает плохо тёте Ние, сделает плохо кому-то другому, но… разве будет неправильно пойти по дорогу счастливого конца? Разве это не необходимо всем?

Жаль, Дилан ещё не знает, что значит слово «эгоизм», и не может по достоинству оценить свои мысли.
Он сделает всё сам. Он пойдёт на это уверенно и самостоятельно.
Он верит в себя, верит в Наоми, а это главное.

Когда они снова поднимают бокалы, Дилан просится сказать тост. Команда довольно хлопает и замолкает. В какой-то момент у альфы начинает бешено колотиться сердце, и он выравнивает дыхание, перебирая в руках стакан с соком. Наоми с поддержкой ему улыбается.

— Я хочу кое-что сказать и загадать своё желание, — говорит он, и семья одобрительно кивает. — Я просто… Я думаю, что в этот день хотел бы счастья для себя и своей семьи. Хотел бы опоры для каждого, хотел бы побольше правды и искренности, — он останавливается взглядом на мастере молнии. — Сейчас… я тоже счастливый… У меня самая лучшая семья на свете, но мне… Мне этого мало. Я думаю, что наша семья уже не станет такой счастливой. Потому что кое-кого больше не вернуть.

Дилан замечает, как глаза папы искрятся. Он грустно улыбается и показывает родителю класс, надеется, что не заденет его чувства, не обидит. Хотя, наверное, сейчас уже нет смысла об этом беспокоиться.

— Я просто хотел сказать, что мне сейчас больше всего не хватает моего отца. Что без него мне кажется так плохо, как будто… как будто я сижу на стуле без спинки, — он переводит взгляд на Харуми, и она сочувственно сводит брови в переносице. — Свой день рождения я хотел бы провести не только с папой и братом, но и с отцом. Хотел бы, чтобы он покатал меня на плечах, чтобы мы поехали кататься на машине… Чтобы и его подарок стоял за диваном… Без него я чувствую себя очень плохо, — он шмыгает носом и улыбается. Улыбается, чтобы не было слёз, чтобы выдержать это. — Я хотел бы, чтобы ты сегодня улыбался, папа. Улыбался не как обычно, а по-другому… Свободно, наверное. Чтобы тяжёлый пакет с едой за тебя нес отец, а ты бы готовил или отдыхал. И дядя Джей… Я хотел бы, чтобы ты тоже отдыхал, вместе с папой. Чтобы тебе помогал дядя Хан, — говорит он, и Уолкер удивлённо раскрывает рот, в момент будто бледнея.

— Дилан… — после недолгого ступора начинает Ния.

— Что плохого в том, что сегодня я хотел бы видеть своего отца рядом? Я поступаю плохо? — он поджимает дрожащие губы. — Я хотел бы, чтобы Оми тоже увидела своего отца. Чтобы он знал, что у него есть дочь, чтобы он тоже был счастлив, также, как был бы счастлив мой отец, если бы остался жив и узнал, что у него тоже есть сын. Я хотел бы счастья… Я хотел бы, чтобы они сидели с нами, чтобы я слышал о них не только из историй тёти Руми. Я хотел бы…

Он опускает глаза вниз, чтобы унять эмоции. Сейчас альфа буквально на волоске от того, чтобы сильно и громко разреветься.

— Мы столько всего прошли вместе… И сейчас я просто хочу увидеть Морро. Хочу увидеть и дядю Хана, хочу, чтобы мы были по-настоящему счастливы. Чтобы не врали, чтобы просто любили, чтобы

у каждого из нас была опора. Я очень хочу всё исправить. Хочу… хочу счастливую семью, которая есть у всех. И для себя, и для Генри, и для Оми… Для папы и дяди Джея… Я хочу, чтобы всё было хорошо.

— Дилан, откуда ты…

— Оми, я желаю, — громко начинает Дилан, и все буквально впадают в ступор. Девочка тяжело вздыхает и прикрывает глаза. Словно читая его мысли, она улыбается, и по гостиной вокруг стола взлетают искры. Взрослые растерянно поднимаются с мест. — Желаю, чтобы в день, когда Оверлорд собирался убить дядю Надакхана, Надакхан вовремя узнал, что у него будет дочь!

— Дилан!

Искры несутся по кругу, отрезая команду от дома, от гостиной. Наоми вся сверкает, прикладывает руки к груди. Начинается какой-то хаос. Ния пытается докричаться до девочки, остальные в шоке осматриваются по сторонам. Стулья и стол подлетают в воздух, взрослые едва успевают схватиться за стулья. Гравитация исчезает, как в космосе. Дилан ногой упирается в стол и добирается до огромного торта посередине, быстро дует на свечи.

— Оми, нет! Дилан!

— Наоми!

— Твое желание, — девочка открывает полные жёлтого блеска глаза, и всё вокруг замирает.

Под ухо бьёт громкое тиканье часов.

— Будет исполнено.

Свет.

Назад.

Мотор.

× × × × × × × × × ×

Чтож, дорогие друзья.

Это был конец.

В комментариях к части много не скажешь, поэтому я скажу это здесь. Всё, что накопилось за это работу. Я дождалась этого. Дождалась того, чтобы сказать вам всё.

И для начала я бы хотела сказать *спасибо* вам. Мои дорогие, мои хорошие, спасибо за то, что вы есть.

Начнём с того, что я действительно много написала по морраю. Наверное, вы не знали, но до этого аккаунта у меня было ещё два: ViktoriaMoon и ViktoriaMoon2 (не очень оригинально, я знаю). Я писала «Чёртов Морро», писала «Огонь и ветер». Мне стыдно за этот опыт, потому что тогда была не очень сильна как в описаниях, так и во всём остальном. Но я одновременно и горжусь этим. И к чему я это. За всю историю моих аккаунтов читатели Плейофф — самые удивительные и самые лучшие читатели из всех, которых я видела. Я просто… Уфф, всё, сейчас расплачусь.

Буквально под каждой частью вы дарили мне невероятные эмоции. Столько мотивации я чувствовала, столько гордости, столько тепла всего от пары ваших слов. Мне было так приятно слышать каждого из вас… Наверное, силы, которые я вложила в эту работу, стоили того.

Нас 82, и это невероятное число. Это такой шок, что я до сих пор полностью не верю. Почти сотня! Работа папуга и почти сотня лайков? Да ну, нет, боже, такого же просто не может быть.

Эта работа не идеальна. В ней много недочётов. Например, недочёт с Надакханом: герои не должны были помнить его, потому как Джей своим последним желанием стёр всё происходящее в сезоне. С этим я знатно прокололась, но исправлять не было смысла. Я прокололась с Ниндзяго и Ниндзяго Сити, перепутала их местами, вообще забыла, что есть Сайрус Борг — да, настолько долго я не возвращалась к Ниндзяго!

Но я горжусь этой работой. Ею и всеми вами, я действительно безумно вас люблю.

До Плейоффа я писала «За борт», не знаю, помнит ли кто-то. Так получилось, что в моей семье на тот момент случилось горе. Умер дорогой мне человек. Было много стресса, сами понимаете, поэтому на эмоциях пришлось начать с чистого листа. Я правда не надеялась на то, что эта работа так много будет значить. Поэтому я… просто в шоке.

Если бы не вы, не ваша поддержка и ваши отзывы, я бы не старалась так сильно. Теперь вы понимаете, как читатели влияют на писателей.

Спасибо вам ещё раз за всё. За то, что поддерживали меня, что ждали главу, что умудрялись строить свои маленькие теории… У меня, наверное, никогда не было такой аудитории. Таких чудесных заек, которые бы всего парочкой слов дарили мне такую бешеную энергию и мотивацию. Ради таких людей, которые собрались здесь, можно писать дальше.

По поводу этого «дальше». Я планирую писать работу по заявке в конце лета/начале осени, поэтому даже не думайте, что так просто от меня отделаетесь!

Отдельное спасибо моей замечательной бете. На самом деле, бета для

автора —сокровище. Настоящая находка. Она невероятно помогла мне с работой и ошибками, которые я допускала во время глав (целых тридцати!), поэтому уважайте её. Она большая молодчина! Мне было безумно приятно работать с тобой.

И, наверное, под конец вернёмся к финалу.
Признаться честно, мне было очень сложно на него решиться. Я сама не понимала, как умудрялась пихать стекло почти в каждую главу, поэтому я прошу прощения. Всё не должно было быть так плохо! Хотя, наверное, так и должны были строиться отношения врагов — через многие препятствия. Ведь в жизни не бывает легко. И я захотела хорошего конца этой работе. Хорошего и необычного.

Я много советовалась с Софт, чтобы правильно подобрать финал, чтобы он был логичным и более менее реальным, что-ли. Конечно, я могла бы закончить работу финальным сражением, болью персонажей и тяжёлой победой, но я хотела… сбавить напряжение, что-ли? Хотела унять этот масштаб стекла, хотела предоставить его в более мягкой форме. Так и получился открытый финал. Вы можете сами решать, как именно закончится их история после желания Ди: Надакхан может найти себе силы, остаться в живых и помочь Морро и ниндзя. Может быть, у вас получится додумать ветку с нададжеями! Как вашей душе угодно.

И, вроде как, это всё. Я планировала сказать куда больше, но просто забыла) Ещё раз спасибо вам за всё. Плейофф закончен! И мне грустно и весело одновременно это осознавать.
Я вас всех безумно люблю. Целую в плечи, до скорой встречи!